

302

322

Литв

29746

М. ЛИТВИНОВ

ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
СССР

ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ-1957

И. В. СТАЛИН, В. М. МОЛОТОВ и М. М. ЛИТВИНОВ

М. ЛИТВИНОВ

327

Л-64

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР

РЕЧИ И ЗАЯВЛЕНИЯ
1927—1937

2-е дополненное издание

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1937

Данная книга является вторым, дополненным, изданием книги «Внешняя политика СССР», в которой были собраны воедино речи и заявления Народного комиссара иностранных дел, т. М. М. Литвинова. В настоящее издание включены заявления и речи М. М. Литвинова, опубликованные в первом издании, произнесенные им за период 1927—1935 гг., и заявления и речи за период, протекший с момента сдачи в печать первого издания книги до выхода в свет настоящей работы.

В приложении даются некоторые дипломатические ноты М. М. Литвинова за этот период, представляющие принципиальный интерес и трактующие вопросы организации борьбы за мир.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Изданное Государственным социально-экономическим издательством в конце 1935 г. «Собрание речей и заявлений Народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова» под названием «Внешняя политика СССР» в короткий срок полностью разошлось. Настоящее издание является вторым.

Речи и заявления М. М. Литвинова сделались настольной книгой не только советского международного работника: к этой книге обращаются самые широкие круги советских читателей. И это вполне естественно.

Вся история Великой Октябрьской социалистической революции и строительства социализма не могут быть отделены от настойчивой и последовательной борьбы советских республик Советского Союза за мир. Борьба за мир и безопасность народов является основным неотъемлемым принципом внешней политики социалистического государства, основным содержанием гениальной международной политики Ленина и Сталина: от Октября до наших дней эта политика оставалась верной себе.

Многообразны содержание и формы выражения этой могучей неуклонной воли к предотвращению войны: борьба за разоружение, запрет войны, определение нападающей стороны, борьба за коллективную организацию безопасности, пакты взаимопомощи, неделимость мира, усиление Лиги наций как орудия в борьбе за мир и т. д. и т. д. В международной политике и в международном праве зазвучали новые понятия, новые слова, иные методы, проникнутые сталинской диалектикой, убедительностью и прямоотой. Даже буржуазные теоретики были вынуждены признать совершенно исключительный вклад ленинско-сталинской внешней политики в дело международного общения.

Весь советский народ знает, что Максиму Максимовичу Литвинову принадлежит почетнейшая роль глашатая советской

мирной политики. «В плеяде лучших сталинских наркомов он с достоинством и блеском занимает свое почетное место. М. М. Литвинов — знаменосец сталинской борьбы за мир. Проводя в жизнь директивы Центрального комитета нашей партии и советского правительства, он вкладывает в свою работу выдержку и дисциплинированность старого большевика, ум и талант выдающегося государственного деятеля». («Правда» от 17 июля 1936 г.)

17 июля 1936 г. наша партия и вся советская страна чествовала члена ЦК ВКП(б) Народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова в день его 60-летия. В обращении СНК СССР и ЦК ВКП(б) к юбиляру, подписанном тов. Молотовым и тов. Сталиным, тов. Литвинов охарактеризован как старейший деятель большевистской партии, руководитель советской дипломатии, неустанный борец против войны и за дело мира в интересах всех трудящихся. За выдающиеся заслуги в борьбе за мир на посту руководителя советской дипломатии тов. Литвинов был награжден ЦИК СССР Орденом Ленина.

В огромных размерах чествования М. М. Литвинова сказались уважение и любовь советской страны к своему наркому иностранных дел, с величайшим достоинством и блеском представляющему первое в мире социалистическое государство.

Имя тов. Литвинова как сталинского знаменосца мира пользуется огромным авторитетом среди трудящихся всего мира. Оно пользуется уважением даже среди врагов Советского Союза.

Каждое публичное выступление советского наркома иностранных дел само по себе составляет событие большого международного значения. Железная логика, большевистская страстность, реализм, сочетаемые с твердостью, хладнокровием и никогда не покидающим его остроумием, — таковы характерные черты выступлений сталинского наркома иностранных дел, снискавшие ему любовь широчайших масс, справедливо видящих в его речах отражение мощи социалистического государства, воплощение ленинско-сталинской внешней политики.

Международные выступления М. М. Литвинова представляют большой интерес и с ораторской стороны как блестящие образцы большевистского дипломатического красноречия, исполненного ясности, откровенности (что, как известно, не является качеством буржуазной дипломатии), логики и остроумия, беспощадно разящего врагов мира. Отдельные мысли, выражения и определения М. М. Литвинова вошли в международный лексикон (таково, например, широко цитируемое «мир неделим» и т. д.).

Такие речи М. М. Литвинова, как «Ответная речь по поводу нападок на правительство СССР и советский проект конвенции о полном разоружении», произнесенная на засе-

дании V сессии подготовительной комиссии по разоружению 22 марта 1928 г., или речь на IV сессии ЦИК СССР шестого созыва 29 декабря 1933 г., или, наконец, его речь, вызвавшая бурные овации всех делегатов, произнесенная на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов 28 ноября 1936 г., — являются исключительными по их содержанию и форме.

Совершенно справедливо «Правда», характеризуя М. М. Литвинова в связи с его выступлением на Чрезвычайном VIII Съезде Советов, писала:

«...Тов. Литвинову по роду его деятельности не часто приходится встречаться непосредственно с рабочими и колхозниками. У него работа особого свойства. Он встречается больше с дипломатами и министрами буржуазии. Его голос доносится к комбайнерам и сталеварам чаще всего из Женевы, иногда из Лондона и других европейских городов. Но вчера на Съезде т. Литвинов мог убедиться, что его голос очень хорошо знаком рабочим и колхозникам советской страны. Его речи в Женеве всегда имели здесь многомиллионную аудиторию.

...Тов. Литвинов говорил вчера не перед дипломатами. На него смотрели не чуждые и враждебные глаза. Он был среди своих — старый большевик, соратник Ленина и Сталина, среди лучших советских людей. Его речь была, как всегда, проста, ясна, сильна, обаятельна своей правдивостью, искренностью, глубоким чувством достоинства.

...Тов. Литвинов говорил уверенно, спокойно и смело, как дипломат сильной и великой державы. Он говорил, как всегда, остроумно, его речь сверкала юмором, — а юмор — это оружие знающей свое превосходство силы. Фашизм роковым образом лишен юмора».

Дипломатия социалистического государства обладает оружием, которое неизвестно дипломатам буржуазных стран. Это оружие, которым в совершенстве владеет т. Литвинов, — возможность смело, никого и ничего не боясь, называть вещи своими именами. Тов. Литвинов «называет фашизм его подлинным именем, и это вызывает бешенство фашистских правительств и растерянность полуфашистских. Он своим подлинным именем называет предательскую половинчатость претендующих на демократизм правительств и вызывает раздражение комедиантов политики «невмешательства».

Речи М. М. Литвинова — неисчерпаемый вклад в сокровищницу науки о ленинско-сталинской международной политике, политике, построенной на мире, на дружбе народов, подлинной народной политике социалистического государства.

В данной книге, как и в первом ее издании, собраны речи и заявления тов. М. М. Литвинова за период 1927—

1935 г., начиная с первого выступления тов. Литвинова на подготовительной комиссии к конференции по разоружению. Единственным выступлением, не относящимся к этому периоду и включенным в данную книгу, является речь тов. Литвинова на Московской конференции по ограничению вооружений в 1922 г., которая, однако, тесно примыкает к публикуемому в книге позднейшим выступлениям автора по тому же вопросу.

В настоящее издание включены заявления и речи М. М. Литвинова, произнесенные им за период, протекший с момента сдачи в печать первого издания книги до выхода в свет настоящей работы.

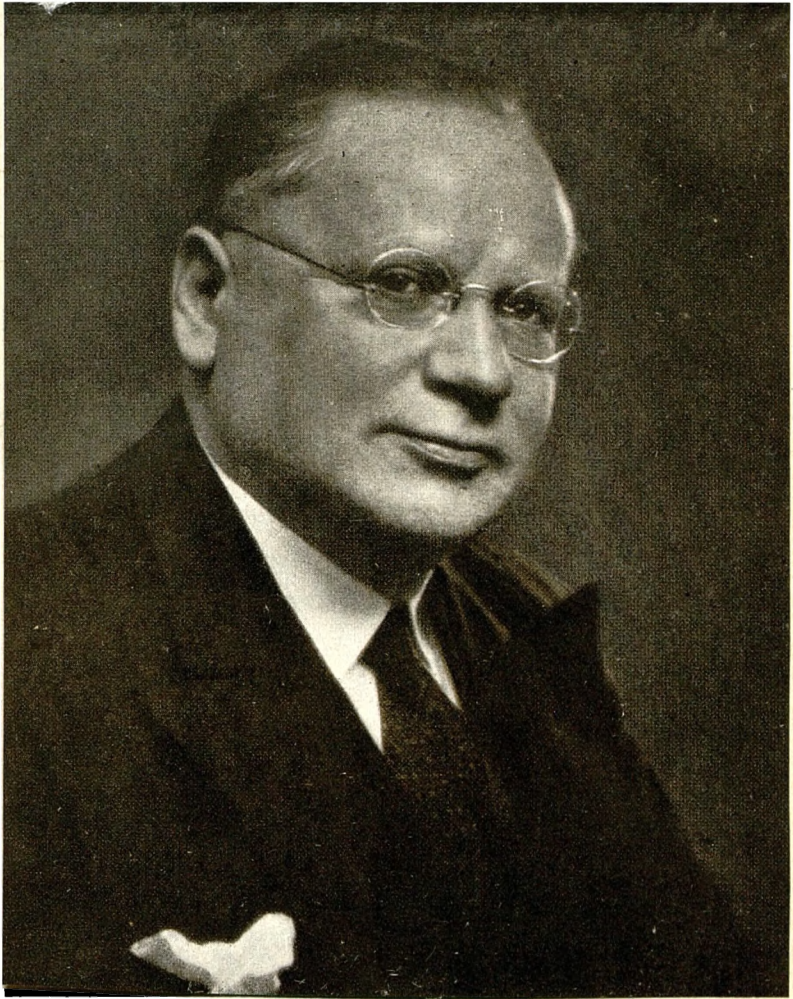
Сюда относятся: его выступления по вопросу о разрыве Уругваем дипломатических отношений с СССР 23 и 24 января 1936 г.; речи, произнесенные им на сессии Совета Лиги наций в Лондоне 17 марта 1936 г. при обсуждении вопроса о расторжении Германией локарнского договора, речи на июльской сессии Совета Лиги наций о реформе Лиги наций и санкциях и на пленуме Лиги в июле и сентябре 1936 г.; три речи, произнесенные в июне 1936 г. на конференции в Монтре. В сборник вошли также речь в Президиуме ЦИК СССР по случаю награждения Орденом Ленина 10 ноября 1936 г., речь на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов 28 ноября 1936 г. и ряд других речей.

Помещенные в книге комментарии (в примечаниях), содержащие некоторые фактические справки, регистрируют важнейшие изменения той обстановки, в которой Советский Союз с неизменной настойчивостью и последовательностью вел свою борьбу за мир, своевременно распознавая угрожающую миру опасность и всегда оказывая свою поддержку тем силам, которые могут ей противодействовать.

В приложениях к книге даются некоторые дипломатические ноты М. М. Литвинова за этот период, представляющие принципиальный интерес и трактующие вопросы организации борьбы за мир.

Весь материал, вошедший в книгу, собран и подготовлен к печати М. А. Плоткиным.

ОСНОВЫ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
С С С Р

М. М. ЛИТВИНОВ

ДОКЛАД НА IV СЕССИИ ЦИК СССР ЧЕТВЕРТОГО СОЗЫВА 10 ДЕКАБРЯ 1928 г.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР ПОСЛЕ ВОЙНЫ

За последний год союзному правительству приходилось проводить директивы высших органов по осуществлению и углублению мирной политики в крайне сложной, напряженной и тревожной обстановке. Как и до мировой войны, так и после нее главными, если не единственными, вершителями судеб международной политики являются так называемые великие или, чтобы было понятнее, я скажу — империалистические державы. Мировая война внесла лишь то изменение в положение, что из так называемого концерта великих держав выбыли государства, побежденные в этой войне, а также Российская империя, превращенная волей ее рабочих и крестьян в Советский Союз, по природе своей не могущий иметь ничего общего с какой бы то ни было империалистической политикой. Новым в положении является еще и то, что империалистическим державам удалось создать весьма могущественный орган, называемый Лигой наций, помощью которого они часто пользуются для осуществления своих целей.

Непосредственно после удачной для них мировой войны и неудачной военной интервенции на территории нашего Союза эти державы были заняты преимущественно залечиванием собственных ран, приведением в порядок внутренних дел, стабилизацией валют и консолидацией одержанных побед, т. е. завершением процесса обезоружения и приведения к полной покорности побежденных стран. Этот процесс закончился сравнительно недавно, и его последней фазой следует считать заключение локарнских соглашений, значительно ограничивших свободу политического маневрирования главнейшего противника этих держав в мировой войне — Германии. Являясь таким

образом увенчанием политики стран-победительниц первого послевоенного периода, заключение локарнских соглашений может считаться в то же время и началом их новой, более активной политики, ставящей себе новые цели, но пользующейся старыми средствами и методами. С окончанием Локарнской конференции совпадает заметное оживление дипломатической жизни капиталистических государств. Оживают дипломатические интриги довоенного образца, намечаются новые объекты, образуются новые политические комбинации, группировки и перегруппировки, военные союзы, и, точь-в-точь как в годы, предшествовавшие мировой войне, политические переговоры постепенно переходят из дипломатических канцелярий в военно-морские штабы, совещания дипломатов чередуются с поездками генералов и адмиралов, и в результате начинают все яснее обрисовываться контуры новой кровавой схватки народов, обозначаются даже возможные театры ближайших военных действий. Наиболее ярким примером такого рода дипломатической работы по справедливости считаются известное англо-французское соглашение и недавние англо-японские переговоры. Участники этого соглашения и этих переговоров официально утверждают, что они совещались лишь по вопросам, имеющим ограниченное значение: Великобритания с Францией — по вопросам, связанным с разоружением, Англия с Японией — о координировании действий в Китае. Приписываемые этим совещаниям более обширные цели опровергаются. Но этим официальным опровержениям и утверждениям не придают веры не только у нас, но и в странах, правительства которых тайно, за спиной своих народов, участвуют в этих дипломатических действиях. Достаточно почитать хотя бы только английскую печать, чтобы убедиться, что мы имеем дело с явлениями весьма крупными, грозными, определяющими на ближайшее время ход событий, который неизбежно ведет к новой мировой войне. Мировая печать гадает лишь, кто явится непосредственными объектами новых военно-политических комбинаций: одни лишь Соединенные штаты Америки или также СССР, а может быть и Италия и Германия.

В зловещем характере этих комбинаций сомнений почти не существует. Ллойд Джордж, который имеет немалый опыт в подобном рода делах, охарактеризовал англо-французское соглашение как «самое зловещее событие со времени мировой войны». Я остановился лишь на наиболее крупных моментах международной жизни последнего времени, которая ими конечно не исчерпывается. Количественно мы имели гораздо больше подозрительных совещаний, конференций, передвижений генералов в странах, более близких географически к нашему Союзу. Они имеют для нашего Союза может быть более непосредственное значение, но они являются производными от отмеченных мною более крупных явлений.

Поглощенное всецело внутренним строительством, советское правительство в соответствии с директивами высших органов советской власти держится вдали от этой дипломатической стряпни и дипломатических интриг, отвергая участие в каких бы то ни было военно-политических группировках. Вместе с тем оно вынуждено зорко следить за развивающимися событиями, вполне отдавая себе отчет в том, что нарушением мира на любой точке земного шара может привести ко всеобщей войне и что, если даже СССР не будет провокационным образом вовлечен в военный конфликт, его экономике, его планам строительства может быть любой войной нанесен существеннейший ущерб. Советское правительство должно, конечно, особенно бдительно следить за участием непосредственных соседей Союза в международных комбинациях и группировках и за всем тем, что может непосредственно задеть его интересы. Стремясь содействовать посылно сохранению всеобщего мира, советское правительство считает поэтому своим долгом разоблачать международные интриги, носящие в себе элементы войны, перед общественным мнением всего мира и в частности перед трудящимися, на долю которых обыкновенно выпадают наибольшие тяготы и жертвы войны.

ВСЕОБЩЕЕ РАЗОРУЖЕНИЕ — ЕДИНСТВЕННАЯ ГАРАНТИЯ МИРА

Наряду с этим советское правительство указывает конкретно тот путь, который ведет к максимальному обеспечению всеобщего мира. Таким путем советское правительство считало и считает немедленное, полное, всеобщее разоружение или хотя бы максимальное сокращение вооружений как первый этап к полному разоружению. Эти принципы нашли свое выражение в представленных советской делегацией в подготовительной комиссии по разоружению при Лиге наций двух проектах — о полном и о частичном разоружении.

Наибольшую услугу делу мира советское правительство оказало уже тем фактом, что благодаря его инициативе впервые в официальном порядке поставлена проблема всеобщего и полного разоружения. Пусть эта проблема сейчас не разрешена, но самая постановка ее будет в огромной мере стимулировать волю и усилия народных масс, направленные к миру.

Вы знаете, товарищи, судьбу упомянутых мною проектов о разоружении, ибо работа советской делегации в Женеве была предметом специального доклада, сделанного мною на одной из предыдущих сессий ЦИК. Проект полного разоружения был отвергнут целиком и без всякой мотивировки. Наше предложение о частичном разоружении положено под сукно, и им Лига наций, повидимому, не занимается. Приблизительные

сроки, намеченные для созыва следующей сессии подготовительной комиссии, давно прошли, а комиссия не обнаруживает никаких признаков жизни. В августе я запросил председателя комиссии, намерен ли он созвать ее и когда, и получил неопределенный ответ, что он сможет принять решение лишь по окончании заседавшего в то время общего собрания Лиги наций и после того, как он проследит за некоторыми событиями.

ВМЕСТО РАЗОРУЖЕНИЯ — ВОЕННЫЕ СОГЛАШЕНИЯ

Общее собрание Лиги наций давно закрылось, а события, на которые намекал председатель комиссии, тоже... закрылись. Под этими событиями надо понимать пресловутые англо-французские переговоры о морском соглашении. Подготовительная комиссия по разоружению решила, что возникающие в ней разногласия между отдельными государствами, в особенности между теми, кто причислен к так называемым крупным державам, должны обсуждаться не в лоне самой комиссии публично и при участии всех членов комиссии, а закулисно, негласно, в дипломатическом порядке. Подготовительная комиссия поэтому любезно согласилась на время перестать существовать и выждать исхода переговоров по поводу разногласий, возникших между крупными морскими державами. В Женеве имела место частная конференция этих держав, закончившаяся безуспешно. Дальнейшие переговоры велись затем лишь между Великобританией и Францией и закончились соглашением, основанным на старом дипломатическом принципе — даю, даешь. В применении к данному случаю это означало, что каждый участник переговоров обязался не настаивать на сокращении вооружений, специально интересующих другого участника. Причем тут разоружение? — вы спросите, — ведь это скорее соглашение о неразоружении. Вы ошибаетесь, это не совсем так, ибо оба участника переговоров согласились на сокращение тех вооружений, которые интересуют государства, не участвовавшие в этих переговорах, и случилось так, что третья морская держава, а именно США, заявила, что такое соглашение для нее неприемлемо. Таким образом, события, от исхода которых зависит созыв подготовительной комиссии по разоружению, закончились фиаско, усилив лишь ранее существовавшие разногласия по морскому разоружению. Я поэтому запросил председателя комиссии, каких еще событий надо выждать, чтобы созвать комиссию, и не пора ли комиссии собраться и решить, имеет ли она право на дальнейшее существование и чем она свое существование заполнит. Если председатель комиссии мне ответит, что между «согласными» Великобританией и Францией и «несогласными» США начнутся, вероятно, новые переговоры, исхода которых он намерен выждать, то народным массам, жажду-

щим мира, придется вооружиться колоссальной дозой терпения. Переговоры между Великобританией и Францией велись в течение пяти месяцев. Чем больше участников, тем переговоры длительнее; стало быть для удачного завершения переговоров с участием Соединенных штатов потребуется еще более продолжительный срок. А если между ними будет достигнуто соглашение, то оно может оказаться неприемлемым для других морских держав, с которыми придется вступить в новые переговоры на новые сроки, возрастающие в геометрической прогрессии. Но всякое групповое соглашение должно поступить на обсуждение подготовительной комиссии, где могут сказать еще свое слово остальные государства, к групповому соглашению непричастные. Конец подобных переговоров теряется в самой туманной дали. Я поэтому предложил в своем письме председателю комиссии отказаться от тех путей, которые заводят комиссию лишь в тупики, и заняться рассмотрением советского проекта частичного разоружения, имеющего то преимущество, что он дает общий, обязательный для всех критерий для сокращения вооружений, делающий ненужными и излишними частые переговоры между отдельными государствами или группами государств. Мое письмо находится уже в пути, и как только оно будет доставлено адресату, оно будет немедленно опубликовано, т. е. через дня два.

Создалось такое положение, при котором Советский Союз, привлеченный лишь в прошлом году к работам Лиги наций по разоружению, которыми она занимается 8—9 лет, является самым активным элементом в подготовительной комиссии по разоружению, добивающимся каких-либо существенных результатов от ее деятельности.

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ РАЗОРУЖЕНИЯ ИЛИ ПАКТ КЕЛЛОГА¹

Наперерез нашим предложениям о разоружении шло тем временем предложение г. Келлога о заключении международного пакта об отказе от войны в качестве орудия нацио-

¹ Пакт об отказе от войны, так называемый пакт Бриана — Келлога, подписан в Париже четырнадцатью государствами 28 августа 1928 г. Советский Союз был приглашен присоединиться к пакту лишь после его подписания. Однако именно СССР первым ратифицировал пакт — 6 сентября 1928 г. Кроме того, исходя из желания ввести пакт в действие возможно скорее, хотя бы в отношениях со своими соседями, СССР предложил последним ввести пакт в действие, не дожидаясь его введения в действие в общем масштабе. Это предложение было осуществлено в так называемом московском, или литвиновском, протоколе, подписанном СССР, Польшей, Румынией, Латвией и Эстонией 9 февраля 1929 г. и введен пакт Бриана — Келлога в действие в отношении перечисленных стран с марта 1929 г. Пакт в общем масштабе был введен в действие лишь с 24 июля 1929 г. В течение апреля 1929 г. к московскому протоколу присоединились также Турция и Литва.

нальной политики. Наше правительство отнеслось критически к этому пакту, отметив его недостаточность и ограниченность. Принцип отказа от войны заключался и в наших проектах пакта о ненападении, которые мы предлагали ряду государств. Но наши проекты шире охватывали вопросы ненападения и не допускали никаких экивоков. Предлагавшиеся нам пакты содержали также обязательство о нейтралитете и неучастии во враждебных группировках и комбинациях. Принятие этих предложений большинством государств нанесло бы могучий удар той системе военно-политических группировок, комбинаций и союзов, которая характеризовала довоенную международную дипломатию, приводящую к мировой войне, и которая, как мною выше отмечено, грозит новыми войнами мирового значения. Тем не менее, усмотрев, что государства, подписывающие пакт Келлога, берут на себя известные моральные обязательства перед общественным мнением в смысле ненападения и что пакт некоторое, хотя и ограниченное, значение имеет, наше правительство колеблясь присоединилось к этому пакту и сейчас же полностью оформило свое присоединение. Наш Союз оказался, таким образом, в числе первых государств, ратифицировавших так называемый пакт Келлога, который до сих пор еще не ратифицирован даже ни одним из 14 государств, подписавших пакт в Париже и считающихся инициаторами пакта. Удивляться отсутствию особой спешности в ратифицировании пакта не приходится тем, кто внимательно изучал историю происхождения этого пакта и соответственную переписку между Соединенными штатами Америки и другими государствами и знает, как упорно этому пакту долго сопротивлялись и что, не считая нашего Союза и некоторых мелких и средних государств, пакт был принят весьма неохотно большинством его участников. Не безынтересно отметить, что пакт до сих пор не ратифицирован еще Польшей, а что касается соседних с нами прибалтийских государств, то ни одно из них, за исключением Литвы, еще не присоединилось к нему.

Мирные шаги советского правительства, как видите, не встречают отклика со стороны остальных государств. Так было в Генуе, так было на созванной нами Московской конференции по разоружению, так было во время предлагавшихся нами пактов о ненападении, так оно есть при предлагаемых нами пактах о разоружении. Более того, наша активность в области мира кое-кому приходится весьма не по вкусу и даже вызывает явное раздражение в некоторых странах. Очевидно мирные усилия советского правительства, идущие вразрез с их политикой, требующей сохранения в неприкосновенности вооружений на нынешнем уровне или даже их дальнейшего роста, не улучшают наших взаимоотношений с этими странами.

ЛОЖНЫЙ ПАЦИФИЗМ ИМПЕРИАЛИСТОВ

Необходимо признать, что наши мирные предложения ставят империалистические страны в довольно затруднительное положение. Им приходится ведь, отвергая наши предложения, платить некоторую дань антивоенным настроениям трудящихся масс и мелкобуржуазных пацифистов. Они не перестают поэтому клясться миролюбием, слово «мир» не сходит с их уст, и так как открыто признаваться в своем нежелании разоружаться политически неудобно, а наших доводов за разоружение покрыть нечем, то они прибегают к заподозриванию искренности наших предложений. Аргумент дешевенький, неубедительный и бьющий мимо цели. Проверить нашу искренность невозможно иначе, как приняв наше предложение, и если бы они были действительно уверены в нашей неискренности, то им для вскрытия ее нужно было хотя бы сделать вид, что они принимают наши предложения.

Но на это они не идут, понимая рискованность такого шага, ибо в душе они знают, что мы-то на разоружение пойдем и от действительной проверки нашей искренности может получиться для них лишь один конфуз.

ФРАНЦИЯ И ВОПРОС О РАЗОРУЖЕНИИ

Впрочем, председатель совета министров Французской республики г. Пуанкаре на-днях сделал такой рискованный вызов.

Он заявил в палате депутатов, что как только будет доказано наше согласие на всеобщее разоружение он «торжественно обязуется последовать нашему примеру». Г-ну Пуанкаре отлично известно, что советским правительством согласие на всеобщее разоружение дано, и дано не в форме случайной реплики, а на открытом заседании международной организации — в подготовительной комиссии по разоружению — перед лицом всего мира. Мы от него тоже требуем не больше, как согласия в такой же форме. Но почему же в таком случае г. Поль Бонкур и другие делегаты Французской республики не только отклонили наше предложение как абсолютно неприемлемое, но очутились в рядах главных застрельщиков и противников нашего предложения в подготовительной комиссии? Если предложение г. Пуанкаре серьезно и искренне, то ему стоит лишь предложить немедленно созвать подготовительную комиссию, и я от имени советского правительства торжественно обязуюсь вновь повторить наше предложение и дать в любой форме наше согласие на полное расформирование Красной армии в соответствии с нашим проектом конвенции. Вот это действительно будет проба искренности. Но я искренне сомневаюсь в готовности г. Пуанкаре проделать этот опыт.

От другого министра Французской республики, г. Бриана,

мы слышали недавно неожиданное и совершенно невероятное, если не сказать больше, заявление, будто препятствием ко всеобщему разоружению является — что бы вы думали? — Красная армия! Я основываюсь на опубликованном в прессе интервью г. Бриана, где он будто бы сказал: «Европейские державы не могут пойти дальше по пути ограничения вооружения, главным образом, потому, что Советский Союз содержит многочисленную и могущественную армию и даже гордится ее боеспособностью». А г. Поль Бонкур на сессии Лиги наций в сентябре тоже сказал, что «судьба разоружения зависит от решений Соединенных штатов Америки и СССР». Что мы гордимся боеспособностью Красной армии — это факт, ибо только благодаря этой боеспособности, в которую мы верим, пролетарское государство существует уже двенадцатый год и может заниматься строительством социализма. Но эта боеспособная армия нужна нам лишь до тех пор, пока ей противостоят могущественные армии капиталистических стран. Уберите, расформируйте эти армии — и у нас не будет надобности в собственной армии. Мы найдем для наших красноармейцев более полезное и производительное занятие, чем военная учеба. Мы это предлагали, а правительство г. Бриана это отвергло и отвергает. Какое же после этого могут иметь значение кивки в сторону нашей Красной армии?

АРМИЯ ФРАНЦИИ И КРАСНАЯ АРМИЯ

Для вящего эффекта г. Бриан счел нужным сказать на общем собрании Лиги наций, — правда, не называя нас из вежливости по имени, — что советская армия увеличивается быстрее, чем в других странах, как в отношении численности людского состава, так и военных материалов. Если бы это соответствовало действительности, то это тоже ни в коем случае не могло бы служить оправданием для отклонения наших предложений о разоружении. Но это утверждение и фактически неверно. Я не стану сравнивать абсолютных численных выражений мощности советской и французской армий, ибо они ничего не доказывают. Ввиду, однако, многократных утверждений о фактическом сокращении французской армии по сравнению с довоенным временем, нелишне будет сообщить вам, что согласно официальным французским данным и справке Лиги наций военные расходы Франции составляли в 1913 г. 349 млн. долларов по паритету, а в 1928 г. 393 млн. долларов. Более убедительной я считаю, однако, следующую справку:

Во Франции приходится военных:		
на 1 000 км ²	666,7, а в СССР	26,5
на 1 км ² сухопутных границ	132,3	31,2
на 1 000 жителей	9,2	3,8
на одну душу населения военных расходов		
приходится во Франции 9,6 долл., а в СССР		2,6 долл.

При обсуждении этой темы не надо забывать следующих обстоятельств: перед войной Франция должна была считаться с могущественной германской армией, насчитывавшей около 800 тысяч человек и представлявшей несомненно угрозу Франции; теперь же эта армия сокращена до 100 тысяч человек. Далее, заключен Локарнский гарантийный договор, обязывающий Великобританию прийти всей своей мощью на помощь Франции в случае нападения на ее восточную границу. Я уже не говорю о союзных обязательствах в отношении Франции со стороны Чехословакии, Румынии, Югославии и Польши. Нам же не приходится рассчитывать на постороннюю военную помощь. Вдоль всей нашей западной границы находятся страны, вооруженные и продолжающие вооружаться и, кроме того, имеющие основание рассчитывать на помощь той же французской армии и, может быть, армий других стран. Сравнивая армии различных стран, необходимо иметь в виду также их характер и структуру, и поэтому нельзя оставить без внимания то обстоятельство, что Красная армия построена, главным образом, на принципе территориальности, что приспособляет ее преимущественно для обороны, а не для нападения. Но над всем этим должно доминировать то соображение, что мы своими предложениями пактов о ненападении и разоружении, как и всей нашей 11-летней политикой, доказали миролюбивый характер наших намерений, в то время как другие страны, отклонив наши предложения, своей политикой достаточно дают оснований сомневаться в их миролюбии в отношении нашего Союза.

ПОЛЬША И СССР

Г-н Бриан, вспоминая о нашей армии, говорил не только о Франции, но и о Польше и Румынии, которые будто бы «не без беспокойства относятся к намерениям России», причем г. Бриан сказал, что это беспокойство ему понятно. Г-н Бриан при этом отметил, что «Польша и Румыния желают поддерживать исключительно мирные отношения с Россией». Я бы желал иметь возможность задать г. Бриану следующие вопросы: чем же он объясняет факт отклонения Польшей всех наших миролюбивых предложений? Почему Польша отклонила наше предложение в 1922 г. о пропорциональном сокращении вооружений Советского Союза, Польши и прибалтийских стран, предложение, которое представляло гораздо больший риск для нас, чем для остальных участников конференции? Почему Польша не приняла нашего предложения о заключении пакта о ненападении, который, несомненно, должен был бы по крайней мере уменьшить ее «беспокойство» в отношении Союза, давая большую гарантию мира, чем пакт Келлога? Польша в свое время объясняла свою негативную позицию в этом во-

просе невозможностью подписания такого рода пакта без упоминания своих обязательств в отношении Лиги наций и без статьи об обязательном арбитраже. Но, подписав недавно келлогвский пакт о ненападении без этих условий, Польша доказала совершенную несостоятельность своей позиции при переговорах с нами. Стало быть против заключения пакта о ненападении были у нее другие соображения. Какие же? Далее, почему Польша систематически уклоняется от заключения торгового договора, начиная переговоры лишь с тем, чтобы их сейчас же сорвать? Торговый договор — не гарантия против нападения, но он все-таки укрепляет отношения между государствами и является поэтому фактором мира. Чем другим доказала Польша свои мирные намерения в отношении СССР: не речами ли воевод, публично развивавших идеи о нарушении территориальной целостности Советского Союза, не торжественным ли чествованием эмигрантов — врагов рабоче-крестьянской Украины, или открытой дискуссией на страницах польской печати вопроса о лишении независимости и порабощении советских Украины и Белоруссии? Пусть нам укажут хотя бы на одно польское предложение, которое можно было бы истолковать как выражение мирной диспозиции польского правительства. Мы не питаем никаких агрессивных чувств, намерений или вождедений в отношении Польши. Мы отмечаем существующие между нами и Польшей корректные отношения, но мы их считаем недостаточными. Мы дали достаточно доказательств наших стремлений к упрочению и углублению этих отношений. Мы эти стремления будем продолжать, ибо мы отдаем себе отчет в том громадном значении, какое имеет для мира не только на Востоке, но и для всеобщего мира улучшение наших отношений с Польшей. Мы только хотели бы получить доказательства наличия у другой стороны желания идти навстречу этим стремлениям. Я позволю себе заверить г. Бриана, что его беспокойство за судьбу Польши, поскольку это зависит от нас, лишено всякого основания. Мы хотели бы лишь быть спокойными также насчет политики Польши в восточной части Европы и в отношении Советского Союза.

СССР И РУМЫНИЯ

Что касается Румынии, то мы в применении к ней дали своей пассивностью наиболее яркое доказательство нашего миролюбия, если учитывать, что до сих пор не разрешен еще вопрос о Бессарабии, находящейся в румынской оккупации. Чередовавшиеся до сих пор в Румынии правительства, отклонив наше предложение на Венской конференции о честном и мирном разрешении спорного вопроса в соответствии с интересами и волей населения Бессарабии, предпочли подготовку разрешения этого вопроса военными сред-

ствами. С этой целью они заключали против нас военные союзы, участвовали в антисоветских комбинациях и поддерживали подготовки к авантюрам петлюровцев и русских монархистов. Такая политика, очевидно, не может привести к разрешению бессарабского вопроса. Будем надеяться, что новое румынское правительство будет искать других путей для достижения соглашения с Советским Союзом.

Основания для беспокойства дает не советская мирная политика, а факты, отмеченные мною из области отношения к нам польского и румынского правительств, непрерывные совещания между генеральными штабами этих двух стран и оживленные сношения их с военными кругами Франции. Вся европейская пресса, не только наша советская, обратила внимание на участвовавшие поездки в ближайшие к нам страны французского генерала Лерона. Мне сделано через французского посла в Москве заявление об отсутствии у генерала Лерона каких-либо официальных миссий. Я не буду оспаривать официального заявления французского правительства, но факт участвовавших поездок генерала Лерона на восток и юго-восток Европы неопровержим, а наша общественность не склонна верить, чтобы генералы развозили оливковые ветви, и поэтому ее беспокойство вполне понятно.

НАШИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ФРАНЦИЕЙ

Мы сожалеем, что г. Бриан вспомнил о нас лишь в связи с нашей армией, которая меньше всего может и должна причинять беспокойство Франции. Я уверен, что г. Бриан не приписывает нашему Союзу ни малейших неприязненных чувств или намерений в отношении Французской республики. Ему не может быть безызвестно, что с нашей стороны нет решительно никаких препятствий к установлению самых дружественных отношений с Францией и что между СССР и Францией индивидуально не существует ровно никаких противоречий политических интересов и что поэтому они меньше всего должны были бы интересоваться армией другой стороны. Мы предпочли бы, чтобы г. Бриан вспомнил о предложенном нами в свое время пакте о ненападении, о ждущих ответа предложениях, сделанных больше года назад Раковским для урегулирования вопросов, в которых заинтересованы широкие французские круги. Мы предпочли бы вместо навязанной нам полемики на военные темы беседовать с г. Брианом о заключении торгового и других соглашений, которые стимулировали бы экономические отношения между обеими странами. Мы хотели бы, наконец, чтобы г. Бриан был лучше информирован о наших намерениях и стремлениях, и тогда он, может быть, не делал бы тех выпадов по нашему адресу, о которых я вам, товарищи, только что докладывал.

Немалое сопротивление оказывает нашим мирным усилиям консервативное правительство Великобритании. Наши предложения о разоружении, разоблачения нами империалистических интриг Великобритании сыграли, вероятно, некоторую роль в том обстоятельстве, что до сих пор не восстановлены отношения с Великобританией. Полтора года прошло уже со времени разрыва отношений, и британское правительство, как и английский народ, имеет уже возможность подвести итоги результатам, которые этот разрыв принес Великобритании. Если, как имеются основания предполагать, консервативное правительство стремилось разрывом: 1) привести СССР в такое материальное положение, при котором ему можно было бы продиктовать новые условия, 2) нанести удар престижу СССР на Ближнем Востоке и 3) дать пример другим государствам с целью полной изоляции СССР и нанесения ему сокрушительного удара — то можно теперь констатировать, что ни одна из этих целей не удалась. Мы так же не склонны теперь соглашаться на неприемлемые для нас и навязываемые условия, как и до разрыва. Материально мы от разрыва меньше пострадали, чем сама Великобритания, что доказывается тем фактом, что мы не использовали тех торговых возможностей и кредитов в 15 миллионов фунтов, которые были нам предоставлены мощной английской банковской группой и были в нашем распоряжении и после разрыва. А не использовали мы их отнюдь не вследствие бойкотирования Великобритании, а потому, что находили лучшие возможности в других странах, а также потому, что отсутствие юридической базы и неопределенность и тревожность политических отношений заставляли нас из осторожности избегать таких длительных сделок с английскими фирмами, от которых зависело наше плановое строительство. Что касается наших отношений со странами Ближнего Востока и с Турцией, то они никогда не были так хороши, как в настоящее время. Пример же разрыва отношений, данный консервативным правительством Великобритании, не оказался заразительным для других стран, и баланс наших отношений с внешним миром, за исключением Англии, остался тем же, что и до разрыва. Результатом разрыва оказались лишь серьезное нарушение торговых интересов значительных кругов английских промышленников и усиление напряженности всего международного положения и военного фактора.

В речах некоторых представителей Великобритании за последнее время заметны уже проблески сознания ошибочности и безрезультатности разрыва с точки зрения английских интересов. Мы приветствуем эти проблески, так как не мы стреми-

лись к разрыву с Англией. Мы никогда не скрывали своего желания поддерживать и развивать отношения со всеми странами без исключения, в том числе и с такой индустриально развитой страной, как Великобритания. Когда английские министры, оправдываясь в упреках по поводу длительного отсутствия отношений между двумя огромными государствами, говорят о необходимости инициативы с нашей стороны, они забывают, что в наличии у нас желания восстановления сношений сомневаться нет оснований, между тем как мы остаемся в неизвестности относительно того, насколько серьезно изменились те настроения консервативного правительства, которые в свое время продиктовали разрыв. Советское правительство в весьма малой мере считается с вопросами формы и этикета и поэтому в моем лице взяло даже на себя в Женеве инициативу выяснения этих настроений, но в состоявшейся беседе со мной г. Чемберлен вместо разговоров о перспективах завтрашнего дня предпочел говорить о вчерашнем дне, вследствие чего продолжение разговоров стало бесполезным. Когда же английские министры, отвечая членам парламента, требующим возобновления отношений, изображают наш Союз как разваливающийся дом, к которому опасно приближаться, то это надо расценивать лишь как предвыборный маневр, имеющий целью оправдать разрыв задним числом и парировать упреки, которые могут быть направлены по адресу консервативного правительства при предстоящей избирательной кампании. Само английское правительство, я уверен, отлично осведомлено о действительном положении вещей в нашем Союзе и знает, что оно ни в малейшей мере не соответствует сравнению с обваливающимся домом. Советское правительство переживает еще не одно британское правительство. На всякий случай мы считаемся с возможностью продолжения старой враждебной линии консервативного правительства в отношении СССР со всеми вытекающими отсюда последствиями.

ПОДГОТОВКА ВООРУЖЕННОГО НАПАДЕНИЯ НА СССР

Нас часто упрекают в создании призраков несуществующих антисоветских блоков, в преувеличении и раздувании грозящих Союзу опасностей, в излишней доверчивости к сообщениям об антисоветских планах и приготовлениях. Конечно, не все подобные сообщения заслуживают одинакового доверия и внимания, не все доходящие до нас слухи могут быть точно и документально проверены. Мы допускаем даже, что немало слухов пускается в явно дезинформаторских видах или с целью запугивания нас. Но того, что нам известно на основании неопровержимых сведений, документальных данных и на основании собственных признаний в официальных выступлениях самих наших врагов, вполне достаточно для того, чтобы

получить ясное представление о тех опасностях, которые грозят нам извне. Борьба против нашего Союза никогда не прекращалась, она принимала лишь различные формы соответственно меняющейся обстановке. Вчера — интервенция и полная блокада, сегодня — попытки бойкота и изоляции, завтра — может быть, опять интервенция или война. Происходит это оттого, что некоторые капиталистические страны до сих пор не ассимилировали еще идеи сосуществования двух социальных систем: капиталистической и социалистической. Своей первейшей задачей они продолжают считать уничтожение единственного пролетарского государства, где власть впервые целиком принадлежит рабочим и крестьянам. Лицемерием являются их торжественные заявления о том, что они, будто бы, не возражают против того, чтобы рабочие и крестьяне внутри СССР строили свою социально-политическую систему, по своему желанию, лишь бы они не вмешивались в дела других стран, которые подчинены-де другим законам социального развития. Вся политика подобных стран до настоящего времени была и, вероятно, еще долгое время будет сплошным вмешательством в наши дела, стремлением воспрепятствовать извне строительству социализма. При таком отношении к Советскому Союзу насмешкой звучат предложения о том, чтобы мы свои существенные споры с другими странами передавали на разрешение заведомо враждебных нам организаций или лиц. Что мы сами против арбитража вообще принципиально не возражаем, доказывается тем, что по некоторым вопросам, как, например, концессионный, мы уже теперь передаем споры на решение арбитражных судов. Мы полагаем, однако, что арбитраж может в огромном числе случаев быть заменен процедурой согласительных комиссий, не позволяющих внезапно возникающим конфликтам принимать грозные формы военных столкновений.

СССР И ГЕРМАНИЯ

Наряду с отмеченными странами имеются другие капиталистические государства, которые давно уже пришли или постепенно приходят к убеждению в возможности и выгоды сотрудничества с пролетарским государством, несмотря на его социально-политические особенности. Предоставляя историческому процессу разрешение состязания между обеими системами, они устанавливают с нами нормальные и временами даже дружеские отношения, извлекая для настоящего дня всю политическую и экономическую выгоду, возможную от сотрудничества со 140-миллионным государством. Наиболее ярким примером такого государства является Германия, которая поддерживает в течение семи лет и укрепляет свои отношения с Советским Союзом. На уничтожение этих отношений на-

правлены усилия тех государств, которые не захотели или не смогли установить с нами таких же отношений. Эти усилия могут иметь иногда временный успех, примером чему служат некоторые враждебные шаги отдельных органов германской власти и германской общественности, как, например, присоединение группы немецких банков, в нарушение Раппальского договора, к международной ассоциации кредиторов. На подобные шаги нам приходится соответственно реагировать, но общие взаимоотношения между обоими государствами от этого не страдают. Международная жизнь последних лет показывает, что силы, направленные на отрыв Германии от Советского Союза, могут предлагать ей в компенсацию лишь посулы и обещания, выполнение которых несомненно ни с их общей политикой, ни с сохранением в неприкосновенности положения вещей, созданного Версальским и другими мирными договорами послевоенной эпохи. Эта истина проникает все глубже в сознание широчайших общественных кругов Германии. Происходящие в настоящее время в Москве советско-германские переговоры указывают на обоюдное стремление к продолжению и расширению экономического сотрудничества с полным учетом политических и экономических особенностей обеих стран. Это сотрудничество имеет прочную базу, в Раппальском и Берлинском договорах.

НАШИ ОТНОШЕНИЯ С США

С большим удовлетворением мы констатируем неуклонно быстрый рост наших экономических связей с США. Это государство является, может быть, наиболее ярким выразителем общих интересов капиталистического мира, тем не менее мы должны по справедливости отметить, что в числе правительств, интригующих против нашего Союза, правительства Соединенных штатов мы до сих пор не находили. Мы не забываем, что в трудную для нас годину голода американский народ оказал нам щедрую помощь в лице организации АРА, возглавлявшейся тогда будущим президентом Соединенных штатов г. Гувером. Хотя Соединенные штаты в течение многих лет чуждались нас, тем не менее там пробивает себе уже путь сознание необходимости и возможности выгодного оплодотворения экономических возможностей Союза финансовыми ресурсами и достижениями высокой техники Америки. Ни в одной стране не были так сильны одно время предрассудки против нашего Союза, нигде не распространялось столько небывлиц и нелепостей про наш Союз, как в Америке. Это и неудивительно, ибо, в то время как враждебно настроенные в отношении Советского Союза и зачастую щедро оплаченные агитаторы не только из среды американцев, но и других национальностей, и в первую очередь контрреволюционные эмигранты, имели

там совершенно свободное поле деятельности для антисоветских кампаний, — советским людям был закрыт — отчасти еще и теперь закрыт — доступ для противодействия этой кампании и для делового информирования общественного мнения Америки о положении дел у нас. Отмеченному мною изменению отношений значительно содействуют все более учащающиеся приезды к нам представителей финансового, торгово-промышленного и интеллектуального мира Америки, которые получают возможность воочию лично убедиться во вздорности тех рассказней о советском государстве, которыми питалась столько лет Америка. Можно безошибочно сказать, что 99% отзывов американцев, посещающих нашу страну, весьма нам благоприятны. Красноречивее, однако, всяких отзывов говорят факты и цифры, а именно неизменное повышение экспорта Соединенных штатов в СССР, рост использования нами технических сил Америки и скрупулезная пунктуальность в соблюдении нами принятых на себя обязательств. Нельзя, конечно, скрывать, что это экономическое сотрудничество в значительной мере страдает от отсутствия под ним легальной базы, от отсутствия официальных отношений между правительствами обеих стран. Ссылки британских министров на пример такого сотрудничества в доказательство возможности его и при отсутствии нормальных отношений являются софистикой. Экономические отношения в некоторой мере возможны и с самыми враждебными нам государствами. Мы вели и ведем некоторую торговлю с Англией и после разрыва, но неумолимые цифры ввоза и вывоза, которые вынуждены приводить члены английского правительства в парламенте, указывают на ту угрожающую понижающую тенденцию в экономике, которую принес с собой разрыв. Нетрудно поэтому догадаться, что, как бы ни были удовлетворительны наши нынешние экономические отношения с Соединенными штатами Америки, они выросли бы вдвое, втрое и больше в случае установления нормальных отношений. Кроме того, британские министры делают вид, будто бы, не замечают разницы между неустановлением нормальных отношений и прекращением их там, где они уже существовали, не замечают того политического антагонизма, который возникает после разрыва и не может не отражаться и на экономических отношениях.

Когда мы говорим об официальных отношениях, мы имеем в виду не одно юридическое признание. Нас, например, мало интересует чисто адвокатский, дебатлируемый в Америке, вопрос: означает ли подписание нами совместно с американским правительством международного пакта признание? О такого рода признании можно было говорить в первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции, но на двенадцатом году своего существования государство не нуждается больше в словесном индивидуальном признании. Один-

надцать лет существования одного и того же правительства во главе 140-миллионного народа, занимающего шестую часть мира, есть сам по себе объективно общепризнанный факт. Разговоры о признании советского правительства теперь лишь смешны. Признание может иметь значение как создание легальной базы, когда оно сопровождается обменом представительств и установлением того официального общения, которое абсолютно необходимо для правильного поддержания и развития как политических, так и экономических отношений. Мы никогда не скрывали своего сожаления по поводу отсутствия у нас официальных отношений с заатлантической республикой, с которой у нас не существует и не предвидится никаких конфликтов. Отмеченные мною обстоятельства создают благоприятные предпосылки для разрешения некоторых существующих спорных вопросов в случае согласия обеих сторон вступить в непосредственный контакт.

ТУРЦИЯ И СССР

В числе отрадных явлений нашей внешней политики нельзя не отметить установления самых сердечных отношений и тесного контакта с Турцией. Чуть ли не каждый день приносит нам новые доказательства неизменности и прочности этих отношений и крепнущего взаимного желания обеих сторон к дальнейшему развитию этих отношений.

СССР И ИТАЛИЯ

Примером возможности существования нормальных и весьма корректных отношений, несмотря на различие социально-политических систем, являются наши связи с Италией, не дающие почти никаких поводов для существенных взаимных жалоб, при всей противоположности существующих в обеих странах режимов.

СССР И СТРАНЫ ВОСТОКА

То же можно сказать о наших отношениях с нашим заокеанским соседом — Японией. Нормально развивающиеся между обоими странами торговые и иные экономические отношения говорят об их обоюдной выгоде. Заключение рыболовной конвенции создало необходимую базу для участия японских фирм в эксплуатации наших рыбных богатств на Дальнем Востоке в соответствии с нашими законами и нашими интересами.

Мы, к сожалению, отмечаем, что Китай еще далек от того, чтобы освободиться от враждебных ему внешних сил. Нанкинское правительство в ущерб интересам китайского народа продолжает политику Чжан Цзо-лина того периода, когда

произошел налет на советское полпредство, повлекший за собой разрыв отношений.

Посещение нашей страны прошлым летом афганским падишахом послужило к приданию весьма прочного характера нашим и ранее дружественным отношениям с Афганистаном. С большим интересом и симпатией следим мы за проводимыми в стране прогрессивными реформами.

Заключение торгового и ряда других соглашений расчистило путь для дальнейшего развития наших дружественных отношений с Персией.

Как я уже имел случай отметить в своем настоящем докладе, отношения наши со странами Ближнего Востока и Турцией никогда еще не были так тесны и дружественны, как в настоящее время.

ПРИБАЛТИЙСКИЕ СТРАНЫ И СССР

Никаких изменений не претерпели наши отношения с прибалтийскими соседями — с Латвией, Литвой, Эстонией и Финляндией, если не считать заключение торгового договора с Латвией, приведшего к общему улучшению наших отношений с этой республикой. Мы не можем не интересоваться живейшим образом судьбой этих пограничных с нами стран, в особенности ввиду их расположения на наших главнейших путях на Запад. Мы внимательно следим за сохранением этими республиками полностью формально и фактически своей независимости и самостоятельности и за тем, чтобы самоопределение в применении к ним никем не толковалось по-балкански. Особое внимание мы вынуждены уделять той борьбе за независимость, которую ведет Литовская республика, с которой мы находимся в неизменно дружеских отношениях. Мы следим за развитием польско-литовских споров, содействуя, поскольку это от нас зависит, их мирному разрешению. Достигнутое на последней Кенигсбергской конференции соглашение по одному из этих спорных вопросов, хотя и незначительному, позволяет надеяться на такие же благоприятные результаты в случае продолжения и по другим вопросам прямых и непосредственных переговоров между обоими государствами без вмешательства посторонних влияний и без принуждений.

ОТНОШЕНИЯ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ ЕВРОПЫ

Никаких существенных изменений не произошло также в наших отношениях с другими государствами, с которыми мы имеем нормальные отношения: Австрией, Швецией, Норвегией, Данией и Грецией. С Швецией заключено дополни-

тельное соглашение, создавшее легальную базу для торгпредства, которая, как практика в целом ряде стран показала, является абсолютно необходимой для беспрепятственного развития торговых отношений. Переговоры ведутся также о заключении торгового договора с Грецией.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ МИР

На двенадцатом году жизни советскому правительству^{*} приходится, к сожалению, отметить отсутствие полных нормальных отношений или даже каких бы то ни было отношений с рядом европейских стран. Среди них есть такие, которые имели значительные денежные претензии к Советскому Союзу, вытекающие из революционных декретов. Они рассчитывали непризнанием вынудить желательное им удовлетворение этих претензий. Я полагаю, что они имели уже достаточно времени, чтобы убедиться в недействительности этой меры давления, а также в том, что, лишая себя естественной доли участия в экономических отношениях с нами и вытекающих отсюда выгод, они совершают акт так называемой японской мести. Есть и такие страны, которые, не имея никаких претензий, все же не установили отношений с нами, несмотря на то, что на это их должны бы толкать собственные политические интересы.

Факт установления нормальных и даже дружеских отношений со множеством капиталистических и полукapиталистических государств указывает на небезнадежность усилий, направленных к дальнейшему расширению этого процесса. Нет никаких объективных препятствий к установлению таких же отношений со всеми прочими государствами и к улучшению существующих отношений там, где это требуется и возможно. Есть только искусственно выдвигаемые препятствия. Невмешательство во внутренние дела других государств не только провозглашено нами, но и доказано примером наших отношений с Германией, Италией и другими государствами, которые никогда не имели повода жаловаться на нарушение нами этого принципа. Кто говорит о нашем вмешательстве или пропаганде, тот создает лишь искусственные препятствия или пользуется ими лишь как предлогом для оправдания своей враждебности к Советскому Союзу, диктуемой совершенно другими причинами, либо же прибегает к этому средству для внутренней борьбы. Одним из таких искусственно или сознательно создаваемых препятствий является периодическое повторение и распространение легенды о наших затруднениях, о мнимых кризисах, катастрофах, восстаниях и о приближающемся конце советской власти. Зачастую такого рода кампании служат для прикрития собственных внутренних язв и для отвлечения внимания от неурядиц, от социальных конфликтов в собствен-

ной стране. Подобная кампания ведется в широких размерах как раз в настоящее время, когда используются наша самокритика, допущенная нами в размерах, немыслимых в какой-либо другой стране, наши собственные указания в прессе и речах на наши недочеты, на наши затруднения, которых мы сами не скрываем, на что не решается ни одно правительство капиталистических стран. Признаваемые нами затруднения подвергаются в иностранной буржуазной прессе искажениям и преувеличениям до гомерических размеров. Вся наша действительность отображается там, как в кривом зеркале. Это положение искусно используется антисоветских дел мастерами, которые сами отлично понимают, отлично информированы, что недород в той или иной части огромного Союза, временная нехватка того или иного сорта зерна, временная недоставка его в тот или иной район — никакими катастрофическими последствиями нашему государству с его богатейшими ресурсами угрожать не могут. Они не могут не знать также, что наши временные затруднения вытекают иногда из сознательного форсирования нами темпа строительства, заставляющего нас жертвовать удобствами сегодняшнего дня для более быстрых и высоких достижений завтрашнего дня. Понимая это сами, они, однако, пользуются невежеством и неосведомленностью своих слушателей и читателей и беззастенчиво говорят об «обваливающемся» доме для оправдания своего бездействия или противодействия движению в пользу установления лучших отношений с нашим Союзом.

НАША БОРЬБА ЗА МИР, ЗА ВСЕОБЩЕЕ РАЗОРУЖЕНИЕ

Все эти махинации наших противников не заставят нас свернуть с того пути, по которому мы уже двенадцатый год идем уверенным шагом к намеченной нами цели. Нам были и остались чужды какие бы то ни было завоевательные и агрессивные цели. Мы не собираемся ни на кого нападать, а, наоборот, будем попрежнему и даже с новой силой продолжать нашу борьбу за мир и разоружение. Мы ведем эту политику мира не вследствие слабости или в силу сентиментального пацифизма, а потому, что она присуща самой природе советской власти, она соответствует интересам нашего строительства и интересам широких трудящихся масс всего мира. Но пока наши настойчивые предложения разоружения или частичного сокращения вооружений отвергаются, мы не должны и не станем ослаблять свою обороноспособность перед лицом вооруженных до зубов капиталистических стран, продолжающих вооружаться и совершенствовать свои вооружения, используя свою высокую индустриальную технику. Мы не будем этого делать, дабы в том случае, если кому-либо вздумается,

поверив басням о нашей мнимой слабости или затруднениях, напасть на нас, наша Красная армия могла оправдать заслуженно приобретенную ею репутацию боеспособности, дабы эта схватка превратилась действительно в «последний и решительный бой».

(„Мирная политика Советов“, Огиз, 1929 г.)

РЕЧЬ ПЕРЕД ПОДПИСАНИЕМ МОСКОВСКОГО ПРОТОКОЛА 9 ФЕВРАЛЯ 1929 г.

С большим удовлетворением я от имени правительства Союза ССР приветствую в вашем лице, гг. министры, уполномоченных Эстонской и Латвийской республик, Польской республики, королевства Румынии, собравшихся здесь по приглашению союзного правительства для подписания протокола о досрочном введении в действие во взаимоотношениях между нашими государствами обязательств Парижского договора 1928 г. об отказе от войны в качестве орудия национальной политики.

При возникновении идеи о протоколе, которая относится чуть ли не к моменту присоединения Союза к пакту Келлога, союзное правительство предполагало обратиться с предложением о подписании протокола одновременно ко всем своим западным соседям. Это возможно было бы лишь тогда, когда все соседи Союза стали бы формально участниками Парижского пакта. В ожидании наступления этого момента союзное правительство откладывало свою акцию в течение нескольких месяцев. Когда, однако, оказалось, что присоединение соседей Союза к пакту Келлога происходит несколько медленно, союзное правительство сочло себя вынужденным обратиться сперва к тем из соседних государств, которые уже пакт Келлога приняли, с предложением о немедленном подписании протокола, с тем чтобы к нему впоследствии могли присоединиться остальные соседние или даже не соседние государства, которые этого пожелали бы.

Я позволю себе выразить от своего и от вашего имени надежду на то, что в самом непродолжительном времени участниками протокола станут и те соседние государства, которые по тем или иным причинам не делегировали своих представителей на сегодняшнее подписание протокола. Позднейшее присоединение к протоколу дает те же права и возлагает те же обязательства, какие вытекают из протокола для первоначальных его участников.

Подписываемый нами сегодня документ является международным актом особого рода, можно даже сказать, беспрецедентным в истории. Участники его в силу самого документа не берут на себя никаких новых обязательств, а лишь обязываются скорейшим образом ввести в действие обязательства по

другому документу. Но это обстоятельство отнюдь не умаляет значения документа в качестве международного акта.

Те положительные моменты, которые заключаются в принятом нашими странами пакте Келлога, приобретают сугубое значение и смысл в результате подписания протокола. Отказ от войны осуществляется нашими странами раньше, чем другими государствами, но этим далеко не исчерпывается смысл протокола. Когда государства, уже принявшие на себя обязательства об отказе от войны по всеобщему международному договору, торжественно заявляют и скрепляют это новым международным актом, что, не дожидаясь вступления этих обязательств в силу между всеми нациями мира, они решили в отношении ограниченной группы стран ввести эти обязательства немедленно, — они в отношении этих стран берут на себя двойные обязательства мирного характера. Каждый из участников протокола в отдельности берет на себя перед всем миром заботу об охране мира, поскольку это от него зависит, на определенном географическом участке, и чем больше опасений этот участок раньше вызывал, тем значительнее наша сегодняшняя акция.

Что касается союзного правительства, то его предложение о подписании протокола является лишь звеном в длинной цепи его усилий в направлении всеобщего мира и в частности мира на востоке Европы. Оно считает наиболее серьезной гарантией мира разоружение, которое оно предлагало и предлагает всем народам. Только разоружение является действительно гарантией моральных и формальных обязательств о сохранении мира по международным соглашениям. С другой стороны, каждое такое международное соглашение имеет эффективное значение, поскольку оно содействует скорейшему осуществлению идеи разоружения. Руководимое этими соображениями, союзное правительство в свое время присоединилось к пакту Келлога, хотя в недостаточности его оно отдает себе полный отчет. Эти же соображения побудили его предпринять акцию, направленную к укреплению пакта Келлога. Но предложение союзного правительства о протоколе необходимо рассматривать в первую очередь как манифестацию воли Советского Союза к миру. То обстоятельство, что среди нас находится в качестве делегата, подписывающего протокол, представитель государства, с которым Союз не имеет нормальных дипломатических отношений и с которым у него существуют давнишние серьезные, не разрешенные и не разрешаемые настоящим протоколом споры, является лишь добавочным свидетельством миролюбия Советского Союза.

Позвольте мне выразить надежду на скорейшую ратификацию протокола всеми его участниками, ибо чем раньше эта ратификация будет иметь место, тем выше будет значение акта.

Господа, предлагая вам приступить к подписанию протокола, я позволяю себе выразить уверенность в том, что ваши правительства и ваши страны приняли предложение Союзного правительства и будут осуществлять его в том истинном духе миролюбия, в каком оно вам сделано.

(Сб. Международная политика за 1929 г. изд. НКВД, 1931 г.)

ДОКЛАД НА II СЕССИИ ЦИК СОЮЗА ССР ПЯТОГО СОЗЫВА 4 ДЕКАБРЯ 1929 г.

НАША ПЯТИЛЕТКА МИРА

— Товарищи члены Центрального исполнительного комитета!

В отличие от других хозяйственных наркоматов Народный комиссариат по иностранным делам не может, к сожалению, представить пятилетнего плана своей работы, плана развития внешней политики. Почему это так — объяснить трудно. В то время как при представлении контрольных цифр и составлении плана хозяйственного развития Союза мы можем исходить только из наших собственных стремлений и желаний, из учета наших собственных возможностей и потребностей и из твердых принципов всей нашей политики, нам при рассмотрении развития международной политики приходится иметь дело со множеством факторов, не поддающихся почти никакому учету, со множеством элементов, находящихся вне нашего контроля и воздействия. Международная жизнь складывается не только из наших собственных стремлений и действий, но из таких большого количества стран, построенных на иной системе, чем наш Союз, преследующих иные цели, чем наши, и пользующихся иными средствами для достижения этих целей, чем допускаемые нами. В этих странах господствует еще капиталистический строй с не меньшей анархией и не меньшим хаосом во внешней политике, чем в хозяйстве. Существующие между этими странами экономические противоречия создают противоречия политические. Разруха и пертурбации, вызванные империалистической войной, еще больше усугубили и углубили их. Если путем политических соглашений и комбинаций удастся на время устранить те или иные противоречия между группой государств, то лишь для того, чтобы сейчас же создались новые противоречия между этой группой государств и другими. Меняется географическое расположение этих противоречий, но не уменьшается их объем ни количественно, ни качественно. Если к этому прибавить усилившуюся после войны неустойчивость внутривнутриполитической системы в большин-

стве этих государств, внезапные переходы от так называемой демократии парламентаризма к методам правления фашистским, полуфашистским и к таким, которым еще не найдено даже общих определений, непрерывающуюся внутреннюю борьбу классов и представляющих их интересы политических партий, калейдоскопически частые падения и смены правительств, из которых каждое часто проводит политику, противоположную политике своего предшественника,— то станет совершенно ясно, что о какой-либо плановости в международной политике не приходится и говорить. При таком положении вещей не приходится также удивляться безрезультатности и неудаче большинства международных экономических и политических конгрессов и конференций, имевших место за последние годы.

Без лишней скромности мы можем, в противоположность набросанной мною общей картине международной жизни, отметить неизменность, постоянство и систематичность внешней политики Советского Союза. Стержнем этой политики ныне, как и 12 лет назад, при зарождении советской власти, являются отстаивание завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции от внешних посягательств, стремление к обеспечению мирных условий для внутреннего строительства социализма и к посильному ограждению от ужасов и тягот войны трудящихся всего мира. Власть в руках исконного поборника международного мира — пролетариата, неуклонное следование великим принципам Октября и заветам Ленина, неучастие в политических группировках и комбинациях одних государств против других, отсутствие каких бы то ни было империалистических вождедений и стремлений к закабалению и подчинению других народов, разрешение национального вопроса на основе максимальной терпимости и уважения к национальным культурам даже самых маленьких народностей — таковы те факторы, которые придают особую устойчивость внешней политике советского правительства.

Факт существования на одной шестой части земного шара такого устойчивого государства, проникнутого всецело идеей мира и чуждого каким бы то ни было агрессивным замыслам, есть уже сам по себе крупнейший фактор мира.

Я не буду сегодня останавливаться, товарищи, на всех тех конкретных шагах, которые предпринимало советское правительство в целях укрепления всеобщего мира. Мне пришлось уже докладывать о них Центральному исполнительному комитету на предыдущей сессии.

Новым, дополнительным и совершенно объективным доказательством наших миролюбивых тенденций является наша пятилетка, для осуществления которой мы не можем не стремиться к условиям ненарушимого мира. Всякому должно быть ясно, что было бы безумием начинать этот план, требующий

немалого напряжения наших ресурсов, если бы мы одновременно не были исполнены решимости во что бы то ни стало, поскольку это будет от нас зависеть, не допускать нарушения мира. А ведь осуществление пятилетки не есть наша конечная цель, — оно является лишь фундаментом того огромного здания социализма, которое мы строим и построим. За первой пятилеткой последуют новые пятилетки, для осуществления которых так же необходимы будут условия мира, как и при первой пятилетке.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ САБОТАЖ РАЗОРУЖЕНИЯ

Но как бы ни была значительна та лепта, которую наш Союз вносит, дело мира не может быть обеспечено усилиями лишь одной нашей страны. Выступая активно и самостоятельно с собственными мирными предложениями, советское правительство поэтому отзывчиво ко всем мирным начинаниям, откуда бы они ни исходили и какими побуждениями эти начинания ни были бы продиктованы.

Считая вернейшей гарантией мира полное уничтожение или сокращение вооружений, советское правительство продолжало и в этом году участвовать в подготовительной комиссии конференции по разоружению, несмотря на то, что комиссия на протяжении предыдущих сессий с полной убедительностью доказала свою неспособность и нежелание серьезно подойти к проблеме разоружения. Подготовительная комиссия на своей VI сессии, имевшей место в настоящем году, почти закончила свои «работы», которые, увы, свелись к тому, что были окончательно отвергнуты предложения советского правительства как о полном разоружении, так и о существенном сокращении существующих вооружений. Отвергнув оба советских проекта конвенций и настояв на обсуждении ранее подготовленного ею собственного проекта, комиссия последовательно отклонила все советские поправки к нему и выхолостила из этого же проекта все то, что имело хотя бы отдаленнейшее отношение даже к частичному разоружению. Путем взаимных уступок друг другу делегации добились устранения из проекта тех пунктов, которые касались вооружений их стран. Таким путем комиссия вычеркнула из проекта конвенции статьи о военных запасах как людских, так и материальных. Для характеристики работ последней сессии подготовительной комиссии достаточно сообщить вам, что она решительно и упорно отклонила многократно внесенные мною предложения об упоминании в проекте конвенции слов «сокращение вооружений». Таким образом, комиссия решила предложить будущей конференции по разоружению не сокращение, а лишь ограничение вооружений, что допускает не только сохранение

нынешнего уровня вооружений, но даже повышение его. Я сказал, что комиссия почти закончила свои работы, ибо она в течение последних трех сессий совершенно не занималась вопросами морского разоружения. По этим вопросам, как известно, ведутся отдельные переговоры, пока мало успешные, между некоторыми морскими державами, которые соберутся на конференции в январе будущего года в Лондоне.

На тот случай, если они придут к какому-либо соглашению, которое, как уже теперь известно, будет рассчитано не на сокращение морских вооружений, а лишь на изменение соотношения их между пятью державами, комиссия оставила за собой почетную функцию регистрации этого соглашения, после чего она внесет на предстоящую международную конференцию проект конвенции, который, можно теперь уже сказать, ничего общего не будет иметь ни с сухопутным, ни с морским, ни с воздушным разоружением. Как видите, при всей изменчивости и зигзагообразности своей внешней политики капиталистические страны в деле саботирования разоружения и других мирных начинаний проявляют постоянство, единодушие, единообразие и даже известную плановость.

СССР ВО ВРАЖДЕБНОМ ОКРУЖЕНИИ

Мы были бы, однако, несправедливы к ним, если бы мы не констатировали еще одной постоянной черты в политике этих стран. Я имею в виду постоянство в проявляемых ими недружелюбии и вражде к Советскому Союзу. Это недружелюбие принимает, конечно, в разные моменты и в разных государствах различные формы, проявляясь то сильнее, то временно ослабевая, но всегда оставаясь, по крайней мере, в латентном (скрытом) состоянии. Я говорю, конечно, не обо всех абсолютно странах, а о подавляющем большинстве государств. Не забываю я и о том, что во всех государствах имеются миллионы и десятки миллионов пролетариев, которые с горячим сочувствием, с любовным трепетом следят за жизнью страны строящегося социализма, которые морально участвуют в ее строительстве и морально содействуют ее успехам. Речь идет о враждебности реакционных элементов крупной и мелкой буржуазии, правящих кругов, большинства органов печати этих стран. Главной агентурой, проявляющей и проводящей эту политику враждебности, надо признать капиталистическую и так называемую социал-демократическую печать, которая с неослабевающей энергией продолжает уже в течение двенадцати лет обливать грязью Советский Союз и его деятелей, измышлять всевозможные события, никогда не имевшие места, искажать действительное положение вещей в нашем Союзе, раздувать наши затруднения, неизбежные

при выполнении поставленных нами себе гигантских задач, замалчивать наши успехи и достижения, приписывать нам «грехи», никогда не совершенные, пользуясь мнимыми разоблачениями лжесвидетелей, фальшивыми документами и тому подобными грязными средствами. Но не только печатать, а и многие правительства не брезгают явно недоброкачественной продукцией подделывателей документов из подонков белогвардейской эмиграции.

Фабрики антисоветских документов продолжают пользоваться гостеприимством, а иногда и покровительством властей даже в наиболее дружественных нам странах и даже в тех случаях, когда деятельность этих фальсификаторов направлена во вред интересам самих стран, их приютивших.

Отмеченные мною недружелюбие и вражда питаются между прочим и продолжающейся политикой непризнания Союза со стороны одних государств и попыток к уязвлению его престижа со стороны других государств. Создаваемая таким образом атмосфера враждебности и неприязни, конечно, не только не может служить укреплению мира, а, наоборот, способствует нарастанию в области международных отношений недоверия и чувства тревоги. Более того, эта атмосфера является иногда самым поощрением для наиболее авантюристских и легкомысленных правительств, толкая их на шаги, способные вызвать непосредственную угрозу миру.

КОНФЛИКТ С КИТАЕМ¹

Для иллюстрации этого положения я сошлюсь прежде всего на возникший летом этого года конфликт с Китаем. Мне нет надобности останавливаться подробно на заслугах Советского Союза перед китайским народом и перед китайским национальным движением, наисильнейший толчок которому был дан отказом Союза от неравноправных договоров, отказом от экстерриториальности и других привилегий. С другой стороны, над китайским народом продолжает еще тяготеть бремя неравноправных договоров с государствами, отстаиваю-

¹ Попытка захвата КВЖД китайскими властями имела место 10 июня 1929 г., когда они в нарушение соглашения 1924 г. устранили советского управляющего дороги. За бесчинствами на дороге последовала серия провокационных налетов китайских и белогвардейских банд на советскую территорию, вынудивших СССР на решительные контрмеры военного характера. Не ставя себе, однако, никаких задач, кроме оборонительных, Советский Союз в качестве условия ликвидации конфликта выставил лишь требование о восстановлении в правах советских управляющего и помощника управляющего дорогой. Протокол о принятии этих условий правительством Чжан Сюэ-ляна был подписан представителем последнего Цаем и представителями советского правительства в г. Никольске-Уссурийском 3 декабря 1929 г.

щими свои концессии, свою юрисдикцию и привилегии при помощи войск и военных судов. Спрашивается, почему же в отношении этих государств нанкинские правители употребляют лишь рабий язык просьб и мольб, мирясь с обидами и унижениями, а в отношении единственного государства, признавшего равноправие китайского народа, признавшего его право полностью распоряжаться на собственной земле, заключившего с ним на основе равноправия наивыгоднейшие для Китая же соглашения, нанкинские или мукденские генералы пренебрегли обычными дипломатическими средствами, став на путь наглых провокационных действий, насилий и захватов? Почему история отношений китайских правителей с нашим Союзом за последние годы есть история односторонних с их стороны систематических нарушений добровольно заключенных соглашений, налетов, произвольных захватов, зверского обращения с должностными лицами советского правительства в Китае?

Чем объяснить, что, завершив эту насильническую политику полным захватом находившейся — на основании соглашения — в совместном управлении обоих правительств Китайско-восточной ж. д., китайские генералы бросили нашему Союзу дерзкий вызов, не приведший к немедленной войне лишь благодаря долготерпению и миролюбию советского правительства? Чем объясняется столь разительный контраст в поведении нанкинцев в отношении империалистических государств, с одной стороны, и нашего советского государства с другой? Частичным объяснением, конечно, может служить их расчет на наше миролюбие, на отлично известное ему отсутствие у Советского Союза империалистических замыслов. Спровоцировать конфликт с империалистическим государством опасно, ибо и при пакте Келлога, и при Лиге наций он может послужить поводом для новых захватов в Китае, для расширения привилегий иностранцев, для наложения на китайцев тяжелых контрибуций и т. д. Между тем как со стороны советского государства Нанкин подобных репрессий, очевидно, сам не ожидает. Нанкин идет на авантюру в уверенности, что в худшем случае Советский Союз использует свою силу лишь для восстановления незаконно нарушенных его прав. Но это лишь отчасти объясняет действия Нанкина. Дело, однако, в том, что Нанкин все же не рискнул бы на свою азартную дорогостоящую ему авантюру, если бы он не учитывал общей враждебной антисоветской атмосферы и если бы он не рассчитывал поэтому на сочувствие или даже на прямую помощь со стороны капиталистических государств. Таким образом, если даже отбросить весьма вероятное предположение, что на конфликт толкнула китайцев непосредственно какая-нибудь держава или группа держав, необходимо признать, что во всяком случае косвенную ответственность за

конфликт, созданный на китайско-советской границе, коллективно несут капиталистические государства, дающие своей антисоветской политикой повод всегда рассчитывать на поощрение ими всяческих авантюр, направленных против советского государства. Не подлежит никакому сомнению, что без молчаливого или даже активного поощрения со стороны других держав на первых стадиях развития конфликта и без учета вездесущей антисоветской враждебности Нанкин никогда не решился бы на провокационную политику, приведшую к нынешнему положению.

Это положение стало настолько серьезным, что вынудило нас мобилизовать Особую дальневосточную армию, так как не было уверенности в том, что нанкинцы не будут поощрены невидимой рукой к дальнейшим враждебным действиям и что не будут сделаны нападения со стороны китайских или белогвардейских бандитов на нашу границу. И действительность показала, что наши опасения не были напрасны. За последние месяцы имело место немало случаев чисто военных провокационных действий с китайской стороны, которые встречали, однако, со стороны Дальневосточной армии решительный отпор. С каждой новой вылазкой китайцев этот отпор становится сокрушительнее. Наши части были бы в слишком невыгодном положении, если бы они, отесняя переходящие на нашу территорию китайские банды и отряды, останавливаясь у самой границы, давали им возможность занять прежние места для новых вылазок. Нашим частям приходится поэтому иногда разрушать самые гнезда, откуда совершаются наиболее назойливые и частые нападения на нашу границу, ибо такой образ действий является единственной гарантией безопасности пограничного населения. Эти контрмеры носят исключительно оборонительный характер и никаких политических целей не преследуют.

Вместе с тем мы не можем забывать, что оставшиеся в Манчжурии рабочие и служащие КВЖД — советские граждане — подвергаются все время неслыханным издевательствам, жестокостям, пыткам и даже казням без всякой вины с их стороны. Слухи, распространяемые китайцами, о якобы раскрытых ими среди наших граждан заговорах, о пропаганде и т. п. являются, конечно, детскими баснями, которым ни один серьезный человек ни в Китае, ни вне Китая не верит. Ответственным за эти действия мы отнюдь не считаем китайский народ, а лишь действительных виновников враждебной нам политики — нынешних правителей Китая, тем более что эта политика наносит самому Китаю огромный вред, ибо она затрудняет борьбу китайского народа за его освобождение от неравноправных договоров, за отказ иностранцев от экстерриториальности и т. д. Еще недавно один иностранный дипломат в Москве не без злорадства спрашивал меня, не

признаем ли мы ошибочности своей политики отказа от экстерриториальности в Китае.

«Смотрите, — говорил он, — что китайцы позволяют себе в отношении ваших граждан». Я ответил ему: «Несмотря на все случившееся, мы не сожалеем о нашей политике дружбы к китайскому народу; ошибочен не наш отказ от экстерриториальности, а ошибочна и безумна политика нанкинцев и мукденцев, которые своими действиями дают вам повод считать правильной вашу политику навязывания Китаю экстерриториальности и ваше нежелание признавать суверенность китайского народа на его собственной земле».

Мы знаем, что китайский народ жаждет скорейшего разрешения конфликта, что находит себе подтверждение в факте беспрерывно распространявшихся все время Нанкином и Мукденом слухов о, якобы, ведущихся ими с нами переговорах. Эти слухи, очевидно, имели целью успокоить китайский народ, а между тем Нанкин от переговоров уклонялся и уклоняется. Правда, нанкинцы некоторое время назад сделали нам через посредство германского правительства предложение о подписании совместной декларации, но, когда, учитывая их, так сказать, формуляр, мы для проверки их искренности и для получения некоторой гарантии действительного выполнения принимаемых ими на себя обязательств предложили немедленно восстановить в правах советского управляющего и помощника управляющего КВЖД в соответствии с пекинским и мукденским соглашениями, наше предложение было отклонено. Мы предъявили Китаю минимальные предварительные условия разрешения конфликта, от которых мы отступить не намерены. Мы столь категорически и часто заявляли это, что и Нанкину и Мукдену было совершенно ясно, что конфликт не может быть разрешен иначе, как принятием этих условий. Если они тем не менее медлили и конфликт затягивали, то мы объяснений этому опять должны искать в их расчетах на помощь или вмешательство третьих держав или Лиги наций.

Лишь в самые последние дни, после того как китайским и белогвардейским налетчикам Дальневосточной армией был нанесен особенно чувствительный контрудар, Чжан Сюэ-лян, главнокомандующий и правитель провинций, которым приходится выносить на себе все экономические и военные последствия затягиваемого Нанкином конфликта, сообщил официально о принятии им наших условий, что было еще более уточнено опубликованным сегодня протоколом, подписанным его дипломатическим комиссаром Цаем.

В связи с этим я хотел бы вам напомнить, что существовавшее до конфликта положение на КВЖД опиралось не только на пекинское, но и на мукденское соглашение, заключенное с отцом Чжан Сюэ-ляна, и что нанкинские прави-

тельства мы формально не признали и что существовавшие у нас с ним фактические отношения были прерваны по его же вине. Так вот в то самое время, когда мы с Мукденом заняты подготовкой мирного улажения конфликта, нанкинское правительство, по своей ли инициативе или по чужой указке, делает новую попытку добиться помощи империалистических держав и Лиги наций для срыва наметившегося мирного и скорого разрешения конфликта.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ

Из сегодняшних газет вы знаете, что правительства США, Франции и Англии проявили готовность оказать Нанкину просимую «помощь». Они, видите ли, сильно озабочены обеспечением мира и поэтому... считают своим долгом вмешаться и помешать мирному прекращению конфликта. Когда Нанкин затевал и готовил захват КВЖД, когда он затем этот захват осуществлял, когда мы объявляли во всеобщее сведение о китайских набегах на нашу территорию, этим «миролюбивым» державам не приходило в голову, что столь провокационные акты нарушают мирные условия добрососедства СССР и Китая, создавая угрозу миру, и они ничего не предпринимали для удержания Китая от этого акта, не спешили со своим вмешательством, со своими указаниями Нанкину на незаконность и бессмысленность этого акта или на справедливость и полную приемлемость для Китая выставленных нами условий. И только теперь, когда мукденское правительство само убедилось, наконец, в том, что созданное на КВЖД положение не только не сулит Китаю никаких выгод, а причиняет ему огромнейший ущерб и требует от него колоссальных жертв, и поэтому предприняло единственно целесообразные шаги, чтобы положить такому состоянию конец, эти державы засуетились, стали совещаться между собой, придумывая средства, которыми можно было бы поощрить Китай к дальнейшему упорству и затягиванию конфликта. И это делается во имя мира, во имя пакта Келлога?

Пятьдесят пять государств подписали пакт, и только трое из них, никем не уполномоченные, сами сочли себя избранными на роль охранителей пакта.

Им пришлось для этого энергично провести губкой по своей памяти, чтобы забыть на время о своих военных частях в Пекине, Тяньцзине, Шанхае и Вейхайвее, о своих эскадрах крейсеров и флотилиях эсминцев, подводных и канонерских лодках в китайских портах и на реке Ян-Цзы, о войсках в Египте и на Рейне и о сравнительно недавних еще событиях в Центральной Америке, забыть про множество других фактов, которыми обременено их недавнее прошлое и даже настоящее. А американское правительство даже позабыло,

что наше советское правительство, которому всего лишь двенадцать лет, представляет собой еще такую незначительную величину, существование которой оно обязалось не замечать и не признавать. Оно пишет в своей декларации, что с тревогой следит за ходом событий. Но у нас в СССР, насколько нам известно, нет представителей американского правительства, которые могли бы с нашей стороны следить за происходящим на советско-манчжурской границе, а мы, не имея своих представителей в Америке, также лишены возможности своевременно информировать американское правительство об интересующих его событиях. И вот неволью возникает сомнение, за всем ли оно уследило, обо всем ли оно осведомлено. Правда, в вашингтонский государственный департамент вхож представитель Нанкина, известный советод У Чжао-чу, который, вероятно, и является главным источником информации г. Стимсона, но не кажется ли г. Стимсону, что такая информация не может отличаться ни полнотой, ни объективностью и что она по меньшей мере, надо думать, односторонняя? Принцип *audia alteram partem* — выслушай и другую сторону — не чужд как будто и американской морали. Вот почему мы больше всего находим странным, что именно американское правительство является, повидимому, инициатором коллективного демарша трех держав.

Но как бы ни были или хотели быть плохо и односторонне информированы участники демарша, они не могут игнорировать следующего обстоятельства. Последний отпор, данный нашими военными частями китайским налетчикам, убедил, кажется, манчжурских генералов, что противостоять Красной армии с шансами на успех они не могут, и они сделали из этого надлежащие выводы. В случае дальнейшего продвижения наша Особая дальневосточная армия вряд ли встретила бы серьезные препятствия.

Мы находимся в таком положении, в котором империалистическое правительство обыкновенно предпочитает переговоры не вести, а диктовать условия. А мы? Используем ли мы выгоду своего положения? Навязываем ли мы Китаю соответственные положению новые условия? Протокол, подписанный нами вчера с г. Цаем, дает отрицательный ответ на эти вопросы. Наши условия сегодня остались теми же, какими мы их выставляли в начале конфликта. Уже из одного этого факта с совершенной очевидностью явствует, что контрмеры Особой дальневосточной армии никаких политических целей не преследуют и поэтому нарушением пакта Келлога ни в какой мере почитаться не могут.

Какие же результаты может дать демарш держав? Я думаю, что никаких. В худшем случае авторы демарша смогут занести в актив своего «миролюбия» некоторую затяжку или осложнение начатых уже с Мукденом переговоров, уси-

лив отрицательное давление Нанкина на Мукден. Я, однако, скорее склонен думать, что Мукден, а может быть даже Нанкин, поймет, что мы не дадим сбить себя никакими демаршами с твердо занятой нами с самого начала конфликта позиции и что затяжки могут лишь увеличить невыгоды для самого Китая. Мы думаем, что находимся на пути к прочному улажению конфликта на КВЖД, а вместе с тем и к устранению возможностей дальнейшего искусственного насаждения недоверия и вражды между советским и китайским народами, стремящимися жить не только в мире, но и в искренней дружбе и взаимном уважении. Но что бы там ни было, приведет ли установленный теперь между нами и Мукденом непосредственный контакт к скорому прекращению конфликта, или же силам, враждебным как нашему Союзу, так и Китаю, удастся на время помешать этому, — мы полны уверенности, что, опираясь на всеобщее сочувствие, которое встречает наша политика среди рабочих и крестьян нашего Союза, на сознание своей правоты, которая по существу конфликта не оспаривается даже нашими врагами, на мощь нашей Дальневосточной армии, давшей уже столько ярких доказательств своей стойкости, беззаветной преданности и героизма, — мы добьемся принятия наших справедливых условий и восстановления нарушенных прав нашего рабочекрестьянского государства.

ПРЕОДОЛЕНИЕ АНГЛО-СОВЕТСКОГО КОНФЛИКТА

Товарищи, большевистской настойчивостью, выдержкой и последовательностью нам удалось недавно добиться ликвидации другого серьезного конфликта, тяжело давшего международное положение и представлявшего собой едва ли не большую угрозу миру, чем события на советско-китайской границе. Я имею в виду ныне преодоленный нами советско-английский конфликт. Обоим конфликтам, как вы помните, одинаковое начало было положено незаконными и провокационными налетами на советские учреждения. В обоих конфликтах существенную роль играли фальшивые документы и злонамеренное искажение сущности политики советского правительства. Наряду с этим чисто внешним сходством оба конфликта выросли на фоне того широко распространенного недружелюбия к советскому государству, о котором я вам только что докладывал. Английская инициатива разрыва отношений, так же как и китайская авантюра, исходила из ожидания сочувствия, поддержки и даже подражания со стороны других государств.

Нам казалось одно время, что вопросы, возникшие в связи с ликвидацией англо-советского конфликта, Наркоминделу придется поставить на разрешение Центрального исполни-

тельного комитета. Разрешите мне поэтому несколько подробнее остановиться на этих вопросах, чтобы объяснить вам, чем могло быть вызвано обращение к ЦИК и почему надобности в этом потом не оказалось. Вам известно, что главным спорным вопросом между нами и британцами являются так называемые денежные претензии английской буржуазии, вытекающие из наших декретов об аннулировании царских долгов и о национализации банков, фабрик и заводов. Эти претензии послужили отчасти причиной интервенции, питавшей гражданскую войну, затянувшей ее на несколько лет и вызвавшей в свою очередь контрпретензии с нашей стороны за причиненный нашей стране и нашим гражданам огромный материальный ущерб. Потратив на эту интервенцию сотни миллионов фунтов и потерпев в ней поражение, Великобритания продолжала добиваться от нас удовлетворения своих претензий «мирными средствами». Эти «мирные средства» состояли вначале в экономической блокаде Союза, а затем — в отказе в течение ряда лет от признания советского правительства и от установления с ним дипломатических отношений. Когда, однако, и эти средства не подействовали, а советское правительство упорно отказывалось даже от каких бы то ни было переговоров о претензиях до установления нормальных отношений, Великобритания в лице пришедшего к власти правительства рабочей партии признала советское правительство, благодаря чему стали возможны переговоры по спорным вопросам.

Эти переговоры привели к выработке торгового договора и предварительного общего договора, заключавшего в себе некоторые основы разрешения вопроса об английских претензиях и наших контрпретензиях.

С помощью сфабрикованного в надлежащий момент документа, получившего историческое название «письма Зиновьева», консерваторы сменили у власти рабочую партию и вместе с тем отказались от утверждения упомянутых мною договоров. Вопрос об английских претензиях вновь повис в воздухе, ибо советское правительство со свойственным ему упорством решительно отказывалось идти дальше тех уступок, на которые оно соглашалось при выработке договоров. После двух с половиной лет бесплодных домогательств консервативное правительство прибегло к новому «героическому» средству — к разрыву дипломатических отношений. Оно рассчитывало этим путем заставить советское правительство согласиться на такие условия разрешения вопроса о претензиях, какие стремились ему навязать наиболее непримиримые и реакционные круги английской буржуазии. Оно опять-таки, может быть, не решилось бы на столь рискованный и чреватый последствиями шаг, если бы оно не рассчитывало найти союзников и подражателей в других крупных странах Европы, в чем оно, однако, просчиталось.

Для восстановления отношений консервативное правительство выставило ультимативное требование предварительного обсуждения и разрешения в желательном ему духе всех спорных вопросов. Переговоры в рамках обычных дипломатических сношений, в условиях равноправия сторон, не удалось бы английским консерваторам, они предпочитали давить на нас отказом от нормальных отношений и таким путем вырвать у нас желательные им условия. Они, однако, и тут просчитались, ибо советское правительство, твердо отстаивая занятую им позицию, не только не шло на подобные условия, но даже отказывалось вступать в какие-либо переговоры до нового восстановления отношений.

Наш Союз имеет то отличное свойство, что он от каждого полученного удара не только не слабеет, а еще более крепнет благодаря вызываемому этими ударами усиленному приливу энергии и энтузиазма у трудящихся масс. Мы легко перенесли разрыв, который в представлении английских консерваторов должен был бы быть воспринят нами чуть ли не как катастрофа. Мы прощали, в Каноссу не шли и ни с какими предложениями к консервативному правительству не обращались. В кругах промышленной буржуазии Англии, не исключая консервативных кругов, возникли серьезные сомнения в правильности избранной их правительством тактики, которая не только не ускорила разрешения интересующих ее вопросов и не принесла ей никакой прибыли, а явно нанесла урон самой английской экономике. Выражением этих сомнений и возникших в самом лондонском Сити поисков новых путей для разрешения интересующих Великобританию вопросов явилась посылка в Москву в этом году промышленной делегации. Стало совершенно очевидно, что карта разрыва в антисоветской игре консервативного правительства была бита.

Наряду с другими неудачами ее внешней политики разрыв англо-советских отношений сыграл немалую роль в поражении консервативной партии на последних английских выборах. Оппонентам этой партии нетрудно было использовать неудачу разрыва в избирательных целях, выставив противоположную программу немедленного и безоговорочного восстановления дипломатических отношений с Советским Союзом.

Обещания, которые были даны во время избирательной кампании рабочей партией, являются, конечно, внутренним делом Англии и никаких обязательств в отношении нас на выдвинутое ею правительство формально не налагают. Но эти обещания были достоянием гласности, их нельзя было игнорировать, нельзя было делать вид, будто вам о них ничего неизвестно. Но, независимо от этих обещаний и обязательств, нельзя было ожидать, чтобы победившая на выборах партия, жестоко раскритиковавшая политику разрыва консер-

вативного правительства, придя к власти, не стала бы серьезно на путь, противоположный этой политике.

Позвольте, товарищи, вам вновь напомнить, что эта политика состояла в стремлении навязать нам предварительное разрешение спорных вопросов до восстановления нормальных отношений. Мы поэтому были немало удивлены, когда новое британское правительство вместо прямого извещения о его готовности к немедленному восстановлению нормальных отношений предложило нам послать уполномоченного в Лондон для переговоров. Правда, переговоры согласно тексту формального предложения должны были касаться лишь процедуры того обсуждения по существу спорных вопросов, которое должно было иметь место после восстановления отношений. Но нам казалось, что и процедура могла бы быть с успехом обсуждена в тот момент, когда было бы приступлено к переговорам по существу, тем более что объем и существо споров хорошо были известны обеим сторонам и советское правительство никогда не отказывалось от попыток разрешения этих споров в нормальной обстановке. Наша политика, однако, состоит в том, чтобы, твердо отстаивая нашу основную позицию и наши существенные интересы, не спорить из-за мелочей, а в особенности по чисто техническим вопросам. Мы поэтому командировали в Лондон в качестве нашего уполномоченного т. Довгалевского, предусмотрительно заявив английскому правительству, что разговоры могут касаться лишь процедуры переговоров, но не существа вопросов. Когда т. Довгалевский, однако, прибыл в Лондон, то он столкнулся со следующим предложением г. Гендерсона: так как первая сессия английского парламента нового созыва прекращается, а новая сессия откроется месяца через три, а без парламента правительство не решается возобновить отношения, то не угодно ли использовать «свободное время» для обсуждения и разрешения спорных вопросов по существу.

Итак, нам предлагалось до восстановления нормальных отношений, в обстановке продолжающегося отсутствия нормальных отношений, вступить в переговоры об удовлетворении претензий английской буржуазии. Это предложение по существу, если не по форме, ничем не отличалось от того предварительного условия восстановления отношений, которое бесплодно пыталось навязать нам в течение нескольких лет консервативное правительство. Это предложение нисколько не соответствовало той цели, для которой т. Довгалевский формально приглашался и нами посылался в Лондон. Дальнейшее пребывание т. Довгалевского в Лондоне становилось бесцельным, и нам не оставалось ничего иного, как отозвать т. Довгалевского, заявив г. Гендерсону, что о его предложении будет доложено Центральному исполнительному комитету или его президиуму.

Почему НКИД решил поставить вопрос на разрешение ЦИК? Не потому, конечно, что он считал необходимым или возможным отойти от занятой им позиции, которую он отстаивал в течение многих лет, или что он ожидал от ЦИК каких-либо новых директив. Решение ЦИК нетрудно было заранее предугадать, но ввиду проявленного английскими правительствами, не только консервативным, но и новым, непонимания нашей позиции, непонимания неизменности этой позиции мы сочли своевременным предоставить возможность высшему законодательному учреждению нашего Союза наиболее авторитетным образом заявить раз навсегда, что никакому правительству никакими мерами воздействия не удастся сдвинуть советское правительство с тех позиций, на которых оно отстаивает существенные интересы нашего Союза.

Необходимо было раз навсегда рассеять всяческие сомнения, разрушить всякие расчеты на возможность с нашей стороны уступок, которые мы не раз объявляли для себя неприемлемыми.

Г-н Гендерсон, однако, понял, что наша ссылка на ЦИК есть еще более решительное отклонение его предложения, чем простое нет. Он вновь пригласил нашего уполномоченного в Лондон, дав нам понять, что на этот раз он поведет речь исключительно о процедуре переговоров.

Вторая встреча т. Довгалева с г. Гендерсоном действительно закончилась подписанием протокола о порядке дня будущих переговоров, каковой протокол, заключающий в себе обязательство немедленного восстановления полностью нормальных дипломатических отношений и обмена послами, г. Гендерсон обещал представить на утверждение парламента. Как вам известно, парламент голосами рабочей и либеральной партий против консервативной партии, среди которой нашлись, однако, несколько отщепенцев, голосовавших против своей партии, одобрил протокол, после чего советское и английское правительства с выполнением установленных формальностей назначили своих послов.

СТАРЫЕ ПРЕТЕНЗИИ И ПРОПАГАНДА

Мы с удовлетворением констатируем факт восстановления нормальных отношений с Великобританией, который, мы не сомневаемся, полностью отвечает также интересам английского народа. Все искренние сторонники мира не могут не приветствовать прекращения состояния конфликта между такими двумя могущественными государствами, как наш Союз и Великобритания. Нельзя не видеть в улажении англо-советского конфликта устранения одной из крупнейших аномалий международной жизни. Но что собственно случилось? Разве существование дипломатических отношений между лю-

быми двумя капиталистическими государствами не считается вполне нормальным и обычным явлением, не привлекающим к себе ничьего внимания? Спрашивается, почему собственно установление отношений между Великобританией и Советским Союзом считается таким чрезвычайным событием? На этот вопрос нельзя найти удовлетворительного ответа, если не вспомнить о той всеобщей атмосфере недружелюбия и вражды к советскому государству, о которой я вам сегодня докладываю. Несмотря на многочисленные заявления государственных деятелей капиталистических стран об их мнимом стремлении к вовлечению Советского Союза в так называемую «семью народов» на основе полного равноправия, об их готовности к признанию за народами нашего Союза права на построение собственной социально-политической системы, они тем не менее на самом деле считают, что нормальным явлением должно считаться отсутствие у капиталистических стран отношений с Советским Союзом. Установление отношений с Советским Союзом считается чем-то необычным, нуждающимся в объяснениях и оправданиях. Когда обменивается дипломатическими представителями какая-нибудь европейская страна с отдаленнейшим заокеанским государством, не связанным с ней почти никакими ни политическими, ни экономическими интересами, — никто этому объяснений не требует.

Когда же заходит речь об установлении дипломатической и экономической связи с 140-миллионным Союзом, то задаются вопросы: Зачем и кому это нужно? Какая будет от этого выгода? Как велика будет эта выгода? Будет ли активный баланс, будут ли даны гарантии активного баланса и т. д. и т. п. А когда будет доказано с несомненностью, что связь с советским государством будет стимулировать торговлю и промышленность, сократит безработицу, удешевит сырье или предметы широкого потребления, одним словом, что связь эта будет в высокой степени выгодна для всего хозяйства, всей экономики, а следовательно, и для всего населения страны, — то выдвигаются новые вопросы: даст ли эта связь удовлетворение тому или иному фабриканту, банку, страховому обществу, той или иной группе людей, понесших потери двенадцать лет назад, в историческое время, при октябрьском перевороте? И если на этот вопрос нет абсолютно удовлетворительного ответа, то зачастую мнимым интересам отдельных лиц или групп приносятся в жертву интересы всей страны в целом. Я сказал «мнимым интересам», потому что на самом деле и сами эти лица и группы, как опыт показал, ничего не выигрывают и не могут выиграть от отсутствия у их страны связи с советским государством. Защитникам этих мнимых интересов, помyslы которых так крепко прикованы к исторически уже достаточно отдаленным

фактам аннулирования долгов и национализации заводов, следует вспомнить также и факты менее давнего прошлого, как, например, интервенцию, из которых также вытекают претензии как в пользу нашего государства, так и множества частных лиц. Мы, однако, не считаем наличие этих наших претензий помехой к поддержанию нормальных отношений с другими странами.

Отказ от установления нормального состояния отношений с нашим Союзом или разрыв этих отношений не всегда открыто оправдывается прозаическими интересами отдельных лиц и групп. Когда требуется более общедоступное и «возвышенное» объяснение, которое было бы понятно более широким буржуазным, а в особенности наименее политически грамотным кругам населения, не заинтересованным непосредственно в сохранении или развитии враждебных отношений с советским государством, то на свет божий вытаскивается известное пугало под названием «пропаганда». Во всех капиталистических странах, видите ли, существует тишь да гладь, да социальный рай.

Все классы населения — и пролетарии, и крестьяне, и чиновничество, и мелкая буржуазия — премного довольны своим положением, улучшения его не добиваются и ни против чего не протестуют. Нет уличных демонстраций, нет забастовок, нет крестьянских волнений, нет коммунистического движения, никому ничего неизвестно о стране строящегося социализма и диктатуры пролетариата, не доходит слово Коминтерн, словом, ничто не угрожает устоям страны. Стобит, однако, появиться в этой стране полпредству или торгпредству советского правительства, как картина моментально меняется. Внезапно вырастает рабочее движение, принимающее, как по мановению волшебного жезла, самые бурные формы развития, по-иному начинают звучать призывы Коминтерна, по-иному эти призывы воспринимаются пролетариатом, до тех пор спокойные и мирные колониальные народы начинают восставать против метрополии, и революционное движение недовольства разливается широчайшими водгворения в какой-либо стране советского полпредства в тех случаях, когда та или иная буржуазная группа и выражающая ее интересы политическая партия какого-либо государства по совершенно иным причинам не хотят допустить сношений с Советским Союзом. Напрасно вы стали бы доказывать, что рабочее движение в довольно революционных формах существовало до октябрьского переворота, что оно существует теперь везде, независимо от нахождения в какой-либо стране или отсутствия в ней советского полпредства, и не только просто рабочее, но и коммунистическое движение, что это движение не одинаково развивается даже

в двух странах, имеющих советское полпредство, и что, следовательно, это движение имеет совершенно иные корни и его развитие обуславливается совершенно другими и непреложными причинами развития капиталистического общества, покоящегося на эксплуатации трудящихся, что нигде и никогда не было приведено ни одного доказательства существования какой-либо формальной или фактической связи между советскими заграничными органами и местным рабочим движением. Напрасно вы стали бы указывать ту очевидную истину, что в любой стране, в любой колонии найдется достаточно местных людей, знакомых с местными условиями, наречиями, психологией своих земляков, которые могут успешно оформить и направить существующее на экономической или национальной почве недовольство, чем это могут сделать вездесущие легендарные «эmissары» из Москвы.

Но спорить бесполезно, ибо люди, прибегающие к запугиванию своих граждан так называемой пропагандой, сами серьезно не верят в существование или значение этой пропаганды. Они рассчитывают лишь на невежество и неразвитость своих слушателей или читателей, которым можно рассказывать любые сказки, не считаясь ни с фактами, ни с документами.

Затронутый мной только что вопрос имеет, однако, и обратную сторону. Чего собственно от нас хотят, когда нам предъявляют обвинение в пропаганде? На этот вопрос мы можем найти аутентичный ответ в формулировке тех обязательств, которые г. Гендерсон предложил и которыми мы согласились обменяться с британским правительством. Эта формулировка, принятая нами еще по договору 1924 г., гласит:

«Договаривающиеся стороны торжественно заявляют о своем желании и намерении жить друг с другом в мире и дружбе, тщательно уважать неоспоримое право государства устраивать в пределах своей собственной юрисдикции свою жизнь по своему усмотрению, воздерживаться и удерживать все лица и организации, находящиеся под их прямым или косвенным контролем, включая организации, получающие от них какую-либо финансовую помощь, от какого-либо акта, явного или скрытого, могущего каким-либо образом создать опасность для спокойствия или благополучия какой-либо части территории Союза советских социалистических республик или Британской империи или имеющего целью обострить отношения Союза или Британской империи с их соседями или с какими-либо иными странами».

В этой статье очевидно перечислены те бесспорные принципы, которыми государства должны руководиться во взаимоотношениях между собой, но которые, очевидно, кем-то в прошлом не соблюдались. Разберем эти принципы один за другим.

Пользуясь своим несомненным правом устраивать свою жизнь по своему усмотрению, мы установили незыблемый принцип монополии внешней торговли. Проявляют ли капиталистические государства уважение к нашему праву, когда они неизменно нападают на монополию внешней торговли, добиваясь, безуспешно конечно, путем давления на нас всеми доступными им экономическими мерами отмены этой монополии? Проявляется ли уважение к нашей юрисдикции, когда иностранцы и их правительства не стесняются открыто протестовать против тех или иных судебных и административных мер советских властей? Могут ли быть приведены аналогичные примеры давления с нашей стороны на другие государства с целью отказа их в нашу пользу от той или иной системы их внутреннего устройства? Таких примеров нет.

Кто же нарушает соответственный принцип международной жизни — мы или они? Далее, интервенция держав в 1918—1920 г. не создавала разве опасности для спокойствия или благополучия территории Союза? Военная помощь, оказанная Польше при нападении ее в 1920 г. на Украину, создавала или не создавала опасность для спокойствия или благополучия части территории Союза? А сношения официальных лиц и даже правительств с эмигрантскими монархическими и террористическими организациями, с эмигрантскими самозванными украинскими, грузинскими и тому подобными «правительствами» также поддерживаются ради благополучия нашего Союза? Утверждение так называемого Бессарабского протокола Великобританией, Францией и Италией с целью создания мнимой легализации военной оккупации Бессарабии не создавало разве опасности для спокойствия и благополучия территории Союза? И этот самый факт утверждения Бессарабского протокола не обострил разве отношений Союза с его румынским соседом, создав состояние длительного и серьезнейшего конфликта? Заключение с Польшей и Румынией рядом государств военных конвенций, непрерывающееся снабжение их военными материалами и инструкторами, посылка к ним военных миссий или генералов для поощрения их военных приговоров, наконец поощрение всяческих комбинаций для окружения советского государства кольцом прибалтийского и иных союзов — разве все это улучшает, а не обостряет отношения Союза с его соседями? Поведение некоторых государств в настоящем конфликте с Манчжурией, в особенности в последние дни, разве имело целью улучшить, а не обострить наши отношения с нашим китайским соседом? Пусть нам укажут аналогичные действия или хотя бы приближающиеся к ним акты с нашей стороны в отношении других стран. Указать их не смогут, ибо их не было. А если перечисленные мною действия и означают «пропаганду», то разве в ней не виновны больше всего те самые государства,

которые больше всего кричат о нашей мнимой пропаганде и требуют от нас еще гарантий в будущем?

Если обратиться к пропаганде в собственном смысле слова, которая в упомянутой мною формулировке вовсе не упоминается, а очевидно подразумевается, то какая картина предстанет перед нами? Сотни и тысячи органов печати почти во всех странах в течение двенадцати лет изо дня в день поносят наш Союз, атакуют советский режим, оскорбляют, не стесняясь в выражениях, советское правительство в целом и отдельно поименно членов правительства, ругают, клеветуют, пытаются доказать несостоятельность наших методов и наших целей, предсказывают нашу неизбежную гибель, превознося капиталистический строй в ущерб коммунистическому.

Но не одни органы печати занимаются этим делом, а также и весьма почтенные государственные деятели — бывшие, настоящие и будущие министры. Антисоветские проповеди в выражениях, далеко не парламентских, произносятся с трибун парламентов. Вы найдете эти проповеди даже в заключениях и мотивировках постановлений иностранных судебных учреждений, отличающихся, как известно, особой объективностью. Разве все это не пропаганда, направленная против Советского Союза? Этой явной пропаганды грозные политические прокуроры по ту сторону наших границ стараются не замечать. Но когда наши «Известия», или «Правда», или другие немногочисленные наши газеты позволяют себе непочтительно отозваться о капиталистическом режиме или каком-нибудь иностранном государственном деятеле и со своей стороны пишут о преимуществах коммунистического строя перед капиталистическим, то поднимаются шум и гвалт по всей иностранной прессе, вносятся интерpellации в парламенты, летят дипломатические ноты и протесты, создаются легенды о так называемой советской пропаганде, против которой должны быть приняты специальные меры и которая является даже препятствием к установлению или сохранению нормальных отношений с нашим Союзом.

Если социализм, строящийся пока в одной только стране, правда, стране крупной и могущественной, за свою судьбу не опасается и не боится крушения вследствие словесных и письменных излияний парламентских ораторов, церковных проповедников, тысяч газет и журналов, распространяемых в сотнях миллионов экземпляров во множестве стран, то почему капиталистический строй, установленный во всем остальном мире, должен дрожать вследствие литературных произведений нескольких московских газет или ораторских выступлений советских деятелей? Разве это нервничество, проявляемое поборниками капиталистического

стройка, не есть само по себе свидетельство о бедности этого строя или даже наилучшая пропаганда, направленная против него? Все это было бы только смешно, если бы оно не вело к замутнению международной жизни.

Совершенная вздорность, несерьезность и необоснованность направленных против советского правительства обвинений в пропаганде — очевидны.

Я не могу в связи с этим отказать себе в удовольствии процитировать вам замечания, сделанные 5 ноября с. г. в английском парламенте при обсуждении вопроса о пропаганде г. Ллойд Джорджем, которого никто, конечно, не заподозрит в дружественном пристрастии к нашему Союзу. Вот что он говорил: «Что касается пропаганды на Востоке, то я должен сказать, что я состою членом палаты дольше, чем вождь оппозиции (т. е. Болдуин). Я могу рассказать ему то, что мы привыкли всегда слышать относительно пропаганды империалистской России на Востоке. Я отлично помню, как русские постоянно обвинялись, и, по моему мнению, справедливо обвинялись в пропаганде в Индии и в замыслах против Индии. Я помню речь, произнесенную отцом последнего министра иностранных дел (т. е. Чемберлена), который, говоря о русском министре иностранных дел, сказал, что нельзя верить ни одному его слову и что тот, кто ужинает с чортом, должен иметь длинную ложку. Но никто и не помышлял, и меньше всего г. Джозеф Чемберлен, о разрыве отношений с Россией, об изгнании ее посла, а если кто-либо это предложил бы в парламенте, то к нему отнеслись бы, как к сумасшедшему». Далее, говоря о нашем Союзе, Ллойд Джордж продолжал: «Он может быть не ведет себя за столом таким же манером, как более старые правительства, которые лучше тренированы в методах сдержанности, сокрытия своих мыслей и ведения пропаганды друг против друга. Но это делается таким образом, чтобы можно было все отрицать. Это делалось в прошлом, это будет делаться и в дальнейшем. Советское правительство делает это несколько грубее... Но старая русская тонкость вернется к нему, и оно будет в состоянии заткнуть за пояс отличнейших мастеров этого искусства, делая свое дело таким путем, чтобы никто не мог указывать пальцем на того или иного министра, который этим делом занимается. Это почти неизбежно до тех пор, пока народы не научатся лучше понимать друг друга и между ними не будет установлена большая благожелательность».

Как видите, г. Ллойд Джордж не лишен юмора, и он отмежевывается от других государственных деятелей, которые ставят себя в совершенно смешное положение, когда они с серьезным видом говорят о так называемой пропаганде. Но суть в том, что мы имеем теперь авторитетное

заявление г. Ллойд Джорджа, занимавшего в английских кабинетах различнейшие министерские посты, в том числе посты министра иностранных дел и премьер-министра, свидетельствующего публично, что британское правительство, как и другие правительства, вело и ведет пропаганду против других государств. Надо думать, что оно не делает исключения и в пользу Советского Союза. Спрашивается, нужны ли еще другие доказательства лицемерности патетических обвинений советского правительства в пропаганде?

Мы сами требуем от всех стран, представленных в Москве, невмешательства в наши внутренние дела и ту же политику невмешательства мы лояльно проводим и намерены впредь проводить в отношении других стран. Мы должны, однако, заявить, что необоснованные общие обвинения в так называемой пропаганде или попытки делать советское правительство ответственным за людей и организации, над которыми оно не имеет ни формально, ни фактически никакого контроля, ни прямого, ни косвенного, не могут нами рассматриваться иначе, как преднамеренно придуманные оправдания неустановления или разрыва нормальных отношений, либо же более серьезных антисоветских махинаций.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СССР И АНГЛИЯ

Возвращаясь к значению восстановления дипломатических отношений с Великобританией, я хотел бы напомнить, что экономическая выгода, которую оно влечет за собой для обоих государств, не подлежит никакому сомнению, почти никем не оспаривается даже в самой Великобритании. Приезжавшая к нам в этом году английская промышленная делегация путем цифровых данных убедилась в тех огромных возможностях, которые, на наш взгляд, представляет сотрудничество обеих стран. От самого делового мира Англии и в немалой мере от его правительства будут зависеть размеры использования этих возможностей, которые, на наш взгляд, представляют собой совершенно самостоятельную серьезную задачу, независимую от разрешения тех или иных спорных вопросов, вытекающих из прошлого. Мы полагаем, что ликвидация этого прошлого, требующая вследствие сложности вопроса значительного времени, не должна непременно предшествовать мероприятиям, вызывающимся интересами сегодняшнего и завтрашнего дня. Мы надеемся, что будет найден путь также для удовлетворительного разрешения спорных вопросов, если противная заинтересованная сторона не будет делать бесплодных попыток навязывания нам чуждых нам понятий и принципов, а будет искать вместе с нами такого разрешения проблемы, которое было бы выгодно обеим сторонам. С нашей стороны добрая воля есть, есть искреннее стремление

к установлению с народами Великобритании дружественных отношений, к устранению тех недоразумений, которые до сих пор определенными кругами предумышленно создавались для взаимного отчуждения обоих государств. Можно, однако, пожалеть, что только что восстановленные отношения уже несколько омрачились присоединением Великобритании к выступлению Америки в манчжурском конфликте.

Товарищи, я останавливался главным образом на отношениях наших с двумя только странами — с Китаем и Великобританией, ибо улажение конфликтов с ними составляло существенную часть нашей политики последнего времени. В отношениях наших с другими странами за то время, которое прошло со времени моего последнего доклада на сессии ЦИК, не произошло существенных изменений.

ОТНОШЕНИЯ С ГЕРМАНИЕЙ

Мы попрежнему поддерживаем наиболее дружественные отношения с Германией. Попрежнему с большой симпатией следим мы за ее попытками освободиться от пут, которыми она связана благодаря Версальскому договору и от которых страдают больше всего трудящиеся классы. Мы горячо приветствовали бы результаты этих усилий, если бы они действительно приводили к устранению или хотя бы ослаблению версальских оков. Наши интересы не задеваются стремлениями Германии к улажению отношений с другими странами, но, конечно, лишь в тех случаях, когда это улажение отношений не вовлекает Германию в антисоветские комбинации и не совлекает ее с почвы Раппальского договора, имевшего столь благотворительные результаты как для Германии, так и для нашего Союза. За последний год мы имели новые доказательства того, что в Германии имеются лица, группы, организации и даже партии, которые ставят своей целью радикальное изменение всей политики Германии в сторону антисоветских махинаций в обмен на иллюзорные политические или экономические выгоды. За подобными попытками необходимо внимательно следить, как бы ни были ничтожны и немногочисленны инициаторы этих попыток, но все же из них нельзя делать выводов об изменении основной линии советско-германских отношений, на которых не должны также существенно отразиться неизбежные недоразумения и расхождения по второстепенным вопросам. Основные объективные условия, продиктовавшие в свое время Раппальский договор и нашу многолетнюю дружбу, продолжают в общем действовать и поныне и должны определять взаимоотношения еще на долгое время. Имеются еще также налицо основные предпосылки, давшие Германии возможность занять первое место в наших экономических взаимоотношениях с Западом. Заклю-

чением серии договоров и соглашений созданы широкие юридические рамки для развития этих взаимоотношений с Германией. Наша связь с западными странами, конечно, расширилась и еще больше будет расширяться, благодаря чему усиливается, конечно, конкуренция иностранных государств на нашем рынке, но, с другой стороны, при проводимых нами темпах развития индустрии и сельского хозяйства нашей страны колоссально возросли и наши потребности и запросы.

От самой Германии в значительной мере будет зависеть доля ее участия в удовлетворении этих потребностей.

ОТНОШЕНИЯ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ

Мы не без сожаления констатируем несколько застывшие, хотя и нормальные, отношения с Францией. Если французская буржуазная пресса в целом отражает хотя бы в малейшей степени отношение к нам французского правительства, то это отношение следует признать весьма неудовлетворительным. Роль Франции во вчерашнем демарше говорит о том, что в международных антисоветских выступлениях она не склонна занимать последнее место. С нашей стороны не было и нет препятствий к улучшению этих отношений как с политической, так и с экономической стороны. Нам не дано, однако, оснований думать, чтобы какие-либо шаги с нашей стороны в этом направлении могли бы рассчитывать на необходимый встречный отклик.

Наши отношения с Италией отличаются полной корректностью. За последний год имели место встречи итальянской воздушной эскадрильи в Одессе и советских военных судов в Неаполе при полном взаимном гостеприимстве. Успешно развиваются также и экономические взаимоотношения при содействии и поощрении обоих правительств. Мы рады также отметить почти полное отсутствие каких-либо недоразумений между обоими государствами.

Я только что получил от итальянского посла в Москве коротенькое извещение о том, что его правительство также присоединяется к выступлению Соединенных штатов Америки. Хочу думать, что запоздалость этого сообщения свидетельствует о колебаниях итальянского правительства и о том, что оно само чувствует некоторое несоответствие этого шага тем отношениям, которые правительства обеих стран стремятся установить между собою.

Подписанием московского протокола о досрочном введении в действие пакта Келлога мы дали новое доказательство нашего активного стремления к упрочению мира вообще и с нашими непосредственными западными соседями в особенности. В частности мы надеялись, что московский протокол окажет сдерживающее влияние на те польские круги,

которые всегда стремились к созданию и увековечению конфликтов между обоими государствами. К сожалению, эти надежды не оправдались, и наши отношения продолжают испытывать время от времени колебательные движения вследствие толчков со стороны то отдельных представителей польской государственности, то польской прессы.

Польское правительство считает, повидимому, существующие отношения достаточными и вполне корректными, но мы о корректности имеем несколько иное представление и искренне хотели бы изменения этих отношений в лучшую сторону, для чего мы в свое время делали соответственные предложения польскому правительству, не давшие, однако, результатов отнюдь не по нашей вине. Мы рады, однако, отметить более успешное развитие за самое последнее время торговых отношений.

С большим удовлетворением можно констатировать неуклонное развитие дружественных отношений между СССР и вольным городом Данцигом, что нашло свое выражение в посещении СССР президентом вольного города г. Заамом. Данцигское правительство дало нам недавно доказательства лояльной политики и его искренних стремлений к установлению дружественных отношений с Советским Союзом.

В наших взаимоотношениях с прибалтийскими государствами не произошло за последний год значительных изменений. Я очень рад, что могу констатировать несомненный прогресс в наших отношениях с Эстонией, с которой мы заключили в мае торговый договор. Я выражаю свою уверенность в том, что атмосфера большего понимания, установившегося между нами и эстонским правительством за последние месяцы, послужит основой для дальнейшего углубления отношений между обоими государствами.

Нормально развиваются наши отношения со всеми скандинавскими государствами, хотя возникновение в некоторых шведских кругах империалистических стремлений в сторону Востока требует с нашей стороны внимания.

Новое австрийское правительство изъявило готовность содействовать сохранению и дальнейшему развитию экономических отношений.

С Грецией мы подписали временное торговое соглашение, обеспечивающее сохранение выгодных для обоих государств торговых отношений.

Обозревая наши отношения с западными странами, мы не можем не вспомнить, что на юго-западной нашей границе одна из провинций, формально не отделившаяся от нашего Союза, находится еще в оккупации другой страны. Этой оккупации самоизбранные охранители пакта Келлога не замечают. Я имею в виду Бессарабию, население которой никогда не переставало стремиться к воссоединению с нашим Союзом, о чем мы забывать не можем.

Переходя к внеевропейским странам, я должен раньше всего констатировать сохранение в неприкосновенности и в полном объеме дружественности отношений с Великой турецкой республикой. Дружба нашего Союза выгодно отличается от дружбы других стран, где дружественные отношения часто устанавливаются в каждый момент правительством определенной партии, находящейся у власти, против политики которой может выступить завтра же другая партия, пришедшая ей на смену. Дружба нашего Союза не зависит от временных конъюнктур или от случайных комбинаций. За этой дружбой стоят сотни миллионов трудящихся, все народы союзной территории. Это не может не чувствоваться ощутительно на весах международной политики. Мы знаем, что нашу дружбу ценят в Турции, так же как и мы ценим по тем же причинам турецкую дружбу. В ближайшее время т. Карахан отправится в столицу Турции для личного засвидетельствования Турции неизменной дружественности нашего отношения к ней. В ближайшее же время в Москве начнутся переговоры о внесении некоторых изменений в советско-турецкий договор 1927 г. Я уверен, что на основе двухлетнего опыта действия этого договора мы сможем быстро закончить переговоры и создать еще более прочную базу для дальнейшего экономического сотрудничества.

Мы рады отметить значительную стабилизацию в наших отношениях с нашим великим дальневосточным соседом — Японией — и взаимную лояльность, соблюдаемую обоими правительствами. И в Японии, как и в других странах, имеются отдельные группы, стремящиеся к ухудшению этих отношений и прибегающие к обычным в таких случаях методам. Был случай перевода подобных стремлений в акт, несовместимый с лояльностью. Я позволю себе выразить уверенность в том, что попытки этих групп разобьются и в дальнейшем, как разбивались до сих пор, о стремление японского правительства и японского народа к сохранению и развитию лояльных и добрососедских отношений.

Неизменно дружественными остаются наши отношения с Персией. Ее стремление к экономической эмансипации и к укреплению своего международного положения встречает всегда с нашей стороны полное сочувствие.

Оба государства принимают все зависящие от них меры для беспрепятственного развития имеющих большое значение для них экономических взаимоотношений.

Большие испытания перенес в этом году соседний с нами афганский народ. Афганистан переживал потрясения, внушавшие тревогу и нам, заинтересованным в полном сохранении афганским народом своей самостоятельности. Верные основным принципам нашей политики, мы воздерживались от какого бы то ни было вмешательства в происходившую

в этой стране острую внутреннюю борьбу и от поддержки одной группировки против другой, следя лишь за тем, чтобы такого вмешательства не было со стороны других, соседних с Афганистаном стран. В настоящее время этим потрясениям положен конец. Как и в 1919 г., когда Афганистан впервые вступил на международную арену в качестве независимого государства, так и теперь союзное правительство, заинтересованное в скорейшем умиротворении и стабилизации внутреннего положения Афганистана, не замедлило признать новое правительство в первые же дни его образования. На нотификацию афганского мининдела от 15 октября с. г. об образовании правительства Мухаммед Надир-хана НКВД в своем ответе от 19 октября, подтверждая от имени союзного правительства неизменность добрососедских отношений между обоими государствами, выразил готовность развивать их на базе существующих соглашений в соответствии с интересами укрепления независимости Афганистана и его хозяйственно-культурного прогресса.

Из заатлантических стран у нас, к сожалению, нет никаких официальных отношений с великой республикой США, но значительно развились и укрепились наши отношения с деловым миром США. Промышленность этой страны особенно приспособлена к темпам развития нашей собственной индустрии. При надлежащих условиях могли бы быть сделаны дальнейшие значительные шаги в сторону экономического сближения обеих стран. Мы спокойно выжидаем, когда эта необходимость будет так же осознана теми, от кого эти шаги зависят, как она уже усвоена широкими деловыми кругами Америки. Прием, оказанный недавно советскому аэроплану «Страна советов», наряду со многими другими фактами свидетельствует о наличии и прогрессивном росте в Америке интереса и симпатий к нашему Союзу.

Сегодня неожиданно вспомнила о существовании нашего Союза Панамская республика. Она, видите ли, тоже озабочена охраной пакта Келлога. Мы можем лишь пожелать ей, чтобы этот пакт охранял ее самое и укреплял ее независимость.

НЕОБХОДИМО ДАЛЬНЕЙШЕЕ УКРЕПЛЕНИЕ НАШЕЙ МОЩИ

Из сделанного мною, товарищи, беглого обзора внешних сношений вы увидите, что за отчетный период мы полностью сохранили свои позиции, если не считать нанесенного нам урона на КВЖД, который, мы уверены, в ближайшее время будет нам возмещен. Несомненным плюсом является восстановление дипломатических отношений с Великобританией, прерванных два с половиною года назад. Мы были бы, однако, наивны и легкомысленны, если бы вздумали успокаиваться на достигнутой стабилизации и даже некотором

улучшении нашего международного положения и считать, что мы обеспечили себе внешнюю безопасность. Потрясения, переживаемые капиталистическим миром, его поиски разрешения насильственным путем раздирающих его противоречий, полный крах лжепацифистских лозунгов разоружения, свидетельствующий о живучести милитаристского и империалистического духа, проникающего во все поры международной политики, — все это вместе взятое не позволяет нам покинуть позиции настороженности. Но главнейшей угрозой являются проявляемые капиталистическим миром и неослабеваемые вражда и неприязнь к нашему советскому государству, являющиеся благоприятной питательной средой для конфликтов вроде манчжурского, для политики непризнания и разрыва отношений и еще более серьезных осложнений. Нет надобности точно указывать в каждый момент, где и как готовятся военные действия против нас. Достаточно отметить существующую вражду и продолжающееся нежелание капиталистических государств мириться с существованием советской страны, в чем мы не можем не видеть постоянной угрозы нашему Союзу. Нейтрализовать и уравновесивать эту угрозу мы не можем одними дипломатическими мероприятиями. Действительное равновесие может быть достигнуто лишь дальнейшим укреплением нашей внутренней мощи, успешным осуществлением наших хозяйственных планов, поддержанием и развитием подъема и энтузиазма среди рабочих, середняцких и бедняцких крестьян и дальнейшим сплочением единства нашей партии, а поскольку все наши мирные предложения последовательно отклоняются — также постоянной работой над усилением обороноспособности нашей страны.

Нельзя ожидать, чтобы питаемая к нашей стране вражда значительно смягчилась или тем более исчезла совершенно.

Мы будем, продолжая неуклонно политику мира, стремиться к предотвращению возможностей перехода этой вражды в насильственные действия против нашего Союза. В то же время мы должны внутренними экономическими мероприятиями придать нашей стране такую силу, такую оборонообеспеченность, чтобы эти насильственные действия не имели никаких шансов на успех и чтобы безуспешность или хотя бы рискованность этих действий были полностью ясны всем нашим возможным противникам. Но пока существует капиталистический мир с его империалистическими вождениями, упорно отклоняющий все наши предложения о всеобщем разоружении и даже увеличивающий свои вооружения, не может быть, конечно, полной гарантии того, что насильственные действия против нашего Союза не будут предприняты. На этот случай, и только на этот случай, мы должны позаботиться о том, чтобы рабоче-крестьянские армия и флот всегда были готовы принять вызов. Блестящий отпор, данный

нашей Дальневосточной армией китайским налетчикам и захватчикам, является порукой нам в том, что: и с этой стороны мы можем быть вполне спокойны.

(«Известия» от 5 декабря 1929 г.)

БЕСЕДА С ИНОСТРАННЫМИ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ НА ПОСТ НАРОДНОГО КОМИССАРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР

Москва, 25 июля 1930 г.

Постановление ЦИК Союза ССР о назначении меня в качестве народного комиссара не может ни в какой мере означать каких-либо изменений во внешней политике Союза. Не только потому, что я и раньше в течение десяти лет работал в Комиссариате по иностранным делам в тесном сотрудничестве со своим предшественником — т. Чичериним, совместно с ним активно участвовал в разработке и проведении в жизнь внешнеполитических проблем и в течение последних двух лет фактически руководил уже комиссариатом, а главным образом, потому, что смена руководителей ведомств в советском государстве не может иметь такого значения, как в капиталистических странах. В этих странах смена членов правительства, и в частности руководителей внешней политики, является в большинстве случаев результатом борьбы политических партий и представляемых ими классовых интересов, а иногда приспособлением к изменившейся внешнеполитической конъюнктуре и даже к внешним влияниям. В стране же диктатуры пролетариата, где рабочие и крестьяне полностью и нераздельно осуществляют свою власть, внешняя политика целиком определяется волей рабоче-крестьянских масс, находящей свое выражение в решениях советского правительства.

В основу внешней политики Союза положены принципы Великой Октябрьской социалистической революции, и защита завоеваний революции от внешнего воздействия и вмешательства является одной из ее основных задач. Не менее важной задачей советской дипломатии является обеспечение нашему социалистическому строительству мирных условий и свободы от внешних потрясений. Чем значительнее планы нашего строительства, чем быстрее его темпы, тем больше наша заинтересованность в сохранении мира. К осуществлению этой задачи были направлены наши усилия до сих пор и будут направлены еще в большей степени в дальнейшем.

Нам приходится строить социализм в одной стране в окружении капиталистических стран, занимающих пять шестых земного шара. Мы этого факта не можем игнорировать

и не игнорируем и поэтому стремимся к изысканию и осуществлению способов мирного сосуществования обеих социальных систем. Нам приходится и в дальнейшем придется делать величайшие усилия для борьбы с агрессивными стремлениями определенных капиталистических групп, идущих в сторону создания постоянных трений и конфликтов между обеими системами, следовательно и для укрепления и сохранения мира между народами.

Существующие внутри самого капиталистического мира значительные национальные, политические и экономические противоречия мешают, однако, установлению однообразного отношения к Советскому Союзу и выработке единых способов борьбы с ним. Так называемые мирные договоры, завершившие империалистическую войну, наложившие огромные тяготы на одни страны в пользу других, углубили противоречия, проведя глубокую, не поддающуюся стиранию грань между так называемыми странами-победительницами и побежденными. Ввиду нашего естественного сочувствия к странам, в которых возложенные на них тяготы ложатся тяжелым бременем, главным образом, на трудящихся, а также потому, что государства, заинтересованные в увековечении последствий и несправедливостей, воплощенных в упомянутых договорах, одновременно ведут наиболее агрессивную и враждебную политику и в отношении нашего Союза, — создалась некоторая общность интересов Советского Союза с пострадавшими от войны государствами. На почве этой общности интересов у Союза возникли с некоторыми из этих государств вполне корректные, нормальные и даже в некоторых случаях дружественные отношения, которые мы и в дальнейшем хотели бы лояльно развивать и укреплять. Не стремясь, однако, к участию в группировках одних государств против других, мы в то же время искренне будем стремиться к установлению одинаковых отношений со всеми государствами, которые этого пожелают.

Мы не скрываем, что при осуществлении нашего растущего экономического строительства мы хотели бы рассчитывать на дальнейшее расширение экономических связей с другими государствами. Это строительство чем дальше, тем больше расширяет сферу применения иностранной техники, иностранного труда, продукции иностранной промышленности и даже некоторого сырья. Но и здесь мы встречаемся с противоположными стремлениями отдельных враждебных капиталистических групп, ведущих кампанию за срыв экономических связей с нашим Союзом. Их усилия направлены как будто бы, главным образом, против нашего экспорта, но на самом деле против всего нашего внешнего товарооборота, ибо сокращение нашего экспорта неизбежно привело бы и к соответственному сокращению нашего импорта. Валют-

ная связь между импортом и экспортом настолько ясна, что на ней останавливаться не приходится. Государства, поддающиеся на эту кампанию, исходящую от заинтересованных незначительных групп наших конкурентов по экспорту, и ставящие искусственные законодательные или иные преграды ввозу нашего сырья и товаров, не должны наивно думать, что эти мероприятия не вызовут сокращения или прекращения нашего вывоза из этих стран. Мы уверены, однако, что все эти антисоветские кампании обречены на полную неудачу, ибо в конечном счете они должны ударить не только по нашим интересам, но еще в большей мере по интересам тех стран, которые к подобным кампаниям присоединились бы. В настоящее время, когда экономический кризис настолько углубился и расширился, захватив почти все европейские и внеевропейские страны, выключение из мирового товарооборота такого огромного и экономически крепнущего — единственно свободного от этой депрессии — государства, как наш Союз, вряд ли будет признано целесообразным и соответствующим интересам реальной политики мероприятием. Именно реально и правильно понятые интересы самих капиталистических стран должны будут толкать их в сторону продолжения и расширения экономических связей с Советским Союзом.

Мы сами отлично отдаем себе отчет в неизбежности экономических связей и торговых соглашений в данной исторической обстановке. Мы поэтому и ранее не отказывались и впредь не намерены отказываться от контакта и от совместного обсуждения с представителями других стран проблем, которые могут затрагивать интересы нашего Союза. Мы охотно будем поддерживать начинания и предложения, имеющие целью устранение возможностей военных столкновений и обеспечение всеобщего мира. Мы будем, однако, выступать в роли беспощадных обличителей в тех случаях, когда заметим, что под лицемерной маской пацифистской фразеологии скрываются вождельства и интересы, ничего общего с миром и с действительными интересами народов не имеющие. Мы ограничимся ролью наблюдателей в тех случаях, когда действительные цели международных жестов нам недостаточно ясны и нуждаются в уточнении и раскрытии. Мы останемся абсолютно чуждыми и враждебными таким международным акциям, которые в какой-либо мере могут способствовать угнетению одних народов другими или подготовке новых войн.

Мы особенно внимательно будем следить за политикой ближайших соседних стран, где за последнее время стало заметно усиление агрессивных и шовинистических движений, создающих большую угрозу делу мира, считая попрежнему одной из важнейших задач нашей дипломатии укрепление

и развитие мирных добрососедских отношений с этими странами в духе наших повторных миролюбивых предложений и московского протокола.

В общем мы будем продолжать нашу старую, испытанную внешнюю политику в сознании ее правильности, ее ответственности интересам всех народов, а также в сознании растущего могущества Советского Союза.

(«Известия» от 26 июля 1930 г.)

РЕЧЬ О ПЛАНЕ ЭРРИО И ОПРЕДЕЛЕНИИ НАПАДАЮЩЕЙ СТОРОНЫ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ГЕНЕРАЛЬНОЙ КОМИССИИ КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ 6 ФЕВРАЛЯ 1933 г.

Французская делегация обратилась с призывом воздержаться от общих неопределенных замечаний, а выявить отношение каждой делегации к французскому плану. Я вполне сочувствую этому призыву и считаю его вполне своевременным. Мы слишком часто и много обещаем изучать предложения, но практически их не изучаем или их не рассматриваем. Конференция представлено множество предложений, и мы потратили целый год не на обсуждение их, а на отложение их, на их оставление до другого случая или на консервирование их в технических комиссиях. Я могу заверить наших французских коллег, что советская делегация, которая всегда открыто и откровенно выступала по стоявшим перед нами вопросам, и на этот раз не уклонится от точного определения своего отношения. Французская делегация просила «обдуманного одобрения» или «точной критики ее предложений». Я постараюсь дать ей то и другое.

Советская делегация изучила с глубочайшим интересом обсуждаемые ныне французские предложения, и я рад заявить, что некоторые из них поддерживаются ею. Отнюдь не желая умалять их значение, я должен, однако, отметить, что мы не нашли в них никаких новых предложений о сокращении вооружений, а если там и можно найти такие предложения, то они поставлены в строгую зависимость от принятия конференцией французской схемы безопасности. Нам предлагают выработать сперва определенные предпосылки, которые позволили бы нам потом обсуждать мероприятия по сокращению вооружения. Нелишне будет вспомнить, что еще в 1927 г. на IV сессии подготовительной комиссии французская делегация в лице нынешнего министра иностранных дел Франции г. Пуль Бонкура потребовала, чтобы подготовительная комиссия до составления проекта конвенции о разоружении исследовала проблему безопасности. Это предложение было поддержано некоторыми другими делегациями, в результате чего был со-

здан специальный комитет арбитража и безопасности, который в течение двух лет разработал ряд предложений, и была начата работа по составлению проекта конвенции о разоружении.

Я возвращаюсь к этому отчасти для того, чтобы отдать дань уважения последовательности и настойчивости руководителей французской политики. Однако потому ли, что выработанные комитетом безопасности предложения не удовлетворили французскую делегацию, или же потому, что эти предложения были отвергнуты другими делегациями, но мы находимся теперь перед лицом новых французских предложений относительно безопасности. Это значит, что после четырех лет работ подготовительной комиссии по разоружению и на втором году существования самой конференции мы оказываемся отброшенными к тому этапу, на котором мы находились пять лет назад, и вынуждены вновь оставить на заднем плане вопросы разоружения и заняться проблемой безопасности. Будем надеяться, что этот цикл не повторится сам собой и что к концу следующих пяти лет мы не очутимся снова на том же месте, где находимся ныне.

Свое отношение к вопросу безопасности советская делегация не раз высказывала и в подготовительной комиссии и на нынешней конференции. Советская делегация отнюдь не хочет игнорировать проблему безопасности, все значение которой она вполне сознает. Однако мы всегда были убеждены и теперь убеждены в том, что наилучшим, если не единственным, обеспечением безопасности для всех наций было бы полное разоружение или хотя бы максимально возможное сокращение вооружений в течение возможно наискорейшего срока времени. Мы также полагали и полагаем и теперь, что подойти к проблеме безопасности каким-либо иным методом представляется настолько сложным и вызывает столь серьезные политические вопросы и международные разногласия, что она вряд ли может быть разрешена успешно и в короткое время и что заняться этой проблемой значило бы отказаться от всякой мысли о разоружении на весьма продолжительный период.

Но очевидно этой проблемы нельзя избежать хотя бы потому, что она поставлена перед нами большим и могущественным государством, представители которого заявили, что до ее разрешения не могут принять какие-либо обязательства по сокращению вооружения. Поэтому, если мы желаем продвигаться вперед и не продолжать ходить по кругу, мы должны со всей серьезностью обсудить французские предложения и уяснить себе, есть ли возможность добиться международного соглашения на почве этих и других предложений, которые могут быть внесены по вопросу о безопасности другими делегациями, чтобы вслед за тем перейти к вопросам разоружения, либо же такое соглашение невозможно, в каком случае нам

придется признать, что ввиду позиции некоторых государств вся проблема разоружения и безопасности в целом неразрешима и что человечество избавится от тяжелого бремени вооружений и от бича войны не путем международных конференций. Во всяком случае будет пролит некоторый свет на судьбы конференции.

Переходя к существу французского меморандума, я должен отметить, что только его первая глава может относиться ко всем государствам, представленным здесь. Остальные главы представляются имеющими в виду только членов либо существующих международных организаций, либо имеющих вновь возникнуть добровольных объединений. Так например, глава II имеет в виду только членов Лиги наций, глава III и до известной степени глава V — только европейские государства, и притом формально связанные с Лигой наций, глава IV — участников Вашингтонского морского соглашения или средиземноморские государства, и в том случае, если они готовы признавать для себя обязательными решения Лиги наций. Надо предполагать, что авторы этих глав не имели в виду участия в предлагаемых ими организациях Советского Союза, который расположен и на азиатском и на европейском материке, не являясь членом Лиги наций и не подписывая Вашингтонского соглашения.

Мне представляется несомненным, что, поскольку на участников предложенных организаций предполагается возложить специальные и весьма серьезные обязательства, эти участники имеют право требовать, чтобы обязательства эти распространялись по крайней мере на их ближайших соседей. Стало быть, поскольку с Советским Союзом граничат не только европейские, но и азиатские государства, как Япония, Китай и другие, которые заранее исключаются из предлагаемых организаций и следовательно освобождаются от новых обязательств, вряд ли можно ожидать от Советского Союза, чтобы он принял на себя эти обязательства. Далее, выполнение этих обязательств и порядок их выполнения предоставлены всецело решениям Совета Лиги наций, что служит дальнейшим доказательством того, что эта часть французских предложений не имеет в виду быть примененной к Советскому Союзу.

При таком положении советская делегация не видит необходимости в настоящий момент детально разбирать предложения, заключающиеся в главах II—V французского меморандума, тем более что она уже раз высказалась по поводу некоторых из этих предложений, так например, об интернационализации вооруженных сил, когда они были сделаны конференции по разоружению тогдашним главой французской делегации г. Тардьё¹. Она оставляет, однако, за собой право вернуться к ним,

¹ Речь г. Литвинова на пленуме конференции 11 февраля 1932 г.

если и когда выявится склонность к принятию их со стороны государств, для которых они предназначены.

Как мною уже было отмечено, только французские предложения, заключающиеся в толковании и значительном расширении обязательств, принятых на себя участниками пакта Келлога — Бриана, могут считаться обращенными ко всем представленным здесь государствам, включая Советский Союз. Я рад возможности заявить, что против этих предложений советская делегация возражений не имеет и готова будет подписать конвенцию, воплощающую их. Я позволю себе только несколько замечаний, по-моему, до крайности существенных.

Я полагаю, что если мы ставим своей задачей усиление и расширение обязательств, вытекающих из пакта, то мы должны одновременно позаботиться о том, чтобы уже принятые по нему обязательства сохраняли свою полную силу для всех его участников и не ограничивались и не умалялись бы теми оговорками, которые были сделаны односторонне некоторыми государствами, — оговорками, сводящими практически на-нет весь пакт. Правда, эти оговорки легальной силы не имеют, поскольку остальные участники пакта на них согласия не давали, но все же известны случаи ссылок на них для оправдания нападения. Советская делегация поэтому предложит в нужный момент, либо чтобы государства, сделавшие эти оговорки, формально от них отказались, либо же чтобы путем международного соглашения эти оговорки были лишены всякой юридической и моральной силы.

Далее, французские предложения предусматривают некоторые международные санкции по отношению к государству, нарушившему пакт, т. е. к государству, которое окажется при каком-либо вооруженном конфликте нападающей стороной. Это неизбежно ставит вопрос о том, как и кто должен определять нападающую сторону. Очевидно, нам придется либо подумать о создании специального международного органа для этой цели, либо облечь необходимыми судебными функциями конференцию из представителей всех участников пакта. В том и другом случае напрашивается вопрос о беспристрастии решения в столь жизненно важном предмете для каждого государства, как признание его нападающим и применение к нему международных санкций. Этот вопрос представляет большой интерес для всех государств, но имеет особый интерес для представляемой мною страны, а потому здесь более, чем в каком-либо другом вопросе, необходимы полная откровенность и взаимопонимание. Мы представляем единственную во всем мире страну, которая изменила свой политический строй, создала совершенно новую политическую систему советов, уничтожила капитализм и строит новую социальную систему, в то время как все остальные государства сохранили у себя капиталистический строй. Вам известно, что

возникновение нового, советского социалистического государства было настолько неприятно всему капиталистическому миру, что он в свое время пытался даже путем интервенции вновь водворить капитализм в нашей стране или хотя бы путем расчленения уменьшить объем нового государства.

Эти попытки были бесплодны и больше не возобновлялись, но нельзя утверждать, что мысли о новых покушениях совершенно оставлены. Мы знаем, наоборот, что в некоторых странах эти мысли продолжают лелеять весьма влиятельные политические деятели, лидеры больших партий, прежние, будущие и даже теперешние члены правительства, делающие поход против Советского Союза чуть ли не центром своей внешней политики и с этой целью уже теперь поддерживающие тесную организационную и финансовую связь с эмигрантами — приверженцами русского старого режима. Приходится признать, что капиталистический мир в целом еще не примирился окончательно с фактом существования страны, строящей социализм, и эта непримиримость продолжает порождать к такой стране неприязнь, находящую всевозможные пути для своего выражения. Я не стану утомлять вашего внимания перечислением всех многочисленных и разнообразных антисоветских кампаний, которые возрождаются из года в год. Я только замечу, что если учесть все существующие государства обоих полушарий, то большинство из них до сих пор не установило нормальных отношений с Советским Союзом, иными словами, применяет к нему бойкот, одну из тех самых санкций, которые предполагается применять в будущем только к нападающей стороне. При таких обстоятельствах позволительно спросить, может ли Советский Союз ожидать справедливого к себе отношения и объективных решений от какого-либо международного органа, который будет состоять исключительно из представителей враждебного ему капиталистического мира и может быть в большинстве своем из представителей правительств стран, которые его бойкотируют. Мне кажется, что двух ответов на этот вопрос не может быть, а если кто-либо здесь в этом сомневается, то я рекомендовал бы ему чисто гипотетически вообразить себе на минуту, что в положении Советского Союза находится его собственное государство в качестве единственной капиталистической страны среди стран, установивших советский строй и строящих социализм, и просил бы его ответить нам, думает ли он, что его страна согласилась бы доверять разрешение своих жизненных вопросов международному органу, который состоял бы исключительно из представителей правительств советских стран. Достаточно на минуту вдуматься в это, чтобы показать, почему Советский Союз, пока налицо имеется указанное отношение к нему, не может соглашаться признавать для себя обязательными решения таких международных организаций, как собра-

ние или Совет Лиги наций, существующие международные трибуналы, арбитражные суды, хотя он в принципе отнюдь не отвергает ни международного сотрудничества, ни арбитража. Этот вопрос неизбежно встает для него с особой остротой каждый раз, когда заходит речь о создании международных органов с судебными, контрольными и подобными функциями. Вполне естественно, что мы в таких случаях должны требовать такого состава этих органов, который гарантировал бы нам ту же меру беспристрастия и справедливости, которая обеспечена другим государствам. Это требование советская делегация должна будет выдвинуть, когда вследствие французских предложений на обсуждение станет вопрос о таких органах. Мы не думаем, однако, чтобы исполнение этого законного требования встретило серьезные практические затруднения.

Но и при любом составе международный орган, которому пришлось бы определять нападающую сторону, испытывал бы при настоящих условиях чрезвычайные затруднения, хотя бы по той простой причине, что не существует общепризнанного понятия нападения и на практике, как и в теории, на этот счет имеется много разногласий. Это доказывается, между прочим, и теми оговорками, которые были сделаны при подписании пакта Келлога, на которые и ссылался. В чем смысл этих оговорок? Разве они не вызваны стремлением некоторых государств к свободе действий, несмотря на пакт, в некоторых районах земного шара? А каковы эти случаи или районы—это государство само будет определять. Можно спросить, каковы гарантии, что такими случаями не будут признаны те самые обстоятельства, которые до сих пор служили предлогами для войны? Мы знаем из опыта, что в качестве оправдания нападения служили многочисленные и весьма разнообразные обстоятельства, как то: стремление к эксплуатации естественных богатств данной территории, нарушение какого-либо международного соглашения, мероприятия какого-либо государства, затрагивающие материальные интересы другого, защита граждан, добровольно на собственный риск прибывших в определенную страну, нарушение установленных привилегий каким-либо государством, возникновение революций или беспорядков и т. д. Подобные оправдания нападения имели место не в средние века, не в прошлых столетиях, а в самое последнее время. И эта практика обогатилась новыми теориями. Существует теперь склонность оправдывать нападение действительным или мнимым внутренним хаотическим состоянием другого государства, размерами капиталовложений или особыми интересами в чужом государстве, отрицанием характера государства за другой страной, стратегическими соображениями, желанием продвинуть линию собственной обороны далеко за пределы собственных границ. Недавно также

выдвигалась теория оправдания войны необходимостью обеспечения мира. Если подобные теории получают распространение и будут учитываться международными судьями, т. е. членами международного трибунала, то можно заранее с уверенностью предсказать, что ни при одном вооруженном конфликте не будет найдено нападающей стороны и что будут только устанавливаться взаимонападающие или взаимообороняющиеся стороны или, что еще хуже, обороняющаяся сторона будет признаваться нападающей и наоборот.

Вы знаете, что даже суды, действующие на основании точных законов, не всегда выносят правильные решения. Это доказывается тем, что разные судебные инстанции, действующие на основании одинаковых законов, выносят по одному и тому же делу неодинаковые решения. Насколько менее можно ожидать от трибуналов правильных решений, когда они не обязаны руководствоваться никакими законами и никакими руководящими указаниями. Но разве не в таком именно положении окажется международный орган, который должен будет применять теперь пакт Келлога — Бриана? А ведь речь идет в данном случае об интересах не отдельных граждан, а государств и народов.

Нам представляется совершенно очевидным, что если мы хотим видеть пакт Келлога — Бриана с теми добавлениями, которые предлагает французская делегация, в действии и обеспечить международному органу, который эти добавления должен вызвать к жизни, хотя бы минимум авторитета, беспристрастия и доверия, то мы должны дать ему руководящие указания, а это значит раньше всего определение войны и различия между нападением и самозащитой и осуждение тех обманчивых оправданий нападения, какие обычно практиковались. Только что развитые мною мысли советская делегация попыталась воплотить в проекте декларации, которую она позволяет себе представить на ваше рассмотрение.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НАПАДАЮЩЕЙ СТОРОНЫ. ПРОЕКТ ДЕКЛАРАЦИИ

Общая комиссия, ¹

полагая необходимым в интересах всеобщей безопасности и облегчения соглашения о максимальном сокращении вооружений определить возможно более точным образом понятие нападения, дабы предупредить всякий предлог к его оправданию;

признавая, что все государства имеют равные права на независимость, на безопасность и на защиту своей территории; воодушевленная желанием в интересах всеобщего мира обеспечить всем народам право свободно развиваться тем способом, какой им подходит, и теми темпами, которые они

считают необходимыми, и с этой целью самым полным образом оградить их безопасность, их независимость и неприкосновенность их территории, так же как и их право на самооборону от нападения или вторжения извне, но единственно в пределах их собственных границ, и

считая необходимым дать необходимые руководящие указания международным органам, которые могут быть призваны определять сторону, виновную в нападении,

объявляет:

1. Будет признано нападающим в международном конфликте государство, которое первое совершит одно из следующих действий:

- a) которое объявит войну другому государству;
- b) вооруженные силы которого, хотя бы и без объявления войны, вторгнутся на территорию другого государства;
- c) сухопутные, морские или воздушные силы которого бомбардируют территорию другого государства или сознательно атакуют суда или воздушные суда последнего;
- d) сухопутные, морские или воздушные силы которого будут высажены или введены в пределы другого государства без разрешения правительства последнего или нарушат условия такового разрешения, в частности в отношении времени или расширения района их пребывания;
- e) которое установит морскую блокаду берегов или портов другого государства.

2. Никакое соображение политического, стратегического или экономического порядка, ни стремление к эксплуатации на территории атакуемого государства естественных богатств или к получению всякого рода иных выгод или привилегий, так же как и ни ссылка на значительные размеры вложенного капитала или на другие особые интересы, могущие иметься на этой территории, ни отрицание за ней отличительных признаков государства не могут служить оправданием нападения, предусмотренного в пункте 1.

В частности не могут служить оправданием нападения:

A. Внутреннее положение какого-либо государства, как например:

- a) отсталость какого-либо народа в политическом, экономическом или культурном отношении;
- b) недостатки, приписываемые его управлению;
- c) опасность, могущая грозить жизни или имуществу иностранцев;
- d) революционное или контрреволюционное движение, гражданская война, беспорядки или забастовки;
- e) установление или сохранение в каком-либо государстве того или иного политического, экономического или социального строя.

B. Никакие действия, законодательство и распоряжение какого-либо государства, как например:

- a) нарушение международных договоров;
- b) нарушение прав и интересов в области торговли, концессий или всякой иной экономической деятельности, приобретенных другим государством или его гражданами;
- c) разрыв дипломатических или экономических отношений;
- d) меры экономического или финансового бойкота;
- e) отказ от долгов;
- f) воспреещение или ограничение иммиграции или изменение режима иностранцев;
- g) нарушение привилегий, признанных за официальными представителями другого государства;
- h) отказ в пропуске вооруженных сил, следующих на территорию третьего государства;
- i) мероприятия религиозного и антирелигиозного характера;
- k) пограничные инциденты.

3. В случае мобилизации или сосредоточения каким-либо государством значительных вооруженных сил вблизи своей границы государство, которому такие действия угрожают, имеет прибегнуть к дипломатическим или иным способам, позволяющим мирное разрешение международных споров. Оно может также принять тем временем ответные меры военного характера, аналогичные указанным выше, но не переходя, однако, границу.

Общая комиссия решает включить развитые выше принципы в текст будущей конвенции о безопасности и о разоружении или в специальное соглашение, которое составит неотъемлемую часть названной конвенции.

При составлении этого документа мне отнюдь не были неизвестны те дискуссии, которые имели место в Лиге наций, и те затруднения, которые встречались при попытках определения актов нападения. Я поэтому могу предвидеть все те возражения и замечания, которые могут быть сделаны по поводу нашего документа юристами или другими экспертами, которые вновь будут указывать на невозможность абсолютного определения нападения, на возможность случаев, которые нами не предусмотрены, и, самое главное, на трудности установления стороны, напавшей первой, в случае сосредоточения вооруженных сил по обе стороны какой-либо границы. На это я могу заранее же ответить, что мы не претендуем на абсолютные определения, поскольку таковые вряд ли возможны и мыслимы, а главное к тому же, что в огромном большинстве, если не во всех известных нам из истории случаях вооруженных конфликтов, установление таких фактов, как сторона, которая первая объявила войну или первая совершила реальный акт нападения, никаких затруднений не составляло и спорными являлись только за-

конность причин и оправдание такого рода нападения. Я думаю, что то же самое можно сказать и в отношении случаев, которыми приходилось за последние годы заниматься Лиге наций. Я признаю, однако, что и сама советская делегация гораздо большее значение придает второму пункту своей декларации, где содержится осуждение известных из истории и возможных в будущем примерных случаев оправдания нападения, чем остальным пунктам.

Я не уверен, что в только что прочитанном вам проекте декларации были исчерпаны все мыслимые оправдания войны, да мы и не ставили себе такой цели. Когда мы говорим, что никакие соображения не могут оправдывать нападения на чужую территорию, мы охватываем также и случаи, не упомянутые особо в декларации. Мы готовы допустить несовершенство документа, который мы вам предлагаем, мы готовы выслушать ваши соображения, вносить и принимать поправки, добавления и т. п. Но дело, однако, не в деталях, а в принятии основных принципов, которые лежат в основе этого документа. Эти принципы состоят в провозглашении неприкосновенности установленных и признанных границ любого государства, большого или малого, в отрицании за каждым государством права вмешательства в дела, в развитие, в законодательство и в администрацию другого. Мы позволяем себе провозгласить на этой конференции «Хартию свобод народов». Только тогда приобретут особое значение международные соглашения об отказе от войны и о ненападении и действительно дадут всем государствам некоторое чувство безопасности. Я говорю «некоторое чувство», потому что мы продолжаем утверждать, что полная безопасность для всех может быть обеспечена только полным или максимальным разоружением.

Но однако, пока и если это не осуществлено, мы будем пытаться так называемой проблеме безопасности дать такие решения, которые не могли бы стать предметом дипломатической игры, но могли бы быть полезны меньшим и слабейшим странам, а не только сильнейшим странам.

Как вы понимаете, наши предложения не имеют в виду конкурировать с французскими предложениями или заменить их, а являться их логическим продолжением. Вот почему мы полагаем желательным их рассмотрение при обсуждении французских предложений.

Ставя перед всеми свои новые предложения, советское правительство воодушевлено исключительно тем же стремлением, которое побудило его в свое время предложить полное разоружение и которое побуждает его отвести такое большое место в своей внешней политике системе двусторонних пактов о ненападении, — стремлением к возможно максимальному обеспечению всеобщего мира. Миролюбие пред-

ставляемого мною правительства не вызывает, кажется мне, больше сомнений. Некоторые скептики и циники пытаются, правда, ослабить значение этого миролюбия указанием на то, что советское государство нуждается в мире для выполнения своего социалистического строительства. Мы этого не отрицаем. Но хотят ли эти люди сказать, что только советское государство может отстраиваться и развиваться в условиях мира и что для развития капиталистических государств нужны другие условия, не условия мира? Если бы какое-либо другое государство, давая доказательства миролюбия, объяснило, что оно для своего развития нуждается в мире, то мы со своей стороны из этого упрека ему не делали бы. Мы давали каждому представленному здесь государству случай показать это принятием наших предложений о разоружении и о пактах ненападения, мы даем ему эту возможность еще раз нашими сегодняшними предложениями.

(«Известия» от 8 февраля 1933 г.)

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ПЕЧАТИ В ЛОНДОНЕ ПО ПОВОДУ ПОДПИСАНИЯ КОНВЕНЦИИ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ АГРЕССИИ 3 ИЮЛЯ 1933 г.

Международная жизнь знает теперь множество актов, а еще больше резолюций, разных предложений и проектов относительно отказа от войны, неприбегания к силе, ненападения и т. д. Смысл всех этих актов и предложений сводится к принятым или имеющим быть принятыми обязательствам ненападения одних государств на другие. Хотя всякому простому смертному понятие нападения кажется совершенно простым и ясным, тем не менее международные организации и институты в течение многих лет обсуждали точное определение агрессии и не пришли к окончательному заключению. Между тем без общепринятого, более или менее точного определения агрессии сами обязательства о ненападении в значительной мере обесценены, ибо в случае нарушения обязательства ненападения трудно будет установить, какая сторона является нарушающей свои обязательства. В настоящее время нет таких общепризнанных международных авторитетов, которые могли бы в соответственных случаях решать такие вопросы. Если бы такие организации и существовали или были созданы, то от них трудно было бы ожидать совершенно беспристрастных и объективных заключений, в особенности при отсутствии каких-либо критериев, которые они могли бы класть в основу своих суждений.

Чтобы восполнить этот пробел, советская делегация на конференции по разоружению в связи с обсуждавшимися там разными схемами гарантии безопасности представила около пяти месяцев назад детально разработанное определение агрессии. В этом определении были указаны не только те акты, которые должны считаться агрессией, но и перечислены известные в международной практике поводы для оправдания агрессии, с тем чтобы такие поводы были на будущее время заранее осуждены.

Это определение агрессии привлекло к себе значительное внимание в Женеве и было оценено во многих странах как одно из возможных серьезных средств увеличения безопасности народов. Следуя женевской процедуре, предложение стало проходить различные стадии обсуждения, и притом в комплексе множества других сложных проблем по разоружению. Комитет по безопасности рассмотрел наше предложение и в основном его принял. Однако когда доклад комитета по безопасности был передан в генеральную комиссию конференции, то стало очевидным, что предложение имеет весьма мало шансов на скорое принятие. Кроме того выяснилось, что некоторые государства находят для себя неудобным и стеснительным наше определение агрессии и что поэтому универсальное принятие его стало также весьма проблематичным.

Эти обстоятельства навели нас на мысль о целесообразности проведения определения агрессии в конвенции сперва между ограниченным числом государств, с тем чтобы другие государства могли к ней присоединиться либо же последовать этому примеру. Естественно, наша мысль раньше всего обратилась к нашим непосредственным соседям, которых мы и стали соответственно зондировать. Зондаж вскоре перешел в практические переговоры с некоторыми из наших соседей, из которых особенно горячо к нашему предложению отнеслась Турция. Министр иностранных дел Турции Тевфик Рюшту-бей оказывал нам самое активное содействие в осуществлении намеченной цели. Вследствие моего отъезда в Женеву, а затем в Лондон переговоры временно прекратились, но вскоре возобновились в Лондоне, где удалось использовать присутствие министров иностранных дел некоторых соседних с нами государств. В результате продолженных здесь переговоров удалось сегодня подписать конвенцию, под которой стоят подписи семи соседних с нами стран.

Подписанная конвенция является новым звеном в цепи мероприятий советского правительства, систематически направленных к укреплению его мирных отношений с соседями. В то же время конвенция является примером и стимулом для других стран. Само собой разумеется, что Советский Союз готов подписать аналогичные конвенции с любыми государ-

ствами, независимо от их географического положения и ныне существующих с ними отношений. Подобные соглашения, однако, отнюдь не снимают с очереди нашего предложения на конференции по разоружению, имеющего целью универсальное принятие определения агрессии. Мы были бы чрезвычайно рады, если бы удалось достигнуть соглашения в Женеве между всеми народами и подписать общую конвенцию, которая поглотила бы тогда частные. Мы в данном случае следовали тому же пути, по которому мы шли в деле пакта Бриана — Келлога, который ввиду затруднительности и медлительности общего его прохождения был также введен досрочно в действие между нами и нашими соседями. В своем выступлении на экономической конференции я указывал на значение атмосферы спокойствия в политической жизни народов для разрешения международных экономических проблем. С этой точки зрения мне кажется, что завершенная нами в Лондоне акция, укрепляющая мир между народами, представляющими свыше 265 миллионов человек, несомненно должна содействовать успехам экономической конференции и поэтому приветствоваться ее инициаторами и участниками.

(«Правда» от 5 июля 1933 г.)

РЕЧЬ НА IV СЕССИИ ЦИК СССР 29 ДЕКАБРЯ 1933 г.

Товарищи члены Центрального исполнительного комитета!

Председатель Совета народных комиссаров в рамках своего общего доклада дал вам краткую характеристику международного положения, и мне остается лишь сделать дополнительное сообщение на ту же тему, и несколько подробнее развить затронутые им положения.

ЭРА БУРЖУАЗНОГО ПАЦИФИЗМА КОНЧИЛАСЬ

Я выступаю перед вами, товарищи, в момент кипучей деятельности и повышенной активности международной дипломатии. Не касаясь ее качественных показателей, можно утверждать, что эта активность вызывается происшедшими или происходящими значительными сдвигами в международных отношениях, международных группировках и созреванием и оформлением новых дипломатических планов и комбинаций. Если можно говорить о дипломатических эрах, то мы несомненно стоим сейчас на стыке двух эр.

Чтобы ответить на вопрос, что именно случилось или что происходит сейчас в международной жизни, я позволю себе

остановиться вкратце на развитии этой жизни за последние пятнадцать лет. Мы с вами, товарищи, знаем природу капиталистических государств, природу империализма, его внешние задачи и функции. В основном эти задачи и функции не меняются. Меняется лишь тактика осуществления этих задач в применении к исторически меняющимся конъюнктурам, и эту меняющуюся тактику и принято называть дипломатией. Основная черта капиталистического, а в особенности империалистического, государства состоит в том, что оно ставит себе внешние задачи, осуществление которых оно не мыслит себе без применения силы, без войны. Если требовалось лишнее доказательство этому, то мы его получили в ответе, который дан был в Женеве на наше предложение о полном разоружении, о полном уничтожении средств войны. Нам там ответили, что об отказе от войны не может быть и речи, что временно можно говорить о мире, но что к войне надо готовиться всегда. Такой ответ нам дали и до и после всеобщего подписания пакта Келлога — Бриана, который как будто изгоняет войну, в качестве метода разрешения международных споров. Но не все капиталистические государства во всякое время или всегда с одинаковой силой хотят войны. Любое самое империалистическое государство на том или ином отрезке времени может стать глубоко пацифистским. Это бывает, когда оно либо потерпело поражение в войне и ему требуется некоторое время, для того чтобы собраться с силами для новой войны, либо когда ему противостоит более сильное государство или группировка государств и общая политическая конъюнктура ему неблагоприятна, либо же когда оно пресытилось победами и завоеваниями и ему нужно некоторое время для освоения этих завоеваний. Бывают и другие факторы, отбивающие охоту к войне, как, например, внутренние неурядицы, экономическое бессилие и т. п.

После мировой войны, в которой участвовало около сорока государств, в том числе все без исключения крупные державы, весь капиталистический мир стал на время пацифистским. Пацифизм побежденных стран, у которых отняли почти все средства для ведения войн, объяснить не приходится, но и страны-победительницы, удовлетворив в значительной части свои империалистические вожелания, не были до поры до времени заинтересованы в дальнейших войнах. Правда, оставались неустранимыми капиталистические противоречия между самими странами победительницами, но они были слишком истощены, чтобы сразу решиться на новые войны. Они попытались было обратить остаток своей военной энергии против выросшей новой международной силы в лице советских республик, но для этой войны оружие их оказалось притупленным, и они благоразумно и за-

благовременно поспешили военную дискуссию с нами прекратить. К тому же в капиталистических государствах стал приходиться в себя от военного гашиша пролетариат и предъявлять к оплате векселя, выданные ему буржуазией во время войны. Война вызвала сильную реакцию и антивоенные настроения и среди мелкой буржуазии. Далее, явилась необходимость привести несколько в порядок расшатанные войною финансы и экономику. Все это вместе взятое и создало эру буржуазного пацифизма и пацифистской дипломатии, длившуюся до самого последнего времени. Имело место бесчисленное количество международных встреч и конференций, была создана Лига наций, организовавшая встречи министров иностранных дел и премьер-министров по несколько раз в год. Эти встречи и конференции происходили публично под контролем общественности, и на них говорилось только о мире и о дружбе между народами. Не было недостатка, конечно, и в закулисных встречах и секретных разговорах, но они носили «нелегальный», «подпольный» характер. Во всяком случае двенадцать лет усердно говорили и писали о мире и разоружении и составляли проекты соответствующих конвенций.

А пока мининделы усердно говорили о мире, военные и морские министры и генеральные штабы тоже не бездействовали и столь же усердно пополняли истощенные войной запасы оружия, амуниции, прибавляя к ним продукты новых военных изобретений. Тем временем межгосударственные капиталистические противоречия расширялись, углублялись, заострялись и стали все громче давать о себе знать. Разразившийся с небывалой силой и продолжительностью экономический кризис еще больше заострил существовавшие противоречия, прибавив к ним новые. Социал-демократические партии, руководимые II Интернационалом, поверившие во всемогущество и вечность демократии и ее способность охранять мир и отказавшиеся поэтому и отучившиеся от всякой революционной борьбы с буржуазией, оказались в некоторых странах выбитыми из всех своих позиций. Вместе с этими партиями потерпела большой урон и радикальная интеллигентская и пацифистская часть мелкой буржуазии. К тому же выросло новое поколение людей, не знавшее и не испытывавшее ужасов мировой войны и не зараженное поэтому теми антивоенными настроениями, которым правительства должны были до последнего времени платить некоторую, хотя бы словесную, дань пацифизма. Да и невозможно было долгие эту дань уплачивать, ибо слишком резко противоречили ей действия правительств. И вот эра буржуазного пацифизма кончилась. Буржуазная пресса вместо проблем мира стала открыто обсуждать проблемы войны во всех их отвратительных деталях.

В Женеве и на дипломатических встречах и совещаниях вместо разоружения центральное место заняли вопросы вооружения или довооружения. Там, где старые правящие партии и клики не успели перестроиться в соответствии с новым, военным духом времени, им на смену пришли новые партии, новые клики, новые люди с новой идеологией, не запятнанной и не скомпрометированной в прошлом никаким пацифизмом. Любая форма пацифизма, стремление к международному миру объявляются воплощением всех смертных грехов, предательством идеалов человечества. Настоящие идеалы человечества, видите ли, это вечная борьба между народами, борьба между расами, между религиями, их взаимное истребление. Только война может вновь облагородить, обновить и омолодить человечество. В этом духе должно воспитываться юношество. Этому учению должны служить монопольно печать, литература, наука и искусство. Эта новая идеология, правда, пахнет весьма отдаленной стариной, отдает плесенью средних веков, воскрешает образы и методы святой инквизиции, но ради ее торжества, во имя этой новой «цивилизаторской миссии» объявляется поход против марксизма, против коммунизма, против радикализма.

Чтобы не расширять рамок сообщения, я позволю себе не останавливаться здесь на социальной природе и составе этих новых партий и на экономических причинах их появления, ибо это непосредственно к теме моего сообщения не относится.

Борьба с мировым коммунизмом — это, однако, скорее показная или отдаленная цель. Под прикрытием этой борьбы имеется в виду осуществление более скромных, узко национальных задач, носящих в оголенном виде название ревизии договоров и захвата земель как упомянутых, так и не упомянутых в договорах, подлежащих ревизии. Достаточно ознакомиться с литературой поборников «новой» идеологии, чтобы убедиться, что если фортуна войны им улыбнется, то они не будут очень разборчивы, не будут ограничиваться исключительно территориями, находящимися под контролем ненавистных им марксистов, но не откажутся от прирезки и буржуазных земель и, может быть, даже таких, где господствуют родственные им идеи. Так обстоит дело по крайней мере с одной из европейских стран.

Есть и другая страна, которая оказалась еще более «передовой» или, может быть, более подготовленной и которая, не прибегая к сложной идеологии и к теоретической подготовке, ревизию договоров сразу заменила ревизией границ и эту ревизию поручила не дипломатам, а своим генералам, под предводительством которых целые армии сво-

бодно маршируют по необъятному азиатскому матеру во всех направлениях, не считаясь ни с какими границами и ни с чьими правами. Впрочем, без некоторой идеологии не обходится дело здесь тоже. Но эта идеология еще не окончательна выкристаллизовалась, носит она несколько робкий, пробный характер, принимая форму защиты не то европейской «цивилизации» против коммунизма, не то теории новой общеазиатской расы, которая должна быть облагодетельствована господством над ней авторов этой теории. Но и в данном случае идеология прикрывает весьма прозаические национальные завоевательские, империалистические цели. Не приходится удивляться намечающемуся политическому сближению между защитниками охарактеризованных мною двух новых идеологий, имеющих общие корни и одинаковые цели.

Я считаю нужным заранее разъяснить тем, кто вздумал бы благородно возмущаться моей откровенной критикой теорий, воплощаемых в политике некоторых стран, с которыми мы поддерживаем нормальные дипломатические отношения, что они сами достаточно злоупотребляют своим правом иметь открытое суждение о нашем коммунизме, который они к тому же искажают, чтоб и я мог позволить себе высказать некоторые замечания и о проповедуемых ими теориях, сущность которых всем теперь понятна и пользуется во всем мире довольно сомнительной популярностью (с м е х, а п л о д и с м е н т ы).

БОРЬБА ТРЕХ ГРУППИРОВОК КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ

Я дал вам, товарищи, основные характеристики той новой эры дипломатии, о которой я говорил в начале своего сообщения. Новым задачам дипломатии должны соответствовать и новые формы. Вот почему более или менее открытые и гласные международные конференции оказываются уже устарелым методом международного общения, уступая место более ограниченному, негласным встречам четырех, трех и двух министров, а от существующих международных организаций отворачивается одно государство за другим. О мире, о разоружении можно говорить публично, о войне, о вооружениях удобнее говорить с глазу на глаз, втроем или вчетвером (с м е х).

Вы получили бы, однако, неправильное представление о международном положении, если бы на основании мною сказанного вы думали, что все капиталистические государства стремятся сейчас к войне и непосредственно ее готовят. Далеко нет. Наряду с весьма немногими странами, которые либо уже заменили дипломатию военными операциями, либо, еще будучи к этому, не подготовлены, соби-

раются это делать в недалеком будущем, есть такие, которые пока еще подобных задач себе не ставят. У них есть свои противоречия с другими странами, которые они не считают устранить иначе, как войной. Но эти противоречия еще не достигли такой остроты, чтобы война считалась актуальной. Считая, однако, войну неизбежной и неустранимой и, с другой стороны, не будучи слишком заинтересованы в сохранении всеобщего мира, они не хотят связывать себе рук и избегают, по возможности, обязательств, которые излишни, по их мнению, упрочивали бы мир, как пакты о ненападении, определение агрессии и т. п. Они, может быть, ничего не имели бы против маленькой драки между третьими государствами, в которую они сами не были бы вовлечены и из которой они могли бы извлечь некоторую выгоду, в особенности если бы от таких драк мог пострадать наш Союз.

Есть, наконец, и такие буржуазные государства — и их немало, — которые на ближайший отрезок времени заинтересованы в ненарушении мира и готовы направлять свою политику в сторону защиты этого мира. Я не вхожу в оценку мотивов этой политики, констатирую лишь факт, который для нас весьма ценен.

Я взял, конечно, лишь основные группировки государств, борьба между которыми заполняет в настоящее время международную арену. Эту борьбу легко проследить во всех международных явлениях, на всех конгрессах, конференциях, в международных организациях. В Лиге наций эта борьба принимает наиболее рельефные формы. Можно допустить, однако, что в Лиге наций побеждает как будто то течение, которое заинтересовано в сохранении мира, и этим, может быть, объясняются те глубокие изменения, которые намечились в составе Лиги. Ревизия договоров, разоружение, довооружение, пакт четырех, реорганизация Лиги — все это проявления и функции борьбы между охарактеризованными мною тремя основными группировками государств.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИРА — ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА НАШЕЙ ДИПЛОМАТИИ

Вот, товарищи, та сложная международная обстановка, в которой приходится действовать советской дипломатии. Ответственность нашей дипломатии велика и становится все больше, ибо все или почти все названные мною международные проблемы задевают или могут задевать интересы нашего Союза. Взять хотя бы, например, ревизию договоров. Этот вопрос нас как будто не касается, ибо мы в соответственных договорах не участвовали, не участвовали не только формально, но и морально. Мы их не одобряли. Более того, мы не скрывали своих симпатий к тем народам, в от-

ношении которых в этих договорах были совершены явные несправедливости, и не нам поэтому возражать против ревизии этих договоров, но, конечно, только в том случае, если эта ревизия может иметь место мирным путем, на основе добровольных соглашений, или же, если, устранив существующие несправедливости, она не создаст других и, может быть, еще больших несправедливостей. Но на самом деле известны и такие проекты «справедливой» ревизии договоров, которые предусматривают удовлетворение территориальных appetитов пострадавших государств за счет таких стран, как, например, прибалтийские или даже СССР, которые к Версальскому договору отношения не имеют и никаких несправедливостей никому не причинили. Не знаю, готтентоское ли это представление о морали и справедливости или иное, во всяком случае оно не арийского происхождения (смех, аплодисменты). Но независимо от ее происхождения при осуществлении подобной морали пришлось бы иметь дело со всей мощью нашего 170-миллионного государства (бурные аплодисменты). Во всяком случае благодаря появлению таких проектов мы помимо воли оказываемся втянутыми в проблему так называемой ревизии договоров, чем определяется в значительной мере наше отношение и к другим упомянутым мною международным проблемам, как довооружение, пакт четырех и др.

Руководящая нить нашей внешней политики завязана в краткой, но выразительной формуле т. Сталина: мы чужой земли не хотим, но мы ни одного вершка своей земли не отдадим. Раз мы не хотим чужой земли, то мы не можем хотеть войны. А что касается нашей земли, то мы имеем полную возможность отстаивать ее и даже подступы к ней нашими мощно растущими военными силами (бурные аплодисменты). Эти силы могли бы отучить любого нашего близкого или дальнего соседа от вылезания из собственных границ на десятки лет, но это было бы непроизводительной тратой средств и энергии, отвлекло бы нас на время от основной нашей задачи по строительству социализма, и мы поэтому делаем все возможное для отстаивания нашей территории мирными средствами, если это и не является радикальным средством устранения грозящей нам агрессии. Мы полагаем, что даже военные действия, начатые непосредственно у границ нашего Союза, могут создать грозные для нас опасности. Вот почему мы не только продолжаем, но и усиливаем нашу борьбу за мир, которая составляла и составляет основную задачу нашей дипломатии. Как правильно отметил т. Молотов, эта борьба отвечает желаниям народных масс всех стран.

Мы расширили за последний год систему пактов о ненападении. Мы имеем теперь пакты о ненападении, вступив-

шие в силу, не только со всеми нашими соседями, за исключением Японии и Китая, но и с Францией и Италией. Мы сделали дальнейший шаг в направлении усиления значения и эффективности пактов о ненападении, предложив исчерпывающее определение самого понятия нападения. Это наше предложение воплощено уже в соглашениях со сплошной цепью наших соседей от Финляндии до Афганистана и со всеми тремя странами Малой Антанты. Данное нами определение агрессии является, по всеобщему признанию, ценным вкладом в науку о международном праве, а также в международную практику и к тому же представляет отличный способ проверки отсутствия или наличия у государств агрессивных, завоевательских стремлений. Мы поэтому будем бороться за всеобщее признание этого определения.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ МИРА

Обеспечение мира не может зависеть только от одних наших усилий и требует сотрудничества и содействия других государств. Стремясь поэтому к установлению и к поддержанию дружественных отношений со всеми государствами, мы уделяем особое внимание укреплению отношений и максимальному сближению с теми из них, которые, как и мы, дают доказательства своего искреннего стремления к сохранению мира и готовы противодействовать нарушителям мира. Мы никогда не отказывались и не отказываемся от организованного международного сотрудничества, имеющего своей целью укрепление мира. Не будучи доктринерами, мы не отказываемся от использования тех или иных существующих или могущих образоваться международных объединений и организаций, если у нас есть или будут основания рассчитывать на их служение делу мира.

В свете мною сказанного вы легко поймете, товарищи, значение развития наших отношений с отдельными странами.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Я начну с события в хронологическом порядке последнего в этом развитии, но по своему значению занимающего в нем одно из первых мест, а именно с восстановления отношений с великой заатлантической республикой. В течение пятнадцати лет эта республика, единственная из крупных держав, упорно отказывалась не только признать формальные отношения с Советским Союзом, но и признать его существование. Она, таким образом, формально не хотела признать факт Великой Октябрьской социалистической революции и вызванные ею на протяжении нашего Союза изменения, и для

нее продолжало еще существовать где-то вне пространства временное правительство Керенского, с агентами которого она продолжала сноситься официально до самого последнего времени. Упорствовала она не потому, что у нее были большие государственные споры с нами, чем у других стран, или что она больше других пострадала от революционного законодательства. Нет, она, по существу, продолжала борьбу, провозглашенную всем капиталистическим миром после Великой Октябрьской социалистической революции против новой советской системы государства, поставившей себе целью создание социалистического общества. То была борьба против мирного сосуществования двух систем. Наблюдая, как ее соратники по этой борьбе, другие капиталистические государства, один за другим покидали фронт, Америка как будто говорила им: я вас понимаю, вы слабы, вы расшатаны, вы несете большие жертвы и должны поэтому борьбу покинуть, но я достаточно сильна, чтобы одна продолжать борьбу за вас всех. Пятнадцать лет она стойко держалась на своей позиции, но в конце-концов теперь борьбу прекратила. Вот почему, товарищи, в моем обмене с президентом Рузвельтом письмами от 16 ноября должно видеть не просто еще одно признание нас великой державой, но падение последней позиции, последнего форта в том наступлении на нас капиталистического мира, который принял после Октября форму непризнания и бойкота. И чем дольше держался этот форт и чем обдуманнее и сознательнее действовали его защитники, тем больше должно быть наше удовлетворение от восстановления отношений с Америкой. Перестав же действовать в качестве застрельщика всего капиталистического мира и вступив в первый контакт с нами, Америка сразу убедилась, что в национальном или государственном разрезе противоречия между нею и нашим Союзом отсутствуют, а спорные вопросы легко разрешимы. Более того, будучи сама заинтересована в сохранении мира, Америка увидела в контакте с нашим Союзом могучий фактор сохранения этого мира и соответственно оценила сотрудничество с нами в этом направлении. Мы, со своей стороны, также оцениваем восстановление отношений с Америкой в первую очередь с точки зрения значения этого события для дела мира. Попутно могу отметить, что те основные принципы и положения, которые мы последовательно проводили при восстановлении отношений с капиталистическими странами, нам удалось и в данном случае отстоять в полной неприкосновенности. Это обстоятельство, т. е. отсутствие каких-либо жертв с обеих сторон, является в немалой мере залогом дальнейшего углубления отношений (а плоды с м е н т ы). Откровенный обмен мнений между президентом Рузвельтом и мною убедил нас обоих в абсолютной возможности самых тесных отношений между нашими

странами. Надо отдать справедливость проницательности президента Рузвельта, что он вскоре после прихода к власти, а может быть, еще до этого убедился в бесплодности дальнейшей борьбы с нами во имя капитализма и в пользу сношений с нами во имя американских государственных интересов, интересов международного мира.

ТУРЦИЯ

Образцом отношений с иностранными государствами мы считаем наши отношения с Великой турецкой республикой. В течение свыше десяти лет эти отношения улучшались из года в год, достигнув истинной дружбы, давая полное удовлетворение обеим сторонам и внушая им чувство полной безопасности за участок границы, пролегающий между ними. Политика дружбы и взаимного доверия создает почву для плодотворного сотрудничества и на международной арене. Каждая сторона, выдвигая предложение, направленное к упрочению мира, может заранее рассчитывать на поддержку и содействие другой стороны. Мы рады в частности отметить содействие, оказанное нам Турцией и ее министром иностранных дел Тевфик Рюшту-беем при проведении в международную жизнь определения агрессий. Посылка нашим правительством делегации во главе с Наркомвоенмором т. Ворошиловым в Турцию на празднование десятилетия новой республики и сердечный, восторженный прием, оказанный ей не только главой республики и правительством, но и народом, явились новым внешним проявлением той глубокой внутренней дружбы, о которой я сейчас говорил. Я могу лишь выразить сожаление, что вследствие своей поездки в Америку я лишен был удовольствия лично принять участие в этой манифестации. Если бы все народы могли установить между собою подобные отношения, то проблема мира была бы решена (продолжительные аплодисменты).

ФРАНЦИЯ

Говоря о постепенном значительном улучшении отношений с другими государствами, мы должны раньше всего вспомнить о Франции. После подписания пакта о ненападении наши отношения с Францией за последний год быстро и далеко шагнули вперед. Этому содействуют как отсутствие каких-либо государственно-политических противоречий между нами, так и в особенности общее нам желание активно работать в пользу сохранения всеобщего мира. Мы имеем преимущество постоянства правительства и постоянства внешней политики, между тем как во Франции часто происходят смены правительств с возможными изменениями политиче-

ской ориентации. Поскольку, однако, французский народ искренне желает мира, а это желание и есть то, что нас объединяет с Францией, мы не должны особенно опасаться, что смелая политика правительства помешает успешному развитию близких отношений. Недавний приезд в Союз одного из самых выдающихся и ярких представителей французского народа, отражающего его миролюбивые настроения, г-на Эррио (апломбисты) и последовавший затем официальный визит представителей французской авиации во главе с министром г-ном Пьер Котом дали новый толчок советско-французскому сближению. Хочу думать, что все это только промежуточные этапы дальнейшего движения отношений по восходящей линии, и я уверен, что движение будет ускоряться по мере накопления элементов, угрожающих миру. Следует, однако, отметить, что наши отношения с Францией нуждаются в некотором экономическом базисе, который, я надеюсь, будет создан предстоящим заключением торгового соглашения.

ИТАЛИЯ

Особой устойчивостью продолжают отличаться наши отношения с Италией. В течение десяти лет эти отношения не подвергались никаким колебаниям, никаким испытаниям ни в политической, ни в экономической области. Мы имели за это время немало случаев ценного дипломатического сотрудничества Италии. Пользовались мы также в некоторых областях нашего строительства итальянским техническим сотрудничеством, развивались и экономические отношения ко взаимной выгоде. Мой недавний визит в Италию и оказанный мне там прием свидетельствуют о стремлении обеих стран развивать в дальнейшем свои взаимоотношения во всех областях, и к этому заключению мы пришли с главой итальянского правительства г. Муссолини после обмена мнений по вопросам текущей политики и о наилучших методах сохранения всеобщего мира. Наше стремление одновременно поддерживать и развивать отношения со всеми крупными странами является немалым вкладом в дело всеобщего мира.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Это наше стремление, к сожалению, еще не осуществилось или не вполне осуществилось в отношении другой крупной державы — Великобритании. Наши взаимоотношения с ней, к сожалению, не могут похвастать устойчивостью и постоянством. Это отнюдь не вызывается какими-либо объективными причинами, и я уверен, что английский народ в целом желает жить в полном мире и дружбе с нами, но там имеются еще элементы, все еще погруженные в сладкую мечту, о той об-

щей капиталистической борьбе против страны социализма, от которой только что отказалась Америка. Не только уничтожить, но и расшатать страну социализма они не могут, и поэтому при всем известной практичности и здравом смысле англичан приходится удивляться, что среди них находятся еще такие донкихотствующие снайперы и партизаны (смех, аплодисменты). Поскольку это от нас зависит, мы готовы и хотели бы иметь с Великобританией такие же хорошие отношения, как с другими странами. Мы отдаем себе отчет в том, что искренние и хорошие отношения между крупными державами являются не только необходимым условием, но и гарантией всеобщего мира. В ближайшее время ожидается подписание временного торгового соглашения, которое, устранив некоторые недоразумения, будем надеяться, сделает возможными лучшие отношения между нами и Великобританией.

ПОЛЬША

Наиболее серьезное внимание мы уделяем, конечно, отношениям с нашими ближайшими соседями, в особенности с крупнейшим из них — с Польшей. И здесь мы можем отметить значительный прогресс. Заключение пакта о ненападении и конвенции об определении агрессии не могло не усилить взаимного доверия и взаимного понимания. Имевшие место за последний год политические пертурбации в Европе создали общность интересов, вытекающих из общей опасности, из общих забот. Если мы и Польша сами не сознавали общности этих забот, то их нам подсказывают те, кто эти заботы нам причиняет. Общие заботы и общие опасности являются лучшим цементом, связывающим государство. Нас особенно радуют те сдвиги, которые мы наблюдаем в отношении польской общественности к нашему Союзу (аплодисменты), и эти сдвиги свидетельствуют о том, что и широкие круги польского общества постепенно приходят к тому убеждению, которое мы имели издавна, что между соседним Советским Союзом и Польшей возможно и должно быть самое тесное сотрудничество и что не существует никаких объективных причин, препятствующих его развитию. Из этого убеждения вырастает потребность в культурном сближении, и истекающий год был свидетелем немалых проявлений этого сближения.

ПРИБАЛТИКА

Сказанное мною о значении договоров о ненападении и об определении агрессии для наших отношений с Польшей применимо также и к нашим отношениям с остальными

ближайшими нам западными странами, подписавшими означенные соглашения: с Финляндией, Эстонией, Латвией и Литвой. Эти страны все больше проникаются убеждением в нашем абсолютном миролюбии, доброжелательности к ним и заинтересованности в сохранении ими полной экономической и политической независимости. Но мы не только заинтересованы, но и озабочены этим. Мы следим не только за явлениями, представляющими для этих стран внешнюю опасность, но и за развитием внутренних политических процессов, которые могут способствовать потере или ослаблению независимости. С Латвией мы недавно заключили новый торговый договор, а с Эстонией возобновили прошлогоднее экономическое соглашение, что, мы надеемся, будет также содействовать устойчивости наших взаимоотношений с этими соседями.

ПЕРСИЯ И АФГАНИСТАН

К Лондонской конвенции об определении агрессии присоединились также наши восточные соседи — Персия и Афганистан, с которыми мы связаны также пактами о ненападении. Поездка замнаркома т. Карахана в Персию и оказанный ему весьма сердечный прием дали возможность вновь проверить наши взаимоотношения с Персией и установить их неизменно дружественный характер.

МАЛАЯ АНТАНТА

Мы подписали в Лондоне конвенцию об определении агрессии также со всеми тремя странами Малой Антанты, с которыми у нас еще нет нормальных отношений. То обстоятельство, что этот акт был совершен, несмотря на то, что с одной из этих стран — с Румынией — не разрешены еще старые споры, только увеличивает значение его. Этот акт является несомненно выразителем общности некоторых интересов между всеми его участниками, а эти интересы состоят в их общем стремлении к умиротворению Европы. Такая общность интересов является достаточной базой и открывает возможности для дальнейшего сближения, без чего Лондонская конвенция не может давать свой полный эффект.

ДРУГИЕ СТРАНЫ

Нормально поддерживались и развивались наши отношения с другими странами: со Швецией, с которой завязывались все новые экономические связи, с Данией, Норвегией, Австрией и Грецией. Мы охотно приняли предложение Уругвая о фактическом осуществлении решенного еще несколько лет назад восстановления дипломатических отношений. Уругвайский посланник уже находится по пути в СССР, и нами

принимаются также меры к посылке полпреда в Уругвай. Возобновление отношений с Испанией отметил уже т. Молотов. К великому нашему прискорбию, нашему первому полпреду в Испании А. В. Луначарскому, собиравшемуся провести большую работу по культурному сближению наших народов с испанским, не суждено было вступить в отправление своих обязанностей. Еще месяц тому назад, уже обреченный, но не сознавший еще серьезности своей болезни, Анатолий Васильевич со свойственным ему увлечением развивал передо мной свои широкие планы работы по этому сближению. Для нас поэтому особенно чувствительна утрата, понесенная со смертью т. Луначарского, в лице которого мы лишились большого и талантливого работника. Я думаю, что эта утрата также чувствительна для всего нашего Союза, и я предлагаю ЦИК почтить его память вставанием (весь зал встает).

КИТАЙ

С большим удовлетворением отмечаю, что год тому назад полностью восстановлены нормальные дипломатические отношения между нами и Великой китайской республикой. Нами принято предложение китайского правительства о заключении пакта о ненападении, проект которого нами представлен и находится на обсуждении китайского правительства. К сожалению, Китаю все еще приходится страдать как от нашествия внешнего неприятеля, так и от глубоких внутренних распрей. Строго следуя политике невмешательства во внутренние дела Китая, мы следим за его борьбой за независимость и национальное объединение с величайшей симпатией.

Делая обзор наших отношений с внешним миром, я отнюдь не упустил из виду таких крупных государств, как Германия и Япония. Я им уделяю особое место в своем обзоре именно потому, что они занимают очень большое место во внешней политике Советского Союза. Самая последняя фаза развития отношений между этими двумя странами позволяет надеяться, что они не будут на меня в претензии за то, что я выношу их за общую скобку. Если не ошибаюсь, они даже признали между собой расовую общность (с м е х, а п л о д и с м е н т ы). Это стало вполне возможным с тех пор, как раса перестала быть этническим и антропологическим понятием и стала чем-то вроде названия боевой организации (с м е х, а п л о д и с м е н т ы).

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В течение десяти лет нас связывали с Германией тесные экономические и политические отношения. Мы были единственной крупной страной, не желавшей иметь ничего общего

с Версальским договором и его последствиями. Мы отказались от прав и выгод, которые этот договор резервировал за нами. Германия заняла первое место в нашей внешней торговле. Из установившихся отношений, политических и экономических, извлекались чрезвычайные выгоды как Германией, так и нами (Калинин: «В особенности Германией»). Опираясь на эти отношения, Германия могла смелее и увереннее разговаривать со своими вчерашними победителями. Ей удалось освободиться от некоторых наиболее тяжелых последствий Версаля. Она искала сближения со всеми вчерашними победительницами, хотя это ей не всегда удавалось. Она заключила с Францией Локарнский договор, который является не чем иным, как пактом о ненападении и даже больше, поскольку там имеются посторонние поручители. Она в Локарно же заключила с Польшей арбитражный договор, который тоже является не чем иным, как пактом о ненападении. Германия вступила в Лигу наций, приняв ее пакт, который является также пактом о ненападении, предусматривающим к тому же санкции. Мы, со своей стороны, как только это оказалось возможным, также заключили пакт о ненападении с Францией и Польшей. Эти соглашения и пакты с обеих сторон отнюдь не должны были ухудшать и не ухудшали наших отношений с Германией, которые отнюдь не покоились на враждебности к третьим странам. Тем не менее наши взаимоотношения с Германией за последний год стали, можно сказать, неузнаваемыми. В Германии имели место выступления, заявления, действия, которые не только не соответствовали прежним нашим отношениям, но скорее давали повод думать, что эти отношения превратились в свою противоположность. А причины этому были следующие. При той смене правительств в Германии, которая имела место в 1932 г., у власти, а затем даже у кормила правления очутился политический деятель, который во время наших наилучших отношений с Германией открыто выступал против этих отношений, проповедуя сближение с Западом для общего наступления на Советский Союз. Он создал политический клуб, откуда эта идея пропагандировалась, и он лично немало и усердно работал над ее осуществлением. Придя к власти, он сделал попытку, правда, неудачную, формального осуществления этой идеи. Затем в Германии произошел переворот, приведший к власти новую партию, которая проповедовала самые крайние антисоветские идеи. Основоположник этой партии в литературном произведении развил подробную свою концепцию внешней политики Германии. По этой концепции Германия не только должна отвоевать все территории, отошедшие от Германии по Версальскому договору, не только завоевать земли, где вообще имеется немецкое меньшинство, но и огнем и мечом проложить себе путь для экспансии на Восток, не оста-

навливаясь перед границами Советского Союза и порабощая народы Союза. Другой видный деятель этой партии, бывший российский подданный, не только проповедовал эти же идеи, но и по поручению и от имени партии входил в сношения и поддерживал тесный контакт с русскими, преимущественно украинскими, контрреволюционными организациями. Но, может быть, эти люди, придя к власти, заняв ответственные посты, отреклись от этой концепции? Мы отлично понимаем разницу между доктриной и политикой в капиталистических странах. Бывает, что оппозиционная партия, придя к власти, старается забыть те лозунги, которые она раньше выбрасывала в борьбе с политическими противниками. Но этого в данном случае не произошло. Нам, по крайней мере, неизвестно ни одно ответственное заявление, которое зачеркивало бы целиком упомянутую мною концепцию. Литературное произведение, в котором эта концепция проповедуется, продолжает циркулировать в Германии без всяких изъятий в новых изданиях, включая издание, помеченное 1934 г. Та же концепция открыто обсуждается и теперь на страницах германской прессы. Всего около полугода назад на Лондонской международной конференции член германского кабинета изложил ту же идею завоевания Востока в представленном им меморандуме. Правда, он был дезавуирован, и мы не в праве и не станем больше рассматривать этот меморандум как официальный документ, но дезавуирование министра не уничтожает самого факта представления меморандума, указывающего, что изложенные в документе идеи все еще бродят даже в правительственных кругах. Было со стороны лиц, занимающих не государственные, но все же весьма ответственные посты, немало антисоветских переговоров и предложений, исходящих из того же круга идей. У нас имеется информация и об официальных предложениях этого рода. Мы не можем утверждать, что вся эта информация абсолютно соответствует действительности, но совершенно игнорировать ее мы также не можем, ибо сведения исходят из разных источников — и источников, отнюдь не заинтересованных в порче наших отношений с Германией. Не стану останавливаться подробно на отравлявшей наши отношения практике систематического преследования всевозможными германскими властями советских учреждений и советских граждан не за какие-либо проступки, а только за то, что они советские, — практике, заставившей одно время перейти наше полпредство в Берлине на массовое производство нот протеста. Эта практика как будто теперь прекратилась и, будем надеяться, не возобновится. Вот что сделало наши прежние отношения с Германией неузнаваемыми.

Я счел нужным это сказать открыто, ибо с немецкой стороны нередко делаются попытки приписывать нам инициа-

тиву изменения отношений и объяснить ее нашим недовольством нынешним германским режимом, преследованием коммунистов и т. п. Мы, конечно, имеем свое мнение о германском режиме, мы, конечно, чувствительны к страданиям наших германских товарищей, но меньше всего можно нас, марксистов, упрекать в том, что мы позволяем чувству господствовать над нашей политикой. Весь мир знает, что мы можем поддерживать и поддерживаем хорошие отношения с капиталистическими государствами при любом режиме, включая и фашистский. Не в этом дело. Мы не вмешиваемся во внутренние дела Германии, как и других стран, и наши отношения с ней определяются не ее внутренней, а внешней политикой.

При разговорах на эту тему нам немцы часто указывают на декларации, сделанные официальными высшими представителями германского правительства, о желании поддерживать с нами хорошие отношения и спрашивают: неужели вы можете не верить этим декларациям? Мы отвечаем, что мы, конечно, не можем не считаться с этими официальными декларациями, но что в то же время не можем игнорировать и тех выступлений и фактов, которые идут вразрез с этими декларациями, ибо этих выступлений и фактов уже слишком много. Если даже ничтожная доля информации о них верна, то и ее достаточно для того, чтобы мы насторожились и принимали свои контрмеры.

Меня спрашивают представители германского правительства, чего же мы собственно хотим от Германии и что она должна сделать для того, чтобы у нас не было сомнений относительно ее лояльности. Я на это обыкновенно отвечаю: пусть не делает того, что она делает (смех, аплодисменты), пусть германское правительство посмотрит, что делают его многочисленные агенты и эмиссары, и пусть оно им скажет, чтобы они этого не делали. Но мы заявляем и следующее: мы хотим иметь с Германией, как и с другими государствами, наилучшие отношения. Ничего кроме пользы и Советский Союз и Германия от таких отношений не получают. Мы со своей стороны не стремимся к экспансии ни на Запад, ни на Восток, ни в других направлениях. Мы не питаем никакой вражды к немецкому народу и не покушаемся ни на его территории, ни на его права, и что бы мы ни делали, мы никогда не будем поощрять и другие государства к таким покушениям. Мы хотели бы, чтобы Германия могла нам сказать то же самое и чтобы не было фактов, которые этому противоречили бы, и чтобы мы были уверены, что эти декларации относятся не только к настоящему времени, но и к тому времени, когда у нее будет больше силы для осуществления тех агрессивных идей, которые ее нынешние руководители проповедовали до прихода к власти, а некоторые из них проповедают и теперь.

Я не ошибусь, товарищи, если выскажу предположение, что вас больше всего интересуют в настоящее время наши отношения с Японией. Эти отношения приковывают к себе внимание не только нашего Союза, но и всего мира, ибо политика Японии является сейчас самой темной грозовой тучей на международном политическом горизонте. Я позволю себе вкратце остановиться на развитии наших отношений с Японией. Со времени заключения Пекинского соглашения вплоть до конца 1931 г. между нами и Японией существовали наилучшие добрососедские отношения. Не было никаких конфликтов, никаких крупных недоразумений, а если таковые возникали, то разрешались мирным дипломатическим путем. Не было никаких разговоров об угрозе с одной или с другой стороны. Мы настолько доверчиво относились к Японии, ибо она тогда не давала нам повода для недоверия, что мы оставляли нашу дальневосточную границу почти без защиты. Положение стало меняться, с тех пор как Япония начала свои военные операции в Манчжурии. Вместе со всем миром мы не могли не видеть в этих операциях нарушения со стороны Японии множества обязательств, которые она добровольно приняла на себя в силу международных договоров. Японское правительство, как вы помните, давало тогда объяснение этим операциям, которое ничего не объясняло и никого не убедило. Оно вместе с тем давало нам официальные заверения, что его войска не пойдут дальше определенной линии самой Манчжурии и что во всяком случае наши интересы, в частности интересы КВЖД, ни в коем случае не пострадают. Эти заверения нам потом повторно давались по мере продвижения японских войск, вплоть до полной оккупации всей Манчжурии и создания так называемого Манчжуго. Эти действия, как вам известно, были охарактеризованы всем внешним миром, в том числе и Лигой наций, к которой сама Япония принадлежала, как нарушение таких соглашений, как Вашингтонский договор девяти, пакт Лиги наций и пакт Келлога. Оккупация Манчжурии явилась, однако, также нарушением Портсмутского договора, подтвержденного Пекинским соглашением, в силу которого Япония не имеет права содержать в Манчжурии войска свыше определенного минимального количества. Мы уклонялись от участия в предпринимавшихся и намечавшихся тогда международных акциях, во-первых, потому, что не верили в искренность и последовательность государств, принимавших участие в этих акциях, а главное потому, что не искали, как не ищем и теперь, вооруженного конфликта с Японией. Мы добивались от Японии лишь одного: соблюдения наших коммерческих интересов на КВЖД, ибо других интересов у нас в Манчжурии не было. Вопреки

всем торжественным обещаниям и заверениям, представители Японии в Манчжурии вскоре, однако, начали прямое наступление на эти интересы, стараясь сделать совершенно невозможным предусмотренное соглашениями совместное с китайцами или манчжурами управление КВЖД, срывая работу самой дороги, прибегая для этого к провокационным насильственным действиям и предъявляя советской части администрации совершенно необоснованные произвольные претензии. Весь мир удивлялся нашему хладнокровию и долготерпению, но мы твердо решили не нарушать нашей политики мира, воздерживаясь от каких-либо враждебных действий, ограничиваясь лишь протестами, оставшимися, однако, без всякого эффекта. Но чем спокойнее и терпеливее вели себя мы, тем наглее и провокационнее стали выступать японские власти в Манчжурии. Создавалось определенное впечатление, что они сознательно провоцируют нас на более сильные действия, чем протесты. Не желая поддаваться на эту провокацию, мы еще 2 мая сего года предложили Японии выкупить у нас КВЖД. Вся дорога — и полотно, и подвижной состав, и станционные здания, и прочие принадлежности дороги — была построена на кровные деньги народов нашего Союза, составляя, таким образом, их неотъемлемую собственность. Мы хотели только одного — вернуть нынешнюю стоимость дороги ее настоящим собственникам. Япония, как будто, приняла наше предложение о покупке дороги. Когда, однако, мы приступили к конкретным переговорам об условиях продажи, выяснилось, что Япония не желает покупать дорогу, а хочет получить ее в подарок. Она предложила ничтожную, смехотворную сумму, наивно полагая, что мы продаем дорогу только для вида, а на самом деле готовы отдать ее даром. Такие переговоры ни к чему конкретному привести, конечно, не могли, хотя мы назначили за дорогу минимальную сумму. Представители Японии стали тогда вместо словесных аргументов выдвигать аргументы от кулака, они стали прибегать к насильственным действиям для удаления наших агентов на дороге и замены их своими ставленниками — манчжурами и русскими белогвардейцами, иначе говоря, они прибегли к своеобразному способу захвата дороги. Мы заявили, что не можем продолжать переговоры в такой обстановке, когда вместо аргументов и коммерческого торга пускаются в ход кулаки и когда переговорам своеобразно «помогают» полицейские и уголовные элементы из манчжурской белогвардейщины. Переговоры с тех пор не возобновлялись, а бесчинства на дороге продолжают, деятельность дороги парализуется. Более того, наши заявления и протесты против этих бесчинств остаются без ответа со стороны Японии, которая тщетно пытается убедить нас в том, что она не имеет никакого отношения к этим бесчинствам, за которые, якобы, ответственно только «независимое»,

«самостоятельно» Манчжуго. Об этой независимости Манчжуго мы, как, впрочем, и весь мир, держимся особого мнения. Манчжуго не признано еще ни одним государством и всеми рассматривается исключительно как агентура японского правительства и японского командования в Манчжурии. Если нужны были совершенно объективные доказательства этому, то они недавно были представлены ТАСС, опубликовавшим известные документы, подлинность которых вне всякого сомнения. Из этих документов явствует, что насильственные действия в отношении советских служащих дороги, принятые, якобы, во имя манчжурского правосудия, были продиктованы японскими военными и административными агентами, которые этим путем хотели добиться от нас получения дороги за бесценок. Мы поэтому заявили японскому правительству, что не можем признавать его отсылку к манчжурским властям и не можем считать ответственным за нарушение наших прав и интересов на КВЖД никого иного кроме японского правительства.

Дело идет, однако, не только о КВЖД. Наряду с ущемлением наших прав на дороге в Японии стал открыто обсуждаться политическими деятелями, в том числе и официальными представителями японского правительства, а также печатью вопрос о войне против Советского Союза для захвата Приморского и всего Дальневосточного края. Дело не ограничивается только разговорами, но в Манчжурии, вблизи нашей границы, скопилось значительное количество японских войск, подвозятся военные материалы, строятся железные дороги, шоссе, и т. д. Возникла, таким образом, угроза не только насильственного захвата нашей дороги Японией, но и прямая угроза нашим границам. При таком положении вещей нашему правительству ничего не оставалось делать, как приступить к укреплению нашей границы, перебросив туда необходимые для этого силы и приняв другие военные меры. Но, в то время как мы принимаем исключительно оборонительные меры, Япония, как известно, лихорадочно готовится к войне, не могущей быть иной кроме наступательной, ибо на безопасность Японии никто не покушается.

Нет, конечно, недостатка в Японии в разумных людях, влиятельных людях, которые видят всю опасность, весь риск для Японии войны против такого полного сил и энергии гиганта, как наш Союз, и разумно предпочитают уплатить нам несколько сот миллионов иен, которых дорога действительно стоит, чем тратить миллиарды иен на увеличение военноморского бюджета и на военные действия, результат которых в лучшем случае для них сомнителен. Но есть и более авантюристски настроенные круги, в особенности среди военных, для которых, очевидно, высшая цель в жизни это война, независимо от того, что она приносит. Что же касается отношения внешнего мира к возможному столкновению с Японией, то

мы можем констатировать, что морально Япония стоит совершенно изолированной во всем мире. Ее действия как против Китая, так и возможные действия против нас осуждаются всем цивилизованным миром, всем тем миром, цивилизацию которого японская военщина берет за образец, как будто защищать против нас. Япония, начав свои военные операции два года назад, исходила из расчета, что достаточно ей будет объявить, что эти операции направлены против советского государства, чтобы весь капиталистический мир стал на ее сторону и благословил ее действия. Здесь-то она и просчиталась, как просчитались, в скобках скажу, и немецкие наци. В нашем споре с Японией даже капиталистический мир признает нашу правоту и агрессивные намерения приписывает исключительно Японии. Он это делает, конечно, не ради наших прекрасных глаз, а потому, что сознает, что если он признает действия и политику Японии правильными и этим укрепит ее, то завтра же эти действия и политика обратятся и против его собственных интересов. К этому надо добавить, что лихорадочная подготовка войны вынуждает Японию усилить свой экспорт, прибегая к демпингу в совершенно неограниченных размерах, чем она восстановила против себя даже такие страны, которые потенциально могли считаться дружественными ей.

Наша политика ясна. Мы не стремимся использовать благоприятную конъюнктуру, мы не стремимся воевать ни при каких условиях. Мы говорим Японии: мы тебе не угрожаем, мы не заримся ни на твои земли, ни на другие территории, лежащие по ту сторону нашей границы, мы хотим жить с тобой, как и жили до сих пор, в мире, уважать твои права и интересы, требуя лишь, чтобы ты так же относилась к нашим правам и интересам. Первым твоим шагом и доказательством миролюбия должно быть прекращение насильственных полицейских действий на КВЖД, восстановление там нарушенных наших прав и затем спокойное продолжение переговоров о коммерчески справедливой цене дороги. Следующим шагом для доказательства миролюбия Японии должно быть подписание пакта о ненападении, который мы предложили еще два года тому назад. Мы хотим надеяться, что Япония поступит согласно разумным советам своих здравомыслящих патриотов, а не военных авантюристов (а плод и с м е н т ы).

ПОЛНОЕ И ВСЕОБЩЕЕ РАЗОРУЖЕНИЕ — ГАРАНТИЯ ОТ ВОЙНЫ

После изложения отношений Советского Союза с другими странами мне остается еще сказать несколько слов о нашем отношении к международной организации, членом которой Союз состоит, — к конференции по разоружению. Эта конференция формально еще числится в живых. Название

трупа, которое я ей дал в Америке, отнюдь не является преувеличением. Речь теперь идет лишь о том, выдать ли ей свидетельство о смерти или попытаться гальванизировать труп. Гальванизация возможна, и конференция может на некоторое время еще ожить, но это не будет больше конференция по разоружению, а по довооружению. Мы шли на конференцию для участия в выработке гарантий мира, гарантий всеобщей безопасности, но довооружение кого бы то ни было не может почитаться такой гарантией. А когда нам говорят: довооружение одних и разоружение других, то мы опасаемся, что будет выполнена только первая часть этой формулы без второй, ибо совершенно ясно, что не удастся разоружить ни в какой мере как раз тех, кто уже теперь делает практическое употребление из своих вооружений и открыто грозит сделать это в ближайшем будущем еще в большем масштабе. Нельзя будет требовать, чтобы разоружились только те государства, против которых эти угрозы направлены. О разоружении можно будет вновь серьезно говорить лишь тогда, когда государства перестанут третировать пакты о ненападении, как клочки бумаги, цинично предлагая их «числом побольше», и когда они искренне откажутся от войны как от метода разрешения международных споров. А тогда из пыльных архивов Лиги наций будут извлечены советские проекты разоружения и речь пойдет именно о разоружении — полном и всеобщем, а не о квотах по вооружениям.

РАСТУЩАЯ МОЩЬ СССР — МОГУЧИЙ ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ

Товарищи, своим сообщением я старался ознакомить вас с нынешними тенденциями в международной жизни, с расстановкой сил вокруг вопроса, ставшего весьма актуальным, «война или мир» и указать на роль СССР в борьбе этих сил. Миротворческий характер этой роли вряд ли больше кем-либо оспаривается. Но еще не все другие государства определили свои позиции в этой борьбе и свое отношение к Советскому Союзу. Характерная особенность положения та, что отношение к нашему Союзу стало мерилom миролюбия других государств.

Президент Рузвельт мне как-то говорил, что по каким-то вычислениям 92% человечества желают мира и лишь 8% стремятся к нарушению его. Эти 8% представляют, вероятно, сплошное население стран, признанных неблагоприятными по войне. Я думаю, что было бы несправедливо всему населению или даже большинству этих стран приписывать преступные намерения нарушить мир, так что процент жаждущих войны значительно меньше, чем в упомянутых мною вычислениях. Отсюда сама собой напрашивается задача объединения огромной массы человечества в целях воспрепят-

ствовать ничтожному меньшинству нарушить его волю к миру. Речь не должна идти о новых группировках, о создании военных союзов по старым образцам, а о сотрудничестве для законной самозащиты всех тех, кто не заинтересован в нарушении мира, дабы никому не повадно было покушаться на мир. СССР со своей стороны готов к участию в осуществлении этой задачи, ибо работа в этом направлении диктуется интересами трудящихся всего мира, безопасностью всех народов, в том числе, конечно, и народов Советского Союза. Народы, как наши, давшие максимальные доказательства своего миролюбия и уважения к чужой безопасности, имеют максимальное право и на свою собственную безопасность.

Соглашаясь на сотрудничество с другими государствами и представляя в силу постоянства нашей политики наивысшую гарантию выполнения международных обязательств, мы не должны забывать, однако, что мы обращаемся к капиталистическим государствам с правительствами неустойчивыми, часто меняющимися, с возможностью прихода к власти групп и людей, которые в силу своей классовой ненависти к нашему государству готовы иногда жертвовать и своими национально-государственными интересами. Находясь в состоянии вынужденной самозащиты, мы поэтому будем попрежнему и больше прежнего укреплять и совершенствовать основную защиту нашей безопасности — нашу Красную армию, Красный флот и Красную авиацию (аплодисменты). Мы будем помнить, что в случае неудачи объединенных усилий друзей мира нарушение его может быть направлено в первую очередь против нас. Мы поэтому будем помнить, что помимо нашей воли может наступить момент, когда придется оправдать заявление т. Сталина, что ни одного вершка своей земли не отдадим (бурные аплодисменты). В защите каждого вершка советской земли, будь то на Западе или на Востоке, будут участвовать не только красные военные силы, но и продолжение их — красные народы нашего обширного Союза. То, что ими руководит красная партия ВКП(б) и ее вдохновитель и вождь т. Сталин, обеспечивает им такие же военные победы, как одержанные ими мирные победы (бурные аплодисменты, переходящие в овацию).

(СССР в борьбе за мир», Партиздат, 1934 г.)

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ КОМИССИИ КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ 29 МАЯ 1934 г.

ВООРУЖЕННЫЙ МИР — ТОЛЬКО ПЕРЕМИРИЕ

Перед настоящей сессией генеральной комиссии стоят два вопроса. Первый — она должна констатировать возможность или невозможность выполнения прямой задачи конференции,

а именно — разрешение проблемы разоружения, и в последнем случае установить причины неудачи. Позволительно сомневаться, чтобы все присутствующие здесь делегации могли сойтись на едином заключении о причинах неудачи, но, по моему мнению, было бы необходимо и весьма полезно, чтобы хотя бы отдельные делегации порознь высказали свои соображения на этот счет. Следующий вопрос, который, вероятно, главным образом будет озабочивать комиссию, — это о дальнейшей судьбе самой конференции по разоружению. Необходимо будет решить, должна ли она продолжать свое существование и чем его в таком случае наполнить, или же она должна добровольно перейти в состояние небытия.

Не дожидаясь дальнейшей дискуссии, я позволю себе уже теперь исходить в своих рассуждениях из факта невозможности нахождения разрешения проблемы разоружения вследствие непримиримости выявившихся разногласий. Для краткости я отмечу лишь основные разногласия. Уже с самого начала работ не только самой конференции, но и подготовительной комиссии обнаружилось два коренных течения: одно — представленное советской делегацией, а другое — почти всеми остальными делегациями. Советская делегация не хотела рассматривать разоружение как самостоятельную самодовлеющую задачу, служащую лишь экономическим, бюджетным, агитационным или иным целям. Мы хотели видеть в разоружении наиболее действительное средство упразднения института войны, конкретного осуществления той идеи, которая легла впоследствии в основу подписанного всеми государствами мира пакта Бриана — Келлога об отказе от войны в качестве орудия разрешения международных споров.

Мы считали и считаем, что действительный отказ от войны не может быть эффективен без полного отказа от вооружений, что, пока существуют вооружения, не может быть обеспечен мир, что возможен только один вид мира — это мир разоруженный — и что вооруженный мир есть только перемирие, интервал между войнами, принципиальное и фактическое санкционирование войны и отрицание принципа, воплощенного в пакте Бриана — Келлога. Советская делегация поэтому начала с предложения полного всеобщего разоружения. Принятие этого предложения заранее устранило бы многочисленные разногласия, возникшие на конференции по вопросу о делении вооружений на оборонительные и наступательные, о критериях безопасности, о различных формулах сокращения, о равноправии в вооружениях и в особенности о контроле и т. д. Нет ничего легче, чем контролировать полное отсутствие вооружений, и ничего труднее, чем про верить сокращение вооружений. Принятие советского предложения, добавлю я, могло бы предупредить множество печальных политических явлений, имевших место с того времени,

в отдельных странах, — обострение национализма, шовинизма, милитаризма — и не осталось бы без влияния и на международное экономическое положение. Мы выступили со своим предложением в годы расцвета так называемой пацифистской идеологии, позволявшей многим верить в невозможность войны, по крайней мере в ближайшем будущем. Советская делегация, однако, тогда же предвидела и предсказывала неизбежность и близость наступления полосы новых войн и настаивала поэтому на скорейшем принятии радикальных мер предотвращения этих войн. Я думаю, что если бы народы, имевшие тогда большее влияние на политику своих правительств, чем теперь, так же ясно видели начавшееся развитие международной политической жизни, то они не позволили бы конференции так легко отделаться от советского предложения о полном разоружении.

К сожалению, нашему предложению воспротивились все прочие делегации, за исключением, кажется, турецкой, причем исходили они из того, что вопрос о войне и мире не является актуальным, что история дает нам десятилетние сроки для разрешения вопроса о гарантиях мира длинными этапами и гомеопатическими дозами.

ДВУХЛЕТНЯЯ РАБОТА КОНФЕРЕНЦИИ ЗАВЕЛА В ТУПИК

Мы попрежнему и еще более прежнего уверены в том, что если народы после, может быть, тяжелого, катастрофического опыта вновь вернутся к мысли об изыскании международных средств предотвращения войн путем разоружения, то они не смогут не вспомнить о советском предложении о полном разоружении и вплотную заняться им, ибо, пока сохраняется нынешняя социально-экономическая система несоветских государств, другой гарантии мира нет.

Отмеченное мной принципиальное разногласие не могло, однако, приостановить работы конференции, ибо советская делегация не выдвигала своего предложения ультимативно и заявила о своей готовности сотрудничать с остальными делегациями также в разработке системы частичного сокращения вооружений. Но тут-то начались настоящие затруднения. В то время как советская делегация заявила о приемлемости для нее любой меры сокращения, распространяющейся на любые виды вооружений, разногласия возникли между остальными делегациями. Споры велись раньше всего о том, следует ли сокращать существующие вооружения или ограничить их нынешним уровнем.

Хотя одно время казалось, что этот спор разрешен голосованием конференции в пользу сокращения вооружений, мы теперь вновь имеем перед собой предложение лишь об ограничении вооружений. В случае же сокращения вооруже-

ний до сих пор нет единогласия о мере, а также о принципе и критерии этого сокращения. Нет единого установленного мнения о том, должно ли сокращение охватывать все виды вооружений: сухопутные, морские и воздушные, или только некоторые из них. Намечалось как будто решение о полном воспрещении воздушной бомбардировки, из чего логически вытекало необходимость упразднения самого орудия бомбардировки. Но и тут мы наталкиваемся на предложение о сохранении этих орудий, но с ограничением их деятельности в определенных районах и со специальными целями. Как будто можно довольствоваться навешиванием на бомбовозы плакатов, как на железнодорожные вагоны, с указанием пробега «Остенде — Интерлакен», «Курить воспрещается». Далеко не благополучно обстоит дело с контролем. Я не стану перечислять множество других разногласий. Достаточно сказать, что ни по одному намеченному на конференции вопросу нет не только конкретных решений, но нет даже теоретических формул, на которых сошлись бы все делегации.

К этому надо добавить, что политические события не ждали конца споров в Женеве и пошли своим ходом. В отдельных странах менялись правительства, менялись партии, стоящие у власти, менялась идеология партий и правительство, менялись их методы разрешения международных вопросов. Несмотря на принятое всеми государствами в силу пакта Бриана — Келлога международное обязательство об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, мы являемся свидетелями методов проведения национальной политики как раз путем развития военных действий на территориях соседних государств. Иные государства, не обладающие еще достаточной силой для проведения подобной политики, ограничиваются пока словесной и письменной пропагандой идеи экспансии и захвата чужих земель вооруженной рукой, причем они предупредительно называют те страны, на которые они собираются нападать в первую очередь. Приходится ли удивляться, что государства, которые заинтересованы в сохранении мира, сугубо насторожились и проявляют еще большие колебания, чем прежде, в вопросе разоружения. Оказался поколебленным принятым было уже конференцией принцип равноправия в вооружениях. Нельзя возражать против равноправия, когда все государства одинаково активно, пусть хотя бы на словах и принятием соответственных международных обязательств, стремятся к сохранению мира. Но вопрос стал, как быть с такими государствами, правители которых совершенно открыто нацеливали в своей программе завоевание чужих земель (путем войны, конечно, ибо добровольно никто земли не отдаст), и когда абстрактному принципу равноправия противостоят вполне реальные опасности для его применения.

Я это говорю отнюдь не для того, чтобы сделать вы-

воды о равноправии или неравноправии всех государств в отношении вооружения. Этот вопрос перед советской делегацией не стоит, ибо он вытекает из документов, к которым советское правительство отношения не имеет. Более того, этот вопрос, поскольку он ставится в аспекте довооружения кого бы то ни было, не может иметь отношения к конференции по разоружению или по сокращению вооружений. Я хотел лишь указать на новые настроения, возникшие в результате известных политических событий, значительно осложнивших работу конференции, и без того еще ранее встретившуюся с огромными затруднениями. И ныне, подводя итоги более чем двухлетней работы конференции, мы должны открыто сказать, что наметившиеся уже на заре ее жизни затруднения не смягчались с течением времени, а, наоборот, шли crescendo, заведя нас в конце концов в тупик.

НЕ РАСПУСТИТЬ КОНФЕРЕНЦИЮ — А ГАРАНТИРОВАТЬ МИР

В самом деле, какие выходы мы видим перед собой? Выхода не было тогда, когда закрылась последняя сессия генеральной комиссии, и закрылась она потому, что не было выхода. Кое-кто возлагал надежды на наметившиеся переговоры в узком кругу нескольких государств, но соглашение не состоялось и в таком узком кругу. По крайней мере перед нами нет такого проекта решений, на котором сошлись бы все участники этих переговоров. А если бы такое соглашение существовало, то вряд ли к нему примкнули бы все остальные государства или огромное большинство государств, в переговорах не участвовавших. Мы знаем заявления некоторых государств — и отнюдь не из малых и отнюдь не страдающих излишком миролюбия, — что они не пойдут ни на какую меру сокращения вооружений, проявляя при этом действительную агрессивность. Одних этих заявлений достаточно, чтобы зарегистрировать полную неудачу конференции, поскольку дело касается разоружения.

Здесь, может быть, найдутся делегации, которые предложат нам удовольствоваться крупными мерами, которые хотя мало общего имеют с разоружением, но все же на конференции затрагивались, например лишний раз подтвердить то, что уже принято в качестве международных обязательств, как запрещение химической войны, либо же вновь подтвердить неувеличение вооружений сверх нынешнего уровня. Но кто может верить, что подобное обязательство действительно будет всеми выполняться в нынешних условиях и что обязательство может быть эффективно контролируемо? А если это так, то не будет ли политически честнее и мужественнее открыто признать, что международная жизнь, в особенности политические события в некоторых странах за последние годы, не позволили

конференции выполнить ее прямую задачу и выработать конвенцию разоружения.

Я не хотел бы быть плохо понятым. Советская делегация не изменила ни одной ноги в своем отношении к делу разоружения, которому она попрежнему продолжает придавать величайшее значение. Мы отнюдь не предполагаем отказаться от дальнейшего обсуждения проблемы разоружения. Мы еще менее сами делаем возражения против той или иной схемы разоружения, которую приняли бы остальные государства и в частности наши ближайшие соседи. Пусть нам представят такую схему, способную получить поддержку всех делегаций. Но ведь ее нет. Нам не указывали на нее ни уважаемый президент, ни предыдущий оратор. У меня нет оснований ожидать, что последующие ораторы внесут новые схемы, новые предложения и что эти предложения постигнет лучшая участь, чем ранее обсуждавшиеся нами предложения. Мы поэтому вынуждены констатировать выявившуюся беспредметность такой дискуссии о разоружении при отсутствии каких бы то ни было предложений, имеющих шансы на универсальное принятие. Не можем же мы заниматься дискуссией ради дискуссии или творить молитвы за разоружение. Мы не хотим закрывать глаза, как бы неприятно это ни было, и мы делаем из создавшегося положения вещей неизбежные выводы.

Из сказанного мной логически как будто вытекала бы необходимость закрытия самой конференции. Это было бы правильно, если подходить к вопросу с чисто формальной педантической точки зрения, имея в виду только название конференции. Но советская делегация, как я уже упомянул, продолжает исходить из более широкой концепции конференции как имеющей своей задачей путем разоружения осуществить одну из гарантий мира. Стало быть, дело не в самом разоружении, которое является только средством, а в гарантировании мира. А если это так, то сам собой напрашивается вопрос, не может ли конференция нащупать другие гарантии мира или по крайней мере увеличить меры безопасности тех государств, которые, не имея агрессивных замыслов, не заинтересованы в войне и которые в случае войны могут поэтому стать лишь объектами нападения? Меня могут спросить, какие гарантии, что в других вопросах конференции будет более единодушна, чем в вопросах разоружения, и что новая деятельность конференций будет поэтому более плодотворной и успешной. На это я отвечаю: для осуществления какой бы то ни было меры сокращения вооружений необходимо безусловное согласие почти всех государств, и все дело может сорваться из-за несогласия хотя бы одного более или менее значительного и в особенности крупного государства. Для осуществления же других мер безопасности единогласия не требуется. Конечно, конферен-

ция должна сделать все от нее зависящее, чтобы к этим мерам примкнули все государства. Я надеюсь, что так и будет, что собственные интересы даже не сочувствующих этим мерам государств не позволят им исключить себя из общей системы этих мер. Но если бы даже оказались среди государств диссиденты, то это отнюдь не должно помешать остальным еще более сплотиться, чтобы провести мероприятия, которые увеличат их собственную безопасность.

Вопросы о безопасности отнюдь не чужды конференции. Она создала даже для этих вопросов специальную политическую комиссию. Более того, она занималась уже этими вопросами, правда, не доведя их до конца. Я напоминаю в первую очередь о советском предложении об определении агрессии, принятом уже одной из комиссий конференции, воплощенном уже в ряде международных договоров. Дальнейшее увеличение сторонников советского определения агрессии значительно облегчило бы проведение других внесенных на конференции предложений, касающихся безопасности. Могут быть внесены, наконец, и новые предложения того же порядка, как например о тех или иных санкциях против нарушителей мира или нарушителей пакта Келлога. Можно установить градацию этих санкций, не доводя ее до военных мероприятий, не для всех государств приемлемых. В дополнение к такому более или менее универсальному пакту могут быть заключены еще отдельные региональные пакты взаимной помощи, предложенные здесь в свое время французской делегацией. Речь не идет о военных союзах, о делении государств на враждебные друг другу лагеря, еще меньше о чем-либо окружении. Мы не должны создавать такие универсальные пакты, в которых не могли бы участвовать все желающие, ни региональные пакты, к которым не были бы привлечены все заинтересованные в безопасности в данном районе.

В мерах безопасности этого рода принцип равноправия для всех без исключения государств не может вызывать никаких сомнений или колебаний. Если мы пойдем по этому пути, то время и энергия, потраченные на конференцию, не пропадут даром, и мы не вернемся с пустыми руками к народам, пославшим нас сюда. И, кто знает, быть может укрепление безопасности и то воздействие, которое оно окажет на агрессивно настроенные правительства, создадут такие условия, при которых можно будет с большими шансами на успех вновь вернуться к проблеме разоружения.

Как видите, я отнюдь не противопоставляю безопасность разоружению и отнюдь не предлагаю исключить разоружение из программы работ конференции. То, что относится к системе гарантий мира, а в особенности разоружения, должно быть предметом забот конференции. Но каждый вопрос должен ставиться тогда, когда он имеет шансы на разрешение.

Сегодня это может быть безопасность, а завтра — разоружение.

Я прошу извинения за частое употребление слова «безопасность», которое многим из нас представляется антагонистом разоружения, но я другого подходящего термина не нахожу для выражения того, что понимается под словом «безопасность».

КОНФЕРЕНЦИЯ ДОЛЖНА СТАТЬ ПОСТОЯННЫМ ОРГАНОМ ОХРАНЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Но я отнюдь не хотел бы ограничить конференцию ни в ее задачах, ни во времени. Я предлагаю гораздо больше, а именно, превращение конференции в постоянный орган, всячески пекущийся об охране безопасности всех государств, об охране всеобщего мира. Иными словами, я предлагаю превратить эту конференцию в перманентную, периодически собирающуюся конференцию мира. До сих пор мирные конференции созывались преимущественно после войн и имели целью дележ добычи войны, навязывание побежденным тяжелых и унижительных условий, перераспределение территорий, перекраивание государств, сеяли таким образом зародыши новых войн. Конференция же, которую я имею в виду, должна быть создана для предупреждения войны и ее тяжелых последствий. Она должна вырабатывать, расширять и совершенствовать методы укрепления безопасности, своевременно откликаться на предостережения о грядущих военных опасностях, на призывы о помощи, на «SOS» угрожаемых государств и оказывать последним своевременную посильную помощь, будь то моральная, экономическая, финансовая или иная.

Я предвижу указания и ссылки на Лигу наций, которая обязана статьями 12, 15, 16-й и другими своего статута служить тем целям, к которым я хочу направить работу конференции. Но, во-первых, Лига наций имеет множество задач, она занимается многими делами, крупными и малыми, она была создана в момент, когда опасность войны многим казалась исключенной на многие годы. Теперь же, когда опасность войны перед нашими глазами, можно было бы подумать о создании специального органа, устремленного в своей деятельности в одну цель, в сторону предупреждения или уменьшения опасности войны. Во-вторых, Лига наций слишком связана своим уставом. Обращение к ней и вынесение решений слишком строго регламентированы, между тем как трибуну конференции можно было бы сделать более доступной, более свободной, более отзывчивой на нужды момента. Пусть конференция продолжает считаться органом Лиги и ею обслуживаться, пусть она будет самым тесным образом связана с ней, пусть она отнюдь не заменяет Лиги

наций, которая полностью сохранит свои прерогативы. Я вполне отдаю себе отчет в трудностях создания новой международной организации, совершенно оторванной от Лиги и конкурирующей с ней, я этого отнюдь не предлагаю. Но ведь самый созыв Международной конференции по разоружению доказывает недостаточность рамок Лиги для таких крупных задач, как разоружение, а в моем предложении дело идет о еще более крупных задачах — о перманентной охране мира.

СССР — ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ БОРЕЦ ЗА МИР

Господа, я другой альтернативы не вижу. Конференция по разоружению была созвана в момент, когда многим война казалась еще лишь теоретической или исторической возможностью. Может ли и должна ли конференция совершенно закрыться, исчезнуть бесследно, можем ли мы спокойно разойтись по домам с сознанием неисполненного долга теперь, когда опасность кровопролитнейшей войны или скорее ряда таких войн грозит всем континентам, всему человечеству? Мало есть теперь государств, которые могут считать себя вне этой опасности. Эта опасность может коснуться одних раньше, других позже, но от нее не уйти. Я знаю, что есть политики, вся мудрость которых состоит в том, чтобы прокладывать этой опасности пути в сторону от себя в надежде, что, избрав одно направление, эта опасность его никогда не изменит. Тщетные надежды! История не знает таких случаев, когда империалистические государства, склонные к завоеваниям и расширению своего господства, облюбовали бы лишь одну страну света — юг, запад, восток или север. Укрепившись в одном направлении, они с окрепшими и увеличенными силами бросались на новые завоевания в других, а чаще всего во всех направлениях. Перед лицом такой опасности ни одно государство в интересах самосохранения не может умыть руки и отказаться от сотрудничества в общем международном деле предотвращения этой опасности. Принятием эффективных мер безопасности мы окажем услугу не только своим собственным народам, но и тем народам, которые против собственной воли могут быть брошены ради чуждых им целей и вопреки своим истинным интересам в огонь авантюристических кровавых экспериментов.

Советское правительство не без гордости оглядывается на те меры безопасности, которые по его инициативе проведены за последние годы в особенно интересующей его части Восточной Европы. Путем пактов об определении агрессии, пактов о ненападении и продления их на максимальные сроки советскому правительству удалось укрепить взаимное доверие с огромным большинством своих соседей и укрепить у них чувство безопасности. Оно придумало новый вид пактов и

деклараций, которые, я надеюсь, найдут в дальнейшем широкое практическое распространение, — пактов и деклараций сильных государств, гарантирующих независимость расположенных между ними или поблизости от них более слабых государств. Не всегда советское правительство успевало в этих своих начинаниях и не всегда находило отклик у тех государств, к которым оно обращалось. Но и в таких случаях советские предложения сослужили свою службу миру, так как помогли выявить те пункты, где можно ожидать нарушения мира. Но советское правительство готово внести свою лепту в более широкие мероприятия по охране всеобщего мира, и это сотрудничество в том или ином международном деле, в той или иной международной организации несет с собой огромную моральную силу мощного и крепнущего 170-миллионного государства, окончательно порвавшего с общим прошлым военных завоеваний, захватов и аннексий и в течение 16 лет своего нового существования давшего обильные доказательства своего искреннего миролюбия.

(Известия от 30 мая 1934 г.)

РЕЧЬ В ГЕНЕРАЛЬНОЙ КОМИССИИ КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ 1 ИЮНЯ 1934 г.¹

Я рад отметить, что делегаты, выступавшие после меня, если не высказывались с желательной ясностью по поводу идей, которые я развивал, то во всяком случае не внесли никаких предложений, которые противоречили бы моим предложениям или которые могли бы занять их место.

Ораторы скорее предавались разъяснению значения разоружения или излишнему скорби по поводу невозможности осуществления его. В этом отношении они не сказали ничего, с чем советская делегация не могла бы согласиться. Вряд ли какая-либо другая делегация с большей энергией выступала на протяжении работ подготовительной комиссии и самой конференции в пользу разоружения, разъясняя огромное, исключительное значение его в ряду гарантий мира.

Мы также разделяем чувство скорби, вызываемое неудачей наших усилий по проведению какой-либо меры разоружения. Но когда это сказано, что же нам остается дальше делать? Что пользы в том, если мы будем сидеть и плакать у женевских вод и вновь и вновь перечислять благочестивые намере-

¹ Речь была произнесена после выступлений председателя конференции по разоружению Гендерсона и Сандлера. Гендерсон указал на тяжелую ситуацию, создавшуюся на конференции в результате англо-французских разногласий.

ния той или иной делегации, выразившиеся в том или ином меморандуме или проекте конвенции, не нашедших, однако, всеобщего одобрения? Мы все же остаемся перед вопросом, каковы те конкретные предложения, обсуждение которых могло бы с пользой и с какими-либо шансами на успех занять генеральную комиссию. Я не успел еще подробно рассмотреть документ, только что прочитанный нам от имени шести делегаций министром иностранных дел Швеции г. Сандлером. С первого взгляда я могу лишь сказать, что не вижу в нем ни одного вопроса, который не подвергался бы уже, и не раз, обсуждению в комиссиях конференции или в генеральной комиссии, но без всяких результатов, и я не имею оснований ожидать результатов от нового их обсуждения.

Сэр Джон Саймон, как и г. Сандлер подсказывают конвенцию о запрещении химической войны. Позволю себе напомнить вам, что такая конвенция уже существует и вошла в силу между многими государствами, хотя свыше десяти стран не ратифицировали ее, и что речь идет лишь о расширении и уточнении ее; это, я полагаю, сэр Джон Саймон и имеет в виду. Но и в таком расширенном и уточненном виде новый проект конвенции одобрен уже генеральной комиссией. Остается таким образом лишь изготовить документ и предложить уполномоченным представленных здесь правительств подписать его. Я против этого не имею никаких возражений и готов даже поддержать предложение министра иностранных дел Великобритании. Но наше чувство удовлетворения, несомненно, было бы увеличено, если бы кто-либо мог нам здесь сказать, присоединятся ли к этому обязательству все государства, которые воздержались от ратификации значительно более ограниченной конвенции о химической войне, и будет ли это обязательство принято без всяких условий и отсутствующей крупной страной.

Нам, далее, предлагают бюджетную публичность. Но здесь опять возникает вопрос, будет ли обязательство публичности принято отсутствующим государством. Как мы уже указывали в декларации от 25 мая, весь комплекс вопросов о разоружении, в том числе о химической войне и о бюджетной публичности, имеет то неудобство, что они требуют безусловного принятия всеми более или менее значительными государствами, и, занимаясь ими при нынешних обстоятельствах, мы можем в лучшем случае оставить после себя только ряд неоконченных симфоний, лишенных, однако, привлекательности шубертовской музыки.

Так, я готов полностью высказаться за принятие обоих британских предложений. Но сможем ли мы после этого с сознанием исполненного долга разойтись по домам? А если нет, то перед нами все же остаются грозные вопросы: Что же дальше? Что же делать? И на эти вопросы мы ответа не

находим в заявлениях выступавших здесь делегатов. Ответы на эти вопросы нельзя усмотреть из предложений перманентной комиссии по разоружению, ибо как раз в области разоружения комиссия ничем не может заняться. Я принципиально ничего не имею против перманентности и какой бы то ни было комиссии при условии, что это будет перманентность акции, а не перманентность бездействия. Я потому предложил и предлагаю объявить всю конференцию, а не только одну из ее комиссий перманентной, что ее можно занять другими вопросами, служащими той же цели, что и разоружение, а именно — безопасности и гарантии мира. Комиссия, ограниченная в своих функциях только разоружением, исключает все эти вопросы, между тем как конференция, которая мною предлагается, может заняться и вопросами безопасности, и разоружением, и контролем за выполнением обязательств по подготовке химической войны, а равно всеми превентивными мероприятиями по сохранению мира.

Сэр Джон Саймон заявил, что обсуждавшиеся в Женеве и специально в Лиге наций меры безопасности, вроде протокола 1924 г., имели своей предпосылкой известное сокращение вооружений. Но ведь те, которые решают, могут свои решения отменять и видоизменять. Позволительно также спросить, всегда ли эти решения строго соблюдались. Локарнские соглашения например в качестве меры безопасности были приняты в 1925 г., и им не предшествовало никакое сокращение вооружений. То же можно сказать о пакте Бриана — Келлога, являющемся мерой безопасности. Я уже не говорю о более ограниченных и локальных пактах, тоже заключавшихся безо всякого сокращения вооружений. Спрашивается, почему же не могут в 1934 г. состояться соглашения, аналогичные локарнским? Я сам всегда в течение семи лет энергично выступал в Женеве за разоружение, предшествующее безопасности или сопровождающее ее. Советская делегация сделала все от нее зависящее, чтобы привести к благополучному концу работы по разоружению. Но если мы теперь пришли к убеждению, что политические обстоятельства значительно изменились в Европе и что по причинам, от нас не зависящим, конвенция по разоружению не может быть подписана, и когда мы видим, что опасность войны с каждым годом, с каждым месяцем не уменьшается, а растет, должны ли мы фатально сложить руки в ожидании грядущих событий и отказаться от других возможных внеразоружительных мер, способных предотвратить или уменьшить эту опасность?

Несомненно, отсутствие конвенции по разоружению приводит к росту и гонке вооружений. Но я спрашиваю, будет ли этот рост значительно больше, быстрее или медленнее, если государства в добавление к собственным вооруженным силам могут рассчитывать на солидарность и помощь

большого или меньшего количества других государств, и не приведет ли сама система безопасности к автоматическому сокращению вооружений, по крайней мере для участников этой системы.

Я думаю, что на эти вопросы может быть только один ответ.

Вот почему я предлагаю, независимо от предложений сэра Джона Саймона, созвать немедленно политическую комиссию и возобновить обсуждение вопроса о безопасности с того места, на котором работы комиссии были прерваны. Мне не нужно вносить никаких конкретных предложений, ибо очень многое можно сделать в пределах тех предложений, которые в политическую комиссию уже внесены и которые даже начаты обсуждением и прошли уже подготовительную комиссионную работу. Что касается предложения о переименовании конференции в конференцию мира и ее перманентности, то очевидно решение может быть принято только пленумом конференции, и генеральная комиссия должна лишь сделать соответствующую рекомендацию пленуму, и я вношу соответствующее предложение.

(«Известия» от 2 июня 1934 г.)

БЕСЕДА С ФРАНЦУЗСКИМ ЖУРНАЛИСТОМ ЗАУЕРВЕЙНОМ¹

Идея региональных пактов о взаимной помощи родилась из испытываемого повсеместно чувства неуверенности в безопасности, неуверенности в ненарушении мира вообще и в частности в Европе. В атмосфере этой неуверенности происходила и недавняя сессия генеральной комиссии по разоружению. Мне незачем говорить вам о причинах, породивших или усиливших эту неуверенность, ибо они достаточно известны. А раз нет уверенности в безопасности, то совершенно естественно, что те государства, которые искренне озабочены избавлением своих и других народов от бедствий войны, ищут новых средств обеспечения всеобщей безопасности и в особенности для наиболее слабых государств, которые могут попасть на первую линию огня и быть сметены с карты Европы. Этих средств искали до сих пор преимущественно в области разоружения, но теперь стало совершенно ясно, что

¹ Народный комиссар иностранных дел тов. М. М. Литвинов принял находившегося проездом в Москве французского журналиста г. Жюля Зауервейна, задавшего ему ряд вопросов о мерах по укреплению безопасности, в особенности о региональных пактах о взаимной помощи.

Тов. М. М. Литвинов дал г. Зауервейну приведенный здесь ответ.

проблема разоружения не поддается разрешению. Самые крайние оптимисты или скорее те, которые хотят казаться оптимистами, не мечтают теперь о большем, чем о стабилизации нынешнего уровня вооружений. В то же время никто не отрицает, что и при нынешнем состоянии вооружений возможны весьма кровопролитные, весьма экстенсивные и весьма длительные войны. Не касаясь вопроса об эффективности контроля, я хочу вам напомнить, что предпосылкой всяческой конвенции о разоружении в Женеве всегда считалось обязательство соблюдения ее только в мирное время. Предполагается, что с открытием военных действий воюющие государства будут свободны от всяких обязательств и смогут увеличивать свои вооружения всех родов без всяких ограничений. Нынешнее развитие военной промышленности крупных стран таково, что оно позволит в случае мобилизации этой промышленности с избытком возмещать расход военного снаряжения на поле битвы. Стало быть, разоружение само по себе, производимое в тех пропорциях и теми темпами, какие до сих пор мыслились в Женеве, отнюдь не может считаться гарантией безопасности, если даже оставить в стороне вопрос о довооружении. Правда, имеются пакт Келлога и пакт Лиги наций, но, поскольку оба они безнаказанно уже нарушались, они никого не могут больше удовлетворять в качестве гарантии мира. Это доказывается тем, что, несмотря на наличие этих пактов, к которым еще прибавилась серия двусторонних пактов о ненападении, чувство неуверенности в безопасности, о котором я говорил вам, находится в процессе роста. И то сказать, двусторонние пакты о ненападении не всегда служат целям мира. Самое заведомо агрессивное государство может заключать пакты о ненападении с одними государствами, чтобы развязывать себе руки и обеспечивать себе тыл или фланги для нападения на другие государства. Мы знаем примеры, когда государство, упорно отказываясь от заключения пакта о ненападении с одним соседом, с таким же упорством хочет навязать его другому соседу, действуя по принципу «divide et impera» (разделяй и властвуй).

Какие же имеются другие гарантии безопасности? Военные союзы и политика равновесия? Но предвоенная история нам показала, что такая политика не только не устраняет войны, а как раз развязывает ее. Путем исключений мы приходим таким образом к другому средству, а именно — к пактам о взаимопомощи, которые не могут ни в коем случае считаться окружением кого-либо, поскольку в них могут участвовать все государства определенного района. Имея одинаковые права и обязанности и равную меру безопасности, ни один участник такого пакта не может считаться окруженным или подвергающимся какой-либо опасности, если только он разделяет стремление к миру остальных соучастников. Иное дело,

когда какое-либо государство, желая иметь руки свободными, сознательно отказывается от участия в предлагаемом региональном пакте, но тогда оно не вправе жаловаться на окружение, если пакт заключается без него согласно его собственному желанию.

Сессия генеральной комиссии показала, что имеется немало противников самой идеи пактов о взаимопомощи и не только среди тех государств, которых смущает перспектива приглашения к участию в этих пактах, но и среди тех, которые не имеют никакого отношения к намечаемым пактам. Сопrotивляясь единственно реальному в настоящий момент средству гарантирования всеобщей безопасности, и в особенности безопасности небольших государств, отмеченная мною категория, так сказать, незаинтересованных противников региональных пактов ярко показывает свою незаинтересованность в укреплении безопасности кого бы то ни было, если только нарушение этой безопасности, как надеются эти противники пактов, не коснется их самих. В такой их позиции отсутствуют даже элементы рыцарства, поскольку они не несут даже риска, на который готовы пойти те противники региональных пактов, которые непосредственно могут участвовать в нарушении мира.

На ваш конкретный вопрос о том, какие шансы имеет восточноевропейский региональный пакт на осуществление, я еще затрудняюсь вам ответить. Такие проблемы требуют некоторого времени для окончательного разрешения. Что же касается вопроса о взаимоотношениях между балканским и восточноевропейским пактами, то я должен отметить отсутствие какой-либо формальной связи между ними. СССР, естественно, интересуется предложенный ему восточноевропейский пакт, в котором он сам согласился участвовать, но он находит нормальным применение региональных пактов и к другим частям Европы и даже других континентов. С локкарнскими соглашениями упомянутый мною пакт будет иметь то сходство, что те гарантируют мир на западе Европы, а он будет выполнять ту же функцию на востоке Европы.

(«Известия» от 29 июня 1934 г.)

РЕЧЬ НА ПЛЕНУМЕ ЛИГИ НАЦИЙ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ СССР В ЛИГУ 18 СЕНТЯБРЯ 1934 г.

Я вам искренне благодарен, господин председатель, за весьма любезные слова приветствия, которыми вы встретили первое появление здесь делегации Советского Союза. Эту благодарность я распространяю и на все те делегации, по приглашению и вследствие голосования которых мы сюда

явились. Я считаю также своим приятным долгом с благодарностью отметить инициативу французского правительства, активно поддержанную правительствами Великобритании и Италии, и искренние усилия, сделанные для осуществления этой инициативы французской делегацией и лично уважаемым министром иностранных дел Французской республики господином Барту и председателем Совета доктором Бенешем.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ЛИГА НАЦИЙ

Господин председатель, господа! Пригласительная телеграмма на имя моего правительства и голосования Совета и ассамблеи доказывают, что все делегации за ничтожным исключением отдают себе отчет в том значении, которое имеет появление в этой зале делегации советского государства, и в благотворных последствиях, которые оно должно иметь. Значение это определяется не только формальным актом нашего вступления в Лигу, но и той обстановкой, в которой это происходит, и той эволюцией взаимоотношений советского правительства с Лигой наций, которая предшествовала нашему вступлению. На этой эволюции я хотел бы кратко остановиться, если даже и придется мне сделать — хочу надеяться, в последний раз — небольшую экскурсию в область не совсем приятного прошлого, тем более что и в другом месте касались этого прошлого.

Вступление в Лигу лишь на пятнадцатом году ее существования одного из крупнейших государств мира требует несомненно некоторого объяснения. Я буду говорить с той прямой и откровенностью и в то же время искренностью, в которых мне не откажут многие из вас, знающих меня, и которые, я убежден, будут лишь содействовать нашим взаимоотношениям и дальнейшему сотрудничеству.

Мы представляем здесь новое государство, новое не в географическом смысле, а в смысле его внешнего облика, его внутренней политической и социальной структуры и содержания его стремлений и идеалов. Появление на исторической арене всякой новой формы государства всегда встречалось с враждебностью со стороны остальных, старых государственных формаций. Нет ничего удивительного в том, что появление нового, советского государства с радикально отличным от всего до сих пор известного социально-политическим режимом натолкнулось на особенно интенсивную внешнюю враждебность, которую проявили буквально все почти государства мира.

Эта враждебность была не только теоретической, идейной, но нашла выражение даже в военных действиях, носивших характер извне организованных длительных попыток вмешательства во внутренние дела нового государства с

целью вернуть его на старые рельсы. В то время когда образовалась Лига наций для прокламирования организации мира, народам нашего Союза не дано еще было пользоваться благами мира. Они вынуждены были еще долго с оружием в руках отстаивать свой внутренний покой, свое право на самоопределение и свою внешнюю независимость. Но даже с прекращением наиболее крайних форм вмешательства в дела нашего государства не прекратилась враждебность окружающего мира в самых различных формах и степенях.

Представляется совершенно понятным, что взаимоотношения между советским государством и Лигой наций не могли быть иными, чем между ним и государствами, входившими в Лигу. Более того, народы Советского Союза естественно опасались, что эти государства, объединившись в Лигу, придадут своей враждебности к Советскому Союзу коллективные выражения, объединив свою антисоветскую деятельность.

Вряд ли можно отрицать, что в то время и даже значительно позднее находились государственные люди, которые действительно имели в виду такие коллективные действия или, по крайней мере, мечтали о них. Они, с одной стороны, недооценивали сопротивляемость внутренних сил нового государства, а с другой стороны, переоценивали ту гармонию политических и экономических интересов остальных государств, которую в их представлении должна была воплощать Лига. Они еще продолжали верить, что последняя мировая война должна неизбежно быть последней войной и что порядок, ею установленный, абсолютно незыблем, и даже отвергали возможность покушений на его насильственное изменение.

Они мечтали об установлении хотя бы временного мира, который отнюдь не распространялся бы, однако, на новое, советское государство. История последнего десятилетия, история самой Лиги наций, усложнившиеся международные противоречия, затянувшийся экономический кризис и, наконец, история развития советского государства показали совершенную утопичность подобных тенденций и мечтаний, и мы счастливы сегодня констатировать, что носителей подобных утопий и сторонников игнорирования и изолирования Советского Союза мы, к счастью, не встречаем среди государственных людей с широкими политическими горизонтами, среди представителей более или менее значительных государств, определяющих международную жизнь, реалистически мыслящих и понимающих требования времени, а разве что среди провинциальных политиков с ограниченным кругозором мелкого прихода, которые не в состоянии подняться выше своих мелких политических страстей и больших предрассудков и которые черпают свое знание стран и народов из самых мутных источников. Мы можем лишь пожалеть таких людей

и пожелать им скорейшего просветления и обращения к более надежным источникам информации. Я пользуюсь случаем, чтобы выразить твердое убеждение, что тем временем Лига наций позаботится о том, чтобы такие люди не имели касательства к делам, задевающим интересы советского государства, когда будет требоваться беспристрастное суждение и хотя бы элементарное понимание мировых событий.

Я уже указывал, каковым было отношение Советского Союза к Лиге наций при ее возникновении и на первых стадиях ее развития и причины этого отношения. Я должен к этому откровенно добавить, что советское правительство не могло бы солидаризироваться со всеми решениями Лиги тогдашнего времени и что, если бы мы участвовали в составлении устава Лиги, мы против некоторых его пунктов возражали бы.

В частности мы возражали бы против предусмотренной статьями 12-й и 15-й легализации в некоторых случаях войны, и мною поэтому отмечено в письме от 15 сентября наше удовлетворение предложением об изменении этих пунктов устава. Мы далее возражали бы против статьи 22-й о системе мандатов. Мы считаем также пробелом отсутствие в статье 23-й обязательства расового равноправия. Все это, однако, не имело столь существенного значения, чтобы удерживать Советский Союз от вхождения в Лигу, тем более что всякий новый член, вступающий в организацию, может быть морально ответственен лишь за те решения, которые были приняты с его участием и с его согласия.

СССР — ВЕЛИКИЙ СОЮЗ НАРОДОВ

Далее для разъяснения наших позиций я хочу отметить, что сама по себе идея объединения наций ничего принципиально неприемлемого для советского государства и его идеологии не представляет. Советский Союз сам по себе есть лига наций в лучшем смысле этого слова. Он объединяет 185 народностей, среди них 13 численностью не менее 1 миллиона каждая, и такие нации, например, как Россия, Украина, насчитывающие каждая десятки миллионов людей.

Я беру на себя смелость утверждать, что никогда и нигде народности не сосуществовали так мирно в рамках единого государства, не развивались так свободно в культурном отношении, не пользовались такой свободой национальной культуры вообще и языка в частности. Ни в одной другой стране не преследуется и не искореняется так решительно проявление расовых и национальных предрассудков, как это имеет место в Советском Союзе. В смысле равенства прав в Союзе нет ни национальных большинств, ни национальных меньшинств, ибо ни одна народность ни в теории, ни на

практике не имеет меньших прав и меньших возможностей развития культурного и экономического, чем другая.

Ожило и стало вновь развиваться множество народностей, которые казались уже обреченными на полную гибель. Ибо речь идет о территории, где до возникновения советского режима все народности кроме господствовавшей русской насильственно подавлялись и угнетались. Ныне периодическая печать Советского Союза выходит на 50 языках. Национальная политика советского правительства и ее результаты нашли должную оценку со стороны не только дружественно, но даже и враждебно настроенных к Советскому Союзу людей, которые посещали наше государство и изучали на месте национальный вопрос.

Конечно, все народности нашего Союза объединены общим политическим и экономическим режимом, общим стремлением к единому идеалу, в достижении которого они между собой соревнуются. Но советское государство отнюдь не исключало возможности той или иной формы сотрудничества с государствами и иного режима, иной политической и социальной структуры для достижения общих целей.

Предпосылками для этого оно считало: во-первых, предоставление каждому государству возможности сохранения своего государственного, если можно так выразиться, лица с усвоенной им социально-экономической системой, иначе говоря, взаимное невмешательство во внутренние дела объединившихся государств, и, во-вторых, наличие общих целей.

О первой предпосылке, под которой мы разумеем мирное сосуществование социально-политических систем на данном историческом отрезке времени, мы не раз говорили на международных конференциях и мы за нее вели борьбу. Мы добились еще раньше включения ее в некоторые постановления и резолюции этих конференций.

Необходимо было, однако, дальнейшее развитие событий, чтобы этот принцип пробил себе дорогу и к более широкому признанию. Окончательным признанием этого принципа можно считать приглашение и принятие СССР в Лигу наций. Мы входим в эту Лигу сегодня как представители новой социально-экономической системы государства, не отказываясь ни от каких особенностей этого государства и сохраняя полностью свое лицо, как сохраняют его остальные государства, здесь представленные.

Что касается общих целей, то во многих областях они были уже и раньше найдены. Общественные деятели, ученые, артисты советского государства давно уже благотворно сотрудничают с представителями других государств индивидуально и в организованном порядке во всех областях науки и культуры, а также по разрешению проблем гуманитарного характера.

Сотрудничество Советского Союза с другими государствами в рамках Лиги наций оказывалось уже раньше желательным и возможным и в экономической области. Советские делегации участвовали в комитете по изучению пан-Европы, занимавшемся преимущественно экономическими вопросами, в обеих экономических конференциях и в других, менее обширных конференциях и совещаниях. Здесь уместно напомнить, что на всех этих совещаниях советские делегации выступали с предложениями, имевшими целью возможное устранение хаоса в международных экономических отношениях и выявление общих всем государствам интересов.

Не отказывалось советское правительство и от сотрудничества политического характера, когда от этого сотрудничества можно было ожидать смягчения международных противоречий и увеличения гарантий безопасности и упрочения мира. Мне достаточно напомнить об активном участии советской делегации в подготовительной комиссии конференции по разоружению и в самой конференции, где делегация от имени советского правительства изъявила готовность на любые степени разоружения, выступая с далеко идущими в сторону обеспечения мира предложениями, из которых некоторые получили широкое международное признание и даже применение. Я при этом не без гордости вспоминаю советское определение агрессии, легшее теперь в основу множества международных актов.

Нужна была, однако, одна большая доминирующая общая цель, которая показала бы наглядно и с неоспоримой убедительностью всем народам, в том числе и народам Советского Союза, целесообразность и даже необходимость более тесного сотрудничества Советского Союза с Лигой наций, вплоть до вхождения Союза в Лигу. Выявлению такой цели особенно способствовали события последних двух-трех лет.

Тридцать делегаций ассамблеи, составляющих большинство членов Лиги, представляющих все крупные и сколько-нибудь значительные государства, в своем обращении к советскому правительству заявили, что миссией Лиги является организация мира и что для успеха этой миссии требуется сотрудничество Советского Союза.

Они знали, что государство, к которому они обращаются, в течение 17 лет своего существования не щадило усилий для установления наилучших добрососедских отношений со всеми своими соседями на прочных основах, для сближения со всеми государствами, которые этого хотели, и благодаря этому, стало могучим фактором международного мира.

Со своей стороны советское правительство, следившее внимательно за всеми явлениями международной жизни, не могло не заметить усиливающуюся активность в Лиге наций государств, заинтересованных в сохранении мира и в борьбе

с агрессивными, воинственными элементами. Более того, оно заметило, что эти агрессивные элементы сами считают для себя рамки Лиги стеснительными и стараются от них избавиться. Все это не могло не оказать влияния на отношение советского правительства к Лиге наций в его поисках дальнейших путей к той организации мира, ради сотрудничества с которой мы приглашены в Лигу.

ОРГАНИЗАЦИЯ МИРА И ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙНЫ

Организация мира! Можно ли думать о более обширной, более возвышенной и в то же время более конкретной и неотложной задаче для сотрудничества всех народов. Слова, употребляемые для политических лозунгов, имеют свою молодость и старость; они от частого употребления без практического применения изнашиваются и начинают терять свою действенность. Их надо тогда обновлять и наполнять новым содержанием. Слова «организация мира» должны звучать теперь иначе и иметь другое содержание, чем 12—15 лет назад. Война тогда многим в Лиге наций казалась весьма отдаленной теоретической возможностью, с предупреждением которой можно было не спешить. Ныне война должна всем представляться грозной опасностью завтрашнего дня. Ныне организации мира, для которой еще сделано очень мало, противостоит весьма активная организация войны. Если прежде многие верили, что дух войны может быть изгнан заклинаниями, резолюциями, декларациями, то ныне все знают, что носители идеи войны, открытые возвестники перекраивания мечом политической карты Европы и Азии, не спасуют перед бумажными препятствиями. Члены Лиги наций знают это по опыту.

Перед нами теперь стоит задача предупредить войну более эффективными средствами. К более эффективным средствам нас толкает также и безуспешность конференции по разоружению, на которую раньше возлагалось столько надежд. При этом мы должны усвоить себе ту, несомненную истину, что при современном сложном переплете политических и экономических интересов ни одна более или менее значительная война не может быть локализована и что любая война при любом исходе окажется только началом серии других войн. Мы должны также сказать себе, что любая война рано или поздно принесет несчастье всем странам как участвующим, так и не участвующим в войне. Не должен быть забыт урок мировой войны, последствия которой испытывают до сих пор как воевавшие, так и нейтральные страны. Обеднение всего мира, понижение жизненного уровня всех категорий труда, и физического и умственного, безработица, при которой никто не уверен в завтрашнем дне, не говоря уже об упадке

культурных ценностей, о возвращении некоторых стран к идеям средневековья, — вот последствия мировой войны, которые чувствительно испытываются еще через 16 лет после ее окончания.

Мы должны, наконец, окончательно признать то положение, что никакая война с политическими или экономическими целями не может восстановить так называемую историческую справедливость, а только создать вместо одних несправедливостей другие, и, может быть, еще более резкие, и что каждый новый мирный трактат неизбежно несет в себе зародыши новых войн. Далее, мы не должны упускать из вида происходящий на наших глазах новый рост вооружений, причем особенные опасения вызывает не столько их количественный, сколько качественный рост с его колоссальным увеличением потенциала разрушения. Достаточно указать на быстрое завоевание воздушной войной равноправия с сухопутной и морской войной.

СССР БОРОЛСЯ И БУДЕТ ВПРЕДЬ БОРОТЬСЯ ЗА МИР

Господа! Я не считаю настоящее мое выступление подходящим для детального развития мыслей об эффективных средствах предупреждения надвигающихся и открыто возмещаемых войн. Одно для меня ясно — что мир и безопасность не могут быть организованы на зыбкой почве словесных обещаний и деклараций. Декларация миролюбия, повторенная хотя сто раз, не может внушить народам чувство безопасности, и в особенности там, где имеются основания ожидать агрессии или где накануне говорилось и писалось о завоевательной войне во всех направлениях, к которой ведется и идейная и материальная подготовка. Требуются более существенные гарантии безопасности, чем декларации. Мы должны установить как правило, что любое государство для обеспечения или укрепления своей безопасности в праве требовать от близких и дальних соседей гарантии этой безопасности и что подобное требование не должно почитаться выражением недоверия. Правительства с чистой совестью и действительно в замене деклараций более эффективными гарантиями, расправляющимися на них же самих и долженствующими дать и им полное чувство безопасности.

Господа! Я далек от преувеличения возможностей и средств Лиги наций по организации мира. Я, может быть, больше, чем кто-либо из вас, сознаю ограниченность этих средств. Я знаю, что Лига наций не имеет в своем распоряжении средств полного упразднения войн. Я убежден, однако, в том, что при твердой воле и дружном сотрудничестве всех ее членов весьма многое может быть сделано и в каждый данный мо-

мент для максимального уменьшения шансов войны. Но это является достаточно почетной и благородной задачей, осуществление которой принесет неисчислимые блага человечеству.

Над этой задачей советское правительство не переставало работать в течение всего времени своего существования. Отныне оно хочет объединить свои усилия с усилиями других государств, представленных в Лиге. В этой предстоящей нам с вами общей работе, я уверен, будет мощно чувствоваться воля 170-миллионного государства к миру, к миру для себя и других государств. И, наблюдая благотворные результаты этого притока свежих сил в общее дело обеспечения мира, я уверен, мы с вами всегда с большим удовлетворением будем вспоминать нынешнюю дату, которая займет почетное место в анналах Лиги.

(«Известия» от 20 сентября 1934 г.)

РЕЧЬ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ЛИГИ НАЦИЙ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ КОНФЛИКТА МЕЖДУ БОЛИВИЕЙ И ПАРАГВАЕМ 20 НОЯБРЯ 1934 г.

Я хочу отдать должное умеренности и осторожности, с какими комитет подготовил представленный нам теперь документ. Содержащиеся в этом докладе рекомендации носят мягкий, по-моему даже слишком мягкий, характер. Несмотря, однако, на это, советская делегация была бы готова принять доклад в его нынешнем виде, если бы он был принят ассамблеей единогласно и без большой дискуссии. Но так как налицо предложение поручить комитету дальнейшее обсуждение доклада, советская делегация предлагает:

1. Установить определенный срок для принятия рекомендаций сторонами. Срок этот должен быть по возможности коротким, предоставляя правительствам достаточно времени для принятия решения и для консультации, если это будет необходимо, с законодательными учреждениями. Он должен быть вместе с тем настолько коротким, чтобы помешать армиям использовать этот промежуток времени для развертывания наступательных движений и дальнейших территориальных захватов.

2. Советская делегация предлагает, чтобы эмбарго носило более строгий характер и запрещало не только поставку и продажу, но также и транзит оружия. Опыт показал, что в тех случаях, где были установлены факты поставки оружия, не всегда было легко раскрыть происхождение этого оружия и найти сторону, виновную в его фабрикации и продаже. Го-

раздо легче, однако, установить, какие страны допустили перевозку оружия через свои территории.

Я полагаю, что подобное запрещение транзита могло бы оказаться более эффективным, нежели запрещение продажи оружия. Я согласен с замечаниями моего друга, турецкого делегата, касающимися введения эмбарго до того, как будет определено, какая из сторон является нападающей. Однако это не имеет значения, если учесть непродолжительность срока, который будет установлен для принятия сторонами настоящих рекомендаций. Важно, чтобы эмбарго применялось со всей строгостью и энергией, после того как одна или обе стороны откажутся принять рекомендации.

Большое расстояние, отделяющее нас от театра военных действий, и сравнительно незначительное число участвующих в них вооруженных сил не должны умалять в наших глазах важности проблемы. Решения, которые мы здесь примем, могут иметь весьма важные последствия в разбирательстве более серьезных конфликтов, и все мы должны это помнить. Со своей стороны советская делегация настаивает на том, чтобы постановления ассамблеи по этому вопросу носили решительный и твердый характер и чтобы ассамблея проявила твердость в деле их проведения в жизнь.

(«Правда» от 22 ноября 1934 г.)

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ 8 ДЕКАБРЯ 1934 г. ПО ВОПРОСУ О ТЕРРОРИЗМЕ

Возбужденный перед нами югославским правительством вопрос представляется в нескольких аспектах.

Во-первых, в качестве жалобы на действия венгерских властей в порядке статьи 11-й статута Лиги Совет обязан разобраться в фактах, представленных одной и другой стороной, изучить их обоснованность и вынести соответственное решение.

Я в настоящий момент не могу еще высказаться по поводу этих фактов, но мне кажется, что если бы этих фактов и не было или если бы проверка их оказалась невозможной, то и тогда пострадавшие страны, как Югославия, так и Франция, были бы в праве, как то имеет место в частных судах, хотя это и не предусмотрено статутом Лиги, внести жалобу на «неизвестного» и добиваться от Совета удовлетворения в виде осуждения этого «неизвестного». Ибо не подлежит сомнению, что марсельские события были результатом не только действий их непосредственных участников, но и попустительства, а может быть и пособничества, скажем, неизвестных властей неизвестной страны.

Вопрос, однако, имеет и другой аспект, а именно в качестве общей международной проблемы. С этой точки зрения мы можем лишь быть благодарны югославскому правительству за то, что оно обратило внимание Совета на терроризм как на одно из отвратительнейших и опаснейших явлений в международной жизни. Я хочу высказать свои соображения именно об этой стороне дела.

МАРКСИСТЫ — ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОТИВНИКИ ТЕРРОРИЗМА

Индивидуальный терроризм в качестве орудия политической борьбы известен в стране, которую я имею честь представлять здесь, больше, чем в какой бы то ни было другой. Вы, вероятно, все помните или знаете, что в довоенное время некоторые революционные партии в России главную свою деятельность концентрировали на индивидуальном терроре против представителей царского режима.

Но и тогда в России оказалась другая революционная партия, из рядов которой вышло нынешнее советское правительство, и я сам, и которая вела упорную идеологическую борьбу с терроризмом. Она указывала на совершенную бессмысленность и вредность этого способа борьбы. Такую же позицию в отношении террора занимали и теперь занимают все те революционные партии в других странах, которые подобно нашей партии руководятся учением Маркса.

Справедливость требует отметить, что тогдашние террористы, лично безупречные, вдохновлялись свободолюбием и прогрессивными идеями. Кроме того, они свою террористическую программу выполняли исключительно в своей собственной стране — в России. История русских террористов, за исключением одного факта, не знает случаев покушения на представителей царской власти за границей, хотя и тогда там было немало русских эмигрантов, в том числе и террористов. Они считали перенесение террористической деятельности за пределы собственной страны трусостью и недопустимым злоупотреблением правом убежища.

Если мы тем не менее тогдашние террористические акты, независимо от их мотивов, сурово осуждали за их бессмысленность, ненужность и даже вредность, доказанные всей историей революционного движения в моей стране, то мы не можем не относиться с негодованием и отвращением к тому терроризму, который стал практиковаться в послевоенное время.

НОВЕЙШИЙ ТЕРРОРИЗМ — ОРУДИЕ РЕАКЦИИ И ЗАЧИНЩИКОВ ВОЙНЫ

Помимо того что этот специфический терроризм, как и всякий другой терроризм, бессмыслен и никогда не достигает своей цели, он к тому же в большинстве случаев, если не во

всех известных нам случаях, вдохновляется самыми реакционными идеями, исходит зачастую из самых реакционных кругов, стремящихся воскресить отжившие и осужденные историей антинародные режимы и повернуть историю человечества на столетия назад. Нередко он связан идеологически и даже практически с партиями, вменяющими себе в особую заслугу борьбу с марксизмом, с тем самым марксизмом, который, как мною было только что сказано, всегда являлся и является отрицанием и противником терроризма.

Особенностью этого рода новейшего терроризма является то, что он почти всегда подготавливается и осуществляется на чужой территории, финансируется из иностранных источников и сознательно или бессознательно становится орудием иностранной политики. Эта особенность и заслуживает внимания Совета, ибо мы имеем здесь дело с явлением, безусловно угрожающим миру.

Ни одно государство не может мириться с тем, чтобы на территории других государств допускались подготовка и организация покушений на жизнь его представителей, в особенности, когда имеются основания подозревать не только попустительство, но сочувствие и пособничество со стороны центральных или хотя бы местных властей этих государств. На почве таких актов создаются трения, инциденты, конфликты между государствами, угрожающие иногда переходить в вооруженные столкновения. Мы все знаем такой конфликт в последнее время, когда требовались исключительное терпение и снисходительность со стороны пострадавшего государства, чтобы были избегнуты разрыв отношений и более грозные результаты.

Допущение открытой деятельности и организаций террористов, восхваление их и заступничество за них в прессе, травля предполагаемых жертв покушений, оправдание террористических актов судом или снисходительное к ним отношение — все это создает ту питательную среду, вне которой терроризм не может существовать. Моя страна знает это по горькому опыту, ибо она сама лишилась двух своих дипломатических представителей за границей, павших жертвами терроризма, возникшего на вышеотмеченной почве.

Мне остается лишь добавить, что террористические акты за последнее время иногда предпринимаются с целью создания повода для нарушения мира между двумя государствами.

НЕОБХОДИМОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ БОРЬБЫ С ИНДИВИДУАЛЬНЫМ ТЕРРОРОМ

Марсельские выстрелы с особой яркостью раскрыли перед сознанием всего мира, какую огромную опасность для сохранения международных отношений и всеобщего мира пред-

ставляет собой терроризм послевоенного времени. Лига наций должна обратить внимание на это явление и попытаться выработать меры практической борьбы с ним.

Поставив себе эту практическую задачу, мы не должны, однако, суживать и ограничивать ее случаями терроризма в техническом значении этого слова. Уважаемый министр иностранных дел Чехословакии правильно указывал здесь на другие родственные терроризму явления, которые могут привести к тому же печальному результату в международной жизни, как и сам терроризм. Таковы, например, организация эмигрантских вооруженных банд для проникновения на чужую территорию, допущение военных или созданных по военному образцу организаций для борьбы с другими государствами.

Это не только родственные, но и тесно связанные между собою явления. Из рядов подобных организаций и банд выходят террористы, и сам терроризм является одной из функций этих организаций. Страна, терпимо относящаяся к подобным организациям у себя, сама может легко стать жертвой таких же организаций в чужих странах.

Необходимость в этом вопросе общих международных акций совершенно очевидна.

Здесь говорили о злоупотреблении правом убежища, но этим злоупотребляют иногда не только сами террористы, но и те власти, которые прикрываются этой теорией для оправдания террористических действий. Мы знаем, что те самые государства, которые дают самое широкое гостеприимство эмигрантам определенной политической окраски, забывают о праве убежища, когда его просят эмигранты другой политической окраски.

Если результатом обсуждения стоящего перед нами вопроса явится выработка общих мер борьбы с указанными мною явлениями, представляющими одну из угроз миру, то мы будем этим обязаны инициативе югославского правительства.

Я отнюдь не намерен преувеличивать значение данного вопроса и далек от мысли о том, что терроризм сам по себе является причиной войн. Если бы мир между народами опирался на солидную почву и если бы не было других, более глубоких причин для нарушения этого мира, то, может быть, не стоило бы международной организации заниматься вопросом о терроризме, да и сам терроризм, может быть, тогда не существовал бы, по крайней мере в его нынешних размерах.

Но именно потому, что мир не прочен, даже не особенно значительные поводы могут ускорить нарушение его. И Лига наций не исполнила бы долг стража мира, если бы она оставила без внимания устранение или хотя бы уменьшение возможностей этих поводов.

Я надеюсь, что Совет Лиги выполнит свой долг.

(«Правда» от 9 декабря 1934 г.)

РЕЧЬ В СОВЕТЕ ЛИГИ НАЦИЙ ПО СААРСКОМУ ВОПРОСУ 6 ДЕКАБРЯ 1934 г.

Так называемая саарская проблема прежде всего представляет исключительный интерес, как я уже отметил раньше, для двух великих народов. В несколько меньшей степени она затрагивает страны, подписавшие Версальский договор, вызвавший этот вопрос в жизнь, — страны, которые несут ответственность за этот договор. Что касается других представленных здесь государств, как, например, Советского Союза, то саарский вопрос их затрагивает только как членов Совета, несущих известную ответственность за его решения и за влияние этих решений на общую проблему мира. С этой точки зрения мне вряд ли необходимо мотивировать мое полное согласие с теми рекомендациями (предложениями) «комитета трех», которые основаны на соглашении, достигнутом между обоими заинтересованными народами.

Однако имеется ряд вопросов, которые не могут не явиться предметом большой заботы всех членов Совета; к числу их относится судьба саарского населения, которая до сих пор была вверена Совету Лиги. К счастью, приближается время, когда саарский народ получит возможность взять свою судьбу в собственные руки. Право народов распоряжаться своей собственной судьбой, самим определять свою государственную принадлежность было одним из великих принципов, провозглашенных советским правительством с самого начала его существования, принципом, на основе которого Советский Союз заключил не одно международное соглашение. Этим правом, примерно через месяц, воспользуется саарский народ. Мы должны будем подчиниться тогда решению, которое он примет путем свободного беспрепятственного плебисцита (народного голосования).

Когда, однако, мы говорим о праве на самоопределение, мы обычно имеем в виду право населения данной территории присоединиться к тому или иному государству или самому образовать суверенное государство. Если бы саарский народ имел перед собой только эти возможности, мы могли бы сказать, что, каково бы ни было решение, оно явилось бы окончательным и освободило бы Совет от всякой заботы о судьбе этого народа. К сожалению, особенности данного случая состоят в том, что допускается решение, не имеющее прецедента (примера) в международной практике и не предусмотренное теорией международного права, а именно: саарский народ может не только присоединиться к одной из смежных стран, но также голосовать за продолжение нынешнего режима, режима, который явно предполагался как временный. Мы полагаем, что подобное решение может быть принято только по особым причинам временного характера.

Нет ничего удивительного в том, что Совет и его члены забрасываются вопросами со стороны саарских организаций и индивидуальных участников плебисцита о правовом значении такого решения, вопросами о том, может ли подобное решение считаться окончательным — иными словами, потеряет ли саарский народ после этого решения навсегда свое право на самоопределение. Также нет ничего удивительного в том, что комитет оказался вынужденным дать ответ на эти вопросы.

Точка зрения, справедливо принятая комитетом, заключается в том, что в случае, если результаты плебисцита окажутся в пользу сохранения нынешнего режима, суверенные права (права верховной власти) над Сааром будут переданы Лиге наций и что в этом случае Лига, облеченная суверенитетом, сможет распоряжаться своими правами и допускать любые изменения в правовом положении Саара, какие пожелает саарское население, при условии, что наиболее заинтересованные народы не будут этому препятствовать.

Конечно, Лига наций не может быть заинтересована в удержании своих суверенных прав с какой-либо иной целью кроме сохранения международного мира. Поэтому, мне кажется, что, если в будущем саарский народ недвусмысленно выскажет желание об изменении своего правового положения, Лига наций не сможет отказать ему в его праве на самоопределение только потому, что по той или иной причине он не счел нужным воспользоваться этим правом раньше.

В самом деле, кто может возражать против этого? Не имели ли мы торжественного заявления, сделанного по собственной инициативе министром иностранных дел одной из наиболее заинтересованных стран, что эта страна не будет препятствовать подобной позиции Лиги? Можем ли мы ожидать каких-либо возражений со стороны другой заинтересованной великой страны, если когда-нибудь, как мы все искренне надеемся, она вновь займет свое место среди нас? Конечно, нет. В этих условиях я со своей стороны не могу представить себе положения, при котором другие члены Лиги хотели бы отказать в удовлетворении законных пожеланий саарского населения пересмотреть свое решение, вызванное временными причинами.

Я не делаю никакого предложения и говорю это только для того, чтобы объяснить, почему я соглашаюсь с изложенными в докладе комитета Совета взглядами, поскольку они гармонируют с принципом права на самоопределение, а также какое толкование я придаю этим взглядам, когда я заявляю, что я не имею возражений против доклада. Я надеюсь, что принятие этого доклада будет соответствовать пожеланиям и интересам саарского населения и всех заинтересованных сторон и послужит делу общего мира.

(«Правда» от 7 декабря 1934 г.)

РЕЧЬ ПО СААРСКОМУ ВОПРОСУ В СОВЕТЕ ЛИГИ НАЦИЙ
17 ЯНВАРЯ 1935 г.

При первом обсуждении в Совете Лиги наций саарской проблемы я уже имел случай указать на особенность моего положения в качестве представителя страны, которая призвана участвовать в развязке большого исторического действия, завязка которого совершилась без нее. Я могу поэтому чувствовать себя свободным от таких ощущений, которые могут испытывать другие члены Совета, причастные к указанному мною действию с начала его возникновения.

Я испытываю, однако, особое удовлетворение от того, что мы можем сегодня зарегистрировать случай удачного применения права самоопределения народов, которое представляет собой один из основных принципов международной политики моего правительства. Применение этого принципа должно иметь в виду, главным образом, определение национальности и государственной принадлежности большинства населения определенной территории. История хотела, чтобы была произведена проверка национальности саарского населения. Эта проверка дала результаты, которые кладут конец всяким сомнениям, если таковые и существовали, в национальной принадлежности Саарской провинции.

От Совета Лиги нельзя ожидать, чтобы он при полученных результатах вдавался в вопрос, почему и по каким субъективным соображениям саарцы голосовали. Если, как некоторые думают, у саарцев могли быть особые соображения, идущие в другом направлении, чем национальные, то отбрасывание ими этих соображений только повысит значение голосования с чисто национальной точки зрения. Саарцы огромным большинством ясно сказали, что они хотят оставаться германцами и разделять во всем судьбу своих соотечественников; и нам не остается ничего иного, как преклониться перед этим решением и поздравить германский народ с возвращением в его лоно его саарских сынов.

Вместе с моими коллегами я особенно приветствую окончательное разрешение саарской проблемы в перспективе мира, поскольку это событие устраняет один из многочисленных камней преткновения по пути к обеспечению мира. Вместе с тем мы должны, к сожалению, констатировать, что этот путь далеко еще не вполне свободен от таких камней и что, наоборот, их остается еще довольно много и что над устранением их придется еще немало поработать всем сторонникам мира. Мы должны признать, что мир не разбросан и не раздроблен в разных частях земного шара или Европы, что не достаточно подобрать отдельные куски его и что к нему нельзя идти закоулками или приватными дорогами, открытыми для одних и закрытыми для других. Мир неделим, и все

пути к нему выходят на одну большую широкую дорогу, на которую должны вступить все страны. Пора признать, что нет безопасности лишь в собственном мире и спокойствии, если не обеспечен мир соседей — ближних и дальних.

Мы же должны не только сами сознавать это, но и разъяснять тем, которые, говоря иногда о мире, сами имеют и хотят другим навязать совершенно превратные представления о нем. Необходимо также сознавать и разъяснять, что в нынешнее время мир не может быть обеспечен лишь субъективными высказываниями и декларациями тех или иных государственных людей. Мы окажем плохую услугу миру, если дадим себя убаюкивать такими пацифистскими декларациями.

Мир должен быть организован и может быть лишь результатом коллективных усилий и коллективных материальных гарантий. Если, как я надеюсь, события 13 января, совершившиеся в полном соответствии с международными обязательствами, при полном благожелательном содействии международной организации, помогут проникновению высказанных мною положений в сознании всех народов, всех государственных людей, то мы можем сказать себе, что мы принимаем сегодня действительно решение огромного исторического значения.

(«Правда» от 19 января 1935 г.)

ЗАЯВЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ИРАКО-ПЕРСИДСКОГО СПОРА ИЗ-ЗА РЕКИ ШАТ-ЭЛЬ-АРАБ 15 ЯНВАРЯ 1935 г.

Не касаясь пока обсуждаемого вопроса по существу, я хотел бы сделать предварительное замечание. В документах, представленных Совету Лиги обеими сторонами, также в заявлениях, сделанных здесь их представителями, имеются многочисленные ссылки на участие России в соглашениях бывшей Оттоманской империи и Персии по определению их границ. И действительно, как в эрзерумском договоре от 1847 г., так и в константинопольском протоколе от 1913 г. имеется наряду с подписями Турции, Персии и Великобритании также и подпись представителя тогдашнего имперского российского правительства.

Это обстоятельство вынуждает меня заявить, что, что бы ни было предпринято в то время тогдашним российским правительством, советское правительство не имеет ничего общего с интересами и с политикой, которые диктовали эти действия. Мое правительство поэтому не заинтересовано в том или ином разрешении спора между Ираком и Персией. Оно, как и прочие, надеюсь, члены Совета Лиги, заинтересо-

вано лишь в том, чтобы конфликт был разрешен по справедливости к удовлетворению обеих спорящих сторон, дабы они могли сохранить и продолжать существующие между ними дружественные добрососедские отношения.

(«Правда» от 16 января 1935 г.)

РЕЧЬ НА ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЕССИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ 17 АПРЕЛЯ 1935 г. ПО ВОПРОСУ О НАРУШЕНИИ ГЕРМАНИЕЙ ВЕРСАЛЬСКОГО ДОГОВОРА¹

Вопрос, поставленный перед нами в результате обращения французского правительства в Совет Лиги наций, не представляет одинакового формального интереса для всех членов Лиги наций, но по существу несомненно заслуживает внимания как Совета Лиги наций, так и в целом всей Лиги.

Мы вчера выслушали представителей государств, подписавших Версальский договор и ныне непосредственно задетых нарушением обязательств, принятых в отношении их. Я говорю, однако, от имени страны, которая не только не ответственна за Версальский договор, но и никогда не скрывала своего отрицательного отношения к этому договору в целом и к разоружению Германии в частности.

Наше формальное отношение к данному вопросу состоит в том, что мы как члены Лиги наций и Совета Лиги имеем дело с фактом нарушения международного договора государством, формально числящимся еще членом Лиги. Это является согласно параграфу 2-му статьи 1-й устава Лиги нарушением этого устава, а следовательно, нарушением обязательств в отношении остальных членов Лиги, создавшим угрозу миру. Необходимость соблюдения всеми государствами своих международных обязательств занимает первое место в уставе Лиги, и это указывает на то огромное значение, которое придается этому обязательству. Иначе и не может быть, ибо одной из основ мира является соблюдение международных обязательств, имеющих непосредственное отношение к безопасности народов.

Меня, однако, более интересует существо этого вопроса, нежели его формальная сторона, на которой с достаточной обстоятельностью останавливались другие члены Совета. Мы стоим на точке зрения равноправия народов и их бесспорного права на безопасность и на все средства, обеспечивающие эту безопасность. Все миролюбивые государства имеют право на вооружение для защиты своей безопасности.

¹ Речь была произнесена во время обсуждения протеста Франции по поводу нарушения Германией гл. V Версальского договора.

Однако, признавая равноправия в вооружениях, мы должны исходить из предположения, что это вооружение будет использовано исключительно в оборонительных целях, для защиты существующих границ и собственной безопасности.

Но как быть, если в том или ином конкретном случае это предположение представляется сомнительным и когда, наоборот, есть опасения, что вооружение имеет целью не защиту, а нарушение границ, осуществление насильственными методами идеи реванша, нарушение безопасности соседних или отдаленных государств, нарушение всеобщего мира со всеми его трагическими последствиями?

Как быть, если государство, требующее или берущее себе право на вооружение, находится под исключительным руководством людей, которые объявили во всеуслышание программу своей внешней политики, состоящую в политике не только реванша, но и безграничного завоевания чужих территорий и уничтожения независимости целых государств, — под руководством людей, которые открыто провозгласили эту программу и не только не отрекаются от нее, но непрестанно распространяют эту программу, воспитывая на ней свой народ? Как быть в тех случаях, когда государство, имея такую программу своих вождей, отказывается давать какие бы то ни было гарантии неосуществления этой программы, гарантии безопасности своих соседей, дальних или близких, — гарантии, которые готовы дать другие государства, даже свободные от всяких подозрений в агрессивности? Можно ли закрывать глаза на подобные факты? Ясно, что такие случаи заслуживают особого отношения к себе.

Я позволю себе для пояснения своей мысли прибегнуть к следующей иллюстрации. Если в каком-либо городе допускается ношение оружия частными гражданами, то, абстрактно говоря, это право должно быть обеспечено за всеми жителями данного города. Но допустим, что какой-либо гражданин открыто нападает на жителей соседних или дальних улиц и будет уничтожать их дома. Муниципалитет вряд ли поспешил бы выдать этому гражданину разрешение на ношение оружия или спокойно отнесся бы к тому, что незаконным путем он раздобыл себе это оружие. Вряд ли могли бы быть приняты во внимание какие-либо обещания воинственного гражданина щадить некоторые кварталы города и оставлять за собой и за своим оружием свободу действий только в остальных кварталах. Муниципалитет обязан охранять спокойствие всех кварталов. К тому же гражданин, способный в нарушение законов нападать на своих сограждан, может позволить себе нарушить свои обещания в отношении точки применения своих угроз. Город поэтому, по меньшей мере потребовал бы от него прежде всего дей-

ственных гарантий хорошего поведения, в особенности могли бы на этом настаивать жители тех кварталов, в отношении которых воинственный гражданин требует себе свободы действий, и от них во всяком случае меньше всего можно было бы ожидать, что они выступят в оправдание незаконного приобретения им оружия во имя абстрактного принципа равноправия.

Сказанное мною относительно одного города применимо, конечно, и к международной жизни. Лига наций, призванная охранять спокойствие международной жизни во всех частях света, не может пройти мимо явлений, создавших угрозу этому спокойствию.

Мы были бы рады, если бы могли обсуждать стоящий перед нами вопрос в присутствии и с участием представителя заинтересованного государства. Мы были бы рады услышать от него официальное заявление об отказе от программы насильственного реванша и завоеваний, о его готовности принять вместе с нами участие в коллективном обеспечении безопасности всех государств, включая и его самого, общих действительных гарантий ненарушения всеобщего мира. К сожалению, это пока лишь неосуществленное пожелание, и мы из этого должны сделать свои выводы, и эти выводы, а не только формальные мотивы, определяют мое отношение к внесенной резолюции. Это отношение ни в коей мере не является оправданием нарушенного Версальского договора и отдельных его постановлений. Нет! Оно является выражением стремления моего правительства содействовать созданию такого международного порядка, при котором максимально затруднилось бы нарушение мира, ведущее к подобным договорам.

(«Известия» от 18 апреля 1935 г.)

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ ОБ ИТАЛО-АБИССИНСКОМ КОНФЛИКТЕ 5 СЕНТЯБРЯ 1935 г.

С глубоким сожалением мы выслушали сообщение уважаемых представителей Великобритании и Франции о неудачах их попытки полностью ликвидировать конфликт между Италией и Абиссинией, которая позволила бы снять вопрос с порядка дня и избавила бы нас от неприятной обязанности высказывать наши индивидуальные суждения. Для меня эта обязанность тем более неприятна, что одной из спорящих сторон является государство, с которым представляемый мною Советский Союз поддерживает свыше 10 лет неизменно дружественные отношения, с которым он хотел бы эти отношения и дальше сохранить, которому он

меньше всего хотел бы наносить какой бы то ни было ущерб, сотрудничество с которым как в Лиге, так и вне ее для поддержания мира в Европе мы высоко ценим и, наконец, народ которого пользуется в моей стране глубочайшим уважением и симпатиями.

Мне, как и многим моим коллегам, приходится в данном случае выступать по вопросу, который непосредственно не затрагивает интересы наших стран, но который при том или ином решении может иметь самые грозные последствия для всей международной жизни, для судьбы Лиги наций, для дела всеобщего мира, а следовательно — рано или поздно — и для наших стран. С большим сожалением я вынужден поэтому заявить о своем несогласии с той позицией, которую уважаемый представитель Италии приглашает нас занять. Правда, он не делает никаких предложений, но смысл его заявления сводится к тому, что Совет Лиги приглашается констатировать свою незаинтересованность в конфликте, свое безразличие, пройти мимо него, санкционировав требуемую им для своего правительства свободу действий. Но, мотивируя свое предложение несоблюдением и нарушением другой спорящей стороной международных обязательств, он приглашает членов Совета в свою очередь нарушить их международные обязательства, нарушить пакт Лиги наций, от которого в немалой степени зависят устойчивость всего здания международного мира и безопасность народов.

Инцидент, послуживший поводом для постановки обсуждаемого нами вопроса, ликвидирован, и собственно никакого конкретного спора между сторонами больше не существует. Тем не менее налицо несомненная угроза войны, угроза агрессии, которую не только не отрицает, а, наоборот, подтверждает сам представитель Италии. Можем ли мы пройти мимо этой угрозы и забыть про существование статей 10-й, 11-й и 15-й устава Лиги? Разве нарушение его всем Советом не означало бы совершенно отрицания и упразднения пакта?

Мне могут сказать, что имеется прецедент, когда Совет Лиги не принял всех нужных мер для предотвращения конфликта между двумя членами Лиги. Этого прецедента мы не должны и не можем забывать, ибо мы до сих пор чувствуем еще, в какой мере этот случай ослабил Лигу наций, уменьшил ее авторитет и способствовал созданию того политически неустойчивого грозного положения, в котором весь мир в настоящее время находится, и, может быть, даже возникновению данного конфликта. Повторение этого прецедента имело бы собирательный эффект и в свою очередь послужило бы поощрением возникновения новых конфликтов, более непосредственно затрагивающих всю Европу. Принцип неделимости мира, к счастью, получает все большее

и большее признание. Всему миру ясно теперь, что почти каждая война есть порождение предыдущей войны и родительница новых войн.

Не могу я согласиться также с мотивировкой предложения, сделанного уважаемым представителем Италии. Я уверен, что здесь не найдется никого, кто защищал бы внутренний режим Абиссинии, как он описан в представленных нам документах, но ведь в смысле внутреннего режима страны мира представляют в настоящее время значительную пестроту, и весьма немногие из них сохранили между собой сходство. Ничто в уставе Лиги не дает нам, однако, права различать между членами Лиги по их внутреннему режиму, цвету кожи, расовым признакам или по степени цивилизации и лишать тех или иных из них привилегий, которыми они пользуются в силу своего членства в Лиге и в первую очередь права на сохранение своей территориальной целостности и независимости. Я полагаю, что для поднятия отсталых народов, для воздействия на их внутреннюю жизнь, для поднятия цивилизации можно придумать иные средства, чем военные. Я должен напомнить, что в том печальном прецеденте, о котором я упомянул, также были попытки оправдания агрессии со ссылками на отсталость, внутренние неурядицы, плохую администрацию и т. п. Не подлежит сомнению, что при любой попытке агрессии будут подобные или другие оправдания. Лига наций, мне кажется, должна защищать тот принцип, что для военных операций нет оправданий, кроме случаев самообороны, как не допускает этих оправданий пакт Келлога — Бриана, запрещающий всякую войну в качестве орудия национальной политики.

Мои замечания имеют общий принципиальный характер и направлены, если можно так выразиться, против неизвестного агрессора. Только исходя из этих общих принципов мы должны разобрать данный конфликт, внимательно изучив его особенности, на которые указывают спорящие стороны. Но пока я резервирую свое мнение на этот счет.

Представляемое мною государство всего год тому назад вступило в Лигу наций с единственной целью и с единственным обещанием всемерно сотрудничать с другими нациями в деле сохранения неделимого мира. Только эта цель и это обещание руководят мною сегодня, когда я предлагаю Совету не останавливаться ни перед какими усилиями и средствами, чтобы предотвратить вооруженный конфликт между двумя членами Лиги и осуществить задачу, которая является смыслом существования Лиги.

(«Известия» от 6 сентября 1935 г.)

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА XVI СОБРАНИИ ЛИГИ НАЦИЙ
14 СЕНТЯБРЯ 1935 г. ПО ОТЧЕТУ ГЕНЕРАЛЬНОГО
СЕКРЕТАРЯ ЛИГИ

В первый раз делегация Советского Союза принимает участие в генеральной дискуссии по отчету генерального секретаря Лиги наций. Высказывая суждения о работе, проделанной за год Лигой, я сознаю всю скромность и сдержанность, обязательные для нового члена организации, не обладающего полнотой сведений по истории многих вопросов, которыми организация занималась, об усилиях, сделанных для разрешения вопросов до его вступления в организацию, о встретившихся затруднениях, о причинах этих затруднений и т. п. Не желая преуменьшать значения достижений Лиги за год, особенно таких, как разрешение саарской, югославско-венгерской и других проблем, я, однако, в настоящий момент вижу свою задачу члена этого почетного собрания не в расточении похвал Лиге, что для члена Лиги и Совета отчасти было бы самовосхвалением. Мне кажется, что мы больше послужим делу Лиги, если мы используем предоставляемый отчетом случай, чтобы остановить наше внимание преимущественно на неудачах, на несовершенствах и незаконченности работ Лиги. Иначе говоря, если мы сделаем хотя бы краткое обозрение некоторых, весьма важных, незаконченных, а может быть, даже почти и не начатых дел, покоящихся в архивах Лиги, хотя бы для того, чтобы проветрить их и напомнить об их существовании. Такой метод приближается к тому, что в моей стране носит название самокритики и который, я смею вас уверить, дает блестящие результаты, приобретая иногда значение движущей силы в наших достижениях. Применяя этот метод здесь, я, однако, отнюдь не хочу, чтобы в нем видели какие-либо упреки кому бы то ни было. Как справедливо сказал уважаемый первый делегат Великобритании, Лига всегда будет тем, чем члены Лиги ее делают. Мы почти все несем ответственность за ее несовершенства, хотя, конечно, не всегда в одинаковой мере.

Если я коснусь раньше всего незаконченного дела об определении агрессии, то потому лишь, что о нем нам надяна напомнил в Совете Лиги уважаемый представитель Италии, барон Алоизи. Предъявляя обвинительный акт Эфиопии, барон Алоизи сказал: «Каждый отдельный из этих случаев агрессии был бы достаточным для легализации войны против государства-агрессора, если бы к этому государству было применено определение агрессии, недавно принятое в некоторых международных конвенциях». Речь идет, очевидно, о предложенной в свое время советской делегацией в Женеве формуле определения агрессии, принятой одной из

подкомиссий под председательством г. Политиса и ставшей затем предметом ряда конвенций, заключенных Советским Союзом почти со всеми его соседями и странами Малой Антанты. Я вижу в приведенном заявлении представителя Италии признание пользы определения агрессии и даже сожаление об отсутствии полного международного признания его. В самом деле, больше чем в одном случае всеобщее признание этого определения агрессии вывело бы Лигу наций из досаднейших затруднений. Если бы мы имели перед собой не заявление Италии о свободе действий, а ее формальную обоснованную жалобу на акты агрессии со стороны соседней Эфиопии, которые подпадали бы под принятое Лигой наций определение агрессии, то я позволю себе заверить представителя Италии, что ему в таком случае не только в полной мере оказана была бы Лигой справедливость, но что он тогда убедился бы в наших симпатиях, на которые благородная итальянская нация имеет право.

Я опасюсь, что как в прошлом, так и в будущем Лига наций при разборе конфликтов между государствами неизбежно будет наталкиваться на препятствие, создаваемое отсутствием общепринятого определения агрессии, и я спрашиваю себя, не настала ли пора подвергнуть этот вопрос новому и самостоятельному рассмотрению, освободив его от зависимости от колесиков того механизма Лиги, где одно остановившееся колесо останавливает и все прочие. Я надеюсь, что Совет займется этим вопросом, если даже понадобится предварительная подготовка его дипломатическим путем.

Напомню вкратце о другом предложении советского правительства, не получившем своего разрешения и затерявшемся в механизме Лиги наций, а именно о создании постоянной конференции мира. Это предложение находит новое оправдание в том факте, что уже в течение четырех лет Лига наций не выходит из полосы разбора вооруженных конфликтов между членами Лиги или угрозы таких конфликтов, вызывающих необходимость довольно частых чрезвычайных сессий как Совета, так даже и пленума Лиги. Постоянная конференция мира помимо облегчения самой процедуры обсуждения претотвращения конфликтов и других преимуществ, о которых я в свое время говорил, имела бы большое агитационное значение с точки зрения мира и говорила бы возможным агрессорам, что Лига наций следит за сохранением мира и событиями, могущими привести к нарушению его, перманентно, а не только в чрезвычайных случаях и с опозданиями. Вопрос связали почему-то с проблемой контроля над разоружением, и в результате мы не имеем ни контроля над вооружением, ни постоянной конференции мира. Новое доказательство необходимости расцепления колесиков механизма Лиги.

Говоря о разоружении, я не могу не вспомнить о другом предложении советского правительства, покрытом в архивах Лиги, вероятно, наибольшим слоем пыли. Пусть генеральный секретарь не обидится на меня. Я выражаюсь фигурально, отнюдь не думая, чтобы в Лигу наций имела доступ какая бы то ни была пыль. Многим может показаться парадоксальным, что я вновь поднимаю вопрос о полном разоружении, когда потерпели крушение самые скромные попытки проведения частичного разоружения. Но я прошу Вас вспомнить, что я всегда оспаривал положение о мнимой утопичности полного и о легкости реализации частичного разоружения и, наоборот, утверждал и продолжаю утверждать, что наибольшую трудность представляет частичное, а наименьшую — полное разоружение. Если казавшееся практичным оказалось утопией, то надо попробовать, не окажется ли практичным средством кажущаяся утопия. Подавляющее большинство государств, заявляющих о своей верности идее мира и о готовности защищать её всеми средствами, не могут дать лучшего доказательства своего миролюбия, чем согласие на новое серьезное изучение проблемы полного разоружения. Советская делегация будет во всяком случае заботиться о том, чтобы эта проблема не была предана забвению.

Меня интересуют, конечно, не только предложения, исходившие от советского правительства. Я, например, с сожалением услышал, что вопрос о согласовании пакта Лиги с Парижским пактом в направлении полного запрещения войны вновь откладывается обсуждением на неопределенное время. Разрешение этого вопроса покончило бы навсегда с компрометирующими Лигу спорами, которые мы слышим здесь, о том, должна ли Лига наций предотвратить возникший или грозящий возникнуть военный конфликт или легализовать его.

С сожалением я отнесся бы также к возможному решению о дальнейшем оставлении в состоянии бездеятельности существующей Комиссии изучения Европейского союза. Мне кажется, что в рамках этой организации могли бы с пользой обсуждаться не только экономические, но и многие политические вопросы, интересующие преимущественно европейские страны. Там могли бы быть поставлены на предварительное рассмотрение и более общие вопросы для выявления солидарности европейских стран, что отнюдь не означало бы умаления универсальности Лиги наций. Но в Лиге именно благодаря ее универсальности, при том положении, когда некоторые континенты расщеплены на множество небольших стран, и при абсолютной необходимости признания равенства наций как больших, так и малых, голос европейских стран может иногда потонуть в универсальном хоре и не находить адекватного отзвука, соответствующего

их удельному весу, в международной жизни. Это тем более несправедливо, что возможность вмешательства Лиги в дела других континентов иногда заранее ограничивается или исключается. Этот вопрос мог бы быть обсужден параллельно со стоящим в порядке дня вопросом о взаимоотношениях между Лигой наций и Панамериканским союзом.

Создание внутри Лиги наций европейской организации могло бы со временем привести к обширному европейскому региональному соглашению, охватывающему и связывающему между собою намеченные частные и более узкие региональные соглашения. Эти свои беглые замечания я представляю лишь в качестве материала для обсуждения этой проблемы, которая, я признаю, должна быть подвергнута более подробному и серьезному изучению.

Я на этом заканчиваю свой разбор исполненной или скорее неисполненной работы Лиги наций за год. Я не останавливаюсь совершенно на побочных задачах Лиги, не имеющих прямого отношения к делу укрепления мира. Не отрицая значения задач, будь то гигиенического, социального или гуманитарного характера, я отнюдь не хотел бы отвлекать энергию Лиги в эту сторону в ущерб основной задаче Лиги, для которой она создана. Не хотел бы я также, чтобы Лига слишком много средств уделяла созданию новых органов или искусственному воскрешению отмирающих органов, как это предлагает уважаемый представитель Норвегии. Если 15 лет тому назад, когда шансы новой войны казались и действительно были вследствие всеобщего истощения совершенно минимальны, основатели Лиги наций видели смысл ее существования исключительно, как гласит пункт 14-й Вильсона, «в создании взаимной гарантии политической независимости и территориальной целостности как больших, так и малых государств», то тем более такая целеустремленность Лиги диктуется нынешним положением, о котором председатель Совета в своей вступительной речи сказал, что «мир терзаем беспокойством», и которое другие ораторы характеризовали аналогичными выражениями.

Да, это беспокойство, овладевшее миром за последние три года, не только не смягчается, но и растет *crescendo*. Дело не только и не столько в итало-абиссинском конфликте, сколько в других грозных опасностях, стоящих перед Европой и перед всем миром. Это беспокойство имело, однако, ту хорошую сторону, что оно убедило все миролюбивые страны, всех искренних друзей мира в беспорности двух истин: неделимости мира и необходимости коллективной безопасности. Коллективная безопасность, однако, не может быть обеспечена одним пактом Лиги наций. В этом мы все убеждаемся чем дальше, тем больше при всякой попытке применения пакта. Отдельные государства или скорее груп-

пы государств должны на основе устава Лиги принимать свои дополнительные меры. Эти меры нашли общепризнанное выражение в региональных пактах взаимной помощи.

Советский Союз, желая внести свою лепту в систему регионального укрепления мира, не щадил усилий, чтобы вместе с правительствами Французской и Чехословацкой республик осуществить региональный пакт в области, наиболее доступной их воздействию. Нам, к сожалению, не удалось по причинам, от нас не зависящим, привлечь к этому делу, все государства, населяющие эту область, и поэтому пришлось ограничиться заключением пактов о взаимной помощи с Францией и Чехословакией. Но эти пакты имеют ту же цель и тот же характер, что и региональный пакт, и я уверен, что они значительно содействовали укреплению чувства безопасности на востоке Европы, так же как Локарнский региональный пакт выполняет ту же функцию в западной части Европы. Подобные пакты никому кроме возможных нарушителей мира не угрожают, ничьих интересов не задевают и служат исключительно делу, мира, а следовательно, и делу всего человечества.

Противоположная концепция, борющаяся с идеей коллективной безопасности, которой она противопоставляет двусторонние пакты, притом даже не между всеми государствами, а только между произвольно для этого выбранными, ничего общего с мирными намерениями иметь не может. Не всякий пакт о ненападении имеет целью укрепление всеобщего мира. В то время как пакты о ненападении, заключенные Советским Союзом со своими соседями, имеют особую оговорку о недействительности пактов в случае совершения агрессии одной из сторон против любого третьего государства, мы знаем и другие пакты, отнюдь не случайно такой оговорки лишенные. Это значит, что государства, обеспечившие себе тыл или фланг подобным пактом о ненападении, резервируют себе возможность безнаказанного нападения на третье государство. Теории подобных пактов сопутствует другая — о локализации войн. *Но кто говорит — локализация войны, имеет в виду свободу войны, легализацию войны. Двусторонний пакт должен обеспечить этим людям безопасность и легализацию агрессии. Мы имеем, таким образом, две точно очерченные концепции: с одной стороны, безопасность народов, с другой — безопасность агрессии.*

К счастью, последняя теория отвергается всеми цивилизованными нациями и обща лишь весьма немногим, которых она и метит как будущих нарушителей мира.

Концепция коллективной безопасности нашла блестящее признание и подтверждение в англо-французском соглашении от 3 февраля, выдвинувшем схему не только отдельных региональных пактов, но и их неразрывности и взаимоза-

висимости. С этой схемой солидаризировалось огромное большинство европейских стран, в том числе и Советский Союз, и она немало содействовала поднятию в Европе чувства безопасности. Совершенно противоположное чувство вызывало, наоборот, всякое сепаратное двустороннее соглашение. Я с особенным удовлетворением поэтому выслушал речь британского министра иностранных дел сэра Самюэля Хора, в которой он особенно красноречиво *защищал идею коллективной безопасности, идею поддержания мира коллективными средствами и заверял нас в верности этой идее* британского правительства. Я это приветствую как благоприятное предзнаменование для будущего Лиги наций.

Я мог бы на этом закончить свое выступление, но я знаю, что многие с недоумением спрашивают себя, почему я не говорю о вопросе, наиболее актуальном и наиболее волнующем Пленум Лиги, а именно об итало-абиссинском конфликте. Я предпочел остановиться на общих вопросах потому, что данный конфликт для меня не заслоняет всего международного горизонта и вырисовывающихся на нем других более грозных опасностей. Я предпочел установить общие принципы, которые мы должны применять к частным случаям. О самом конфликте мы скажем, когда он будет поставлен перед нами в Совете Лиги, в случае неудачи предпринятых попыток примирения, скажем беспристрастно, с подобающим советскому представителю мужеством, которого не смогут поколебать никакие запугивания нападениями и оскорблениями в прессе или другими методами. Принципиальное отношение советского правительства к подобным конфликтам и к тому, что надо в таких случаях делать, я определил в Совете с предельной ясностью. Для советской делегации нет вопроса о поддержке той или иной из спорящих сторон, ни о защите чьих-либо интересов. Как вам должно быть известно, советское правительство принципиально относится отрицательно к системе колоний, к политике сфер влияния, к мандатам и ко всему, что имеет отношение к империалистическим целям. Перед советской делегацией стоит исключительно вопрос о защите устава Лиги как орудия мира. Это орудие уже немножко подбито предыдущими покушениями, и мы не можем допустить нового покушения, которое вывело бы его окончательно из строя. Оно может понадобиться нам еще не один раз и еще больше, чем в настоящем случае. Если мы уйдем с настоящей ассамблеи, получив уверенность, что государства, представители которых здесь выступали, формально и торжественно обязались от имени своих правительств никогда больше не допускать новых покушений на устав Лиги как на орудие мира, а пускать его в ход во всех случаях агрессии, откуда бы она ни исходила и против кого бы она ни была направлена, то

данная ассамблея явится началом новой истории Лиги наций. Я хочу Вас заверить, что представляемое мною государство не уступит никому в лояльном выполнении принятых на себя международных обязательств, особенно, когда речь идет об обеспечении за всеми народами блага мира, которым никогда еще человечество так не дорожило, как в настоящее время, после сравнительно недавно пережитых испытаний. Мы должны избавить его на будущее от подобных испытаний.

РЕЧЬ НА XVI СОБРАНИИ ЛИГИ НАЦИЙ 16 СЕНТЯБРЯ
1935 г. ПО ПОВОДУ ВЫСТУПЛЕНИЯ МИНИСТРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПОЛЬШИ г. БЕКА¹

Я прошу извинения Пленума за то, что вторично взял слово в общей дискуссии, но меня вынуждает сделать это сегодняшнее утреннее заявление уважаемого первого делегата Польши. Я уверен, что советская делегация была не единственной, испытавшей чувство удивления по поводу заявления г. Бека, заявления, для которого в моей речи 14 сентября не содержалось никакого повода. В самом деле, ни Польша, ни польская политика ни разу не были упомянуты в этой речи.

Я говорил о двух противостоящих политических концепциях. За несколько дней до моей речи официальный представитель одного правительства вновь заявил, что оно предпочитает двусторонние пакты и локализацию войны системе коллективной безопасности. Я разъяснил — я имел на это основание, — какого рода пакт это правительство имеет в виду и каковы могли бы быть последствия подобных пактов для дела всеобщего мира.

К сожалению, я не могу согласиться с тем мнением моего польского коллеги, что открытое обсуждение здесь существующих концепций международных соглашений может повредить сотрудничеству. Я смею думать, что для подобной дискуссии нет более подходящего места, нежели форум наций, каковыми является пленум Лиги. Естественно, что, обсуждая вопросы организации мира, мы не можем не останавливаться на преимуществах и недостатках той или иной

¹ Г-н Бек в своем выступлении выразил недовольство тем, что т. Литвинов в речи 14 сентября (см. стр. 132), якобы, «с предубеждением и произвольным образом» судил о некоторых дипломатических актах польского правительства. Г-н Бек заявил, что такие выступления могут «повредить делу лояльного международного сотрудничества».

Приведенная здесь речь т. Литвинова является ответом на выступление г. Бека.

политической концепции. По моему мнению, международное сотрудничество может только выиграть от такой дискуссии.

Со своей стороны я не могу сказать, что для моего правительства безразлично, что думают о его внешней политике другие страны и в особенности наши соседи.

Мне кажется, что государства подошли бы ближе к международному сотрудничеству и к идее, лежащей в основе Лиги, если бы специально позаботились о том, чтобы их внешняя политика правильно понималась и истолковывалась другими странами, в первую очередь соседями.

Я хочу заверить польскую делегацию, что, если бы она предпочла высказать на пленуме свое мнение о политике мира, проводимой моим правительством, я не имел бы против этого возражений и суждения польской делегации ни в какой мере не отразились бы на наших отношениях к Польше, дружба с которой не переставала быть одной из основных целей внешней политики советского правительства.

(«Известия» от 17 сентября 1935 г.)

РЕЧЬ О СОЗДАНИИ ПОДЛИННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ НА СЕССИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ В ЛОНДОНЕ 17 МАРТА 1936 г.

ЗАЩИТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ — ОСНОВНОЙ ДОЛГ ЛИГИ НАЦИЙ

За короткий срок полуторагодового пребывания Советского Союза в Лиге наций его представителю в Совете Лиги приходится сегодня в третий раз выступать по поводу нарушения международных обязательств: в первый раз по поводу нарушения Германией военных статей Версальского договора, во второй раз в связи с итало-абиссинским конфликтом и сегодня вследствие одностороннего нарушения Германией как Версальского, так и Локарнского пактов. Во всех трех случаях Советский Союз либо формально не заинтересован вследствие своего неучастия в нарушенных договорах, как Версальский и Локарнский, либо, как в случае с итало-абиссинским конфликтом, его собственные интересы ни в малейшей мере не были задеты. Эти обстоятельства не мешали в прошлом и не помешают в данном случае представителю Советского Союза найти свое место в числе тех членов Совета, которые наиболее решительным образом запротоколируют свое возмущение нарушением международных обязательств, осудят его и присоединятся к наиболее эффективным средствам предотвращения подобных нарушений в дальнейшем.

Такая позиция Советского Союза определяется его общей политикой борьбы за мир, за коллективную организацию безопасности и за сохранение одного из инструментов мира — существующей Лиги наций. Мы считаем, что нельзя бороться за мир, не отстаивая в то же время ненарушимости международных обязательств, в особенности таких, которые непосредственно касаются сохранения существующих границ, вооружений и политической или военной агрессии. Нельзя бороться за коллективную организацию безопасности, не принимая коллективных мер против нарушения международных обязательств. Мы не считаем, однако, такой мерой коллективную капитуляцию перед лицом агрессора, перед лицом нарушения договоров или коллективное поощрение таких нарушений и тем менее коллективное согласие на премиривание агрессора путем принятия угодной и выгодной агрессору базы соглашения или других планов. Нельзя сохранить Лигу наций, основанную на святости международных договоров, в том числе самого пакта Лиги, проходя мимо нарушения этих договоров или отделяясь словесными протестами и не принимая более действительных мер в защиту международных договоров. Нельзя сохранить Лигу наций, если она не будет выполнять своих собственных постановлений, а приучит агрессоров не считаться ни с какими ее рекомендациями, ни с какими ее предостережениями, ни с какими ее угрозами. Такую Лигу наций никто не будет принимать всерьез. Резолюции такой Лиги станут только посмешищем. Такая Лига не нужна. Скажу больше — такая Лига может быть даже вредна — вредна потому, что она может убаюкивать народы, создать у них иллюзии, которые помешают им самим заблаговременно принимать необходимые меры самообороны.

Ответственность Лиги наций и ее руководящего органа — Совета — тем больше, чем проще обсуждаемое нарушение международных обязательств. Характерной чертой всех трех случаев, о которых я только что говорил, является их простота — простота в том смысле, что установление самих фактов нарушения международных обязательств не представляло никаких затруднений и не могло вызвать ни споров, ни разногласий. Говоря об отсутствии споров и разногласий, я, конечно, не имею в виду само государство, обвиняемое в нарушении договора, которое, естественно, всегда будет если не оспаривать нарушение, то придумывать всяческие аргументы для оправдания своего поступка. Невозможно мыслить себе такой случай, когда такое государство заявит открыто, что никаких оправданий у него нет и что виновато только оно и никто больше.

Обсуждаемый в настоящей сессии Совета вопрос даже превосходит предыдущие случаи своей простотой в указанном смысле. Здесь налицо не только нарушение договоров по су-

ществу, но и игнорирование специального пункта договора, который предусматривает способ разрешения могущих возникнуть споров в случае мнимого или действительного нарушения договора. Но прежде чем высказать окончательное суждение о действиях Германии, я считаю справедливым учесть все сказанное г. Гитлером в оправдание этих действий или для смягчения значения проступка.

Германское правительство утверждает, что Франция первая нарушила по духу и букве Локарнский договор заключением пакта о взаимной помощи с Советским Союзом. Оно обратилось за разъяснением к другим локарнским державам, а именно к Великобритании и Италии. Надо полагать, что, если эти державы согласились бы с германским тезисом о несовместимости советско-французского пакта с Локарнским договором, то Германия полностью использовала бы их заключение. Но так как эти державы пришли к другому заключению, то Германия безапелляционно заявляет, что Франция, Великобритания, Италия, Бельгия, т. е. остальные локарнские державы, неправильно толкуют Локарнский договор и что единственно правильное толкование — ее собственное. Это, несомненно, чрезвычайно удобный способ разрешения спорных международных вопросов, когда страна, убежденная в несправедливости своего дела, возлагает на себя функции судьи в своем собственном деле и затем судебного пристава.

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ПАКТ СОВМЕСТИМ С ЛОКАРНСКИМ ДОГОВОРОМ

Несостоятельность германского утверждения о несовместимости с Локарнским договором советско-французского пакта с абсолютной ясностью вытекает из совершенно оборонительного характера этого пакта. Всему миру известно, что ни Советский Союз, ни Франция никаких территориальных претензий на германские земли не имеют, к изменению границ Германии не стремятся. Если Германия не совершит агрессии ни против Франции, ни против Советского Союза, то пакт никогда не будет приведен в действие. Если же Советский Союз делается жертвой нападения со стороны Германии, то Локарнский договор дает неоспоримое право Франции как члену Лиги прийти Советскому Союзу на помощь. Безошибочное определение агрессора в этом случае дает отсутствие общей границы между Германией и Советским Союзом. Если германские вооруженные силы выйдут за пределы собственной страны, пройдут разделяющие обе страны государства и моря, чтобы напасть на территорию Советского Союза, то германская агрессия будет совершенно очевидной, и наоборот. Это вполне ясно и германскому правительству, поэтому оно спешит призвать на помощь далеко идущую гипотезу, об изме-

нении социального строя во Франции, что лишь подчеркивает искусственность и натянутость германской аргументации о несовместимости советско-французского пакта с Локарнским договором.

Не полагаясь на силу и убедительность подобной аргументации, само германское правительство выдвигает другое оправдание своим действиям. Оно заявляет, что демилитаризация Рейнской зоны сама по себе несправедлива, противоречит принципу равноправия государств и подвергает опасности неприкосновенность германской границы. Такая аргументация звучит как будто убедительнее и во всяком случае искреннее, чем софистика касательно советско-французского пакта. Чтобы разобрать детально этот аргумент, мне пришлось бы повторить здесь то, что я говорил в Совете Лиги 17 апреля 1935 г. при обсуждении жалобы французского правительства на нарушение германским правительством международных обязательств касательно вооружений. Лига наций как учреждение политическое, ставящее себе задачей организацию и укрепление мира, не может разрешать вопросы, а тем менее оправдывать нарушения международных обязательств с точки зрения абстрактных принципов. Критерием для решений Лиги должно быть раньше всего соответствие того или иного решения задаче наилучшей организации мира. Значительное число членов Лиги, среди которых тогда Советского Союза не было, считало в 1919 и 1925 гг., что этой задаче соответствует демилитаризация Рейнской зоны. Я не думаю, чтобы изменения, которые произошли с тех пор в идеологии и внешней политике Германии, позволили утверждать, что в настоящее время мир в Европе выиграет от ремилитаризации Рейнской зоны, тем более совершенной односторонне, в нарушение добровольно принятых на себя Германией обязательств. Не позволяют этого утверждать ни внешняя политика нынешнего германского правительства, ни начатая и непрекращающаяся за последние три года в Германии проповедь агрессии и международной ненависти и глорификации духа войны.

Я не стану отнимать ваше время соответственными цитатами из германской периодической печати, из германских учебников, германских научных трудов, германских песенников, — я позволю себе только напомнить вам политическое завещание нынешнего правителя Германии, которое вы найдете на 754 странице второго тома мюнхенского немецкого издания 1934 г. книги «Моя борьба»:

«Политическое завещание немецкой нации в сфере ее внешней деятельности будет и должно навсегда гласить: не допускайте никогда возникновения двух континентальных держав в Европе. В каждой попытке организации на германских границах второй военной дер-

жавы, будь то хотя бы в форме образования способного стать военной державой государства, — вы должны видеть нападение на Германию и считать не только своим правом, но и своей обязанностью воспрепятствовать возникновению такого государства всеми средствами вплоть до употребления силы оружия, а если такое государство уже возникло, то снова его разбить».

Вот, господа, для каких целей Германии требуется ремили-таризация примыкающей к Франции Рейнской зоны. Речь идет о создании гегемонии Германии на всем европейском континенте, и я спрашиваю, должна ли и будет ли Лига наций потворствовать осуществлению этой задачи? Я вам читал не случайную статью в газетах, а документ, который автор сам характеризует как политическое завещание нынешнего правителя Германии, который дает квинтэссенцию всей его внешней политики. Какое значение имеют на ряду с этим документом отдельные политические речи и заявления, произнесенные с политической целью в тот или иной момент, приспособленные к психологии части того или иного народа для достижения определенных временных целей? Такие речи и заявления находятся в таком же отношении к прочитанному мною основному документу, как временное тактическое прекращение стрельбы на одном участке театра военных действий к основной стратегической цели всей кампании.

НИКТО НЕ УГРОЖАЕТ ГЕРМАНИИ

Что касается защиты Германии, то, если есть какое-либо государство в мире, которому не угрожает никакая внешняя опасность, так это — Германия. Я не знаю ни одну страну, которая предъявляла бы какие-либо территориальные претензии к Германии, не знаю литературы, которая содержала бы проповедь похода против Германии. Нападения на государство не происходят и не могут происходить без предварительной подготовки, без предварительного предъявления территориальных или иных притязаний, обоснования этих притязаний и воспитания народа в духе осуществления тех же притязаний. Такой подготовки нет ни в одной стране, нет поэтому и мысли об окружении Германии. В тот день, когда исчезло бы всякое сомнение в миролюбии Германии, в ее искренней готовности сотрудничать с другими европейскими народами в деле организации мира, когда она перестала бы отказываться дать те самые гарантии своего миролюбия, которые охотно дают другие европейские народы, представитель Советского Союза, всегда отстаивавшего равноправие народов как больших, так и малых, но равноправие в мире, и продолжающего питать глубокое уважение и горячие симпатии к великому германскому народу, первый поддержал бы

протест против навязывания ему какого бы то ни было неравноправия, против лишения его каких бы то ни было средств вооружения, которыми обладают другие народы.

Я разобрал оба аргумента германского правительства, приведенные им в оправдание совершенного нарушения международных обязательств. Оно не ограничилось, однако, этими оправданиями. Оно, повидимому, само не уверено в их убедительности, оно само сознает, что пробило брешь в существующей системе организации мира, и пытается поэтому создать впечатление готовности исправить совершенное зло, предлагая новую схему, якобы, еще лучшей организации мира.

Может поэтому возникнуть вопрос: раз организация мира не только не пострадает, но даже выиграет, то не следует ли нам пройти мимо какого-то формального нарушения международных договоров и стоит ли в таком случае констатировать это нарушение и выносить ему осуждение. В интересах беспристрастности я позволю себе самым кратким образом коснуться и этой стороны вопроса.

Я знаю, что есть люди, которые действительно усматривают особое проявление миролюбия со стороны Германии в предложении Франции и Бельгии пакта о ненападении на 25 лет под гарантией Англии и Италии. Такие люди теряют при этом из виду, что такой же пакт о ненападении с такими же гарантиями, причем не на 25 лет, а без ограничения срока, представлял собой только что разорванный Германией Локарнский договор с той лишь разницей, что последний включил в себя дополнительные гарантии для Франции и Бельгии в виде демилитаризованной Рейнской зоны. Таким образом, мнимое новое предложение Германии сводится к сохранению в силе Локарнского договора с сокращением его срока и с уменьшением тех гарантий для Бельгии и Франции, которыми они пользовались в силу старого Локарнского договора. Но те ограниченные гарантии, которые теперь предлагает г. Гитлер, гаранты Локарнского договора могут, если они этого захотят, предоставить Франции и Бельгии и без согласия Германии. Таким образом, предложение господина Гитлера имеет тот смысл, что он, лишив Францию и Бельгию некоторых гарантий, которые им давал Локарнский договор, хочет сохранить за Германией всю полноту выгоды от этого договора.

Этим, однако, не исчерпывается «миролюбие» господина Гитлера. Он готов заключить пакты о ненападении не только с Францией и Бельгией, но и с другими своими соседями, правда, без чьих-либо гарантий. Советский Союз сам заключил пакты ненападения со всеми своими соседями (исключая Японию, которая пакт отвергает до сих пор). Он, однако, всегда придавал большое значение тому, чтобы эти пакты не облегчали агрессии против третьих стран. Мы поэтому всегда

включаем в такие пакты специальную статью, освобождающую сторону от всяких обязательств по пакту, в том случае, если другая сторона совершит агрессию против третьего государства. Такая статья, однако, в предлагаемых господином Гитлером пактах указанного им образца будет отсутствовать. А без такой статьи предлагаемая система пактов сводится к проповедываемому господином Гитлером принципу локализации войны. Каждое государство, подписавшее такой пакт с Германией, ею иммобилизуется в случае нападения Германии на третье государство.

Это предложение господина Гитлера создает у меня впечатление, что мы имеем дело с новой попыткой деления Европы на две или несколько частей с тем, чтобы, гарантировав ненападение на одну часть, получить свободу рук для расправы с другой частью Европы. Как мне каждый раз приходилось указывать в Женеве, такая система пактов может лишь увеличить безопасность агрессора, а не безопасность миролюбивых народов.

ПОЛИТИКА КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОТИВ ПОЛИТИКИ МЕЧА

Предполагая, однако, что перечисленные мною «миролюбивые» предложения не будут сочтены достаточной компенсацией за нарушение международных законов, Германия изъявляет готовность вернуться в Лигу наций. Вместе с другими членами Лиги мы всегда искренно сожалели о неполноте Лиги, об отсутствии в ней некоторых великих стран, в частности Германии. Мы будем приветствовать возвращение в ее лоно и гитлеровской Германии, если мы будем убеждены в признании ею основных принципов, на которых покоится Лига и без которых она не только перестала бы быть инструментом мира, но эвентуально могла бы преобразоваться в его противоположность. К этим принципам в первую очередь относятся соблюдение международных договоров, уважение и нарушение существующих границ, признание равноправия всех членов Лиги, поддержка коллективной организации безопасности, отказ от разрешения международных споров мечом.

В настоящей момент, к сожалению, слишком свежий в нашей памяти случаи одностороннего нарушения Германией ее международных обязательств и отказа подчиниться предусмотренным в международных договорах способам разрешения конфликта. Мы не забыли еще, что до самой последней минуты господин Гитлер в самой категорической форме боролся с идеей коллективной безопасности. Он проповедует принцип неравноправия не только рас, но и народов. Он недвусмысленно указывает на те земли, которые насильственно должны быть отобраны у других народов для германской колонизации. Мы знаем, что сравнительно недавно, а именно 28 мая 1931 г.,

в своей газете «Ангрифф» один из главных соратников Гитлера, господин Геббельс, писал, что «единственным инструментом, с которым исключительно только и можно делать внешнюю политику, является меч», и что сам господин Гитлер писал 9 декабря 1930 г. в официальном органе его партии «Фелькишер беобахтер», что «в конечном счете меч будет все решать». Наконец, я должен напомнить уже процитированное мною политическое завещание господина Гитлера, в котором рекомендуется германскому народу не допускать существования рядом с Германией других сильных государств и эвентуально уничтожать их. Мы не можем отделаться от опасения, что член Лиги наций, исповедующий подобные принципы, будет иметь возможность саботировать наиболее ценную часть деятельности Лиги наций, направленную к организации мира и к укреплению безопасности всех ее членов. Только когда мы получим убедительное доказательство, что наши опасения и сомнения впредь будут безосновательны, мы будем считать возвращение гитлеровской Германии в Лигу вкладом в дело мира.

Проанализировав всю совокупность предложений господина Гитлера, я прихожу к заключению, что они не только не компенсировали бы вреда, который был бы нанесен организации мира прощением нарушений международных договоров, но и сами по себе нанесли бы удар по организации мира и в первую очередь по Лиге наций.

Я позволил себе, господа, высказать свои мысли с полной откровенностью. Мне это было легче сделать, чем другим моим коллегам, ввиду того что та манера, с которой господин Гитлер позволяет себе говорить публично о представляемом мною государстве, освобождает меня от необходимости прибегать к замалчиванию и дипломатическим условностям. Я тем больше права имел это сделать, что весь смысл выступлений господина Гитлера и его предложений в области международной политики сводится к организации похода против народов представляемого мною государства, к объединению против них всей Европы, всего мира. Пусть его агрессия фактически метит на ближайшее время в другие страны, пусть его атаки на Советский Союз являются лишь дымовой завесой для подготовки агрессии против других государств, но уже то обстоятельство, что он выбирает для этой цели мишенью своих беспрестанных атак Советский Союз и что он это сделал опять в связи с нарушением Локарнского договора, дает мне право открыто и с особой силой говорить о сущности агрессивной внешней политики господина Гитлера. Я выражаю при этом твердую уверенность в том, что ныне делаемые господином Гитлером предложения, вытекающие из такой его внешней политики, никогда не станут в их нынешнем виде базой соглашения между другими членами Лиги.

Прежде чем кончить, я позволю себе выразить надежду, что я буду правильно понят и что из сказанного мною не будут делать выводов, что Советский Союз предлагает только констатацию, осуждение, строгие меры и высказывается против всяческих переговоров и мирного разрешения возникшего серьезного конфликта. Подобные выводы дали бы совершенно ложное представление о нашей концепции. Мы не менее, а более других заинтересованы в ненарушении мира как сегодня, так и на следующие десятилетия, и не в одном только участке Европы, а во всей Европе и во всем мире. Мы решительно против всего, что могло бы приблизить войну, хотя бы на один месяц, но мы также против скороспелых решений, продиктованных скорее страхом и другими эмоциями, чем трезвым учетом реальности — решений, которые, якобы, устраняя причины для мнимой войны сегодня, создадут все предпосылки для действительной войны на завтра.

Мы стоим за международное соглашение, которое не только упрочило бы существующие устои мира, но и, если возможно, создало бы новые. Мы стоим за участие в таком соглашении всех стран, которые этого желают. Мы возражаем против того, чтобы уход из Лиги наций, грубое нарушение международных договоров и бряцание оружием создали бы государству привилегию диктовать всей Европе свои условия переговоров, выбирать по своему усмотрению участников переговоров и навязывать свою схему соглашения. Мы против того, чтобы переговоры велись на основе, которая дезорганизует ряды искренних сторонников мира и которая должна неизбежно привести к разрушению единственной межгосударственной политической организации — Лиги наций. Мы полагаем, что искренние сторонники мира имеют не меньшее, чем нарушители договоров, право предлагать свою схему организации европейского мира. Мы за создание безопасности всем народам Европы против полумира, который не есть мир, а война.

Но к каким бы новым международным соглашениям мы не хотели бы прийти, мы должны раньше всего обеспечить их лояльное выполнение всеми участниками, и Совет Лиги должен сказать, как он относится к односторонним нарушениям подобных соглашений и как он намерен и может на них реагировать. С этой точки зрения всемерное удовлетворение жалобы французского и бельгийского правительств приобретает сугубое значение. Учитывая это, я от имени своего правительства заявляю о его готовности принять участие во всех мероприятиях, которые будут предложены Совету Лиги локальными державами и будут приемлемыми для других членов Совета.

(«Правда» от 19 марта 1936 г.)

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ В МОНТРЕ О ПРОЛИВАХ 22 ИЮНЯ 1936 г.¹

Советское правительство не замедлило отозваться на ноту турецкого правительства от 11 апреля, содержащую предложение о пересмотре лозаннской конвенции о проливах, и в своей ответной ноте от 18 апреля оно изъявило «готовность принять участие в переговорах о приведении режима проливов в соответствии с интересами безопасности Турции и обеспечения мира и спокойствия в этой зоне». Советское правительство представлено здесь сегодня не только как участник лозаннской конференции 1923 г., но и как юдна из черноморских держав, интересы которых непосредственно связаны с тем или иным разрешением вопроса о проливах. К этому надо добавить специальные интересы Советского Союза, вытекающие из его географического положения, разобщения окружающих его морей. Если по образному выражению г-на Титулеску, проливы являются сердцем Турции и легкими Румынии, то для Советского Союза они составляют жизненный нерв, соединяющий разные части его тела. С удовлетворением отмечаю, что и остальные участники лозаннской конференции приняли предложение Турецкой республики, тем самым признав справедливость и своевременность пересмотра лозаннской конвенции.

¹ 22 июня 1936 г. в Монтре (Швейцария) открылась конференция по вопросу о режиме проливов (под которыми понимаются Босфор, Мраморное море и Дарданеллы).

Вопрос о режиме проливов служил предметом ряда международных соглашений.

До войны 1914—1918 гг. проливы считались закрытыми для иностранных военных судов. После войны фактически хозяевами проливов сделались оккупационные власти государств Антанты. Мудросское перемирие 1918 г. и Севрский договор 1920 г. предусматривали военную оккупацию фортов Дарданелл и Босфора и свободный доступ для военных судов союзников к Черному морю.

На конференции в Лозанне, открывшейся 20 ноября 1922 г., в результате победы турецкого национально-освободительного движения, Турции удалось добиться ряда уступок, но в основу подписанной 24 июля 1923 г. конвенции были положены английские предложения, принятые Турцией, стремившейся добиться соглашения с Антантой. Точка зрения советского правительства сводилась к требованию обеспечения свободы торгового мореплавания в проливах и полного их закрытия для военных судов всех стран (кроме Турции).

Лозаннская конвенция содержала следующие положения:

1) свободный проход через проливы торговых и военных судов как в мирное, так и в военное время, за исключением судов противника, если Турция является воюющей стороной; при этом в мирное время максимальные силы, которые какая-либо держава может проводить через проливы в направлении Черного моря, не должны превышать самого сильного флота черноморских государств, но в военное время, если Турция нейтральна, это ограничение не применяется к воюющим державам; 2) демилитаризация определенных зон на обоих берегах Босфора и Дарда-

Лозаннская конференция состоялась в то время, когда в международном положении целиком царствовал хаос, вызванный мировой войной, когда европейские государства в политическом отношении только начали перестраиваться, направление и цели их внешней политики еще не определились и в некоторых случаях о них существовали даже превратные представления. Сильно было в то время пацифистское движение с его иллюзией о том, что мировая война была последней войной. Ни одно правительство не решалось тогда выступить открыто с проповедью агрессии, империалистической экспансии и глорификацией войны.

Истекшие с тех пор 13 лет внесли в этом отношении огромные изменения. Мощный пацифистский поток уменьшился в своем объеме и разбился на отдельные мелкие слабые ручейки. Международные противоречия вновь чрезвычайно обострились, и те силы, которые от средних веков до новейшего времени вплоть до мировой войны толкали народы на кровавые

нелл и почти всех островов Мраморного моря; 3) для наблюдения за режимом проливов создается постоянная комиссия из представителей держав — участниц конвенции.

Лозаннская конвенция была подписана Турцией, Англией, Францией, Италией, Японией, Болгарией, Грецией, Румынией, Югославией. СССР присоединился к конвенции, но ее не ратифицировал.

11 апреля 1936 г. турецкое правительство обратилось ко всем государствам, участвовавшим в обсуждении вопроса о проливах, с предложением открыть переговоры о заключении нового соглашения о режиме проливов. В ноте от 16 апреля советское правительство всячески поддержало Турцию.

За прошедшие со времени Лозаннской конференции 13 лет положение существенно изменилось. Выросла и укрепилась Турецкая республика. СССР стал сильнейшей мировой державой. Эти обстоятельства обусловили совершенно иное направление работ конференции в Монтре, завершившейся подписанием конвенции, которая в значительной мере отражает те идеи, за которые настойчиво боролась советская дипломатия не только в интересах СССР, но и в интересах дела мира.

Конференция в Монтре протекала не без трудностей. Были попытки со стороны Англии возврата к лозаннским положениям. Даже турецкий проект вначале не вполне учитывал интересы СССР и защищаемых им интересов коллективной безопасности (попытка ограничить проход советских военных кораблей из одного моря в другое). Однако, в конечном счете, Турция поняла, что принятие советских предложений полностью отвечает турецким интересам. Английское правительство также согласилось с невозможностью ограничения свободы передвижения советского флота.

Сущность важнейших положений конвенции сводится к следующему: 1) полное восстановление суверенитета Турции над проливами, включая право ремилитаризации; 2) свобода прохождения коммерческих судов; 3) ограничение прохода через проливы иностранных военных судов и ограничение тоннажа нечерноморских держав, могущего находиться в Черном море; 4) право свободного прохода черноморского флота через проливы; 5) обеспечение обязательств, вытекающих из статута Лиги наций, и оказание помощи государству — жертве агрессора в силу пактов о взаимопомощи.

Особым протоколом подписания конвенция была введена в действие еще до ратификации — 15 августа 1936 г. 9 ноября 1936 г. в Париже состоялось подписание протокола о хранении ратификационных грамот.

столкновения, в некоторых странах вновь надменно подняли голову и открыто без всякого стеснения не только проповедают, но и готовят войны. Не обошлось даже и без самих войн. С другой стороны, за истекшее время определились внешнеполитические диспозиции почти всех стран. Можно теперь почти безошибочно указать, какие из них стремятся к обеспечению мира в той или иной степени и какие, наоборот, всю свою политику строят на нарушении его.

Невозможно не учитывать все эти изменения и новые факторы при разрешении стоящей на этой конференции перед нами проблемы. При этом мы особенно должны учитывать, что Турецкая республика за время, отделяющее нас от лозаннской конференции, дала достаточно убедительные доказательства своего миролюбия.

Миролюбиво настроенная Турция должна быть, на мой взгляд, решающим соображением в нашем отношении к ее предложению о восстановлении ее неограниченного права защиты ее собственной территории. Право на свою защиту не должно быть рассматриваемо абстрактно. Это право должно быть согласовано с общими интересами мира. Совсем иное отношение требуется к этому праву, когда есть опасения заведомого использования этого права для нарушения интересов других стран и в целях агрессии.

То же можно сказать о пересмотре договоров. Одно отношение к нему, когда этот пересмотр целиком укладывается в рамки сохранения, а тем более укрепления мира, иное отношение, когда реализация его может вызвать политические пертурбации, нарушить международное спокойствие и мир или привести к насильственному нарушению интересов других государств. Таким образом, мне представляется, что вопрос о пересмотре лозаннской конвенции может быть при добром желании всех миролюбивых участников конференции разрешен с удовлетворением справедливых требований Турции, с соблюдением интересов всех черноморских держав, а также интересов укрепления и обеспечения мира в бассейне Черного моря, содействуя тем самым укреплению всеобщего мира.

В духе этих соображений советская делегация будет рада сотрудничать с остальными делегациями на этой конференции.

(«Правда» от 23 июня 1936 г.)

РЕЧЬ НА КОНФЕРЕНЦИИ В МОНТРЕ О ПРОЛИВАХ 23 ИЮНЯ 1936 г.

Прежде всего я хочу поздравить турецкое правительство с этим замечательным документом — проектом конвенции, проникнутым духом беспристрастия и широкого понимания, побудившим авторов документа принять во внимание не только интересы безопасности Турецкой республики, но и интересы других стран, и в особенности стран, расположенных на берегах Черного моря.

Мы не должны забывать, что в этом проекте конвенции Турция отступила от очень старого принципа, которого долго придерживалась бывшая Оттоманская империя, — принципа полного закрытия проливов для военных судов. Это само по себе выявляет дух проекта, на который я только что указывал.

Мы все знаем, что данные проливы — Дарданеллы и Босфор — имеют особый характер и не могут быть сравниваемы с другими международными каналами и проливами, так как они ведут только в Черное море, являющееся закрытым морем, не могущим быть использованным для транзита в другие страны. Учитывая эти обстоятельства, многие европейские государственные деятели, в том числе, например, лорд Пальмерстон и Веллингтон, неоднократно в течение XIX столетия допускали закрытие проливов.

Закрытие проливов имеет чрезвычайное значение не только для безопасности Турции, но также и для всех черноморских государств. Конечно, эта безопасность была бы лучше всего гарантирована полным закрытием проливов для военных судов нечерноморских государств.

Тем не менее, мое правительство готово не настаивать на таком закрытии, а поддержать турецкое предложение об открытии проливов для судов всех стран для определенной цели и при известных ограничениях.

При полной свободе прохода через проливы коммерческих судов, мне кажется, что ни одно государство не заинтересовано — с практической точки зрения — в посылке своих военных судов в Черное море, откуда нет выхода и где оно не имеет морских баз. Однако в международной практике принято посылать военные суда с визитами вежливости, и турецкое правительство приняло это во внимание, предлагая разрешить проход военных судов в Черное море для таких целей. Мы, конечно, не желаем лишать государства этой привилегии. Однако известные границы должны быть установлены для того, чтобы для черноморских государств не возникало угроз и опасности. Чем более мы ограничим тоннаж и количество судов, проходящих в Черное море, тем больше будет обеспечена безопасность в этой части Европы и Азии, а, создав

безопасность в одной части света, мы уже много делаем для общей безопасности.

Однако нет никаких оснований для того, чтобы черноморские государства не имели полной свободы прохода для своих военных судов через проливы в направлении великих международных морских путей и океанов.

Советский Союз, имея на своих границах разобщенные моря, находится в особом положении. Естественно, представляется необходимым, чтобы наши морские силы могли свободно сообщаться с нашими различными морскими базами и портами, и я уверен, что в духе справедливости в этом праве нам не будет отказано. У нас имеются судостроительные верфи в Черном море, и нет никаких оснований для того, чтобы нашим судам, построенным в этих верфях, не было разрешено следовать в другие морские базы, для которых они предназначены. С другой стороны, у нас имеются судостроительные верфи в других морях и портах, и нет никаких оснований для того, чтобы построенные там суда не могли быть включены в наш морской флот на Черном море. В свете этих соображений я изъявляю готовность принять турецкий проект конвенции за основу для дискуссии, хотя, возможно, придется внести некоторые небольшие поправки по ряду пунктов. В отношении одного пункта — пункта, затрагивающего интересы черноморских государств, — я должен сделать особую оговорку.

Я не хочу обсуждать вопрос о демилитаризации проливов; мне кажется, что по этому пункту, не понадобится дискуссии, так как мы все признаем право Турции на полную свободу защиты ее собственных берегов и территории ее республики. Участвуя в этой конференции по пересмотру, лозаннской конвенции на основе турецких предложений, мы все признаем своевременность аннулирования тех статей конвенции, которые касаются демилитаризации проливов. В этом вопросе я не делаю никаких оговорок и принимаю соответствующие статьи проекта конвенции в том виде, как они предложены.

В заключение я хочу напомнить конференции, что мы не должны забывать про Лигу наций. Лига не умерла; она продолжает существовать и, я надеюсь, выйдет из своих затруднений оздоровленной и более сильной, чем прежде. Поэтому мы должны обеспечить ее интересы и предусмотреть возможность входа в Черное море и выхода из него военных судов во исполнение требований Лиги наций о предоставлении возможности жертвам агрессии пользоваться поддержкой и помощью. Авторы проекта конвенции имели в виду это обстоятельство, но я хотел бы видеть его выраженным в конвенции в более конкретной форме.

(«Правда» от 24 июня 1936 г.)

РЕЧЬ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЗАСЕДАНИИ КОНФЕРЕНЦИИ В МОНТРЕ 21 ИЮЛЯ 1936 г.

Мы присутствуем сейчас при финальном акте скромной конференции, заседавшей в тихом уголке Леманского озера, в небольшом составе участников, — конференции, которой суждено, однако, занять весьма почетное место в ряду международных собраний. Созванная для пересмотра международного договора и приспособления его к изменившимся обстоятельствам, конференция в Монтре с честью выполнила свою задачу. Полностью учтя изменившиеся обстоятельства, конференция признала, что предусмотренные лозаннской конференцией гарантии безопасности проливов не могут внушать Турции чувство действительной безопасности, и сделала отсюда необходимые выводы.

Конференция сделала больше этого. Она пересмотрела некоторые старые взгляды, которые позволяли трактовать проблему проливов как застарелый вековой спор между некоторыми державами и предсказывать поэтому неудачу конференции. Во избежание такой неудачи, конференция должна была понять, что место дряхлой Оттоманской империи, являвшейся объектом дипломатии империалистических держав, заняла новая, молодая, полная надежд и энергии Турецкая республика, которая, под руководством своего создателя и великого реформатора Ататюрка, быстро шагает по пути прогресса и играет все большую и большую самостоятельную роль в деле организации мира в Европе.

Конференция должна была понять, что вместо старой империалистической России, стремившейся пользоваться Черным морем как трамплином для участия в империалистической борьбе великих держав и для новых территориальных завоеваний, наибольшую часть побережья Черного моря занимает ныне новое, советское, социалистическое государство, одним из первых актов которого был полный отказ от всяких империалистических вождедений и которое с тех пор неизменно и последовательно проводит политику мира, озабоченное не только своей собственной безопасностью, но и безопасностью всех соседних и дальних государств. Нужно было признать, что пятнадцатилетняя тесная дружба между этими двумя возрожденными государствами — Советским Союзом и Турцией — ненарушима и не является лишь временной комбинацией.

Конференция признала, хотя, правда, в недостаточной еще степени, особые права черноморских стран в Черном море и в пользовании проливами, а также особое географическое положение Черного моря, к которому не совсем должны быть применимы общие понятия об абсолютной свободе морей.

Что касается советской делегации, то она, добиваясь при-

знания этих положений, отнюдь не возражала против неограниченной свободы навигации в Черном море для коммерческих целей и для обеспечения сообщения между расположенными в нем портами и портами других морских бассейнов. Она добивалась лишь ограничения свободы военных флотов черноморских держав как в мирное, так и особенно в военное время. Советская делегация этим путем стремилась отвоевать огромное водное пространство с прилегающими берегами от пламени возможной будущей войны и увеличить безопасность прибрежных стран, из которых ни одна не может быть заподозрена в агрессивных замыслах. Обеспечивая мир и спокойствие на столь важном участке, как стык двух континентов, мы, кажется, оказываем немалую услугу делу укрепления всеобщего мира. Советская делегация, наконец, стремилась установить связь между вырабатываемым нами международным документом и другими существующими инструментами мира, а именно с Лигой наций и пактами о взаимной помощи.

Советская делегация с огромным удовлетворением констатирует, что она, хотя и не полностью, но в весьма значительной мере этих своих целей добилась, и я выражаю благодарность всем моим коллегам за их содействие созданию атмосферы взаимного понимания и примирения, которой особенно отмечен был последний период конференции. Мне кажется, что все участники конференции получили удовлетворение и что недовольных среди нас нет. Конференция не дала повода также для недовольства и другим государствам, отсутствующим на конференции, и чьи мирные интересы полностью обеспечены.

Я хочу надеяться, что подписанная конвенция, гармонизируя интересы ее участников с разрешением частной проблемы, создаст почву для дальнейшего общего улучшения отношений между ними.

Значение конференции выходит далеко за пределы темы, которую она дискутировала. Она была созвана в момент, когда вера в разум правительств, вера в возможность миролюбивого коллективного разрешения международных вопросов начинала исчезать; в момент, когда вновь возродилась в наиболее омерзительном виде идеология, отрицающая прогрессивные формы общения между народами и коллективного обсуждения и разрешения международных споров, идеология, проповедующая во имя торжества грубой силы идею сепаратных сговоров одних народов за счет интересов других. Удачный исход нашей конференции наносит первый сокрушительный удар этой идеологии, о чем можно судить хотя бы по тому бешенству, с которым носители этой идеологии встретили результаты конференции. Возрождение этой идеологии вызвало политический кризис в международной жизни, создало мрачные пессимистические настроения, близкие к от-

чаянию и к фатализму, и первым светлым проблеском в этой обстановке является конференция в Монтре.

Результаты этой конференции позволяют надеяться, что международная жизнь вскоре окончательно выйдет из тесных проливов бесплодных дискуссий и споров в широкое море истинного международного сотрудничества и достигнет, наконец, гавани, на которой написано: «Всеобщий мир и безопасность всех народов».

(«Правда» от 22 июля 1936 г.)

РЕЧЬ НА 16-м ПЛЕНУМЕ ЛИГИ НАЦИЙ 1 ИЮЛЯ 1936 г. О НЕДЕЛИМОМ МИРЕ И УКРЕПЛЕНИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Мы собрались здесь, чтобы дописать страницу истории Лиги наций, истории международной жизни, которую невозможно будет читать без чувства горечи. Мы должны ликвидировать акцию, начатую во исполнение наших обязанностей как членов Лиги по гарантированию независимости одному из наших сочленов, но не доведенную до конца. Каждый из нас должен чувствовать свою меру ответственности и вины, которая не для всех одинакова и которая зависит не только от того, что каждый из нас сделал фактически, но и от меры его готовности поддержать всякую общую акцию, требовавшуюся обстоятельствами.

ПОЗИЦИЯ СССР В ИТАЛО-АБИССИНСКОМ КОНФЛИКТЕ

Высказывая это, я должен заявить, что представляемое мною правительство с самого начала итало-абиссинского конфликта заняло совершенно ясную и твердую позицию, вытекавшую отнюдь не из его собственных интересов или из его взаимоотношений с воюющими сторонами, а исключительно из его понимания принципа коллективной безопасности, международной солидарности, статута Лиги и налагаемых на него этим статутом обязательств.

Народы Советского Союза не испытывают ничего иного к итальянскому народу, кроме высокого уважения и симпатий. Они заинтересованы в непрерывном развитии и укреплении существовавших политических, экономических и культурных взаимоотношений с Италией. Тем не менее, советское правительство изъявило готовность участвовать в общих международных действиях против Италии, в защиту страны, с которой у него не было даже никаких отношений — ни формальных, ни фактических. Оно вынуждено было сказать себе: Платон — мой друг, но международная солидарность, принцип коллективной безопасности, на котором мир в настоящее

время зиждется, верность международным обязательствам должны на время заглушить голос дружбы. С тех пор на всех этапах обсуждения итало-абиссинского конфликта мое правительство заявило, что оно будет участвовать во всех акциях, предусмотренных статутом, принятых и выполняемых сообща остальными членами Лиги. Все постановления Комитета координации выполнялись моим правительством без исключения и с полной лояльностью.

ПОСЛЕ ОККУПАЦИИ АБИССИНИИ

Однако раньше, чем можно было ожидать, наступил момент, когда стала совершенно ясна необходимость пересмотра принятых в Женеве мероприятий с точки зрения их дальнейшей целесообразности, а именно когда сопротивление храбрых абиссинских войск было сломлено, император и правительство Абиссинии покинули свою территорию и значительная часть территории была занята итальянской армией. Представлялось несомненным, что одними экономическими санкциями нет возможности вытеснить итальянскую армию из Абиссинии и вернуть последней независимость, и что такая цель могла бы быть достигнута лишь более серьезными санкциями, вплоть до военных. Вопрос о таких мерах мог бы быть поставлен лишь в том случае, если бы нашлось одно или несколько государств, которые в силу своего географического положения и особых интересов согласились принять на себя главный удар в военном столкновении. Таких государств среди нас не оказалось, а если бы они и нашлись, то остальные государства, прежде чем решиться на то или иное соучастие в серьезных мероприятиях, потребовали бы гарантии, что на аналогичные общие действия можно рассчитывать и в других случаях подавления агрессора. Такие гарантии были тем более необходимы, что некоторые действия и выступления одного европейского государства, агрессивные намерения которого не вызывают никаких сомнений и провозглашаются даже им самим, указывали на усиливающиеся темпы подготовки агрессии более чем в одном направлении. Отношение некоторых стран к этим действиям и милостивое обращение с их авторами поколебали уверенность в немедленном получении тех гарантий, о которых я только что говорил. При этих обстоятельствах я еще во время майской сессии Совета Лиги пришел к заключению о бесполезности дальнейшего применения к Италии экономических санкций и невозможности оказать этим путем Абиссинии какую-либо практическую помощь. К этому заключению, повидимому, пришли почти все члены Лиги.

Я говорю о необходимости для каждого члена Лиги отдать себе ныне отчет в своей индивидуальной ответствен-

ности за неуспех общей акции по защите независимости сочлена Лиги, потому что как вне Лиги, так и в самой Лиге заметны попытки приписать этот неуспех пакту Лиги, его несовершенствам и нынешнему составу Лиги. Отсюда делаются далеко идущие выводы, которые могут привести к тому, что вместе с независимостью Абиссинии окажется похороненной и сама Лига. Подобные попытки и выводы должны быть решительно отвергнуты.

КАК ОСУЩЕСТВЛЯЛИСЬ САНКЦИИ

Мы находимся перед лицом факта, что Лига наций не смогла обеспечить одному из своих сочленов, в соответствии со статьей 10 устава, его территориальную неприкосновенность и политическую независимость и ныне в состоянии лишь выразить ему платоническое сочувствие. Мы не можем пройти спокойно и равнодушно мимо этого вопиющего факта, мы должны проанализировать его и извлечь из него все нужные уроки, чтобы предупредить подобные случаи в дальнейшем. Некоторые предлагают, однако, слишком простое средство, говоря: устраните совершенно статью 10, освободитесь от обязательств по гарантированию неприкосновенности территории и независимости членам Лиги, и тогда нельзя будет никогда упрекать Лигу, наций в банкротстве. Ошибкой они считают и то, что Лига вообще пытается останавливать агрессию и защищать своих членов. Так рассуждать могут лишь люди, в принципе отрицающие коллективную безопасность, отрицающие основную функцию Лиги и весь резон д'этр (смысл) ее создания и существования. С такими людьми спорить не приходится. Те же, которые признают принцип коллективной безопасности, которые продолжают видеть в статуте Лиги инструмент мира, могли бы нападать на статут в том лишь случае, если бы они доказали, что либо статут не предусматривает достаточно эффективных мер для поддержания статьи 10, или же что все такие меры в данном конкретном случае были полностью использованы и все же не достигли своей цели. Но доказать это они не смогут.

Я утверждаю, что статья 16 снабдила Лигу наций столь мощным оружием, что в случае полного пуска его в ход всякая агрессия может быть сломлена. Более того, одно убеждение в возможности пуска его в ход может отбить у агрессора охоту привести в исполнение свои преступные замыслы. Печальный опыт итало-абиссинского конфликта менее всего противоречит этому утверждению. В данном случае, потому ли, что это был первый опыт применения коллективных мер, потому ли, что некоторые считали, что этот случай имеет специфические черты, потому ли, что он совпал с подготовкой в другом месте более крупной агрессии, которой Европе

приходилось уделять особое внимание, по другим ли причинам, но факт тот, что не только не был пущен в ход здесь грозный механизм статьи 16, но с самого начала проявлено было стремление ограничиться минимальными мерами. Даже экономические санкции были ограничены в объеме и в действии. И в этом ограниченном объеме санкции применялись не всеми членами Лиги.

Четыре члена Лиги с самого начала отказались применять какие бы то ни было санкции. Один член Лиги, граничащий с Италией, отказался применять наиболее действенную санкцию, а именно запрещение импорта из Италии. А из тех стран, которые принципиальных возражений против санкций не высказывали, некоторые фактически не применяли всех санкций со ссылкой на конституционные препятствия, необходимость изучения и т. д. Таким образом, даже эмбарго на оружие не применяли семь членов Лиги, финансовых мер — восемь стран, запрещения экспорта в Италию — десять стран, запрещения импорта из Италии — тринадцать стран, т. е. 25% общего числа членов Лиги. Можно сказать, латино-американские страны, за немногими исключениями, наиболее действенных санкций фактически не применяли вовсе. Я этого отнюдь не говорю кому-либо в упрек, а исключительно ради подкрепления моего положения. Далее, предложение о лишении или ограничении возможности противодействия санкциям со стороны некоторых нечленов Лиги, — предложение, которое возможно было практически осуществить, не было одобрено Комитетом координации.

При всех этих ограничениях санкции могли бы дать эффект лишь в случае более продолжительного их применения и наряду с военным сопротивлением самой Абиссинии. Последнее, однако, было сломлено гораздо раньше, чем этого наиболее осведомленные наши информаторы ожидали. При таких обстоятельствах можно говорить, что члены Лиги наций по тем или иным причинам не захотели пустить в ход статью 16 полностью, из чего отнюдь не следует, что сама статья 16 оказалась несостоятельной.

МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ ИЛИ ПООЩРЕНИЕ АГРЕССИИ?

Некоторые склонны объяснять неуспех акции Лиги ее недостаточной универсальностью, отсутствием в ней некоторых стран. Мы видим, однако, что не все члены Лиги участвовали в санкциях. Нет оснований ожидать, что к санкциям примкнули бы те государства, которые вышли из Лиги вследствие отрицания ими основ Лиги и наличия в уставе статей 10 и 16. Их присутствие в Лиге способствовало бы лишь большому расстройству наших рядов и действовало бы скорее деморализующе. С другой стороны, мы видим на примере США, что

Лига наций может иногда рассчитывать в применении статьи 16 на сотрудничество и нечленов Лиги и тем вернее рассчитывать, чем энергичнее она сама выступает. Таким образом, мы видим, что ни в совершенствах статута Лиги, ни в отсутствии универсальности надо искать причины недостаточности оказанной Абиссинии помощи.

Мы слышали в Женеве и другую аргументацию. Пусть, говорят, статут Лиги совершенно безупречен, пусть вина лежит на членах Лиги, отдельных людях, — но не указывает ли это на дисгармонию между статутом и умонастроением людей, призванных выполнять его, и не следует ли уже по этому одному приспособить пакт к их умонастроению, или же, как иногда говорят, к «действительности». Но и такой довод не состоятелен. Дело в том, что ведь и люди бывают разные и даже в одной и той же стране не все государственные деятели думают на этот счет одинаково. К чьему же умонастроению должен быть приспособлен статут? Тех ли, кто стоит на точке зрения последовательной коллективной защиты безопасности; кто высший интерес всех народов видит в сохранении всеобщего мира, кто считает, что в конечном счете этого требуют интересы каждого государства и что этого можно достигнуть только путем принесения в жертву коллективу наций своих временных интересов, и кто готов даже предоставить в распоряжение этого коллектива часть своих собственных вооруженных сил? Тех ли, кто в принципе клянется принципом коллективной безопасности, но на практике готов проводить его только, когда с этим совпадают интересы его собственной страны, или же тех, кто в принципе отрицает коллективную безопасность, международную солидарность заменяет лозунгом «спасайся кто может», проповедует локализацию войны и самую войну провозглашает высшим проявлением человеческого духа? Я боюсь, что именно эту категорию людей имеют в виду те, кто аргументируют от необходимости приспособления или, я сказал бы, принижения статута, ибо они этот свой аргумент подкрепляют указанием на возможное возвращение таким образом в Лигу покинувших ее членов. Нам предлагают вернуть во что бы то ни стало в Лигу государства, которые покинули ее только потому, что они видят в уставе Лиги, в статьях 10 и 16, в санкциях, препятствия к выполнению своих агрессивных замыслов. И вот нам говорят: выкинем из устава статью 10, выкинем статью 16, откажемся от санкций, отвергнем коллективную безопасность, и тогда в нашу среду смогут вернуться и бывшие члены Лиги, и Лига станет универсальной, иначе говоря: сделаем Лигу безопасной для агрессоров. Я говорю, что нам не нужно Лиги безопасной для агрессоров, не нужно нам такой Лиги даже универсальной, ибо такая Лига из орудия мира превратится в его противоположность. В лучшем случае, лишив

Лигу функции коллективной защиты, мы превратили бы ее в дискуссионный клуб, в благотворительное учреждение, недостойное названия Лиги наций, недостойное тех средств, которые на нее тратятся, и не отвечающее тем чаяниям и надеждам, которые на нее возлагаются.

Со своей стороны, я предлагал бы приспособить статут не к умонастроению той или иной отдельной категории людей, тех или иных государственных деятелей, тех или иных временных правителей, а к умонастроению миллионных народных масс всех стран и всех континентов, тех, кто достойно называется человечеством и кто требует во что бы то ни стало сохранения мира и защиты его всеми средствами. Не принижать статут мы должны, а воспитывать и поднимать людей до его высоких идей. Мы должны стремиться к универсализму Лиги, но ради этого отнюдь не делать ее безопасной для агрессора. Наоборот, все новые и желающие вернуться в нее старые члены должны читать на ее фронто-не: всякий, входящий сюда, да оставляет всякие надежды на агрессию и безнаказанность ее.

УТОЧНИТЬ И УСИЛИТЬ ПАКТ ЛИГИ НАЦИЙ

Будем же откровенны. Лига наций переживает сейчас отнюдь не свою первую неудачу. Были не менее, а более разительные случаи военных нападений одних членов Лиги на других, когда Лига совершенно не реагировала, оставив жертву агрессии с глазу на глаз в неравном бою с агрессором. Однако тогда вопрос не ставился о негодности статута или о пересмотре его. Если тогда для этого не было оснований, то меньше их теперь. Что до меня, то я предпочитаю Лигу, пытающуюся оказать хоть какую-нибудь помощь жертве агрессии, которая оказалась недействительной,— Лиге, которая на агрессию закрывает глаза и равнодушно проходит мимо.

Я считаю, что нынешняя Лига, когда, вместо того, чтобы, как в других случаях, заниматься исключительно перебрасыванием обсуждения конфликта из комитетов в подкомитеты и посылкой комиссий расследования, подавляющее большинство ее членов, не останавливаясь перед большими материальными жертвами, оказали помощь подвергнувшемуся нападению сочлену, хотя и безуспешную, сделала огромный шаг вперед по сравнению с прошлым. Иными словами, умонастроение членов Лиги, по сравнению со случаями, мною указанными, поднялось на несколько ступенек. Это позволяет нам надеяться, что в следующем случае умонастроение членов Лиги поднимется до предельного уровня идей Лиги и жертва будет полностью вырвана из рук агрессора.

Я далек от идеализации статута. Его несовершенства заключаются не столько в его статьях, сколько в недомолвках и неясностях. Говорить приходится поэтому не о реформе ста-

тута, а об его уточнении и об его усилении. Большим пробелом я считаю отсутствие в пакте определения агрессии, которое облегчило в итало-абиссинском конфликте некоторым членам Лиги с самого начала отказ от участия в санкциях. Нет ясности в вопросе о том, какой орган Лиги констатирует агрессию. Нет ясности в вопросе об обязательности постановлений органов Лиги в деле санкций. Должно быть покончено с положением, когда ссылки на суверенность и на конституционные формальности служат препятствием к выполнению международных обязательств.

Статья 16 должна остаться нетронутой. Экономические санкции должны оставаться обязательными для всех членов Лиги. Только при обязательности санкций исчезнет недоверие, исчезнет опасение, что если в одном случае одни государства, незаинтересованные непосредственно в конфликте, принесут значительные жертвы, то в другом случае другие незаинтересованные государства поступят менее идеалистически. Нужна уверенность в том, что во всех случаях агрессии, независимо от степени заинтересованности в конфликте, санкции будут применяться всеми, и это может быть достигнуто лишь при обязательности их. Я считаю это обстоятельство главной причиной неудачи Лиги в итало-абиссинском конфликте. Можно мыслить себе отдельные, правда, редкие случаи, когда агрессию можно остановить одними экономическими санкциями, но я признаю, что в большинстве случаев экономические санкции должны идти параллельно с военными. В идеальной Лиге наций должны были бы быть обязательными для всех и военные санкции. Но если мы до таких высот международной солидарности подняться еще не можем, то следует позаботиться, чтобы все континенты, а для начала хотя бы вся Европа, были покрыты сетью региональных пактов, в силу которых отдельные группы государств обязывались бы защищать от агрессора определенные участки, причем выполнение этих региональных обязательств считалось бы равносильным выполнению обязательств по пакту и пользовалось бы полной поддержкой всех членов Лиги наций. Эти региональные пакты должны не заменять собой, а дополнять статут Лиги, иначе они свелись бы к довоенным групповым союзам. Вот в каких направлениях я мыслю себе усовершенствование и усиление Лиги наций, и советское правительство готово полностью сотрудничать с другими членами Лиги. Я приветствую программу, развитую здесь премьер-министром Франции, с которой в значительной мере совпадают и сделанные мною замечания.

ЛИГА НАЦИЙ ДОЛЖНА БЫТЬ СИЛЬНОЙ

Если обо всем этом я говорю в интересах укрепления мира, то я не могу не упомянуть о той мере, которую Советский Союз всегда считал и продолжает считать максимальной гаран-

тей мира, а именно полное разоружение. Я хочу верить, что человечеству не придется пережить еще один Армагедон¹, и что все народы пришли к этому же убеждению. А пока нет этой радикальной меры, нам не остается ничего иного, как укреплять Лигу наций в качестве инструмента мира. Укреплять Лигу наций — это значит держаться принципа коллективной безопасности, который является отнюдь не продуктом идеализма, а практическим мероприятием по обеспечению безопасности всем народам, держаться принципа неделимости мира! Мы должны сознавать, что в настоящее время нет ни одного государства, большого или малого, которое не подвержено агрессии, и что если ближайшая война и пощадит то или иное государство, то оно рано или поздно привлечет к себе возмездие вышедшего победителем из войны агрессора. Укрепление и максимальное расширение этих идей и проведение их в жизнь избавят нас от новых разочарований, подобных тем, которые мы теперь переживаем, вдохнет новую жизнь в Лигу наций и поднимет ее на уровень стоящих перед ней великих задач. Лига наций сейчас более, чем когда бы то ни было, является международной необходимостью, она должна жить, она должна быть сильной, сильнее чем когда-либо.

(«Правда» от 2 июля 1936 г.)

РЕЧЬ НА XVII ПЛЕНУМЕ ЛИГИ НАЦИЙ 28 СЕНТЯБРЯ 1936 г.

УКРЕПЛЕНИЕ МИРА — ОСНОВНАЯ ФУНКЦИЯ ЛИГИ

Я должен с самого начала признать, что подведение итогов работ Лиги за год отнюдь не наводит советскую делегацию на радостные размышления. Объясняется это отчасти тем, что советская делегация подходит к оценке деятельности Лиги с точки зрения не количества, а качества разрешенных вопросов, а качество это она определяет той ролью, которую эти вопросы играют в проблеме организации укрепления мира, являющейся основной функцией Лиги наций.

В числе 80 вопросов, упомянутых в годовом докладе генерального секретаря, мы находим лишь три вопроса, имевшие касательство к проблеме мира, а именно итало-абиссинский, локарнский и данцигский. О разрешении абиссинского вопроса никто из нас не может вспомнить без чувства горечи, тем более что он продолжает назойливо напоминать о себе. Локарнский вопрос, подвергнутый на апрельской сессии Совета

¹ Величайшая из войн — принятое в Англии библейское понятие для определения войны.

абортивной дискуссии, ставился в порядок дня и переносился с одной сессии Совета на другую и стоит в повестке нынешней сессии Совета также, вероятно, для того, чтобы быть перенесенным и затем списанным в качестве плохого долга. То же можно сказать, вероятно, и про данцигский. Баланс скорее скудный.

Обращаясь к порядку дня настоящей сессии Ассамблеи, мы находим в нем один лишь вопрос интересующей нас категории, отосланный пока в Бюро для решения его дальнейшей участи. Я говорю о применении принципов Пакта Лиги. Мы полагаем, что только обсуждение этого вопроса могло бы наполнить существенным содержанием нынешнюю сессию Ассамблеи. Я позволю себе не согласиться с приведенными в сводке материалов Секретариата Лиги соображениями некоторых правительств о том, что работы по интерпретации и применению Статута должны быть отложены до тех пор, пока политическая атмосфера очистится от нынешних тревог и беспокойства. Я позволю себе думать, что именно наличие этого беспокойства является самым сильным аргументом в пользу своевременности постановки этого вопроса. Беспокойство именно и вызвано близостью опасности. Должны ли мы ждать с этим до того, как эта опасность станет реальностью? С другой стороны, я считал бы ничем неоправдываемым оптимизмом веру в скорое очищение политической атмосферы. Должна ли Лига наций вечно оставаться «залой ожидания»?

Позвольте напомнить Вам, господа, что вопрос о применении принципов Пакта не возник академически, а был вызван к жизни, навязан нам как неудачным исходом итало-абиссинского конфликта, так и всем ходом политических событий последних лет.

Этот ход событий не изменил своего зловещего курса, который, как мы все это не только предполагаем, но и знаем и даже ощущаем, ведет к такому кровавому столкновению народов, последствия которого наше воображение бессильно даже представить себе.

Уже четыре года, как более или менее отчетливо выкристаллизовались и противостоят друг другу с одной стороны идеи мира, ненарушимости договоров и международного порядка, а с другой стороны идеи войны, презрения к международным обязательствам и насильственного передела мира. Но в то время как на одной стороне идеи организуются, облачаются плотью и кровью или, лучше сказать, железом и свинцом, силы другой стороны, к сожалению, остаются бесформенными, разрозненными и пассивными.

Какова, в самом деле, расстановка международных сил?

Я не сомневаюсь, что самый неискушенный в политике читатель газет знает, какие страны должны считаться опасными по агрессивности, если даже он читал лишь речи и писания

их правителей, и сколько этих стран. Есть также немногие страны, готовые искать спасения в нейтралитете. Если они действительно верят, что достаточно будет им самим написать на своих границах слово «нейтралитет», чтобы пламя пожара остановилось у этих границ, если они забыли свежие уроки истории о нарушении даже международно-признанных нейтралитетов, то это их дело. Мы вправе, однако, просить их, чтобы свой нейтралитет они осуществляли уже теперь при подготовке планов агрессии одними и планов самозащиты другими. К сожалению, они уже теперь свой нейтралитет часто ставят на службу агрессивным силам. Наряду с этими мнимо нейтральными странами имеется значительное число таких, — а в их числе наиболее мощные государства, — которые несомненно видят надвигающуюся на Европу тучу, понимают ее зловещий характер, чувствуют неминуемую опасность для себя и, как будто, признают необходимость общей защиты, возвещая еще и еще раз свою приверженность принципу коллективной безопасности. К сожалению, дальше этих заявлений они пока не идут и ничего не делают для облечения идеи коллективной безопасности в надлежащую форму и придания ей действенной силы, в тщетной надежде, авось агрессор, внемля их увещеваниям, образумится и поможет им удержать его же самого от агрессии. Но агрессор, строящий всю свою политику на превосходстве грубой материальной силы, имеющий в арсенале своей дипломатии лишь грозные требования, блефы или угрозы и тактику свершившихся фактов, может быть доступен лишь голосу столь же твердой политики и хладнокровному расчету соотношения сил. Всякие увещевания и упрашивания его, а тем более уступки его незаконным и бессмысленным требованиям, всякое экономическое задабривание его производят на него лишь впечатление слабости, укрепляют сознание его собственной силы и поощряют его к дальнейшей непримиримости и незаконным действиям. Даже за пределами его страны создается легенда непобедимости агрессора, что порождает фаталистические и капитулянтские настроения в некоторых странах, которые постепенно, иногда даже незаметно для себя, начинают терять свою самостоятельность, превращаясь в вассалов агрессора. Так начинается процесс образования гегемонии, который должен завершиться военным разгромом всех непокорных стран.

Да, господа, мы не должны закрывать глаза на существующее стремление к гегемонии, к гегемонии «избранного народа», призванного, якобы, историей господствовать над всеми другими народами, провозглашенными неполноценными. Я не говорю уже об идеологических последствиях такой гегемонии, о насильственном вытеснении всех идейных и культурных ценностей, которыми человечество гордилось в течение последних столетий, и об искусственном возрождении идей наихудших

времен средневековья. Между тем, общая мощность миролюбивых стран как в экономическом, так и в военном отношении, общие их ресурсы в людском материале и в военной промышленности значительно превосходят силы любой возможной комбинации стран, которые мог бы сгруппировать вокруг себя агрессор. Я глубоко убежден, что стоит этим силам в какой-либо мере объединиться, показать одну возможность совместных действий, чтобы не только предотвратить угрозу войны, но и заставить агрессора просить, рано или поздно, о включении его самого в общую систему коллективной безопасности.

Я считаю нужным сейчас же оправдаться от возможного обвинения меня в призыве к блокам, ибо я знаю, что для некоторых сверхпацифистов слово «блок» стало жупелом. Нет, я не требую новых блоков. Я готов довольствоваться существующим уже блоком, который называется Лигой наций, — блоком миролюбивых стран, объединившихся в целях взаимозащиты и взаимопомощи. Мы требуем лишь, чтобы этот блок действительно организовал взаимопомощь, чтобы он заблаговременно составил план действий, дабы не быть застигнутым врасплох, чтобы происходящей вне этого блока организации войны соответствовали эффективные действия по организации коллективного отпора. И если этого не хотят делать все страны, образующие ныне блок Лиги наций, если есть среди них такие, для которых безопасность умещается в слове «нейтралитет», или которые надеются в последний момент перебежать на сторону агрессора, то это не лишает права объединенных действий тех, которые хотят и могут защищаться и которые не желают подвергаться нападению поочередно.

ЗА ПОДЛИННУЮ КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

В ответ на рекомендацию последней Ассамблеи и на приглашение генерального секретаря, советское правительство представило свои соображения о том, как оно представляет себе уточнение и улучшение Пакта Лиги. Центральное место в его предложениях занимает идея региональных и, если необходимо, двухсторонних пактов о взаимной помощи. Мыслятся при этом регионы (области) различных географических величин и очертаний, вплоть до целых континентов, ибо чем крупнее область, охватываемая пактом, тем большие гарантии безопасности создаются. Мы пока еще не знаем, сколько таких региональных пактов будет заключено и каково будет их поле применения. На данном этапе существенно определение их места в общей системе коллективной безопасности Лиги наций, установление взаимозависимости отдельных пактов, причем надо будет позаботиться о безопасности и таких стран, которые почему-либо не попадут ни в один из этих пактов.

Я не буду останавливаться здесь ни на этом, ни на других советских предложениях, резервируя это до обсуждения вопроса в соответственной комиссии. Там же мы выскажемся по поводу предложений, внесенных другими правительствами.

Кроме предложений, посланных правительствами письменно, некоторые предложения были высказаны здесь устно. Я считаю нужным сказать о них несколько слов.

Советская делегация не недооценивает значения ст. 11-й Статута Лиги, имеющей целью предупреждение возможных военных конфликтов путем примирения. Можно многое сказать в пользу отмены единогласия в некоторых таких случаях. Необходима, однако, осторожность, дабы мы этим путем не открыли шлюзов, через которые в Совет Лиги хлынули бы всевозможные мелкие претензии, не имеющие отношения к сохранению мира. Мы знаем по опыту, что только единогласие являлось до сих пор плотиной для них. Необходимо, однако, иметь в виду, что процедура по ст. 11-й может давать результаты лишь в случаях, когда угроза нарушения мира может явиться следствием лишь неожиданно и случайно возникшего спора, устранение которого восстановит положение. Статья 11-я не сможет, однако, предотвратить нарушения мира, имеющего своим источником целеустремленную агрессивность и преследование завоевательных целей, ради которых споры сознательно провоцируются. Лиге Наций уже приходилось иметь дело с такими случаями, когда ст. 11-я оказывалась совершенно бессильной. Во всяком случае, рекомендации Совета по ст. 11-й будут иметь эффект лишь тогда, когда за этими рекомендациями будет стоять хорошо вооруженная ст. 16-я. Мы считаем поэтому гораздо более важным устранение единогласия в этой последней статье.

Некоторые говорившие здесь ораторы возлагают надежды также на усиление активности Лиги в пределах ст. 19-й о пересмотре международных договоров. Такой пересмотр возможен и целесообразен, по мнению советской делегации, лишь при наличии согласия на такой пересмотр всех заинтересованных сторон. Блестящим примером является недавний пересмотр конвенции о проливах, который удался именно потому, что вопрос был поставлен с предварительного согласия участников конвенции. Без такого согласия постановка вопроса о пересмотре, для которого и говорившие ораторы признают необходимость единогласия, не только не даст положительных результатов, но лишь еще больше обострит отношения между заинтересованными сторонами и еще больше обременит международную ситуацию. Почти нет таких стран, которые были бы абсолютно довольны существующими международными договорами, заключенными в недавнем или более отдаленном прошлом, и вряд ли можно ожидать чего-либо хорошего от загрузки Лиги подобными претензиями. Не следует ли опасаться,

что моральная поддержка, оказанная какой-либо претензии даже меньшинством Ассамблеи, поощрит агрессора к нарушению договора насильственными мерами.

Не советской делегации, конечно, возражать против французского предложения о созыве Бюро Конференции по разоружению. Советское правительство всегда считало и считает, что наиболее эффективной гарантией мира является разоружение, в особенности полное и всеобщее, которое, при доброй воле, легче осуществить, чем частичное. Но вот где нужно действительно поставить универсализм, и не только в европейском масштабе, в качестве необходимого условия любой меры разоружения. Я воздержусь, однако, от высказывания о том, насколько такой универсализм в настоящее время возможен.

Совершенно иначе обстоит дело, когда говорят об универсализме в связи с улучшением Пакта Лиги. Принципиально мы целиком и полностью за универсализм. Мы не желаем ничего лучшего, как скорейшего включения в Лигу всех государств до единого, но, естественно, в Лигу, предоставляющую всем своим членам действительные гарантии безопасности, в Лигу, основанную на взаимной помощи, в Лигу, признающую равенство народов. Если, однако, речь идет о том, чтобы до осуществления такого универсализма мы ничего не делали по улучшению Пакта, если нас вновь приглашают в «зал ожидания», то я с этим согласиться не могу.

Еще решительнее я возражал бы против того, чтобы во имя универсализма Лига занялась удалением из Пакта всего того, что делает ее орудием мира и угрозой агрессору, против того, чтобы, как я говорил на последней сессии Ассамблеи, пытаться сделать Лигу безопасной для агрессора. Конечно, государство, которое открыто противопоставляет международным обязательствам силу меча, не скрывает своего презрения к таким обязательствам и цинично призывает другие государства к такому же презрительному отношению к своей подписи на документах с целью окончательного уничтожения международного доверия, не может чувствовать себя комфортабельно в Лиге наций, которая провозглашает одной из своих основных целей «обеспечение сохранения справедливости и тщательного уважения к договорным обязательствам в сношениях между собой организованных народов».

НИКАКИХ ПОБЛАЖЕК АГРЕССОРАМ

Государство, управляемое людьми, которые включили в программу своей внешней политики завоевание чужих земель, которые на своих торжествах перед своим народом и представителями других государств перечисляют огромнейшие территории, которые они собираются насильственно отделить

от других стран, не может искренно подписываться под ст. 10-й, обеспечивающей всем своим членам территориальную неприкосновенность и политическую независимость. Государство, которое проповедует легальность так называемых локализованных войн, не может мириться со ст. 16-й, провозглашающей, что прибегание к войне против одного члена Лиги означает совершение акта войны против всех остальных членов Лиги, и предписывающей градацию санкций против агрессора. Наднях в Женеве, под эгидой Лиги наций, подписана конвенция, запрещающая даже лишь обращение по радио с призывом к нарушению внутреннего мира в других государствах. Разве может искренно примкнуть к такой конвенции государство, которое, как вполне доказано, имеет во всех странах свои экспозитуры и агентства из собственных националов, которые активно вмешиваются в жизнь этих стран, натравливают одни партии против других, более того, которые организуют и финансируют восстания и открыто оказывают военную помощь мятежникам. Совместима ли с принципом равенства наций, лежащим в основе Лиги, идеология государства, построенная на расовом и национальном неравенстве и характеризующая все народы, кроме собственного, как «подчеловечество»?

Я спрашиваю сторонников «универсализма» во что бы то ни стало, должны ли мы пожертвовать всеми основными принципами Лиги, чтобы приспособить ее к теории и практике такого государства, или должны предложить ему самому приспособиться к существующей идеологии Лиги? Я на это отвечаю, что предпочитаю Лигу без универсализма универсализму без принципов Лиги.

Советская делегация настойчиво предлагает, чтобы стоящий в порядке дня вопрос о применении принципов Пакта был немедленно передан для разработки в первую комиссию, не дожидаясь пришествия универсализма. Если эта комиссия не справится со своей работой в течение и нынешней Сессии Ассамблеи, продолжение работы должно быть поручено специальной комиссии, которая должна в кратчайший срок выработать конкретные согласованные предложения с тем, чтобы была созвана, возможно скорее, чрезвычайная сессия Ассамблеи для окончательного принятия этих предложений.

Пока будет происходить теоретическая работа, члены Лиги, намеревающиеся участвовать в тех или иных региональных или когда это невозможно, то в двухсторонних пактах о взаимной помощи, вступят между собою в дипломатические переговоры для осуществления этой цели.

Я утверждаю, что чем интенсивнее и успешнее будет проводиться эта работа, тем легче будет сговориться даже с агрессивными странами и таким образом добиться желаемого универсализма.

Мы отнюдь не возражаем против попыток соглашения даже с наиболее агрессивными странами, наоборот, мы считаем необходимым приглашать их к участию во всяком международном начинании, но мы против того, чтобы они диктовали условия переговоров или чтобы им платили премии за то, что они соизволили вести переговоры. Мы считаем ненормальным, чтобы из-за их отказа или намеренного оттягивания ответа задерживались или срывались такие начинания. Мы полагаем, что попытки добиться универсального соглашения могут быть сделаны путем созыва Конференции мира или Паневропейской комиссии. Не связанные с прошлым и свободные пока от всяких пактов любая из этих организаций представляет собою наиболее подходящее место для предварительного обсуждения любых вопросов, как политических, в том числе разрушения, так и экономических. Если какое-либо государство откажется принять участие и в таких организациях, то для всех станет ясным, что нам с ним не по пути, что мы должны окончательно организовать мир и международный порядок без них.

Господа, я вам изложил ту политику и те мероприятия, которые, будучи проводимы в Лиге Наций и вне ее, могут действительно сдвинуть с мертвой точки дело организации мира. Они имеют то преимущество, что означают немедленные действия, в отличие от ныне проводимой политики «зала ожидания», спекуляции на настроениях враждебных миру сил, сосредоточения всех надежд на какой-либо определенной конференции, уподобляющейся неуловимой синей птице, — политики, ведущей к фатализму и капитуляции перед агрессором. Мы убеждены, что действия, а отнюдь не бездеятельность, в состоянии разрядить сгустившуюся международную атмосферу и предотвратить катастрофу.

Советское правительство само остерегается и никому не будет рекомендовать никаких шагов, которые могли бы на самую малую толику увеличить риск войны или приблизить ее, независимо от того, идет ли речь о войне у его собственных границ или в более отдаленных местах. Советское правительство дало немало доказательств миролюбия не только на словах, но и на деле, перед лицом множества провокаций и оскорблений. Опираясь на свою огромную внутреннюю и внешнюю силу и гордое своими достижениями, оно не отвечает на такие оскорбления традиционными методами не только из презрения и отвращения к источникам этих оскорблений, но, главным образом, желая предоставить другим, а не брать на себя ответственность за последствия нарушения элементарных правил общения между народами. Признавая за каждым народом право избрать для себя любой политико-социальный порядок, советское правительство не проводит дискриминации между государствами, в зависимости от их внутреннего режима.

Считая национал-социализм и расизм смертельным врагом всех трудящихся и самой цивилизации, советское правительство не только никогда не проповедовало крестового похода против стран, где господствуют эти теории, но и стремилось к сохранению с ними таких же нормальных дипломатических и экономических отношений, как и с другими странами. Советское правительство не увеличивало своей армии, своих вооружений, своей авиации для борьбы с бациллами этих учений или для защиты от них своих границ.

Советское правительство присоединилось к декларации о невмешательстве в испанские дела только потому, что дружественная страна опасалась, в противном случае, международного конфликта. Оно поступило так, несмотря на то, что считает принцип нейтралитета неприменимым к борьбе мятежников против законного правительства и противоречащим нормам международного права, в чем оно полностью согласно с заявлением, сделанным нам испанским министром иностранных дел. Оно понимает, что указанное несправедливое решение было навязано теми странами, которые, считая себя оплотом порядка, установили новое, чреватое неисчислимыми последствиями положение, в силу которого допускается открыто помогать мятежникам против их законного правительства. Все эти новые доказательства миролюбия советского правительства, располагающего достаточными средствами самозащиты, должны убедить вас, господа, что предложения, которые советская делегация вам делает, продиктованы стремлением к обеспечению мира не только на границах ее собственной страны, но и других стран, к созданию условий безопасности всем народам, искренним желанием восстановить во всех странах чувство уверенности в себе и уверенности в эвентуальной помощи других и воскресить веру в идеал международной солидарности и справедливости.

(«Правда» от 29 сентября 1936 г.)

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ПРЕЗИДИУМА ЦИК СОЮЗА ССР 10 НОЯБРЯ 1936 г. ПРИ ВРУЧЕНИИ ОРДЕНА ЛЕНИНА¹

Я сегодня вдвойне тронут. Я тронут данной мне правительством наградой. Я тронут и тем, что мне дано носить

¹ Постановлением ЦИК Союза ССР от 16 июля 1936 г., в ознаменование шестидесятилетнего его юбилея, за выдающиеся заслуги в борьбе за мир на посту руководителя советской дипломатии Народный комиссар иностранных дел Союза ССР т. Литвинов М. М. был награжден орденом Ленина. 10 ноября 1936 г. состоялось вручение ордена на заседании президиума ЦИК СССР. Встреченный бурной овацией, т. Литвинов, приняв врученный ему председателем ЦИК СССР т. Калининным орденом, произнес приведенную выше речь.

орден имени того, чьим соратником я имел счастье быть в течение многих лет и чьему учению я был верен непрерывно в течение всей моей сознательной жизни.

Я понимаю, что оказанной мне сегодня великой честью я в значительной мере обязан своей деятельностью на том участке работы, который мне был отведен партией в течение последних двух десятилетий. Если эта моя деятельность нашла высокую оценку, то это потому, что я строго следовал руководству Великого Ленина, а затем продолжателя его дела Великого Сталина.

Я горд сознанием, что, выполняя указания партии, советского правительства и нашего вождя товарища Сталина и стараясь приносить посильную пользу нашей великой социалистической родине, я в то же время служу всем народам, всему человечеству. Ибо если буржуазная мудрость определяет дипломата, как человека, говорящего неправду на пользу своего отечества, то советский дипломат отличается тем, что он всегда говорит правду и на благо не только своего отечества, но и всех трудящихся, всего человечества. Советская дипломатия — это борьба за мир, а мир нужен всему человечеству.

Основы советской внешней политики неизменны. При своей первой же поездке за границу в качестве работника советской дипломатии в 1919 году я имел своей миссией предложение мира государствам, нападавшим тогда на Советскую Республику с целью вмешательства в ее внутренние дела, с целью порабощения рабочих и крестьян, с той самой целью, с которой некоторые государства теперь терзают Испанию. Мы предлагали мир народам, когда это предложение могло быть ложно истолковано, как признак слабости. Мы предлагали и не перестаем предлагать мир и теперь, когда подобных предположений возникнуть не может и когда весь мир убежден в непобедимой мощи и неиссякаемой обороноспособности нашего государства. Мы предлагали всеобщее разоружение на первой же международной конференции, в которой мы приняли участие. Мы повторяли и повторяем это предложение каждый раз, когда к этому представляется случай, несмотря на то, что рост наших вооруженных сил, нашей военной промышленности, нашего военного потенциала дает нам превосходство над любым возможным противником или даже возможной комбинацией их. Мы вооружаемся не для того, чтобы меряться силами с кем-либо, а для того, чтобы другие не соблазнились надеждой безнаказанно померяться силами с нами. С этой же целью мы делали другим государствам предложение за предложением касательно наилучшей системы организации всеобщего мира. Я говорю всеобщего потому, что мы хотим мира не только для себя, но и для всех народов. Пакты о ненападении между соседями, региональные пакты для коллективной

борьбы против агрессора, международное определение агрессии, укрепление международной солидарности на базе устава Лиги наций — вот та система, которую мы предлагали после отклонения нашего предложения о всеобщем разоружении, которое мы всегда считали самой значительной и незаменимой гарантией мира.

Есть люди, как среди журналистов, так и государственных деятелей, но отнюдь не среди поборников и друзей мира, которые провозглашают банкротство этой системы организации мира. Но такие утверждения абсолютно ложны и являются лишь одним из средств антимирной пропаганды. Разве можно говорить о банкротстве системы, которая еще не осуществлялась и за принятие которой еще ведется борьба? Разве, кроме Советского Союза, какое-либо другое государство заключило пакты о ненападении со своими соседями, а те, кто заключали их, действовали разве в духе миролюбия, а не для прикрытия тыла и флангов, со вполне ясными агрессивными целями? Наше определение агрессии принято, опять-таки, лишь соседями СССР, но общего международного признания оно не получило. Когда недавно один член Лиги наций напал на другого, в Лиге наций приходилось спорить о том, есть ли налицо агрессия или нет, и этот спор парализовал общие действия против агрессора. А где региональные пакты, идея которых на словах как будто воспринята большинством европейских народов? А укрепление Лиги наций, в верности которой клянется тоже большинство государств, — разве оно не откладывается под разными предлогами из месяца в месяц, из год в год?

Если говорить о банкротстве, то речь может идти лишь о банкротстве политики тех государств, которые на словах воспринимали советские предложения, делали декларацию за декларацией о коллективной безопасности, о неделимости мира, о неделимости принципов Лиги наций, о региональных пактах, но на деле все эти идеи саботировали; о банкротстве политики тех правительств, которые полагают, что подготовка отпора явно намечающейся агрессии может быть предпринята только при согласии и с участием заведомых зачинщиков этой агрессии; правительств, которые проходили мимо нарушения международных договоров и бесспорных актов агрессии, ухаживали за виновниками этих актов, заискивали перед ними в надежде, что те пресытятся своими успехами и скажут «больше грешить не будем». Но история учит, что агрессии и экспансии ненасытима. Каждый успех, каждая полученная уступка агрессором используется для дальнейшего наступления. Политика слабости и уступчивости в отношении агрессоров привела лишь к их большему обогащению. Организации коллективной безопасности, заключения региональных пактов, даже совместных дипломатических выступлений миролюбивых стран избегали из опасения, как бы агрессоры не истолковали это, как образо-

ванне блоков, но агрессоры сами зло посмеялись, сами образовав между собою блок. И случилось так, что даже те страны, которые одно время считали себя в положении нейтральных арбитров, сами почувтились под угрозой и вынуждены спешно вооружаться для предотвращения этой угрозы. Разве неясно, чья политика обанкротилась?

Есть все основания предполагать, что во многих странах начинают извлекать из этого банкротства нужные уроки, но выбор других путей невелик. Их два всего: один ведет к предлагаемой Советским Союзом системе коллективной безопасности, системе коллективной организации обороны всех миролюбивых стран против немногочисленных и отнюдь не столь страшных агрессоров; другой путь, подсаживаемый агрессорами и их агентами во всех странах и находящий восторженных сторонников особенно в средних и небольших странах, — это путь так называемого сближения с агрессорами, — сближения рака с акулой в надежде, что, авось, акула не всего его слопаёт, откусит одну лишь клешню для начала, конечно.

Что касается нас, то, опираясь на собственные средства обороны, мы можем спокойно ждать и взирать, как Европа будет делать свой выбор. Мы твердо знаем, что если другие народы захотят по-настоящему организовать мир, обеспечить коллективную безопасность и противопоставить силам агрессии наличные силы мира, то без Советского Союза им не обойтись. Оплотом мира в Европе может быть только Советский Союз. Это отлично понимают агрессоры, которые потому и напрягают все свои усилия к изолированию Запада от Советского Союза. Я подчеркиваю, что речь идет не об изоляции СССР, а об изоляции других стран Европы с целью сделать их беззащитными и покорными агрессору.

Советская дипломатия будет попрежнему вести свою борьбу за мир теми методами, в превосходстве которых убеждают ее уроки каждого дня. Я же буду эту работу делать попрежнему, по-большевистски, чтобы и в дальнейшем оправдать оказанную мне сегодня честь.

(«Известия» от 11 ноября 1936 г.)

РЕЧЬ НА ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ VIII ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ 28 НОЯБРЯ 1936 г.

Товарищи делегаты Съезда!

Позвольте раньше всего предупредить вас, что я выступаю здесь сегодня не с обзором международного положения, ибо такого пункта в порядке дня Съезда не имеется (с м е х

одобрения), а по докладу о проекте Конституции. Товарищ Сталин отметил интерес, которого заслуживает заграничное общественное мнение о проекте Конституции, и я, как человек, сидящий у окошка, выходящего за границу (смею), хочу поделиться с вами некоторыми мыслями на эту тему.

Товарищ Сталин дал блестящий и остроумнейший анализ заграничной критики проекта Конституции. Надо, однако, признать, что проект Конституции был встречен за границей не только критикой, не только сомнениями и скептицизмом, но и поощрительными и хвалебными отзывами. В некоторых кругах заграничного общественного мнения проявилась склонность покровительственно похлопывать нас по плечу, как вернувшегося в свою семью раскаявшегося блудного сына. Вернулся-де Советский Союз к европейскому демократизму, к буржуазным свободам. В этот вопрос я хочу внести некоторые уточнения.

ФАШИЗМ — МОГИЛЬЩИК ДЕМОКРАТИЗМА И СВОБОДЫ

Насчет сущности демократизма и буржуазных свобод мы, марксисты, всегда были особого мнения. Это мнение выразил товарищ Сталин, когда он в своем докладе сравнивал свободы, предоставляемые Советской конституцией, с одноименными, но отнюдь не равнозначными буржуазными свободами. Но беря даже эти свободы в их условном, ограниченном значении, в котором они в конце XVIII и в течение XIX века играли, несомненно, крупнейшую прогрессивную роль, и ими по праву гордилась буржуазия со времени Французской революции, мы, кажется, теперь можем говорить о них, как о чем-то отходящем в прошлое.

В самом деле, из 26 европейских буржуазных стран так называемый демократизм и буржуазные свободы сохранились едва ли больше чем в 10 странах. Остальные 16 стран, т. е. две трети буржуазной Европы, имеют режим фашистской или полуфашистской диктатуры. Иной раз разница между фашистскими и полуфашистскими странами не качественная, а количественная. Это скорее разница оттенков или даже лишь внешних признаков. Одни страны открыто объявляют себя фашистскими, другие же, подражая во всем своем политическом и социальном устройстве фашистским странам, по соображениям внутренней, а иногда и внешней политики, предпочитают избегать фашистского названия.

Как выглядят демократизм и свободы в фашистских странах, рассказывать не приходится. Фашизм сам хвастает тем, что он является отрицанием демократизма и всяческих свобод. Ибо что представляет собой фашизм? Я хотел бы дать ему не философское, или научное, а житейское общепонятное и в то же время верное определение. Мы с вами знаем, товарищи, какие противоречия разъедают буржуазное общество. Эти

противоречия не только не устранимы, но они неизбежно растут и множатся. Они особенно обострились в результате мировой войны и получили яркое выражение в экономическом кризисе, начавшемся в 1929 г. В некоторых странах ни одной из буржуазных партий, сменявшихся у власти, не удалось справиться с этим кризисом. На этой почве росло недовольство граждан. И вот является на политической сцене или «посылается провидением» гениальный человек, который берется вывести государство из затруднительного положения, не посягая на его устои. В ход им пускается средство столь же «гениальное», сколь и простое. Если нельзя устранить существующее недовольство и причины, порождающие его, то вполне легко устроить недовольных (общий смех): достаточно запретить гражданам выражать недовольство, лишить их всех средств выражения мыслей, желаний и требований, лишить их газет, собраний, союзов, партий, а для упорствующих и особо провинившихся в прошлом выстроить и приспособить определенное количество тюрем и концентрационных лагерей и также виселиц и плах, а часть населения, вследствие ненадлежащего ее происхождения, объявить вне закона и отдать на поток и разграбление другой части населения. Это и называется фашизмом. (Смех, аплодисменты.) Где же тут место демократизму и свободам!

Но вы, может быть, скажете, что этот метод обуздания граждан не может претендовать на оригинальность, а те из вас, кто читал писателя Глеба Успенского, пожалуй, вспомнят, что метод этот вполне укладывается в классическое правило будочника Мымрецова «тащить и не пущать». (Смех, аплодисменты.) Кое-кто из вас, пожалуй, скажет, что прототипом фашистской партии надо считать хорошо знакомый нашему старшему поколению «Союз русского народа» или «Союз Михаила Архангела». (Смех, аплодисменты.) Я с вами, товарищи, спорить не буду. (Аплодисменты.) Я хотел лишь дать вам представление о состоянии свобод в образцовом фашистском государстве, к которому более или менее приближаются фашистские или полуфашистские страны. Особенностью некоторых таких полуфашистских стран надо считать господствующее влияние военщины, дающей приказания официально правительству, угрожающей ему террором, а иногда и террор, осуществляющий и являющийся фактическим хозяином государства. Из слуги государства, каковой как будто должна быть армия в демократическом государстве, она фактически превращается в его повелителя.

Как мною уже было сказано, в Европе все же осталось стран 10, которые сохранили еще чистоту демократических риз. Сохранили? — да, но надолго ли сохраняют, вот в чем вопрос. Во всяком случае, в этих странах, под влиянием и благодаря щедро оплаченной агитации фашистских стран, наро-

ждаются и крепнут элементы, открыто проповедующие уничтожение остатков демократизма и демократических свобод. В большинстве этих стран практически уже ставится вопрос о запрещении той или иной партии, причем такими партиями обыкновенно оказываются, конечно, партии рабочего класса и крестьянства, партии недовольных. Искусственное подавление недовольных и лишение их возможности объединения, как мы видели, и есть начало фашизма. Бывает, что правительство, опирающееся на огромное большинство населения и на большинство в парламенте, буквально терроризируется и вынуждается прислушиваться преимущественно к голосу меньшинства, если только последнее имеет в своем распоряжении достаточное количество бойких и горластных органов печати. Голос таких газет выдают за общественное мнение страны, а насколько это соответствует действительности, мы недавно видели на примере выборов в Соединенных штатах Америки. 90% печати этой страны выступало против президента Рузвельта. Можно было думать, если считать газеты выразителем общественного мнения, что вся страна против г. Рузвельта. Тем не менее, г. Рузвельт одержал на выборах блестящую победу, получив подавляющее большинство голосов. Совершенно ясно, что общий голос прессы, претендующей быть выразителем общественного мнения страны, представляет иногда ничтожное меньшинство, а то лишь несколько газетных магнатов или несколько промышленных трестов, финансирующих эти газеты. Тем не менее подобные газеты зачастую оказывают огромное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны, парализуют действия демократического правительства. Крупным фактором, давящим на политику даже в демократических странах, иногда является и верхушка военщины. Вряд ли такое положение действительно отвечает понятию демократии. Если же в такой стране находятся честные радикальные элементы, которые вместе с рабочими и крестьянами пытаются отстоять демократический строй и свободы, то они подвергаются ожесточенной атаке со стороны собственных фашистских элементов, а то и насильственно опрокидываются своей военщиной, которой приходят на помощь фашистские и полуфашистские страны. Блестящий пример этому мы видим в Испании, имевшей правительство, вышедшее из всеобщих выборов, произведенных по всем правилам буржуазного демократизма. Но так как это правительство провозгласило программу охраны демократизма, охраны свобод, охраны парламентаризма, то против него восстала кучка генералов и офицеров, поддержанная иностранными фашистскими правительствами, и пытается его опрокинуть под лозунгом фашизма. Но всего характернее то, что эта открытая организованная борьба встречает сочувственное отношение и даже существенную поддержку со стороны демократических государств.

Вот, товарищи, какова судьба демократизма и буржуазных свобод ныне в Европе, и вот почему мы не можем чувствовать себя особенно польщенными, когда нам говорят в связи с проектом Конституции, что мы возвращаемся в лоно европейского демократизма, к буржуазным свободам. Правильнее будет сказать, что мы берем выпадающее из слабых рук дряхлеющей буржуазии знамя демократизма, знамя свобод и наполняем эти понятия новым, богатым, советским содержанием. (Аплодисменты.)

Становясь оплотом демократизма и свободы, Советский Союз не призывает, однако, к созданию международного блока для борьбы с фашизмом, отрицающим демократию и свободу. До внутреннего фашистского режима тех или иных стран нам, как государству, дела нет. Наше сотрудничество с другими странами, наше участие в Лиге наций основаны на принципе мирного сосуществования двух систем — социалистической и капиталистической, причем мы считаем, что в последнюю укладывается и фашистский строй. Но фашизм теперь перестает быть внутренним делом исповедующих его стран. Было время, когда родоначальник фашизма г-н Муссолини заявлял, что фашизм не есть предмет экспорта. Надо отдать справедливость г-ну Муссолини, что он в течение многих лет был верен этому заявлению, и борьба за распространение фашизма за пределы Италии не составляла элемента его внешней политики, но это длилось лишь до тех пор, пока фашизм г-на Муссолини не прошел в Берлине курса усовершенствования или, как у нас говорят, переквалификации (смех, аплодисменты) и не оплодотворился теориями германского так называемого национал-социализма. В отличие от итальянского фашизма, германский национал-социализм, как только он обосновался внутри своей страны, перенес свою деятельность и за ее пределы. Документально установлено, что деятельность национал-социалистической партии, которая имеет свою широко разветвленную агентуру почти во всех странах, не сводится в этих странах, как нас в этом хотят уверить официальные представители фашизма, к социальному и культурному обслуживанию членов этих агентур. Установлено, что эти агентуры ведут широкую фашистскую агитацию среди граждан стран своего пребывания, активно вмешиваются во внутреннюю политику этих стран, натравливают одни партии против других, создают и финансируют органы печати, не брезгают разведывательной деятельностью и не останавливаются даже перед террористической, отнюдь не считаясь с законами стран, дающих им гостеприимство. Подобная агентура недавно раскрыта и в нашем Советском Союзе. Нас, однако, ни в малейшей мере не пугает и эта заграничная деятельность

фашизма. Она представляет действительную и большую угрозу для других стран, для самого их существования, но не для нас. Мы легко справимся с ней на советской территории (аплодисменты) собственными силами, и мы не станем просить для борьбы с нею иностранной помощи и заключать для этого международные союзы и соглашения. (Аплодисменты, смех.)

ВОЙНА МЯТЕЖНЫХ ГЕНЕРАЛОВ И ИНТЕРВЕНТОВ ПРОТИВ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ИСПАНИИ

Более серьезной представляется заграничная деятельность фашизма, когда она принимает такие формы, как, например, в Испании. В настоящее время не подлежит никакому сомнению, что после разгрома правых партий на демократических выборах в Испании, выявивших доверие и преданность народа испанскому правительству, вышедшему из этих выборов, мятежные генералы не посмели бы поднять бунт против этого правительства, если бы им заранее не была обещана поддержка германского или итальянского фашизма, а то и обоих вместе. И эта поддержка была не только обещана, но и оказана. Призыв генералов к бунту не нашел отклика среди солдат и матросов испанской армии, и генералы вынуждены были прибегнуть к помощи марокканцев и иностранного легиона, т. е. легиона, который вербуются из международных авантюристических и уголовных элементов. С этими силами генерал Франко выступил против испанского народа, с ними он наступает на столицу Испании. Но и эти силы, расположенные в Марокко, не могли бы быть перевезены в Испанию, если бы в распоряжение Франко не были предоставлены германские и итальянские самолеты и военные корабли. Заметьте, что Германия и Италия в то время еще поддерживали дипломатические отношения с испанским правительством, и их вмешательство во внутреннюю борьбу Испании являлось вопиющим нарушением с их стороны элементарнейших международных обязательств. Германский фашизм, драпирующий в тогу защитника арийской расы, повидимому, не испытывает никакой совестливости оттого, что ему приходится вести в бой против арийского испанского народа неарийских мавров. (Аплодисменты, смех, оживление в зале.) Германия и Италия без всяких стеснений заявляют, что они поддерживают генерала Франко потому, что они не хотят иметь в Испании демократического правительства, правительства единого фронта, и что они хотят видеть там обещанное им генералом Франко правительство, основанное на фашистских началах. Само собой разумеется, что Германии и Италии отнюдь не нужен в Испании фашизм ради фашизма, ни утверждение

какой-нибудь идеологической доктрины. Фашизм является в данном случае средством для достижения совершенно других, отнюдь не идеологических целей.

ФАРС «НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА»

По инициативе Франции и Англии, по мотивам предотвращения возможных международных осложнений, угрожающих миру, было подписано международное соглашение о невмешательстве в испанские дела поставкой правительству или мятежникам каких бы то ни было военных материалов. Это предложение, несомненно, шло вразрез с обычными предложениями о международных отношениях, допускающих поставку любого оружия одним правительством другому признанному им правительству и запрещающих такие поставки мятежникам в какой-либо стране, с которой поддерживаются дипломатические отношения. Тем не менее, учтя официальные мотивы, которыми было обосновано это предложение, советское правительство присоединилось к нему. Оно полагало к тому же, что по существу это соглашение, будучи всемирно лояльно соблюдаемо, не нанесет ущерба испанскому правительству, ибо, предоставленный самому себе, генерал Франко не имел бы никаких шансов предотвратить подавление мятежа. Повторяю, что само собой понятной предпосылкой нашего присоединения к соглашению было лояльное выполнение его всеми его участниками. Германия и Италия, а также фашистская Португалия долго задерживали свой ответ на предложение о присоединении к соглашению о невмешательстве, под разными предлогами затягивали переговоры на эту тему и использовали выигранное таким образом время для ускоренного обильного снабжения генерала Франко авиацией, танками, артиллерией и другими предметами вооружения. Это необходимо было им для того, чтобы в дальнейшем, в случае обнаружения в Испании вооружения германских и итальянских марок, можно было оправдаться тем, что оно попало в Испанию до подписания соглашения. Но вот соглашение подписано и фашистскими странами. Недели шли за неделями, и СССР, Франция и Англия и другие государства лояльно и scrupulously выполняли свои обязательства, в то время как Германия и Италия, со свойственным им пренебрежением к международным обязательствам, тайно, используя для этого преимущественно португальский плацдарм, продолжали снабжать генерала Франко всеми видами военного и морского вооружения. Это снабжение стало притчей во языцех. Об этом писали корреспонденты иностранных газет всех политических направлений, не исключая самых правых. Об этом рассказывали многочисленные очевидцы и свидетели. Это, несомненно, было известно и находившимся в соответственных портах

иностранным консулам, донесения которых, к сожалению, до сих пор не опубликованы. Наконец, испанское правительство формально заявило в Лиге наций и в нотах на имя отдельных государств о военных поставках генералу Франко, вдвойне незаконных: во-первых, с точки зрения обычного права и, во-вторых, в силу состоявшегося международного соглашения. Советское правительство тогда обратилось к Лондонскому комитету послов, который, как казалось нам, был создан для обеспечения соблюдения всеми участниками соглашения принятых ими на себя обязательств и расследования случаев их нарушения. Мы, однако, ошиблись. Лондонский комитет понял слово невмешательство в том смысле, что он сам не должен вмешиваться в дело вмешательства в испанские события. (Смех.) Лондонский комитет понял свою задачу в том смысле, что он должен следить лишь за тем, чтобы государства, принявшие на себя определенные обязательства по соглашению о невмешательстве, сами не признавались в их нарушении и что, пока они какую бы то ни было вину за собой отрицают, их объяснения признаются удовлетворительными и на этом кончатся функции Комитета. (Смех.) Такое решение Комитета заранее санкционировало всякие нарушения обязательств и в дальнейшем со стороны фашистских государств. Советскому правительству не оставалось ничего больше сделать, как лояльно заявить Лондонскому комитету, хотя оно отнюдь не обязано было это сделать, что оно не считает себя морально более связанным соглашением, чем остальные его участники.

Результатом германских и итальянских военных поставок было то, что генералу Франко с его марокканскими войсками удалось занять важнейшие стратегические пункты и подойти вплотную к Мадриду. Результатом является то, что в течение нескольких недель дено и ночью на прекрасную столицу испанского народа обрушиваются сотни и тысячи килограммов взрывчатых и зажигательных бомб и артиллерийских снарядов, убиваются и калечатся сотни и тысячи мирных граждан, женщин и детей, и разрушаются величайшие памятники зодчества, живописи и скульптуры, памятники старины, составляющие сокровищницу всего человечества. И эти разрушения производятся с германских и итальянских самолетов, руками германских и итальянских пилотов. (Голос из зала: «Позор!») Эта разрушительная, геростратова работа первого объединенного германо-итальянского фашистского международного активного сотрудничества останется навсегда позорнейшей страницей истории международных отношений, истории Европы. (Голоса с мест: «Правильно!» Аплодисменты.) Я уверен, товарищи, что выражу чувство всего Съезда, если скажу, что в этот момент, когда мы говорим об Испании, наши мысли, наши чувства, полные горячей симпатии и восхищения, устремляются к героическим защит-

никам Мадрида, к мужественным борцам испанской республиканской армии на других фронтах в их ожесточенных схватках с силами варварства и вандализма. (Бурные, продолжительные аплодисменты, все встают. Делегаты Съезда обращаются с овацией по адресу посла Испанской республики г. Паскуа, находящегося в дипломатической ложе. Возгласы: «Да здравствует героический испанский народ!»)

СОЛИДАРНОСТЬ СОВЕТСКОГО НАРОДА С НАРОДОМ ИСПАНИИ

В чем состоит интерес нашего Советского государства к испанским событиям? Население нашего Союза своими щедрыми сборами в пользу испанских женщин и детей, своими коллективными резолюциями и приветствиями по адресу Испании и другими манифестациями свидетельствовало о том живом сочувствии, с которым оно из наиболее демократичной свободной страны следит за мужественной и мучительной борьбой народа, хотя и отдаленной страны, за свой демократизм, за свои свободы, против фашистского варварства, против фашистского рабощения. О том же свидетельствует только что произведенная вами манифестация. Но это лишь эмоциональная сторона дела, есть еще и сторона политическая — государственная, которую я и хочу разъяснить. Наши враги утверждают, будто мы добиваемся создания на Пиренейском полуострове коммунистического советского государства, которое мы намерены даже включить в Советский Союз. (Смех, аплодисменты.) Если есть наивные люди, верящие этим глупым утверждениям, то они должны быть немало удивлены, что мы не отложили VIII Съезда в ожидании включения в Конституцию 12-й, испанской социалистической республики. (Смех, продолжительные аплодисменты.) Им, впрочем, разъясняют, что мы уже не рассчитываем на завоевание для коммунизма всей Испании и готовы удовольствоваться каталонским уголком ее, созданием независимой каталонской республики, чтобы оттуда пойти походом против всей Европы. (Смех.) Подобные сказки для маленьких детей и больших дураков (смех, бурные аплодисменты) распространяются, конечно, с целью затемнения смысла нашего действительного интереса к испанским событиям. В случае с Испанией мы имеем дело с первой крупной вылазкой фашизма за пределы его родины. Мы имеем дело с попыткой насильственного насаждения в Испании извне фашистского строя, навязывания испанскому народу фашистского правительства при помощи штыка, гранаты и бомбы. Если бы эта попытка удалась, то не было бы никаких гарантий от повторения ее в более обширном масштабе в отношении и других государств. Опять-таки, если бы речь шла о фашизме лишь как об особом вну-

треннем политико-социальном режиме, то наше отношение к этому было бы более спокойным. Существовала же в Испании коррупционная монархия, была там недавно диктатура генерала Primo de Rivera, и это нас сравнительно мало смущало. Но речь идет теперь о другом: о явлении международного характера, о действительном усилении угрозы миру, и этого одного достаточно для оправдания нашего интереса.

АГРЕССИЯ — ПРОГРАММА ФАШИСТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Необходимо исходить из того, что фашизм есть не только особый внутренний государственный режим, а что он есть в то же время подготовка агрессии, подготовка войны против других государств. Это не наша характеристика фашизма, а его собственная. Фашизм кричит со всех крыш о своей агрессивности и не только кричит о ней, но кое-где уже и осуществляет ее. Я попрошу вас, товарищи, вспомнить сказанное мною раньше о сущности и методах фашизма. Я вам говорил о способе подавления недовольства населения фашистской страны, но это, так сказать, программа негативная. Есть у фашизма и программа положительная. Одними механическими полицейскими средствами, намордниками можно лишь временно зажать рот недовольным, но, поскольку причины недовольства этим не устраняются, а устранить их другими мерами фашизм не способен, в ход пускаются другие, так сказать, духовные средства для обработки, я бы сказал, «околпачивания» недовольных граждан. Используя монополю прессу, книгоиздательства, радио и все прочие средства агитации, фашизм внушает гражданам, что их народ является избранным, лучшим из всех народов, призванным господствовать над другими, неполющенными народами. Им рассказывают о каких-то замечательных их предках, об их принадлежности к особой, высшей расе. Как в свое время примитивных людей, да и маленьких детей запугивали мнимым существованием леших, домовых, вельзевула, сатаны, чертей, чертят и других нечистых сил, так и граждан фашистской страны запугивают коммунистами, марксистами, демократами, жидомасонами, которых необходимо обязательно одолеть и уничтожить, чтобы обрести счастье. Живописуются заманчивые цветущие края, вроде Украины, Урала и Сибири (с м е х), богатые сырьем колонии. Беда лишь в том, говорят им, что эти соблазнительные края и колонии принадлежат другим народам. Стало быть, необходимо их завоевать, отнять силой, а для этого требуются вооружения, для этого необходима большая армия, огромный флот, большие разнообразные вооружения. Ясно, что гражданам должны напрягать все усилия, терпеть лишения и отдавать все свои средства фашистскому государству на создание военной мощи. Таким образом, целый народ изо дня в день

воспитывается в духе агрессии, и агрессия становится открыто программой фашистского государства, а сам фашизм делается функцией самого разнузданного шовинизма и империализма.

Сказанного мною, кажется, вполне достаточно для оправдания того интереса, с которым мы, как государство, непоколебимо стоящее за нерушимый мир между народами, следим за попыткой насильственного насаждения в новых странах фашизма, как носителя идеи агрессии. Но это еще не все.

Подготовку к созданию своих агрессивных целей фашизм осуществляет не только неимоверным усилением своих вооружений, но и тем, что он односторонне освобождает себя от всех связывающих его международных обязательств или просто нарушает их, когда это ему выгодно, избегает всякого международного сотрудничества в деле укрепления мира, подкапывается под международные организации, призванные охранять этот мир, ведет кампанию за разъединение других стран и недопущение коллективной организации безопасности. Той же цели служит распространение лживых сообщений про другие страны, для чего создается специальное государственное учреждение, называемое министерством пропаганды, во главе которого ставится человек, который, надо отдать ему справедливость, в качестве создателя и распространителя нелепейших вымыслов и самых лживых сообщений, является, как англичане говорят, надлежащим человеком на надлежащем месте. (А плодисменты, смех.)

Свои воинственные стрелы фашизм направляет в частности против Советского государства, на словах, якобы, потому, что там исповедуются идеи коммунизма, а в самом деле потому, что оно само по себе является объектом хищнических воцелений фашизма, а также помехой его завоевательским устремлениям в других направлениях. Хотя фашизм, придя к власти, заявлял о своем стремлении поддерживать с Советским Союзом наилучшие отношения и даже ратифицировал продление Берлинского советско-германского договора о дружбе и нейтралитете, он особенно не взлюбил нас после того, как мы предложили ему гарантировать безопасность и целостность наших общих соседей. Озлобление против нас только усилилось после того, как мы заключили пакт о взаимопомощи с Францией, объявленной им своим наследственным врагом, и после вступления нашего в Лигу наций и развертывания там нашей программы мира.

Бешеной агитацией при помощи платных агентов и политических друзей в других странах фашизм пытается максимально использовать существующие в этих странах предрассудки против страны, строящей социализм, с целью, во-первых, разрушить связи, существующие между этими странами и Советским Союзом в качестве членом Лиги наций, а во-вторых, с целью получения финансовой поддержки на усиление

своих вооружений, которые можно будет направить не обязательно против Советского Союза.

Меня могут спросить, почему нас беспокоят военные приготовления фашизма, если на самом деле они не обязательно имеют антисоветское назначение. Я позволю себе на это ответить анекдотом. Когда одного человека, на которого напали лающие собаки, спросили, почему он испугался, разве он не знает, что лающие собаки не кусаются, он ответил, что он-то это знает, но что он не уверен в том, знают ли это собаки. (Общий смех.) Мы, большевики, лающих собак не боимся, но все же мы не станем полагаться на собачью сознательность (общий смех всего зала, аплодисменты) и лучше вооружимся дубиной крепче и подлиннее. (Общий смех, аплодисменты.)

БЛОКИ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ ВОЙНЫ

Не найдя себе союзников среди членов Лиги наций, стоящих еще на почве идеи коллективной безопасности, фашизм, очутившись в изоляции, чтобы внешне «красить» эту свою изолированность, обратился к тем немногим странам, которые пребывают в таком же одиночестве, разделяют его отрицательное отношение к Лиге наций и организации мира и так же преследующим агрессивные цели, и заключил с ними блок, якобы, для борьбы с «международной коммунистической опасностью». Для точности отмечу, что блок заключен не общий между тремя государствами, а между Германией и Италией и отдельно между Германией и Японией. Впрочем, мы имеем точные сведения, что Италия, желая итти во что бы то ни стало по стопам своей новой менторши Германии, предложила Японии заключить с нею соглашение, аналогичное опубликованной части японо-германского соглашения. Г-н Муссолини, поддерживавший с Советским Союзом весьма корректные отношения свыше 10 лет, убедился в международной коммунистической опасности лишь после того, как Советский Союз лояльно и последовательно участвовал в мероприятиях Лиги наций против Италии, нарушившей пакт Лиги наций, совершившей агрессию и захватившей Абиссинию, а затем выступил против фашистской военной интервенции в Испании.

Авторы этих международных соглашений по борьбе с коммунизмом не замечают, очевидно, в какое смешное положение они себя ставят, когда они просят действительно поверить в идеологический характер этих соглашений. В подобном понимании эти соглашения должны как будто говорить о том, что германский фашизм, после 4 лет гомерических усилий по искоренению всеми мыслимыми мерами не только коммунизма и марксизма, но даже демократизма в своей стране,

вновь стоит перед величайшей коммунистической опасностью внутри страны, с которой он не в состоянии сам справиться и вынужден искать иностранной помощи. Равным образом, итальянский фашизм, после 14 лет своего царствования и после поднятия страны до ранга империи, очутился перед лицом коммунистической опасности, преодолеть которую он может только вкупе с германским и японским фашизмом. Японское правительство, ведшее неустанную борьбу по искоренению «вредных мыслей» в стране, не достигло своей цели и вынуждено звать себе на помощь иностранную полицию. Выходит, как будто, что как раз фашистские страны охвачены паникой перед лицом победоносного роста коммунизма у них. Не менее смехотворны и цели, которые, якобы, ставят себе эти соглашения и которые могут состоять лишь в следующем. Японское правительство обязуется, вероятно, своевременно извещать германское в случае решения японского коммуниста искать убежища в свободной Германии, и наоборот. В случае нехватки места для коммуниста в германском концентрационном лагере или тюрьме, японское и итальянское правительства обязуются, очевидно, найти для него жилище в своих тюрьмах и лагерях (с м е х), и наоборот. Надо полагать, что высокие договаривающиеся стороны обязались также одолживать друг другу номера «Коммунистического Интернационала» и т. п. издания или что они, может быть, на началах коллективного творчества создадут газету, которая должна будет доказывать преимущества фашистских идей перед коммунистическими. Трудно представить себе, какие другие практические цели могут преследовать эти своеобразные международные трактаты. Неудивительно, что, судя по отзывам прессы, сообщения об этих трактатах во всех нефашистских странах встречены с трудно сдерживаемым вельжливом хохотом. Люди сведущие отказываются верить, что для составления опубликованных двух куцых статей японо-германского соглашения необходимо было вести переговоры в течение 15 месяцев, что вести эти переговоры надо было поручить обязательно с японской стороны военному генералу, а с германской сверхдипломату и что эти переговоры должны были вестись в обстановке чрезвычайной секретности, втайне даже от германской и японской официальной дипломатии. Неудивительно, что делаются предположения, что японо-германское соглашение написано особым кодом, на котором антикоммунизм означает совсем не то, что пишется в словарях, и что люди по-разному расшифровывают этот код. Японская военщина в Манчжурии, например, по-своему поняла код и, нарушив господствовавшее в течение изрядного времени на советско-манчжурской границе затишье, в течение двух суток совершила два налета на советскую территорию с довольно значительными силами. Она не учла, что берлинское согла-

шение отнюдь не помешает Краснознаменной дальневосточной армии дать ей тот же ответ, что она давала и раньше на подобные налеты. (Овация всего зала, все встают: Возгласы: «Да здравствует Дальневосточная Красная армия!», «Ура!», «Да здравствует товарищ Блюхер!»)

Она, будем думать, сообразила это, когда после налетов сосчитала количество увезенных ею раненых и оставленных на советской территории трупов и предметов вооружения. Мы надеемся, что, вопреки берлинскому соглашению, японская военщина в Манчжурии не забудет убедительной просьбы Дальневосточной армии «для своих прогулок подальше выбирать закоулки». (Смех, аплодисменты.)

ЛИЦЕМЕРИЕ И ФАЛЬШЬ ВРАГОВ МИРА

Что касается опубликованного японо-германского соглашения, то я рекомендовал бы не доискиваться в нем смысла, ибо соглашение это действительно не имеет никакого смысла по той простой причине, что оно является лишь прикрытием для другого соглашения, которое одновременно обсуждалось и было парафировано, а вероятно, и подписано, и которое опубликовано не было и оглашению не подлежит. Я утверждаю, с сознанием всей ответственности моих слов, что именно выработке этого секретного документа, в котором слово коммунизм даже не упоминается, были посвящены 15-месячные переговоры японского военного атташе с германским сверхдипломатом.

Агрессивный характер недавно заключенных соглашений вытекает уже из того, что в нем участвуют три государства, ушедшие из Лиги наций. Правда, Италия формально еще участвует в Лиге наций, но ее участие состоит в том, что, как г-н Муссолини недавно сам публично заявил, он участливо желает скорейшей ее смерти. Все три государства известны своей агрессивностью и покушениями на чужие территории, борются с принципами коллективной безопасности и неделимости мира. Уже это одно придает зловещий характер этим соглашениям и указывает на угрозу, которую они составляют всеобщему миру, безопасности и интересам многих стран.

Активность фашистских стран за последнее время вскрыла, между прочим, все лицемерие и фальшь некоторых их политических, якобы, программных заявлений и лозунгов. Германский фашизм, например, утверждал, что он принципиально против всяких международных союзов и комбинаций, кроме пактов о ненападении, и то лишь с пограничными соседями. Он заключил соглашение с отстоящей на десятки тысяч километров и отделенной от него несколькими государствами Японией, и отнюдь не о ненападении. Германский фашизм

клялся в своей приверженности принципу локализации войны. Соглашение с Японией имеет тенденцию распространить войну, возникшую на одном континенте, по крайней мере на два, если не на большей континентов. Итальянский фашизм заявлял после абиссинской экспедиции, что его территориальные аппетиты полностью удовлетворены и что он отныне готов сотрудничать в деле стабилизации мира, а теперь он включился в систему агрессивных соглашений. Не выиграет также репутация искренности японского правительства, заверявшего нас в своем стремлении к установлению мирных отношений с Советским Союзом и побудившего нас ради этого пойти ему навстречу в урегулировании интересующих его некоторых спорных вопросов, а ныне заключившего секретное агрессивное соглашение с Германией. Японское правительство уверяло нас также в том, что предложенный ему пакт о ненападении все еще им обсуждается и сможет быть заключен по урегулированию всех спорных вопросов, а ныне оно поставило заключение таких пактов в зависимость от согласия на это Германии, уменьшив самостоятельность своей внешней политики.

Антидемократические фашистские агрессивные страны свое слово сказали. Они сказали, что не хотят участвовать в общем международном сотрудничестве для организации мира, для обеспечения безопасности всем народам. Они бросают один вызов за другим миролюбивым, в первую очередь, демократическим народам. Слово теперь за этими народами.

НАША ПОЛИТИКА БЫЛА, ЕСТЬ И БУДЕТ ПОЛИТИКОЙ МИРА

Советский Союз не видит оснований менять свою политику, которая была, есть и будет политикой мира. (Продолжительные аплодисменты.) Он хочет этого мира для себя и для других народов и поэтому предлагал им свое сотрудничество. Он ждет от других не слов о мире, а действий по организации этого мира. Советский Союз, однако, не напрашивается ни в какие союзы, ни в какие блоки, ни в какие комбинации. Он спокойно предоставит другим государствам взвесить и оценить ту выгоду, которую можно извлечь в интересах мира из тесного сотрудничества с ним, и понять, что Советский Союз может больше давать, чем получать. (Аплодисменты.)

Заключенные соглашения, о которых мы сегодня говорили, ничего не меняют в фактическом положении дел. Опасность представляют не договоры, не подписи под ними, какова бы ни была их ценность, а наличие государств с правительствами, строящими свою внешнюю политику на презрении к миру, на принципах агрессии и хищничества и норовящими захватить все, что плохо лежит. Нас это, однако, не пугает потому, что у нас нет ничего, что плохо лежало бы. (Апло-

дисменты.) Под наибольшей угрозой очутились другие государства, другие владения. Наша безопасность не зависит от бумажных документов и от внешнеполитических комбинаций. Советский Союз достаточно крепок сам по себе. Он крепок спаянностью, сцепкой и налаженностью всех его частей, и эта крепость еще больше усилится, когда он будет скреплен новым прекрасным цементом, который представляет собою принимаемая нашим Съездом новая Конституция. Советский Союз крепок единством стремлений всех населяющих его народов и единством воодушевляющей их единой цели. Он крепок своим подлинным демократизмом. Он крепок непрерывно растущим духом действенного патриотизма всего его населения. Он крепок огромным сочувствием и любовью к нему миллионов и десятков миллионов трудящихся за его пределами. Он крепок централизованностью правительственной власти и авторитетом руководящей коммунистической партии. (Аплодисменты.) Он крепок своими стахановцами, своими героями-летчиками и рекордсменами во всех областях спорта. Он крепок беспредельной преданностью государству и его идеалам многочисленного комсомола и охваченного энтузиазмом всего подрастающего поколения. Он крепок своими несметными естественными богатствами, безостановочным подъемом и мощью своей гигантской промышленности. Он крепок колхозными формами земледелия. Он крепок сознанием своей силы и непобедимости. (Аплодисменты.) Он крепок, наконец, своей славной Красной армией и Красным флотом во главе со всеми любимым полководцем т. Ворошиловым. (Бурные аплодисменты. Все встают и устраивают горячую овацию т. Ворошилову. Могучее «ура» перекатывается по залу.) Мы уверены, что если наступит день, когда наша армия и флот вынуждены будут выступить на защиту родины, то военное стахановство, помноженное на рождаемый в таких случаях энтузиазм, явит миру неслыханный в истории всех времен и народов пример беззаветной храбрости, геройства, богатырства и большевистского умения воевать. (Аплодисменты.) Я уверен, и вы все, товарищи, уверены в том, что наш Советский Союз будет стоять и гордо высылаться как неприступная крепость, о которую разобьются мутные волны беснующегося фашистского моря. (Бурные аплодисменты.) Эта уверенность еще больше крепнет в нас от сознания того, что управление этой крепостью и ее ключи находятся в руках такого коменданта, как наш славный, великий вождь товарищ Сталин. (Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают. Буря аплодисментов, восторженные возгласы: «Ура!», «Да здравствует вождь народов великий Сталин!»)

(«Правда» от 29 ноября 1936 г.)

РЕЧЬ НА 96-й СЕССИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ ПО
ВОПРОСУ О ПРАВЕ УБЕЖИЩА В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
МИССИЯХ В МАДРИДЕ 27 ЯНВАРЯ 1937 г.¹

Я воздержался от возражений уважаемому представителю Чили на заседании Совета 25-го, опасаясь, что мое выступление может быть истолковано, как вмешательство в спор между чилийским и испанским правительствами. Ныне же, когда разрешение этого спора получает надлежащее направление, я позволю себе сделать несколько замечаний по поводу сделанного в Совете обстоятельного заявления представителя Чили. Меня побуждает к этому исключительно опасение, как бы факт обсуждения здесь вопроса о праве убежища в дипломатических миссиях не получил значения принципиального признания этого права органами Лиги наций.

По этим соображениям я считаю нужным вновь подтвердить сказанное мною уже на частном заседании Совета об отсутствии как в международном праве, так и в международной практике признания за дипломатическими миссиями права предоставления убежища лицам, укрывающимся от полицейских и судебных преследований. Я, конечно, имею в виду не допускаемое иногда дипломатическими миссиями предоставление убежища, а признание этого права со стороны государства пребывания этих миссий. Конечно, имелись в да-

¹ В связи с вопросом об эвакуации гражданского населения Мадрида делегат Чили Эдвардс внес предложение в Совет Лиги наций об обеспечении ею выезда из Испании нескольких тысяч сторонников ген. Франко, нашедших себе убежище в иностранных дипломатических миссиях в Мадриде. Эдвардс, исходя из, якобы, имеющегося у дипломатических миссий права предоставлять такое убежище частным лицам, настаивал на посылке в Мадрид международной комиссии с полномочиями изъять дело эвакуации этих лиц из рук испанского правительства.

Еще при первоначальном обсуждении вопроса на закрытом заседании Совета 21 января тов. Литвинов заявил, что латино-американская доктрина, допускающая предоставление «права убежища» иностранными посольствами политическим противникам правительства, при котором они аккредитованы, не пользуется признанием в Европе, и что в истории международных отношений еще в XVIII столетии были прецеденты, когда предоставление права убежища приводило к отзыванию виновных послов и даже к войнам. Поэтому вопрос о лицах, укрывшихся в иностранных посольствах и миссиях в Мадриде, мог бы служить предметом обсуждения в Совете Лиги наций только по жалобе самой Испании.

В данном деле Испания не нарушила ни договора, ни принципов международного права или устава Лиги наций, и у Совета Лиги нет никаких политических и юридических оснований для того, чтобы рассматривать вопрос о праве убежища в международном аспекте. Такое рассмотрение было бы недопустимым вмешательством во внутренние дела государства — члена Лиги наций.

В результате дискуссии Эдвардсу пришлось отказаться от своего требования и согласиться на непосредственные переговоры с законным испанским правительством.

леком прошлом в Европе случаи такой практики, но они не создают права, тем более что они всегда вызывали протесты со стороны заинтересованного государства и приводили даже к тяжким международным конфликтам.

Я мог бы привести многочисленные случаи из международной жизни XVI, XVII и XVIII столетий, но не стану отнимать этим время Совета. Интересующихся этим делом я позволю себе отослать хотя бы к делу графа Шлибена, нашедшего убежище в 1702 г. во французском посольстве в Копенгагене, в результате чего французское правительство вынуждено было отозвать посла графа Шамайли, и к случаю с герцогом Рипперда, скрывшимся в доме английского посла Стэнхопа в Мадриде. Дом этот был оцеплен испанской полицией, а Рипперда был арестован в здании посольства. Упомяну также об относящемся к 1747 г. деле русского подданного Шпрингера, скрывшегося в английском посольстве в Стокгольме. Требование шведского правительства о выдаче Шпрингера шведским властям было выполнено, а английский посланник затем был отозван. Сатов, Прадиер-Фодере и другие эксперты по международному праву цитируют эти случаи, как положившие основу европейской практике непризнания права убежища. В связи с родственным делом Никитченкова в 1865 г. французский кассационный суд высказался следующим образом: «Эта фикция (экстерриториальности) не может расширяться, она выходит за пределы общего права, она строго ограничивается послом и лицами, которые, будучи ему подчинены, облечены тем же публичным характером». И действительно, в наше время мы не знаем случая, когда предоставление убежища получило бы признание со стороны государства, в котором дело имело место. Даже в Испании, где вследствие частых революций и гражданских войн в XIX столетии, практика не всегда была одинаковой, мы знаем случаи, когда испанское правительство в 1848 г. обыскало дом датского поверенного в делах, давшего убежище мятежникам. Относились отрицательно к праву убежища и правительства США. Так, например, государственный секретарь Фиш писал в 1875 г. посланнику в Испании по делу полковника Боррегеро, искавшего убежища в американской миссии:

«Это является беспокойством и неприятностью, вероятно, для посланников, чьи миссии таким образом используются, и наверно — для правительств этих посланников. Это облегчает и поощряет хронические заговоры и мятежи, причиняет зло правительству и народу, где это практикуется — зло народу, даже тогда, когда министерство данного времени не протестует, имея в виду возможности найти убежище, когда его собственный день расплаты и бегства придет».

Эта позиция США резюмируется Муром в следующих словах:

«Так как практика убежища не санкционируется международным правом, то она может быть отстаиваема лишь при наличии согласия того государства, в пределах юрисдикции которого она проводится» (*Мур*, «Дигесты», т. II, § 294).

Эта позиция выражена также в §§ 50 и 51 Инструкции дипломатическим и консульским представителям США от 1906 г.

Я мог бы привести примеры непризнания права убежища также из практики латино-американских стран, в том числе и Чили. Например, в 1891 г. во время гражданской войны чилийское правительство, под предлогом злоупотребления правом убежища со стороны беглецов и их сторонников, оцепило американскую и испанскую миссии. Протест американского посланника был отклонен чилийским министром иностранных дел. В 1893 г., во время попытки восстания сторонников президента Балмаседа, чилийское правительство требовало выдачи укрывшихся в американской миссии вожаков восставших. Американский посланник получил предписание своего правительства выпустить беглецов, которые затем были арестованы при выходе из миссии.

Нельзя, конечно, считать убедительными ссылки уважаемого представителя Чили на некоторые случаи в восточных странах, где практика убежища была тесно связана с капитуляционным режимом, но и то я должен указать, что предоставление убежища в русской миссии в Тегеране в 1829 г. привело к разгрому миссии и убийству русского посланника знаменитого писателя Грибоедова. Но и там такие случаи относятся к прошлому, и я уверен, что в настоящее время и в странах Востока предоставление убежища считается недопустимым.

Положение этого вопроса в международном праве исчерпывающе воспроизводится в следующих словах профессора Штруппа:

«Ограниченное в XVIII столетии зданием миссии и оспаривавшееся право дипломатического убежища исчезло из международного права европейских государств, так что преступник, укрывшийся в здании посольства, должен быть без всякой экстрадиционной процедуры выдан местным властям»...

Большинство европейских авторов строго осуждает эту практику. Филлимор называет ее «чудовищным и ненужным злоупотреблением того, что называется правом убежища». В том же духе высказываются международники Мартенс, Клубер, Гэфтер, Блунчли, Уитон, Прадиер-Фодере, Сатов.

Резюмируя сказанное мною, я утверждаю, что если предоставление права убежища иногда и практиковалось дипломатическими представителями, зачастую даже без ведома своего правительства, то это ни в коем случае не могло

создавать какую-либо норму общего международного права, тем более что такая практика всегда или в подавляющем большинстве случаев сопровождалась протестами и возражениями со стороны местных правительств.

Мне представляется, таким образом, совершенно очевидным, что постановка вопроса в Лиге наций о признании права убежища не могла бы ни при каких обстоятельствах находить себе оправдание ни в международном праве, ни в международной практике и поэтому может быть допускаема не иначе как с доброго согласия заинтересованного правительства.

СССР В БОРЬБЕ
ЗА РАЗОРУЖЕНИЕ

1922, 1927, 1928, 1929—1930, 1932 и 1934 гг.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА МОСКОВСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО
ОГРАНИЧЕНИЮ ВООРУЖЕНИЙ 2 ДЕКАБРЯ 1922 г.¹

(ДЕКЛАРАЦИЯ)

В своей пригласительной ноте от 14 июня текущего года российское правительство наметило как общие принципы, которые оно кладет в основу обсуждения вопроса о взаимном сокращении вооружений, так и основные задачи, стоящие перед конференцией. Констатируя с глубоким удовлетворением, что приглашение его встретило отклик у западных соседей России, российское правительство может смотреть на эти принципы и задачи как на руководящую основу, для работ конференции.

В Генеу российское правительство пыталось поставить вопрос о полном разоружении перед собранием делегатов почти всех держав мира. Но его предложение не нашло себе сочувствия со стороны именно тех держав, народы которых несут на себе наибольшие тяготы вооруженного мира и которые повидимому больше всего заинтересованы в максимальном сокращении вооружений и связанных с ними непроизводительных расходов. Вынужденное этим отказом сузить преследуемую им задачу и поставить вопрос пока только о сокращении вооружений и притом лишь по отношению к своим западным соседям, российское правительство тем не менее уверено, что решение и этой задачи — при наличии доброй воли и полного взаимного доверия — даст результаты, достаточно ценные для всех заинтересованных народов,

¹ На конференции, созванной по инициативе советского правительства, кроме последнего, участвовали Финляндия, Латвия, Эстония, Литва, Польша и Румыния. Советские предложения о сокращении и ограничении вооружений встретили на конференции сопротивление со стороны представителей остальных участвовавших в ней стран, вследствие чего конференция закончилась, не приняв никаких решений.

и сделает еще более тесными узы мирного сотрудничества, которыми нынешняя Россия связана со своими западными соседями.

Исходя из этих соображений, российское правительство через свою делегацию предложит конференции установить точный план обоюдного сокращения сухопутных вооруженных сил, основанный на уменьшении в течение ближайших 1½—2 лет наличного состава российской армии до одной четверти его нынешних размеров, т. е. до 200 тысяч человек, и на соответствующем понижении численного состава сухопутных армий государств, граничащих с Россией на западе. Полагая, что установление точных цифр, сроков и других более детальных пунктов подобного соглашения может последовать только после внимательного рассмотрения всего вопроса в особой комиссии с заслушанием сведущих лиц, российское правительство считает, однако, нужным наперед подчеркнуть, что во всех отдельных пунктах своего предложения оно будет исходить из принципа полной взаимности и беспристрастного учета всех условий, делающих для каждой страны необходимым поддержание ее вооруженных сил на том или ином уровне. Оно выражает полную уверенность, что эти условия убедят весь мир в миролюбии российского правительства и в полном отсутствии у него каких бы то ни было агрессивных намерений.

Как бы далеко не заходило фактическое сокращение наличного состава вооруженных сил, оно не в состоянии дать полного решения вопроса об одном ограничении вооружений, если оно не будет одновременно сопровождаться укреплением военного бюджета договаривающихся сторон на определенном уровне. Только строгое фиксирование предельной суммы военных расходов избавляет договаривающиеся страны от грозной опасности соперничества в деле технического совершенствования оборудования армии, а с другой стороны, только оно может гарантировать действительное сокращение непроизводительных издержек на военные цели. Полагая, что подобное финансовое разоружение может быть лучше всего достигнуто путем установления предельной бюджетной цифры расходов на одного военнослужащего, цифры, одинаковой для всех договаривающихся стран, российское правительство поручит своей делегации установить окончательно эту цифру после соответствующего обсуждения в комиссии с принятием в расчет всех определяющих ее факторов.

Предлагая установить путем соглашения предельные цифры как наличного состава сухопутных вооруженных сил, так и военных бюджетов, российское правительство видит существеннейшее условие действительного лояльного проведения этих мер в одновременной ликвидации всеми договаривающимися сторонами существующих у них военных формаций

иррегулярного характера, охватывающих определенные слои гражданского населения. Движимое желанием устранить все преграды делу взаимного ограничения вооружений и обеспечить его наиболее гладкий ход, российское правительство со своей стороны изъявляет полную готовность провести у себя эту ликвидацию при условии одновременного принятия подобных же мер правительствами всех договаривающихся стран.

Перечисленные предложения, охватывающие наиболее существенные пункты действительного сокращения сухопутных вооруженных сил, дадут конференции, по мнению русского правительства, достаточно прочную основу для обсуждения связанных с ними более мелких вопросов военного-технического и финансового характера. Всем предложениям по этим вопросам, если они последуют со стороны представленных на конференции правительств, будет обеспечено величайшее внимание и самое лояльное отношение со стороны российской делегации.

Из этих вопросов подчиненного и второстепенного значения российское правительство считало бы полезным выделить особо пункт о взаимной нейтрализации пограничной зоны. События последних полутора лет с их множеством пограничных конфликтов, которые едва не повлекли за собой весьма тяжелых последствий для заинтересованных стран и ликвидация которых стоила немалых усилий, дают российскому правительству основание обратить внимание конференции на всю важность общего урегулирования пограничных вопросов в смысле нейтрализации соответствующей зоны. Заключенное недавно между Россией и Финляндией соглашение могло бы послужить образцом общего урегулирования взаимоотношений почти на всем протяжении западной сухопутной границы России. Конференция значительно бы двинула вперед развитие добрососедских отношений между Россией и ее западными соседями, если бы наметила основы для соглашений, аналогичных русско-финляндскому, при условии точного учета всех бытовых и экономических особенностей каждой данной границы.

Считая в интересах как России, так и ее западных соседей поставить вопрос о взаимном сокращении сухопутных вооруженных сил на предложенных основаниях и выражая твердое намерение всеми силами способствовать его наиболее полному и благополучному разрешению, российское правительство к своему величайшему сожалению лишено возможности сделать какие-либо предложения о сокращении морских вооруженных сил. Сократив военный флот России больше чем на три четверти по сравнению с судовым составом 1917 г. и показав этим, что Россия не помышляет вопреки примеру других морских держав о создании флота как орудия агрессивной политики против более слабых государств, россий-

ское правительство тем не менее считает нужным располагать морскими вооруженными силами как оружием защиты против возможных нападений со стороны более сильных держав. Оно считает своей обязанностью заботиться о защите берегов России собственными силами до той поры, пока ему не удастся заключить соответствующих соглашений с морскими державами, военные суда которых могут свободно заходить в моря, омывающие берега России, — соглашений, которые должным образом гарантировали бы России действительную безопасность и неприкосновенность ее невооруженных берегов, доступных непосредственному нападению со стороны даже наиболее отдаленных могущественных морских держав. Российское правительство будет, однако, приветствовать всякое решение конференции, направленное к ускорению достижения всеобщего соглашения по военно-морским вопросам.

Но и с этим вынужденным ограничением в предмете ее работ настоящая конференция сумеет, по мнению русского правительства, сказать свое решающее слово и сыграть выдающуюся роль в деле ограничения размеров сухопутных военных сил, сокращения расходов на военные нужды, ликвидации иррегулярных воинских частей, устранения пограничных недоразумений и укрепления основ мирного хозяйственного сотрудничества между русским народом и его ближайшими западными соседями.

Российское правительство отдает себе ясный отчет в том, что при нынешнем социально-экономическом строе большинства стран, основанном на эксплуатации человека человеком и одних народов другими, не может быть придумано такого средства, которое полностью устраняло бы возможность вооруженных международных конфликтов. Делающиеся и ныне делаемые великими державами попытки урегулирования международных отношений, устранив некоторые из прежде существовавших между народами несправедливостей, создали ряд новых и более вопиющих несправедливостей и новых возможных источников войны в будущем. В то же время российское правительство вполне убеждено в том, что не только полное, но даже частичное разоружение в значительной мере уменьшило бы шансы вооруженных столкновений и к тому же дало бы непосредственные осязательные результаты в виде сокращения налоговых финансовых тягот. Этой цели и служат вносимые российским правительством предложения. Эти предложения, по мнению русского правительства, вполне конкретны, осуществимы и не могут быть заменены никакими разговорами о так называемом «моральном разоружении», о котором так часто приходится слышать на международных конференциях, когда их участники желают под благовидным предлогом уйти от действительного осуществления популярного лозунга разоружения.

Если по поставленным российской делегацией основным вопросам конференция вынесет постановления, действительно служащие делу мира, возвращающие к производительному труду десятки и сотни тысяч полных жизни сил, снимающие с плеч истомленных долголетними войнами народов непосильные военные тяготы, то она сделает дело, имеющее жизненное значение не только для тех стран, которые на ней непосредственно представлены, — она укажет путь и тем народам, правительства которых до сих пор бьются в тисках послевоенных затруднений, не замечая, что первый шаг к выходу из этих затруднений можно сделать, только снявши с народов иго гнетущего их милитаризма. Она проложит путь ко всеобщему сокращению вооружений, т. е. к той цели, которую рабоче-крестьянское правительство России ставит себе в интересах трудящихся своей страны и всего человечества.

*(«Московская конференция по ограничению вооружений»,
изд. НКВД, 1923 г.)*

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ СОВЕТСКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЫ ОТ 22 НОЯБРЯ 1927 г.

1. Решение союзного правительства о посылке делегации на IV сессию подготовительной комиссии по разоружению вызвало в заграничных кругах всевозможные толки и неосновательные предположения о той позиции, которую союзная делегация собирается занять в Женеве. С одной стороны, утверждают, будто бы союзное правительство посылает в Женеву делегацию с исключительной целью пропаганды и агитации, а с другой — заявляют, что факт посылки делегации в Женеву означает какую-то перемену позиции СССР как в вопросе о разоружении, так и в его отношении к Лиге наций. Я хотел бы поэтому вкратце определить позицию СССР в вопросе о разоружении и тем самым положить конец распространению буржуазной печатью необоснованных утверждений и тенденциозных слухов.

2. Союзное советское правительство никогда не скрывало своего недоверия к готовности и способности капиталистических стран к уничтожению системы войн между народами, а следовательно, и к осуществлению разоружения.

3. Это недоверие в достаточной мере оправдано всей историей международных отношений после мировой войны 1914—1918 гг., которой пацифисты и лжепацифисты пытались наклеить ярлык «последней войны», непрерывным и систематическим ростом вооруженных сил капиталистических государств, удвоением и утроением по сравнению с 1913 г. военных бюджетов и прогрессивным увеличением общего груза милитаризма.

4. Дальнейшим оправданием этого недоверия является семилетняя бесплодная работа в деле разоружения Лиги наций, поставившей якобы своей главной целью обеспечение всеобщего мира и осуществление разоружения. Достаточно

вспомнить, что к вопросу о разоружении Лига наций подошла лишь в 1924 г., т. е. на пятом году своего существования, причем созыв конференции был отложен до 1925 г. До настоящего времени дело разоружения не только нисколько не подвинулось вперед, но даже сама дата созыва конференции не может быть еще установлена. Равным образом остается до сих пор неразрешенным особо выделенный вопрос о морском разоружении. Отложен также на неопределенное время вопрос об уменьшении военных бюджетов, которым Лига наций «занимается» еще с 1920 г. Вместо реального и осязаемого разоружения, которого требуют народные массы всех стран, мы имеем пока в результате работы Лиги наций лишь ничего не значащие декларации и кучу резолюций и предложений, призванных служить целям той или иной международной политической группировки.

5. При противодействии капиталистических стран советское правительство тем не менее в течение десяти лет своего существования напрягало все свои усилия, добиваясь осуществления каких-либо шагов в области всеобщего разоружения или хотя бы частичного, но действительного сокращения вооружений, ложащихся тяжелым бременем на плечи трудящихся масс. Достаточно вспомнить первый декрет советского правительства от 8 ноября 1917 г. о мире, предложение советской делегации на Генуэзской конференции 1922 г. о включении в порядок дня вопроса о всеобщем разоружении и, наконец, созыв советским правительством в том же 1922 г. в Москве конференции с участием западных соседей СССР, на которой я в качестве председателя делегации представил конкретный и обоснованный план пропорционального сокращения вооруженных сил, план, отвергнутый всеми остальными участниками конференции.

6. Получив в 1925 г. приглашение Лиги наций участвовать в подготовляемой ею конференции по разоружению, советское правительство ответило принципиальным согласием, заявив в своей ноте от 16 января 1926 г., что, «приветствуя всякую инициативу и всякую попытку в области разоружения, оно имеет искреннее желание участвовать как в конференции по разоружению, так и в подготовительной комиссии». Лига наций, однако, лишила СССР возможности принять фактическое участие в имевших место трех сессиях подготовительной комиссии, назначив местом этих сессий Швейцарию, куда по известным причинам Союз в то время не мог посылать своих делегатов. Ныне вследствие устранения этих причин, т. е. вследствие ликвидации конфликта с Швейцарией, союзное правительство в соответствии с упомянутым мною решением посылает делегацию для участия в предстоящей IV сессии подготовительной комиссии и в самой конференции по разоружению, если последняя будет когда-либо созвана. Этим

решением СССР лишает своих врагов возможности приписывать ему хотя бы в малейшей мере возможный неуспех конференции, а у своих соседей отнимает повод оправдывать их отказ от разоружения неучастием СССР.

7. Свободное по самой своей природе от каких бы то ни было империалистических стремлений и захватнических территориальных вожделений, советское государство преследует последовательную политику мира. В духе действительного миролюбия оно предлагало и предлагает всем своим соседям без исключения, и не только соседям, заключение пактов о ненападении. Исходя из политики миролюбия, Советский Союз продолжает настаивать на необходимости полного и всеобщего разоружения. Если капиталистические страны считают неприемлемым осуществление плана полного разоружения в один прием или в продолжение кратчайшего срока, советская делегация согласна на постепенное проведение этого плана по срокам, устанавливаемым на конференции.

8. Советская делегация явится в Женеву со своей собственной самостоятельной программой. Она будет считать своими союзниками в Женеве тех делегатов, которые либо присоединятся к этой программе, либо выступят с предложениями, идущими в том же направлении. Она будет считать одной из своих основных задач фиксирование внимания комиссии и затем конференции на необходимости создания действительно прочных и наиболее эффективных гарантий мира и будет бороться против попыток отвлекаться в сторону третьестепенных вопросов и бесплодных резолюций или же превращать комиссию или конференцию в орудие политики того или иного государства или группы государств.

(«СССР в борьбе за разоружение», изд. НКВД, 1928 г.)

ДЕКЛАРАЦИЯ ДЕЛЕГАЦИИ СССР, ОГЛАШЕННАЯ НА ЗАСЕДАНИИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ЛИГИ НАЦИЙ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ 30 НОЯБРЯ 1927 г.

Не имея возможности принять участие в состоявшихся уже трех сессиях подготовительной комиссии конференции по разоружению, правительство СССР поручило своей делегации на IV сессии подготовительной комиссии огласить декларацию, охватывающую все вопросы, связанные с проблемой разоружения.

1. Прежде всего правительство СССР считает, как и всегда считало, что в условиях капиталистического строя нет основания рассчитывать устранить причины, порождающие вооруженные конфликты. Militarизм и маринизм являются по существу, естественным следствием капиталистической системы.

Самым фактом их собственного роста они углубляют существующие противоречия, гигантски ускоряют потенциально скрытые конфликты и неизбежно превращают их в вооруженные столкновения.

Но народы всех стран, ослабленные и обнищавшие в результате мировой империалистической войны 1914—1918 гг., преисполнены готовности бороться против империалистических войн и за обеспечение мира между народами.

Это именно то обстоятельство, которое позволило советскому правительству принять приглашение Лиги наций, высказывающейся в пользу разоружения. Поступая так, советское правительство демонстрирует перед лицом всего мира свою волю к миру между народами и хочет выявить перед всеми действительные стремления и истинные желания других государств по вопросу о разоружении.

Несмотря на то, что мировая война 1914—1918 гг. была названа «последней войной», вся послевоенная история международных отношений характеризуется непрерывным и систематическим ростом вооруженных сил капиталистических государств и гигантским увеличением общего бремени милитаризма.

Таким образом, ни одно из торжественных обещаний Лиги наций, хотя бы частично, не претворено в жизнь, между тем как в своей деятельности по этому вопросу Лига наций систематически уклоняется от практической постановки вопроса о разоружении.

Вся работа, проделанная подготовительной комиссией в этом направлении, носила исключительно декоративный характер. В самом деле, к вопросу о всеобщем разоружении Лига наций подошла лишь в 1924 г. Созыв конференции по всеобщему разоружению был назначен на 1 мая 1925 г., однако до настоящего времени дело всеобщего разоружения не только ни на шаг не подвинулось вперед, но даже самая дата конференции не была установлена. Подобным же образом начиная с 1920 г. Лига наций бесплодно занимается вопросом об уменьшении военных бюджетов.

Нежелание проводить на деле политику разоружения нашло свое выражение как в принятых методах работы, так и в чередовании вопросов о разоружении и о гарантиях, причем одновременно делались попытки учесть во всех деталях все факторы, определяющие военную мощь различных стран. Подобная постановка вопроса, вызывающая бесконечные и бесплодные споры о так называемом военном потенциале, дает возможность для бесконечной отсрочки постановки основного и решающего вопроса — о конкретных размерах разоружения.

Можно не сомневаться, что при подобной постановке вопроса на будущей конференции по разоружению не только

не будет возможным сокращение существующих вооружений, но, наоборот, государства, принадлежащие к Лиге наций, могут получать и в дальнейшем возможность легально увеличивать свои вооружения.

Советское правительство систематически стремилось к постановке вопроса о разоружении в его конкретных и практических формах. Между тем эти его стремления встречали упорное противодействие со стороны других государств. Советское правительство — единственное правительство, которое на деле доказало свою волю к миру и разоружению, — не было допущено на Вашингтонскую конференцию 1921—1922 гг., посвященную вопросам сокращения морских вооружений. Предложение всеобщего разоружения, сделанное советской делегацией 10 апреля 1922 г. на Генуэзской конференции, было отвергнуто конференцией. Несмотря на указанные противодействия, советское правительство не прекращало своих настойчивых попыток в отношении разоружения. В декабре 1922 г. советское правительство созвало в Москве конференцию из представителей лимитрофных государств для совместного обсуждения проблемы пропорционального сокращения вооружений. Советское правительство, соглашалось на значительное сокращение своих вооружений, несмотря на то, что эта мера не коснулась бы целого ряда великих держав, которые в силу договорных отношений и без таковых всегда готовы притти на помощь остальным странам, которые были представлены на Московской конференции, в случае их столкновения с советским государством. На упомянутой конференции советское правительство предложило конкретный план сокращения вооружений. Однако этот план был также отвергнут.

Несмотря на скептическое отношение правительства СССР к работам Лиги наций, оно приняло приглашение от 12 декабря 1925 г. участвовать в будущей конференции по разоружению, и только наличие советско-швейцарского конфликта, вызванного убийством полномочного представителя СССР В. В. Воровского и последующим оправданием убийцы швейцарским судом, лишила СССР возможности принять участие в предыдущих сессиях подготовительной комиссии.

Посылая теперь свою делегацию на IV сессию подготовительной комиссии, правительство СССР поручило ей предложить план всеобщего и полного разоружения.

2. Делегация СССР уполномочена своим правительством предложить полное упразднение всех сухопутных, морских и воздушных сил.

Для осуществления этого правительство СССР предлагает следующие мероприятия:

а) роспуск всего личного состава сухопутных, морских и воздушных вооруженных сил и недопущение их существования в какой бы то ни было скрытой форме;

б) уничтожение всех находящихся как в войсках, так и на складах, военных и общего назначения, оружия, боевых припасов, средств военно-химической борьбы и прочих средств вооружения и средств истребления;

в) ликвидацию всех военно-морских и военно-воздушных судов;

г) прекращение сборов для обучения военному делу как в армии, так и в общественных организациях;

д) издание законов об отмене военной службы как обязательной, так и добровольной и путем вербовки;

е) издание законов, воспреещающих сборы обученных резервов;

ж) уничтожение крепостей, морских и воздушных баз;

з) ликвидацию военных заводов и военно-производственных установок на заводах общей промышленности;

и) прекращение отпуска средств на военные цели как по государственному бюджету, так и по бюджетам различных общественных организаций;

к) расформирование военных, военно-морских и военно-воздушных министерств, упразднение генеральных штабов и всякого рода военных управлений, учреждений и заведений;

л) запрещение в законодательном порядке военной пропаганды и военного обучения населения и военного воспитания молодежи как государственными, так и общественными организациями;

м) прекращение в законодательном порядке патентирования различных видов вооружения и средств истребления в целях лишения стимула к изобретению этих средств;

н) издание законов, рассматривающих нарушение какого-либо из вышеперечисленных условий как тягчайшее государственное преступление;

о) отмену всех законодательных актов как государственного, так и междугосударственного значения, противоречащих высказанным выше положениям, или внесение в них соответствующих изменений.

3. Делегация СССР уполномочена предложить провести в жизнь указанную выше программу полного разоружения немедленно по вступлении в силу соответствующей конвенции, для того чтобы все необходимые мероприятия по уничтожению военных материалов были завершены в течение годичного срока.

Советское правительство считает, что вышеуказанный план проведения в жизнь полного разоружения является наиболее простым и наиболее соответствующим делу мира.

В случае отказа капиталистических государств от немедленного фактического уничтожения постоянных армий советское правительство в своем стремлении облегчить достижение практического соглашения о полном разоружении готово

выдвинуть предложения, чтобы полное разоружение было проведено одновременно всеми договаривающимися государствами последовательными этапами в течение 4 лет, причем первый этап разоружения должен быть осуществлен в течение ближайшего года.

Национальные средства, освобождающиеся от военных бюджетов, используются каждым государством по своему усмотрению, исключительно, однако, для производительных и культурных целей.

4. Всемерно отстаивая вышеизложенную точку зрения, делегация СССР тем не менее готова принимать участие во всех и всяческих обсуждениях вопроса о сокращении вооружений, поскольку будут предложены практические меры, реально направленные к разоружению.

5. Делегация заявляет, что правительство СССР полностью присоединяется к конвенции о запрещении применения в военных целях химических и бактериологических средств, выражает готовность немедленно подписать ее, настаивать в то же время на установлении кратчайшего срока для ратификации ее всеми государствами и считает необходимым для обеспечения ее реальности выдвинуть вопрос об установлении рабочего контроля над производствами химической промышленности, могущими в короткое время быть использованными для целей войны в государствах с высоко развитой химической промышленностью.

Мы изложили вам нашу программу разоружения, но понимаем, что по своей радикальности и всеобъемлющему характеру она может вам показаться на первый взгляд сложной и трудно осуществимой и, быть может, даже утопичной. Но это происходит оттого, что проблемой полного разоружения до сих пор не занимались, считая ее запрещенным предметом. Мы отлично понимаем, что осуществление этой программы не соответствует политическим интересам, главным образом, великих держав, интересам военно-промышленной индустрии, интересам множества спекулянтов, но я утверждаю, что сама по себе проблема полного разоружения не представляет собой никаких трудностей и допускает быстрое и легкое проведение ее в жизнь. Она во всяком случае много проще и требует для своей детальной выработки меньше времени, чем те схемы, которые до сих пор клались в основу работ подготовительной комиссии. Я признаю, что, ознакомившись с материалами этой комиссии, я пришел в ужас от сложности и запутанности и множества вопросов, с которыми сплелся вопрос о разоружении.

В самом деле, комиссия несколько сессий посвятила уже обсуждению одних заглавий и определению тех пунктов, которые должны составить международную конвенцию об ограничении вооружений. Единогласие достигнуто лишь по самым

незначительным вопросам, представляющим собой общие места. Подавляющее большинство вопросов или, скорее, заглавий вызвало разногласия, которые до сих пор не устранены ни в самой комиссии, ни путем частных переговоров между заинтересованными правительствами. Но когда и если эти разногласия будут примирены, комиссия окажется лишь в начале своих действительных затруднений. Комиссия должна будет добиться единогласия для определения состояния безопасности каждой отдельной страны, размеров и важности ее международных обязательств, особенностей ее географического положения и иных особенностей, для того чтобы мог быть установлен уровень ее войск, технического вооружения, военных и воздушных судов и т. д. Одного перечисления этих вопросов будет достаточно, чтобы перед нами ясно вырисовалась совершенная безнадежность, больше того — утопичность разрешения этого вопроса в течение предвидимого времени. Последние проявления международной жизни, заключенные за последнее время различные международные договоры ведут не к объединению, а скорее к дальнейшему разделению европейских и внеевропейских стран на политические группировки и к усилению антагонизма между ними и не дают решительно никаких оснований к оптимизму в деле разрешения поставленных перед подготовительной комиссией вопросов. В довершение всего делаются еще попытки на долгое время совершенно затормозить и задержать работы подготовительной комиссии в ожидании разрешения комплекса политических вопросов, не менее запутанных и сложных, чем ранее мною названные. Одно лишь совершенно неоспоримо — что если не будет изменена внешняя база работ подготовительной комиссии, то, если она и не будет преждевременно взорвана обилием и тяжестью развивающихся внутри нее разногласий, она будет обречена на долгие годы, если не десятки лет, работы, которая не обещает никаких результатов или никаких ощутительных результатов.

Мы живем в такое время, когда возникновение новых войн является не теоретической, а вполне реальной угрозой. Это не только наше мнение, эти опасения высказаны в самое последнее время многими авторитетными государственным деятелями в капиталистических странах. Дыхание приближающейся войны чувствуется всюду. Если война должна быть предотвращена, то что-нибудь должно быть сделано. Мы считаем, что наибольшей гарантией безопасности для всех народов и для всех стран является немедленное полное разрушение. Эта проблема должна быть немедленно поставлена и возможно скорее разрешена. Огромную ответственность берут на себя те государства, которые откладывают разрешение этой задачи. Я позволю себе поэтому от имени советской делегации предложить следующую резолюцию.

«Считая, что существование вооружений и обнаруживаемая ими тенденция к дальнейшему росту по самой своей природе неизбежно приводят к вооруженным конфликтам между нациями, отрывающими рабочих и крестьян от мирного производительного труда и несущим за собой неисчислимые бедствия;

принимая во внимание, что вооруженные силы являются орудием в руках крупных государств для угнетения народов малых и колониальных стран, и

признавая, что только полное уничтожение вооружений является в настоящее время единственным действительным средством, обеспечивающим безопасность и дающим гарантию против возникновения войн,

IV сессия подготовительной комиссии к конференции по разоружению решает:

1) немедленно приступить к выработке детального проекта конвенции о полном и всеобщем разоружении на основах, предложенных делегацией Союза советских социалистических республик;

2) созвать не позже марта 1928 г. конференцию по разоружению для обсуждения и утверждения предложений, предусмотренных в пункте 1).

Мы предвидим, что некоторые группы попытаются охарактеризовать нашу программу и резолюцию как пропаганду. Мы готовы принять этот вызов и заявляем, что мы пропаганду мира ведем и будем вести. Если подготовительная комиссия по разоружению не является подходящим местом для пропаганды мира, то, очевидно, мы находимся в ней по недоразумению. Советское правительство преследует и всегда преследовало решительную политику мира, которую оно доказало и доказывает не только словами, но и делом. Только несколько дней назад, когда тучи войны, казалось, заволакивали горизонт Восточной Европы более угрожающе, чем когда бы то ни было, советское правительство сделало все, что было в его силах, для предотвращения бедствия. Оно привело все возможные аргументы, для того чтобы уговорить литовское правительство немедленно объявить о прекращении состояния войны между Литвой и Польшей. Советское правительство явилось также посредником, дав двум другим соседям Литвы тот же совет. В Варшаве были сделаны также шаги, направленные к поддержанию мира. Эта политика мира моего правительства дает нам особое право заявить, что мы не упустим ни малейшего повода, чтобы вести усиленную пропаганду мира и разоружения.

(«СССР в борьбе за разоружение», изд. НКВД, 1928 г.)

РЕЧЬ НА XV СЪЕЗДЕ ВКП(б) О РАБОТЕ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

Товарищи, я счастлив, что свой первый информационный доклад о работе советской делегации в подготовительной комиссии по разоружению я благодаря удачному стечению обстоятельств делаю перед высшим органом партии — перед ее Съездом.

В своей переписке с Лигой наций по поводу приглашения на конференцию по разоружению советское правительство в достаточной мере подчеркивало то недоверие, которое у него вызывают начинания Лиги наций в этой области. Оно объяснило при этом причины, по которым оно, несмотря на это недоверие, соглашается принять участие в конференции и подготовительной комиссии по разоружению. Эти причины вам, товарищи, достаточно известны, и я на них останавливаться не буду. Я должен, однако, доложить вам, товарищи, что, то, что мы видели и слышали в Женеве, ни в малейшей мере не поколебало нашего недоверия.

В своей декларации в подготовительной комиссии мы с перечислением соответственных фактов и дат обрисовали подход Лиги наций к разрешению проблемы разоружения и темп ее работ. Участие советского правительства началось лишь с IV сессии так называемой подготовительной комиссии по разоружению. До нашего участия представители остальных держав, стало быть, трижды собирались в Женеве для подготовительных работ, избирали подкомиссии, обсуждали проекты и т. д.

В результате этих работ мы имеем документ, который носит название проекта международной конвенции по разоружению. Документ чрезвычайно любопытный. Самое красноречивое описание не даст вам столь яркого представления о методах работы Лиги наций, как изучение этого документа. Он состоит из нескольких разделов с полусотней статей, подстатей, подпунктов, примечаний и т. д., но уже первая вступительная статья представлена в виде трех параллельных вариантов — французского, английского и германского. Далее идет целый ряд статей, в которых перечисляются те роды оружия, те военные образования, которые подлежат сокращению. Но напрасно вы будете искать в этом документе хоть единой цифры, хоть единого численного коэффициента сокращения разоружений. Цифр в документе нет никаких. Перечислены только статьи, в которых даются заголовки тех боеприпасов, тех боевых оружия, которые можно сокращать, но как сокращать, в каких размерах, какой критерий должен существовать для сокращения — об этом комиссия говорить и обсуждать даже еще не удосужилась, ибо состав-

ление одного перечня этих статей уже вызвало множество разногласий и споров между буржуазными странами, и нет почти ни единой существенной статьи в документе, по которой не имелось бы нескольких предложений, нескольких проектов — то французского, то английского, то японского, то германского и т. д. Так как в самой подготовительной комиссии устранить наметившиеся разногласия не удалось, то предполагалось, что комиссии придут на помощь частные дипломатические переговоры между заинтересованными государствами и что только в случае удовлетворительного исхода этих переговоров комиссия должна будет собраться и приступить к обсуждению тех численных величин, которые должны заменить разбросанные по проекту иксы и игреки, т. е. приступить к замене существующей сейчас алгебраической формулы конкретным проектом. Эти численные величины должны были обозначать максимум каждого рода оружия, личного состава, командного состава, морских и воздушных судов — и все это, заметьте, для каждой страны в отдельности. Общего критерия сокращения или разоружения нет, а предполагается обсуждать тот уровень вооружений, который должен быть установлен в отдельности для каждого государства. Но этот уровень вооружений, по мысли авторов проекта конвенции, должен быть установлен в зависимости от степени безопасности каждой страны, от ее международных обязательств, от ее географического положения и, как сказано, «ее прочих особенностей». Стало быть эти условия — степень безопасности, географическое положение и т. д. — должны в свою очередь служить предметом обсуждения, ибо и относительно их должны быть достигнуты договоренность и единогласие между державами. Англия с Америкой, Англия с Францией, Америка с Японией, Франция с Италией, Италия с Югославией, Польша с Литвой, Румыния с Венгрией должны между собою договориться о том, в какой степени каждое из этих государств может считать себя безопасным, а после этого опять договориться и добиться согласия о том, сколько войск они друг другу должны предоставить, не имея при этом никакого общего критерия. Но не думайте, товарищи, что в случае достижения единогласия по перечисленным мною вопросам выработанная конвенция будет иметь какой-нибудь категорический, абсолютный характер и будет представлять какие-нибудь гарантии против тех ужасов войны, которых мы были свидетелями десять лет назад. Ничего подобного! В конце проекта имеется статья, которую я прочту, вам текстуально. Она гласит: «Постановления настоящей конвенции не должны препятствовать увеличению сухопутного, морского и воздушного вооружения за пределами установленных цифр какой-нибудь великой договорной страной, во-первых, в случае возникновения войны. (На случай войны эта конвенция ничего не дает —

тогда каждое государство свободно повысить свое вооружение до максимума.) (В зале движение.) Во-вторых, в случае, если этой стране грозит восстание (об этом также не забыли) и, в-третьих, если это увеличение произведено с согласия Совета Лиги наций». Мы тут упираемся в вопрос о так называемых потенциалах, т. е. о предоставлении каждой стране в случае войны права повышения по своему усмотрению своего вооружения. Таким образом, индустриально развитые страны, способные быстро мобилизовать военную промышленность, сразу получают совершенно неслыханное превосходство над странами менее развитыми индустриально, вообще над малыми нациями.

Но дальше имеется еще другая, не менее любопытная, статья, которая гласит: «Если какая-либо договорная страна будет считать, что какое-либо изменение обстоятельств влияет на требования ее национальной безопасности, то она может получить разрешение на расширение границ вооружения, установленных настоящей конвенцией, в случае единогласного решения следующих великих договорных стран». Далее следует пропуск, в который должны быть вставлены имена тех судей, которые должны будут решать, кому можно предоставить увеличение вооружения вопреки самой конвенции. Это, товарищи, называется «трезвым, реалистическим подходом к делу», противопоставляемым «утопическим» и «идеалистическим» предложениям, сделанным советской делегацией.

Казалось бы, товарищи, что намеченные подготовительной комиссией программа и методы работы вполне обеспечивают и бесконечное количество сессий, заседаний в течение множества лет и что противникам разоружения нечего особенно беспокоиться перспективами работы Лиги наций и ее подготовительной комиссии. Но на самом деле даже этот черепаший ход работы подготовительной комиссии по разоружению кого-то пугает. И вот на последней сессии Лиги наций приняты были дополнительные меры для предотвращения преждевременного не только разоружения, но даже обсуждения проблемы разоружения (смех, возгласы: Обезоружились!) С этой целью придуман был и создан так называемый комитет безопасности (смех). Это новое детище Лиги наций должно заняться обсуждением дополнительных гарантий безопасности для членов Лиги, иными словами, гарантий безопасного перемалывания добычи мировой войны и насильственных территориальных грабежей, которые были произведены вне Версальского, Сен-жерменского и других договоров. Этот же комитет должен с той же целью пересмотреть в смысле усиления соответственные статьи устава Лиги наций. Только по удовлетворительном завершении работы этого комитета может быть приступлено к обсуждению того проекта конвенции, о котором я вам только-что докладывал.

Вот, товарищи, тот баланс работ Лиги наций по разоружению, который наша делегация застала в Женеве.

IV сессия подготовительной комиссии, в которой мы приняли участие, наметила себе весьма крошечный порядок дня. Он состоял из двух пунктов: установление даты следующей сессии (с м е х) и создание комитета безопасности (с м е х).

Если отвлечься от этой второй задачи, задачи создания комитета, связь которого с подготовительным комитетом по разоружению оспаривалась не только нами, но и другими делегациями, то получается, что представители 26 государств со всех стран света съехались в Женеву, для того чтобы установить дату следующего заседания. Нет поэтому ничего удивительного в том, что когда советская делегация заговорила в подготовительной комиссии непосредственно о разоружении по существу, то ее выступление было встречено как святотатство, как покушение на устои комиссии Лиги наций, как нарушение всяческих приличий.

Но у нас, товарищи, свои представления о политических приличиях. Мы не постеснялись поставить вопрос о разоружении так, как мы этого желали. Мы внесли свой проект о разоружении. Мы не только внесли свой проект, но также раскритиковали прежнюю работу комиссии, а главным образом, методы работ. Расплывчатому, путаному, совершенно нереальному проекту конвенции, годному лишь в качестве канвы для бесконечных споров, разногласий и дискуссий, проекту, не сулящему в лучшем случае никакого заметного облегчения бремени милитаризма и не представляющему решительно никакой гарантии против новых войн, — мы противопоставили свой ясный, конкретный, легко осуществимый, конечно при наличии желания, не наносящий ущерба ни одному из существующих государств план всеобщего и полного разоружения. Мы, конечно, при этом указывали, что мы считаемся, готовы считаться с затруднительностью для остальных членов комиссии немедленного принятия проекта немедленного полного разоружения, что мы готовы пойти навстречу им и согласиться на рассрочку разоружения на 4 года. Мы добавили, что мы готовы обсуждать другие предложения, которые шли бы в намеченном нами направлении, в направлении действительно разоружения.

Руководители комиссии делали, однако, все от них зависящее под разными предлогами, для того чтобы обойти наше предложение молчанием и перейти к очередным делам, не принимая никакого решения по поводу наших предложений. Им это было необходимо не только потому, что наше предложение нарушало установленный план комиссии, который состоял в том, чтобы ограничиться только назначением даты следующего заседания, но, главным образом, потому, что им нечего было возражать против нашего предложения, что и

было блестяще доказано той незначительной дискуссией, которая комиссии была все-таки навязана.

В самом деле, какие возражения мы услышали против нашей программы? Она, видите ли, слишком проста. Она действительно так проста, что требует столь же простого ответа, что не допускает слишком длительных обсуждений, прений и тех методов затягивания разрешения вопросов, к которым Лига наций привыкла, с этой точки зрения простота нашей программы представляет кое для кого некоторые неудобства.

Далее говорили, что наша программа слишком хороша, чтобы до нее не могли додуматься раньше, а раз не додумались наши предки, то и нам нечего ею заниматься теперь (смех). Говорили нам также, что комиссия имеет уже свой проект конвенции, на который она затратила много работы, и поэтому нельзя дать этой работе зря пропасть (смех); надо продолжать заниматься этим проектом, а не новым проектом. При этом члены комиссии открыто признавали, что эти работы по обсуждению проекта завели комиссию в совершенно непроходимый лес, откуда не видно никакого выхода, но в утешение себе они вспоминали, что какой-то мудрый философ говорил, что коль ты заблудился в лесу, то ты продолжай свой путь в одном направлении, не сворачивай ни направо, ни налево, и тогда ты рано или поздно из него выберешься (смех). Подготовительная комиссия, хотя и заблудилась, должна идти до конца выбранным ею темным путем, не обращая внимания ни на какие указанные ей новые простые и ясные выходы. Указывали также на то, что некоторые страны могут вопреки конвенции о полном разоружении продолжать свои вооружения. Возражение, которое можно привести против любой международной конвенции. Мне кажется, наоборот, что гораздо легче проконтролировать и уличить государство, которое обязалось не допускать у себя никакой армии, никакого военного флота, никакого воздушного флота и которое вздумало бы вопреки этой конвенции создавать зачатки новой армии или флота, — легче, чем в случае, если бы оно обязалось только сократить свои вооружения и продолжало бы тайком эти вооружения увеличивать. Все эти доводы совершенно не серьезны.

Социалист Поль Бонкур, который взял на себя неблагоприятную задачу в данном случае выступать от имени сонмища всех противостоящих нам капиталистических государств, пытался было поднять дискуссию на более высокий принципиальный уровень. Он пытался доказать, что осуществление нашего проекта о полном разоружении нанесло бы особый ущерб малым нациям, которые очутились бы в случае разоружения в неравном положении... (Лозовский: А сейчас они в равном положении?) в сравнении с экономически более

мощными государствами. Как будто именно этого неравенства теперь не существует, и неравное распределение вооружения и военной промышленности в какой бы то ни было мере ослабляет это неравенство! Как будто малые нации очутились бы в меньшей опасности после того, как их мощные соседи разоружились бы, чем теперь, когда эти соседи вдобавок к своему экономическому, финансовому, территориальному и иному могуществу имеют еще колоссальное превосходство вооружений.

Некоторые буржуазные газеты, даже либерального толка, отводили нашу программу философскими указаниями на воинственную природу человека, на его драчливость (смех), на неизбежность для него в той или иной форме борьбы, вследствие чего, они говорили, в случае полного разоружения народы будут драться между собой кулаками (смех). Это, по мнению газет, является отходом от цивилизации к варварству. Спутники цивилизации — это порох, свинец, танки, пули дум-дум, подводные лодки, бомбометы, разрушение городов, удушливые газы и прочие параферналии (атрибуты) современной войны, а без этого никакая цивилизация-де невозможна. Наши предложения создали довольно значительную литературу за границей. Ю них писали, конечно, решительно все газеты, все журналы. Я внимательно за этими органами печати следил, но должен засвидетельствовать, что никаких других доводов, кроме мною перечисленных, я нигде не нашел.

Положение представителей капиталистических государств в комиссии было поистине трагическим. Они не могут сказать, что не желают полного разоружения. Ведь вся эта идея конференции по разоружению и подготовительной комиссии возникла вследствие того, что и капиталистическим правительствам, самым реакционным правительствам, приходится платить некоторую дань общественному мнению, требующему гарантии от будущих войн, требующему облегчения бремени милитаризма. Они не могут, следовательно, сказать открыто, что не желают полного разоружения, но не могут они также раскрыть действительных причин этого нежелания, причин, которые нам с вами, товарищи, хорошо известны, а между тем приводить какие-либо деловые возражения против нашей программы, доказательства ее неосуществимости при наличии, конечно, желания и воли к разоружению они не смогли. И вот почему они, попытавшись сперва совершенно не допустить никакой дискуссии, потом скомкали эту дискуссию.

Один из членов комиссии, представитель Греции Политис, предложил было перейти к очередным делам без всякого решения, причем он милостиво разрешил нашей делегации внести наши предложения вновь на следующую сессию подготовительной комиссии. Я вынужден был напомнить г. Политису, что даже буржуазные приличия не допускают такого

беспардонного обращения с резолюциями и предложениями, внесенными членом собрания, и что я имею право требовать — их дело, конечно, обсуждать его или не обсуждать — либо принятия нашего предложения, либо его отклонения, а если они почему-либо не могут выносить то или другое решение, не имея может быть на то полномочия своих правительств, — они могут отложить до следующего заседания, но что и об этом должно состояться решение комиссии. Я добился от председателя заявления, что наши предложения считаются уже внесенными и находящимися в делопроизводстве комиссии (смех), которая должна будет автоматически заняться ими на следующем заседании.

Не подлежит сомнению, что и на следующей сессии комиссии будут делаться попытки повторить ту же тактику, чтобы как-либо замолчать наши предложения, пройти мимо них и не вдаваться в слишком серьезную дискуссию, и нашей делегации предстоит еще более упорная борьба за серьезное и более полное обсуждение нашей программы, за принятие этой программы или за получение надлежащих разъяснений о причинах ее отклонения и раньше всего — за изменение конкваторских методов работ подготовительной комиссии.

Нам пришлось также вступить в конфликт с остальными членами подготовительной комиссии по вопросу об установлении даты следующей сессии. Советская делегация предлагала максимально близкую дату. Она указывала, что, поскольку это от нее зависит, она готова вообще продолжать работу, не разъезжаясь, что она готова даже работать в праздники, но что, считаясь с уже предрешенным перерывом заседаний на время Совета Лиги наций, а также с явным нежеланием остальных членов делегации работать во время праздников, советская делегация предложила назначить V сессию комиссии на 10 января, самую ближайшую дату после праздников. Но у комиссии, конечно, имеется свой темп работы. Продолжая цепляться за свой проект конвенции, для дальнейшего обсуждения которого необходимо добиться соглашения по уже наметившимся спорным вопросам, и за наметившуюся определенную тенденцию так или иначе связывать работы подготовительной комиссии с работами комитета безопасности, комиссия настаивала на возможно дальнейшем отодвигании даты следующей сессии.

Мы тогда внесли резолюцию, в которой предлагалось раз навсегда запротоколировать полную независимость работ подготовительной комиссии от комитета безопасности.

Германская делегация в общем поддержала нашу резолюцию, внося несколько незначительных поправок. Она также настаивала на скорейшем созыве подготовительной комиссии, но очень скоро она дрогнула, сдала свои позиции и согла-

силась на компромиссное предложение о созыве подготовительной комиссии на 15 марта.

Должен отметить, что как в этом, так и в некоторых других случаях германская делегация некоторое расстояние шла в ногу с нами; по мотивам, отличным от наших, германская делегация также заинтересована в срочном разрешении вопроса о разоружении. Обезоруженная Версальским договором, Германия основывает свое требование о разоружении других стран на одной из статей устава Лиги наций. В случае неисполнения этой статьи для Германии может возникнуть право требовать вооружения для себя самой.

Германская делегация вместе с нами стремилась с целью ускорения работы подготовительной комиссии к разобщению подготовительной комиссии по разоружению и комитета безопасности, но, связанная постановлениями Лиги наций, членом которой Германия является, не могла, конечно, отстаивать свои требования до конца с такой настойчивостью, как советская делегация.

В результате можно констатировать, что по всем обсуждавшимся комиссией вопросам легла совершенно ясная резкая черта между нами и остальными делегациями: мы и они. Мы и они. Это вполне в порядке вещей. Мы в претензии на это быть не можем. Вы, товарищи, должны понять, что при таком положении вещей мы не всегда могли выступать, когда хотели, и говорить то, что нам нужно было.

Два слова о комитете безопасности. Мы отказались войти в этот комитет в качестве члена. Мы заявили, что усматриваем в создании этого комитета попытку затянуть работы по разоружению и что за такую тактику мы на себя ответственности принять не можем. Кроме того, поскольку мы не являемся членами Лиги наций и не признаем ее устава, мы, естественно, не можем заниматься пересмотром, разъяснением или уточнением отдельных статей устава и вообще постановлений, ранее принятых Советом Лиги наций или самой Лигой наций. Ввиду, однако, установления помимо нашей воли технической связи между подготовительной комиссией и комитетом безопасности мы согласились войти в комитет в качестве наблюдателей, т. е. с информационной целью. Должен сказать, что права так называемых наблюдателей в Лиге наций не регламентированы и устанавливаются в каждом отдельном случае по соглашению.

Я присутствовал на первых заседаниях комитета безопасности в качестве наблюдателя, и если бы я хотел по тому или иному вопросу взять слово, то, вероятно, препятствий не встретил бы. Но я этой возможностью не пользовался, тем более что обсуждавшиеся там вопросы к нам никакого касательства не имели.

В комитете вырабатывалась лишь программа работ, и уже

при этом сразу резко обозначились две тенденции. С одной стороны, делалась попытка воскресить так называемый Женевский протокол об обязательности арбитража и о взаимных гарантиях, тот самый протокол, который был в свое время принципиально, но не формально, принят правительством Макдональда и затем отвергнут нынешним консервативным правительством Великобритании. Попытка эта, конечно, не укрылась от английского делегата, который без обиняков заявил, что протокол нужно считать похороненным раз навсегда и что если комитет желает заняться обсуждением этого протокола, то это, конечно, его воля, но он должен предупредить, что никто из присутствующих в комитете не доживет до конца дискуссии (см. ех).

Этот первый обмен мнений в комитете безопасности дает ясное представление о тех боях, которые будут происходить внутри его в дальнейшем, и в то же время является блестящим подтверждением высказанного нами взгляда, что попытка установить взаимозависимость между подготовительной комиссией по разоружению и комитетом безопасности является лучшим средством обречения работ по разоружению на полную бесплодность или в лучшем случае — на затягивание их до бесконечности.

Общий итог нашего участия в работах Женевы состоит в том, что впервые перед всем миром поставлена во всей серьезности и конкретности проблема действительного разоружения. Пусть наши противники указывают, как это делал Бенеш, на отсутствие новизны в наших предложениях. Но нельзя уйти от того факта, что впервые в истории человечества вносится предложение о полном разоружении, а следовательно, о полном прекращении войн, не в форме резолюции или благочестивого пожелания какого-либо пацифистского общества, а в форме тщательно проработанной конкретной программы от имени крупного государства, занимающего шестую часть света. Мимо такого факта невозможно пройти, и пройти не позволим. Если мы остались в одиночестве в Женеве, то мы уже можем констатировать наличие огромного множества единомышленников и сторонников во всех частях земного шара, о чем свидетельствуют те многочисленные телеграммы, письма, резолюции, которые мы начали получать в Женеве и продолжаем получать здесь. Целый ряд резолюций вынесен не только пацифистскими обществами, но даже некоторыми партиями II Интернационала, вынужденными признать величие нашей программы и к ней присоединиться, по крайней мере на словах. Что буржуазия сильно обеспокоена нашими предложениями, ясно из тех мер и из тех средств, которыми она теперь пытается опорочить эти предложения. Она начинает прибегать к самым «героическим» средствам, начинает вновь создавать так называемые «письма Зиновьева».

На-днях одно жульническое телеграфное агенство в Америке распространило по всему миру подложную статью, якобы написанную т. Сталиным, где он хвастает нашими достижениями в области воздушных вооружений и даже нашим превосходством над Англией. Статья, конечно, подложная, никогда нигде т. Сталиным или кем бы то ни было из нас не написанная. Несмотря на то, что источник является самым темным, никому неизвестным, серьезные буржуазные газеты приняли эту статью, напечатали ее и комментируют. Вот к каким средствам нужно буржуазии прибегать, для того чтобы нейтрализовать, уничтожить то огромное впечатление, которое предложения советского правительства вызвали во всем мире, но им это не удастся. Какой-то «социалист» из II Интернационала на-днях заявил: «Пусть советская Россия даст пример другим, пускай она разоружится, а мы посмотрим, может быть, последуем этому примеру» (смех, голоса: Дураков нет!). Предложение, конечно, не наивное, а просто глупое, не заслуживающее никакого ответа. Мы отлично знаем, что кое-кому желательно было бы не общее разоружение, а просто обезоружение единственного в мире советского государства, для того чтобы взять его голыми руками. Но этот номер не пройдет (а плод с м е н т ы). Мы заявили и заявляем, что мы готовы полностью осуществить нашу программу при согласии на это других стран. Если капиталистические государства сомневаются в нашей искренности, то у них есть средство проверить нашу искренность. Это средство есть их присоединение к нашей программе. Пусть они решатся на это. Если же они этого не сделают, если они этого не могут сделать или не пожелают, то они перед всем миром помимо своей воли засвидетельствуют, что предложение о полном разоружении и прекращении войн может исходить лишь от советского государства, может быть принято и осуществлено лишь тогда, когда советская система распространится на все остальные государства мира и в основу их политики лягут те принципы, которыми руководствуется СССР (шумные а плод с м е н т ы).

(«СССР в борьбе за разоружение», изд. НКВД, 1928 г.)

РЕЧЬ О СОВЕТСКОМ ПРОЕКТЕ КОНВЕНЦИИ О ПОЛНОМ РАЗОРУЖЕНИИ НА V СЕССИИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ 19 МАРТА 1928 г.

Советский проект конвенции о всеобщем, полном и немедленном разоружении, направленный месяц тому назад делегацией СССР генеральному секретарю Лиги наций, основан целиком и полностью на тех принципиальных положениях, которые были выдвинуты советской делегацией в ноябре истекшего года на IV сессии подготовительной комиссии по разоружению.

Я имею честь обратить особое внимание настоящей комиссии — проект конвенции предусматривает до истечения одного года по вступлении ее в силу приведение сухопутных, морских и воздушных сил во всех государствах в такое состояние, которое затрудняет их использование для ведения войны, чем значительно ограничивается возможность вооруженных столкновений — даже до проведения полного разоружения.

Я не считаю нужным останавливаться детально на отдельных положениях нашего проекта конвенции, поскольку последний был представлен при особой объяснительной записке, разосланной всем членам комиссии.

Я позволю себе напомнить комиссии, что на ее IV сессии не было сделано никакой попытки серьезного рассмотрения советских предложений. Во время чрезвычайно коротких прений по этому вопросу не было выставлено ни одного серьезного аргумента против советского предложения, не было никакой деловой критики его. Советская делегация, естественно, не может считать критикой те заявления, которые были сделаны, а именно: что советский проект «слишком прост» или что, даже в случае всеобщего разоружения, народы все же будут вести между собой войны невооруженными и неоргани-

зованными массами при помощи палок, перочинных ножи­ков, кулаков и т. д.

Сдержанное отношение и отказ от обсуждения внесенных нами на IV сессии комиссии предложений со стороны других делегаций можно было отчасти объяснить новизной и неожиданностью советских предложений. Правда, делались попытки оспаривать даже новизну наших проектов. Мне кажется, г. Бенеш упоминал о каком-то будто бы внесенном в Лигу наций норвежском предложении, сходном с нашим. Я взял на себя труд проверить это утверждение, но в материалах Лиги наций и, в частности, в любезно доставленных мне, по моей просьбе, секцией разоружения Лиги я не мог найти решительно никаких следов какого бы то ни было предложения о всеобщем и полном разоружении.

В третьей комиссии Лиги в 1924 г. норвежская делегация говорила о пожеланиях, высказанных между­парламентским комитетом касательно сокращения военных бюджетов наполовину в течение десяти лет. При этом делались оговорки, что военные расходы, произведенные отдельными государствами в силу требований статута Лиги наций, в подлежащие сокращению военные бюджеты не входят. Об уничтожении остальной половины бюджетов не говорилось ни слова, как и не говорилось о сокращении вооруженных сил и военных материалов. Датская делегация со ссылкой на тот же между­парламентский комитет высказала пожелание о сокращении сухопутных сил всех стран в соответствии с постановлениями Сен-жерменского мирного договора, т. е. с предоставлением каждому государству права иметь армию по расчету пять тысяч человек на один миллион жителей, и морских сил в соответствии с Версальским договором, т. е. с оставлением двух или четырех тысяч тонн на один миллион жителей. По этому расчету, например, СССР мог бы иметь армию почти в 735 тысяч человек, т. е. увеличить нынешнюю свою постоянную сухопутную армию на 175 тысяч человек, а свой флот — на 200 тысяч метрических тонн. Китай же мог бы иметь постоянную армию чуть ли не в два миллиона человек. Таковы самые радикальные мысли, которые когда-либо высказывались в Лиге наций в области разоружения. Я говорю «мысли», ибо эти мысли в форму предложений или резолюций не облекались и серьезно не обсуждались. Равным образом ничего общего с идеей полного всеобщего разоружения не имел план лорда Ишера, стремившегося лишь к сокращению сухопутных и воздушных вооруженных сил. Таким образом можно считать совершенно бесспорным, что предложение о полном всеобщем разоружении и притом в конкретной форме внесено в Лигу наций и вообще в области международных отношений впервые, и Союз советских социалистических республик гордится и всегда

будет гордиться тем, что эта инициатива принадлежит ему. Я останавливаюсь, однако, на этом вопросе не из сентиментальных побуждений, а потому, что, насколько мне известно, в некоторых кругах Лиги наций существует неверное представление, будто советская делегация занимает комиссию по разоружению предложениями, которые уже будто бы обсуждались в Лиге и были отвергнуты. Такое неверное представление, не будучи исправлено, могло бы неблагоприятным образом отразиться на дальнейшей процедуре обсуждения наших предложений.

Советская делегация, стремясь форсировать рассмотрение своего проекта и тем самым ускорить начало действительного разоружения, тем не менее согласилась тогда на отложение обсуждения своих предложений до V (текущей) сессии, считаясь с новизной этих предложений и исходя из желания предоставить всем членам комиссии и их правительствам возможность подготовиться к их деловому рассмотрению. С той же целью за месяц до начала работ V сессии подготовительной комиссии по разоружению советская делегация представила генеральному секретарю Лиги наций для рассылки правительствам проект конвенции вместе с объяснительной запиской и считает ныне себя вправе просить о практическом обсуждении своих предложений без дальнейшей проволочки.

Советская делегация считает необходимым снова подчеркнуть то обстоятельство, что только осуществление конвенции о всеобщем, одновременном и полном разоружении, предложенной правительством СССР, в состоянии разрешить удовлетворительным образом проблемы всеобщей безопасности и мира. Оно также разрешило бы ряд других весьма болезненных международных проблем, как например свободы морей и т. п. В то же самое время проведение советского проекта не натолкнется на затруднения, неизбежные при проведении частичного сокращения вооружений. В качестве примера могу привести вопрос о контроле. Совершенно очевидно, что контроль над проведением всеобщего разоружения беспрельдно более легок, нежели контроль частичного разоружения.

Далее, я хотел бы подчеркнуть, что предлагаемая советской делегацией основа разоружения, будучи однотипной и применяемой ко всем государствам, является поэтому самой справедливой и не должна вызывать возражений со стороны отдельных стран. Именно отсюда проистекает, по моему мнению, очевидная простота нашего предложения, которую, странно сказать, некоторые из возражавших пытались использовать как аргумент против него.

Представленный на рассмотрение подготовительной комиссии по разоружению проект советской делегации является

единым органическим целым, не могущим быть раздробленным на отдельные части. Он весь проникнут единой идеей и поэтому требует первоначально и предварительно обсуждения и принятия основного принципа, выявленного в нем.

Исходя из этого, советская делегация считает необходимым, чтобы в результате общей дискуссии был дан ответ на вопросы: принимается ли подготовительной комиссией разоружения принцип всеобщего разоружения в указанный в проекте период времени; принимает ли комиссия предложение о таком темпе разоружения, который сделал бы невозможным войну уже по истечении одного года, — причем ответ не только теоретический, а вполне ясный и конкретный. Советская делегация считает, что все остальные делегации и их правительства имели при соответственном желании достаточно времени изучить как основную идею советского предложения, так и проект конвенции в ее законченном виде.

За истекшие со времени IV сессии подготовительной комиссии по разоружению три с половиной месяца советская делегация имела полную возможность убедиться, что идея полного разоружения встречена и воспринята с энтузиазмом широчайшими массами обоих полушарий и всеми прогрессивными и миролюбивыми элементами человеческого общества. Об этом свидетельствуют, между прочим, и полученные и получаемые мною многочисленные обращения и резолюции симпатии от рабочих партий и множества организаций, групп и обществ со всех частей мира. Чтобы не затруднять вашего внимания, я не буду перечислять их всех, но позволю себе прочесть вам лишь одно такое коллективное обращение, полученное мною здесь вчера, так как оно подписано представителями 124 организаций, преимущественно женских, насчитывающих многие миллионы членов, из тринадцати стран. Этот документ, показывающий, что голос женщин звучит в унисон с советскими предложениями, заслуживает особенного внимания ввиду происходящего сейчас в некоторых странах расширения избирательных прав женщин. Вот содержание упомянутой мною декларации (т. Литвинов вачитывает текст декларации).

Этот документ имеет 163 подписи секретарей соответственных организаций.

Советская делегация не имеет ни малейших сомнений в приемлемости и желательности ее предложения для широчайших масс населения, считающих, что дело теперь лишь за правительствами и стоящими за ними буржуазными группами и классами.

Речь не идет больше о теоретических рассуждениях и разговорах о разоружении; настало время для делового перехода к осуществлению разоружения. Разговоров о разору-

жении, кажется мне, было уже более чем достаточно. Я позволю себе передать членам комиссии справку, из которой видно, что кроме общего собрания Лиги наций и Совета Лиги, которые занимались обсуждением вопроса о разоружении на своих тридцати восьми сессиях, разные комиссии и другие органы Лиги числом не меньше 14 посвятили этому вопросу свыше 120 сессий — заметьте, не заседаний, а сессий, причем только одним общим собранием и Советом Лиги было вынесено по вопросу о разоружении 111 резолюций. Обращаясь к результатам этой огромной по объему работы, описание которых занимает целые стопы бумаги, нельзя не констатировать отсутствия хотя бы одного сколько-нибудь значительного шага к осуществлению разоружения. Советская делегация полагает, что пора положить предел такому положению, которое может дискредитировать самую идею разоружения. Она не хотела бы, чтобы ее предложения послужили лишь к созданию новых комиссий и подкомиссий или других органов, которые только увеличили бы число резолюций с теми же ничтожными результатами, которые достигнуты до сих пор. Не для такого рода работы советское правительство посылает свою делегацию в Женеву. Поглощенной обширной задачей построения на совершенных новых началах огромного государства со столятидесятиmillionным населением и созданием нового социально-экономического строя при явном противодействии всего остального мира и при самых неблагоприятных объективных обстоятельствах, оно никогда не стало бы отвлекаться в сторону от этой работы, если бы оно не относилось самым серьезным, деловым и искренним образом к проблеме мира и если бы осуществление этой задачи не являлось краеугольным камнем всей его политики. Да позволено мне будет при этом случае сообщить в качестве иллюстрации серьезного отношения советского правительства к обсуждаемым здесь вопросам, что, хотя оно не участвовало в конференции Лиги наций, принявшей протокол о запрещении удушливых, ядовитых и иных газов и бактериологических средств войны, и присоединилось к соответствующему протоколу лишь во время последней сессии подготовительной комиссии по разоружению, оно оказалось в числе одного из трех государств, ратифицировавших этот протокол, остающийся, к сожалению, до сих пор мертвой буквой вследствие нератификации его остальными государствами, большинство которых является членами Лиги.

Мы знаем, что несерьезные люди и столь же мало серьезные органы печати делают вид, будто они усматривают противоречие между миролюбивыми предложениями советского правительства и фактом содержания и усовершенствования Красной армии. В действительности же пропорцио-

нально населению Союза, протяженности его границ СССР уже теперь имеет меньшую армию, не говоря уже о флоте, чем какое-либо другое государство. Если же принять во внимание излюбленную в этом собрании тему индивидуальной безопасности, то надо сказать, что Советский Союз находится в менее благоприятном положении, чем любое другое государство. Ему противостоит почти весь остальной мир, не скрывающий своей вражды к новому государству. Чтобы оценить степень этой враждебности, достаточно посмотреть за любой день прессу любой страны, наполненную нападениями, измышлениями и клеветой против СССР. Огромное число стран до сих пор не признало существования свыше десяти лет советского правительства; непризнание же является не чем иным, как актом враждебности. Но и признавшие советское государство страны, за немногими исключениями, позволяют себе нередко такие проявления неприязни, которые зачастую являются серьезным испытанием для долготерпения и миролюбия советского правительства. Новое советское государство видело свою территорию наводненной иностранными войсками, причинившими государству ущерб, от последствий которого оно до сих пор еще не избавилось. Еще до сих пор часть территории бывшей Российской империи, население которой, лишенное возможности осуществить свое право самоопределения, явно тяготеет к Советскому Союзу, оккупирована иностранными войсками. При всем этом Красная армия за все время своего десятилетнего существования оставалась и остается поныне исключительно орудием защиты. Ни для каких других целей СССР в армии и флоте не нуждается, ибо ему абсолютно чужды захватнические или империалистические цели.

Во всяком случае советское правительство заявляло и заявляет через свою делегацию в Женеве, что оно готово полностью упразднить все вооруженные силы Союза в соответствии со своим проектом конвенции, как только такое же решение будет принято и будет одновременно осуществляться остальными государствами. Советское правительство еще раз заявляет, что оно готово на это, и спрашивает остальные государства, здесь представленные, готовы ли и они.

На этот вопрос советское правительство ожидает получить ответ на настоящей сессии подготовительной комиссии по разоружению, в которой представлены теперь все крупнейшие государства. Такого ответа не могут дать никакие подкомиссии и другие подсобные органы — более узкого состава и менее авторитетные, чем подготовительная комиссия по разоружению. Советская делегация рассчитывает, что этот ответ будет дан совершенно открыто, гласно, при полном свете и под контролем общественного мнения. Этот ответ должен быть, конечно, внесен для окончательного утвер-

ждения на международную конференцию по разоружению, на скорейшем созыве какой советская делегация настаивает.

Предложения, сформулированные мною в двух вопросах, настолько ясны, что не требуют и не допускают предварительных дипломатических переговоров и разговоров между отдельными странами и группами стран.

В заключение я позволю себе еще раз повторить основные вопросы, вытекающие из наших предложений:

1) согласна ли комиссия положить в основу своей дальнейшей работы принцип полного разоружения в течение предлагаемого нами срока и

2) готова ли она провести первый этап разоружения с таким расчетом, чтобы уже по истечении одного года крайне затруднить, если не сделать совершенно невозможным, ведение войны.

Только когда на эти вопросы будут даны недвусмысленные и положительные ответы, можно будет приступить к детальному обсуждению советского проекта конвенции.

Советская делегация считает себя вправе особенно рассчитывать на поддержку делегации того правительства, которое выступает сейчас публично с предложением о запрещении войн. Искренность этого предложения не могла бы быть более убедительным образом подкреплена, чем присоединением ее авторов к советскому проекту конвенции о полном разоружении, преследующему цель не только морального запрещения, но и уничтожения возможности войн. Так как вооруженные силы не существуют ни для чего иного, как для ведения войны, и, с другой стороны, являлись бы совершенно излишними при запрещении войн, то последовательность и логика, очевидно, должны подсказывать соответствующему правительству поддержку нашего предложения.

Советская делегация уверена, что все присутствующие здесь делегации сознают ответственность и важность решения этого вопроса и то огромное значение, которое оно будет иметь для судеб человечества, и что поэтому ни одна делегация не уклонится от публичного изложения точки зрения своего правительства.

(«В борьбе за мир», изд. НКВД, 1928 г.)

ОТВЕТНАЯ РЕЧЬ ПО ПОВОДУ НАПАДОК НА ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР И СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ КОН- ВЕНЦИИ О ПОЛНОМ РАЗОРУЖЕНИИ НА ЗАСЕДАНИИ V СЕССИИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ 22 МАРТА 1928 г.

Господин председатель и милостивые государи!

Я хотел бы раньше выразить благодарность тем делегатам, которые откликнулись на мой призыв и высказа-

ли свое отношение к предложениям, внесенным советской делегацией. С удовлетворением отмечаю, что это сделано девятнадцатью из присутствующих здесь делегаций. Я особенно обязан почтенному представителю Великобритании, давшему столь большой размах дискуссии и развернувшему целый ряд вопросов первостепенной важности, связанных с нашими предложениями. Я приветствую откровенность, с которой он говорил, на которую я постараюсь ответить с одинаковой откровенностью, держась в тех же пределах вежливости и личного уважения.

Почтенный представитель Великобритании ввел, однако, в дебаты некоторые вопросы, которых я по собственной инициативе не решился бы вовлечь в нашу дискуссию, опасаясь, что они могут быть сочтены не имеющими непосредственного отношения к данному предмету. Но инициатива принадлежит ему, и я надеюсь, что он не посетует на меня за то, что я по тем же вопросам выскажу точку зрения советской делегации и моего правительства. Лорд Кашендун не ограничился рассмотрением проекта конвенции и наших объяснений по нему, но уклонился в сторону, чтобы попытаться, какие скрытые мотивы внушили советскому правительству мысль появиться с «драматической внезапностью» перед этой комиссией и внести радикальное предложение о разоружении. Он также спрашивал, в каких намерениях явилась сюда делегация и почему советское правительство до сих пор не интересовалось, или — как он предпочел выразиться — саботировало дело разоружения. Я не стану спрашивать почтенного представителя Великобритании, по какому праву он ставит мне эти вопросы и признает ли он за мной такое же право в свою очередь допрашивать его об искренности его правительства; о том, послало ли британское правительство сюда свою делегацию исключительно из любви к миру или по другим мотивам; о том, что оно до сих пор сделало для дела разоружения и можно ли подвести под понятие саботажа то, что оно в числе других правительств до сих пор не устранило целого ряда вопросов и разногласий, возникших в лоне комиссии и являющихся причиной невозможности для последней приступить ко второму чтению ее собственного проекта и вообще вести работу по пути, уже намеченному самой комиссией. Такие вопросы в порядке взаимности были бы с моей стороны вполне законны ввиду равноправия представленных здесь делегаций. Однако вместо праздных вопросов я предпочитаю удовлетворить его любопытство и ответить на его вопросы.

Проблемой обеспечения мира и изгнанием из международного обихода войны как бича человеческого общества советское правительство интересовалось с первого же дня своего прихода к власти. Оно первое из правительств воюющих госу-

дарств прекратило участие своих граждан в великой войне и обратилось с призывом последовать его примеру к остальным воюющим государствам. Когда советское государство подверглось новому нападению со стороны тогдашних союзников, в том числе Великобритании, оно, не переставая предлагать мир, сейчас же отозвалось на приглашение притти на Принцесвы острова для заключения перемирия, соглашаясь на величайшие жертвы ради скорейшего прекращения нового, навязанного ему кровопролития. Совершенно независимо от Лиги наций, по собственной инициативе, советское правительство еще в 1922 г. в Генуе на первой международной конференции, в которой оно принимало участие, предложило заняться в первую очередь обсуждением вопроса о всеобщем разоружении. К сожалению, другие государства сочли более важным потратить время на обсуждение вопроса о восстановлении частной собственности некоторых иностранных фирм, пострадавших от русской революции. Я не стану перечислять других шагов советского правительства в отношении разоружения, так как я о них говорил уже в этой комиссии на ноябрьской сессии. За время своего более чем десятилетнего существования советское правительство ни на кого из своих соседей не нападало, никому войны не объявляло и не участвовало в военных авантюрах других государств. По первому приглашению Лиги наций оно согласилось принять участие в работах последней по разоружению, несмотря на свое общеизвестное отношение к самой Лиге. Если бы оно было членом Лиги наций, то оно было бы обязано это сделать в силу принятых на себя обязательств, желало ли бы оно искренне разоружения или нет. То обстоятельство, что советское правительство, совершенно свободное от каких-либо обязательств по отношению к Лиге, добровольно участвует с вами в этой комиссии, кажется мне, служит добавочным свидетельством его искренности и прямоты. Как я уже отмечал на ноябрьской сессии, ответственность за неучастие советского правительства в первых трех сессиях падает исключительно на Лигу наций. Прибыв сюда, советская делегация решила принять самое активное участие в работах комиссии, проявляя собственную инициативу там, где она считает инициативу, других отсутствующей или недостаточной, стараясь по мере своих сил ускорять и проталкивать работу по разоружению и по обеспечению всеобщего мира. Советское правительство, посылая делегацию в подготовительную комиссию, не имело никаких других мотивов кроме желания содействовать освобождению народов от тяжелого бремени милитаризма и от проклятия войн. Во всяком случае прошлое советского правительства в области мира таково, что оно более других правительств имеет право являться с предложениями о разоружении.

Подвергшись добровольно допросу почтенного представителя Великобритании, я готов ответить и на его вопрос — оправдывает ли наше отношение к Лиге наций или, как он предпочитает выражаться, саботирование Лиги наций наше участие в обсуждении стоящих здесь перед нами вопросов. Советское правительство никогда не скрывало своего отрицательного отношения к Лиге наций, высказывая его даже в своих ответах на приглашения участвовать в настоящей комиссии. Советское правительство не раз и публично отмечало причины такого отношения к Лиге наций, указывая на все то, что оно находит несправедливого, неприемлемого и предосудительного как в самом статуте Лиги наций, так и в различных решениях Совета Лиги и общего собрания по международным вопросам. Вряд ли престиж Лиги наций, о котором так заботится лорд Кашендун, выиграет от того, что я еще раз перечислю все это здесь. Достаточно сказать, что советское правительство не видит препятствия к своему участию в данной комиссии и в предстоящей конференции по разоружению в том, что комиссия обслуживается органами Лиги наций. Из этого, конечно, не следует, что советское правительство согласилось подчиняться каким бы то ни было инструкциям и постановлениям, исходящим от Лиги или от Совета Лиги. Оно будет считать себя связанным лишь теми актами, выработанными комиссией и конвенцией, которые оно подписало бы наряду с другими правительствами. Лорд Кашендун, конечно, не может не знать, что наша делегация не является единственной делегацией правительства, не участвующего в Лиге наций. Позиция таких делегаций в отношении юрисдикции Лиги была прекрасно выражена в декларации почтенного представителя правительства Соединенных штатов, ныне здесь присутствующего, сделанной на III сессии подготовительной комиссии по разоружению в следующей форме: «То обстоятельство, что мое правительство не является членом (Лиги), ставит известные, очень точно определенные пределы тем обязательствам, которые оно может дать в связи с конвенцией такого рода» и далее: «Для того чтобы быть приемлемой для моего правительства, всякая конвенция должна полностью учитывать то, что оно не может принять юрисдикции Лиги наций». Мне, собственно говоря, непонятны цель и смысл вопроса лорда Кашендуна о саботаже нами Лиги наций, ибо из него даже нельзя делать того вывода, будто великобританское правительство действительно желало бы видеть СССР в числе членов Лиги наций. В самом деле, такое желание ни в какой мере не соответствовало бы политике нынешнего правительства Великобритании в отношении СССР. Во всяком случае, приглашая СССР принять участие в работах этой комиссии, Совет Лиги прекрасно знал, что советское правительство не состоит членом Лиги и не намеревается в нее войти.

Лорду Кашендуну не понравилась какая-то цитированная им статья «Известий», в которой он усмотрел скептическое или ироническое отношение к работам членов Лиги в области разоружения. Этот скептицизм был высказан здесь так же и советской делегацией; только журналист из «Известий» высказал это, может быть, в более резкой форме. Не понимаю, однако, почему эта статья должна тревожить почтенного представителя Великобритании и подготовительную комиссию по разоружению. От самой комиссии зависит результатами своих работ уличить газету, во лжи. Советская делегация первая будет радоваться, если случится последнее. Но скептицизм в отношении разоружительных работ Лиги наций проявляется не только в советских кругах. Передо мной парижская газета весьма реакционного толка от 20-го этого месяца. В ней я читаю: «Лига наций могла бы быть лишь безобидной, если бы она выдавала себя за то, чем она является на самом деле, т. е. за академию пацифизма, и если бы ее проповедники признавали, что их лекции против войны имеют такую же действительность, как заклинания негритянских колдунов против бури». По-моему, эти скептицизм и ирония могут послужить стимулами для Лиги и для нашей комиссии и побудить их сделать все возможное, чтобы показать, что они не заслуживают этого.

Почтенный представитель Великобритании пытался доказывать, будто полное или частичное разрешение проблемы разоружения вне Лиги наций является чем-то весьма предосудительным и прямо чем-то очень близким к богохульству. Он дошел до того, что вменил в заслугу Лиги наций Вашингтонскую конференцию по сокращению морских вооружений, забыв, повидимому, что Лига наций никакого отношения к Вашингтонской конференции не имела. Более того, так называемая «конференция трех» по морскому разоружению, имевшая место в самой Женеве, также не была связана с Лигой наций и даже не обслуживалась органами Лиги. Насколько мне известно, продолжающиеся теперь переговоры между участниками настоящей конференции происходят вне сферы подготовительной комиссии по разоружению.

Почтенный представитель Великобритании, рассматривая наш проект конвенции, с большим возмущением указывал на отсутствие в этом проекте какого бы то ни было упоминания о Лиге, о депонировании ратификационных актов в Женеве и о регистрации конвенции в Лиге наций. Но это неупоминание будет совершенно понятно, если вспомнить, что проект исходит от правительства, формально не признающего Лиги наций. Более того, упреки почтенного члена (комиссии) от Великобритании будут тем более непонятны, если я напому вам, что целый ряд международных актов, в выработке которых принимали участие члены Лиги, в том числе и Велико-

британия, не был депонирован в Лиге наций. Насколько мне известно, например, конвенция о проливах, выработанная недалеко от Женевы, скажем для точности, в Лозанне, была депонирована не в Женеве, а в Париже. Равным образом акты Вашингтонской морской конференции не были депонированы в Женеве. Только что ратифицированный Советским Союзом и Италией (но не ратифицированный еще Англией) протокол об удушливых газах и бактериологических средствах войны тоже депонирован не в Женеве, а в Париже, несмотря на то, что протокол был принят конференцией, созванной Лигой наций. То же имеет место в отношении конвенции по вопросу о торговле оружием, инициатором которой была Лига. Более того, в этой конвенции за исключением одной статьи было выпущено всякое указание на Лигу по настоянию Соединенных штатов, правительство которых угрожало в противном случае отказом от ратификации. В ноте этого правительства от 12 сентября 1923 г. мы находим следующее место: «Статьи конвенции, которые имеют отношение к Лиге наций, так тесно связаны с конвенцией в целом, что они ставят мое правительство в невозможность ратифицировать конвенцию». Я могу также отметить протест сэра Остина Чемберлена против регистрации Лигой наций англо-ирландского договора, несмотря на то, что оба эти государства являются членами Лиги. Если упоминание о Лиге советским правительством, которое не состоит членом Лиги, является, по мнению почтенного представителя Великобритании, оскорблением Лиги и пренебрежением к ней, то в такой же мере этот упрек должен быть обращен лордом Кашендуном к его собственному правительству, участвовавшему в перечисленных мною актах, игнорировавших Лигу.

В своем рвении отыскать у советского правительства такие особенности, которые дисквалифицировали бы его для участия в работах по разоружению, почтенный представитель Великобритании ставит советской делегации вопрос, как оно относится к гражданской войне, осуждает ли оно ее или признает законной? Если бы и я, по примеру представителя Великобритании, стал доискиваться скрытых мотивов его предложения, то я мог бы предположить, что этот вопрос поставлен с целью вызвать советскую делегацию на открытую защиту здесь гражданской войны и революции, чтобы затем назавтра же обвинять ее в пропаганде. Но я отнюдь не приписываю ему таких мотивов. Но все же вопрос является совершенно излишним, ибо достаточно беглого просмотра нашего проекта конвенции, — а лорд Кашендун показал, что он его изучил, — чтобы убедить каждого, что он имел в виду, только международные войны. Нам никогда не приходило в голову, и мы не имели основания думать, что Лига наций намеревалась под вопросами разоружения и безопасности подразумевать также и предотвращение гражданских войн

и борьбы классов. Могу сказать без малейшего колебания, что советское правительство никогда не согласилось бы участвовать вместе с британским правительством или с другими правительствами, здесь представленными, в разработке вопросов, касающихся классовой борьбы или борьбы против революции. Да и было бы наивно ожидать такого рода работы от правительства, вышедшего из одной из величайших в истории революций и призванного охранять завоевания этой революции. Вопросы социального умиротворения придется правительствам, здесь представленным, решать, повидимому, без нашего участия. Признаюсь, что я совершенно неспособен понять, в какой связи этот вопрос находится с нашим проектом полного разоружения. Хотел ли лорд Кашендун этим вопросом намекнуть, что армии служат не только для защиты национальной безопасности, но и для эвентуальной борьбы против революции? Такой довод против нашего проекта был бы совершенно неубедителен ни с какой точки зрения, так как общеизвестно, что как Февральская, так и Октябрьская революции имели место при активном участии огромнейших армий, вооруженных в порядке военного времени. Во всяком случае, если почтенный представитель Великобритании и другие делегаты, касавшиеся этого вопроса, придают большое значение социальной безопасности, то они наверно в свое время разовьют более полно свою точку зрения. Я извиняюсь перед комиссией, что я затронул эту тему, которую она может счесть неуместной, но я должен напомнить, что инициатива принадлежит не мне, а почтенному представителю Великобритании.

Почтенный представитель Великобритании не только задает нам вопросы, но и ставит нам предварительные условия и хочет получить от нас некоторого рода заверения, прежде чем он согласится рассматривать наш проект конвенции. Советское правительство должно заверить его в том, что оно будет воздерживаться от провоцирования вооруженных восстаний в других странах. Почтенный представитель Великобритании делал при этом вид, будто такова практика и политика советского правительства, совершенно бесспорно установленная. Почтенный представитель Великобритании нашел возможным воспользоваться вопросом о разоружении, чтобы личный раз (а его правительство делало это уже великое множество раз) обвинить публично советское правительство в так называемой пропаганде. Лорд Кашендун, очевидно, не чувствует, насколько неразумно продолжать пользоваться этим давно притупленным оружием, после того как в целом ряде столиц обнаружены конторы и бюро, широко обслуживаемые русскими эмигрантами и занимающиеся специально составлением для снабжения иностранных правительств подложных документов, доказывающих мнимое ведение пропаганды советским правительством или его агентами в чужих странах. Один

из таких документов уже получил историческое название «письма Зиновьева», и о нем как раз в последние дни очень много говорили в английском парламенте. Подложность этого документа давно установлена уже тем фактом, что великобританское правительство отклонило в свое время требование советского правительства о передаче исследования этого документа на арбитражное решение любого суда. Требование об исследовании этого документа, заявленное на этих днях 132 членами британского парламента, было отвергнуто британским правительством. По поводу этого документа бывший премьер-министр Великобритании выразился в парламенте в прешюй понедельник следующим образом: «Это письмо было предметом, что теперъ всеми признано, политического обмана, обмана, по своему холодному расчету и подготовке не имеющего, может быть, себе равного в нашей политической истории». Вот на какого рода документах британское правительство основывает свои обвинения в пропаганде и во внутреннем вмешательстве. Что же касается вмешательства во внутренние дела, то я полагаю бы, что между советским и британским правительствами нет еще общего языка, для того чтобы столкнуться о том, какие именно действия можно рассматривать как вмешательство. Британское правительство склонно считать таким вмешательством какую-нибудь речь, произнесенную, или статью, напечатанную в Москве, касательно внутренней политики другой страны, но не признает за вмешательство насильственное стационарирование в чужих портах военных эскадр (Шанхай); обстрел чужих портов и городов со всеми последствиями, вытекающими отсюда для населения (Нанкин); требование, обращенное к правительству независимой страны, о прекращении операций против мятежного подданного (улытиматум лорда Перси Лоранс персидскому правительству 24 ноября) и о восстановлении его в правах (нота персидскому правительству 27 ноября), об ограничении численности армии этой страны (нота персидскому правительству, 1921 г.) и т. д. С такой концепцией вмешательства в чужие дела советское правительство, конечно, согласиться не может. Но, господа, вы спросите меня, какое отношение этот старый советско-британский спор имеет к вопросу о разоружении. Я вынужден ответить: никакого. Но введен он сюда не мною, а представителем британского правительства, и я считал бы проявлением неуважения и неучтивости к нему, если бы я игнорировал какие бы то ни было поставленные им вопросы.

Делегаты британского, японского, французского, голландского и других правительств задавались вопросом, соответствует ли наш проект всеобщего разоружения статуту Лиги наций, а если нет, то вправе и должны ли они вообще заниматься его рассмотрением. На этот вопрос они все, повидимому, дают отрицательный ответ, подтвержденный к тому же таким

авторитетом по этим вопросам, как господин Политис. Но если бы это было так бесспорно, если полное разоружение противоречит принципам и стремлениям Лиги наций, то нам непонятно, почему подготовительная комиссия по разоружению не отвергла нашего предложения на ноябрьской сессии, почему она решила принять его к рассмотрению и почему она теперь этим вопросом занимается. Но, повидимому, упомянутые мною делегаты далеко не уверены в правильности их ответа, если не с технически юридической, то с политической точки зрения. В самом деле, нам всегда говорили, будто Лига наций основана главным образом, если не исключительно, в целях обеспечения всеобщего мира. Если статья 8-я статута Лиги наций и говорит лишь об ограничении вооружений, то нам казалось, что она имеет в виду лишь минимальное обязательство и что эта статья ни в коем случае не должна служить препятствием к дальнейшему и полному разоружению, если того пожелают члены Лиги. Мне кажется, что было бы трудно придумать лучшее средство дискредитировать Лигу наций, чем утверждение, что она является барьером на пути к полному разоружению. Ведь не человек для субботы, а суббота для человека. Вы, господа, сослужите плохую службу своей Лиге, если вы из нее создадите фетиш и будете ему подчинять полностью желания своих правительств. Статут Лиги наций не есть закон на вечные времена. Впрочем, изменения статута Лиги наций не раз уже предусматривались самой Лигой. Достаточно напомнить случай, когда при утверждении пятым собранием Лиги наций 2 октября 1924 г. женеvского протокола собрание решило «пригласить Совет назначить без промедления комитет для подготовки редакции текста измененного статута, вызванных означенным протоколом». Если вы согласитесь с принципом полного разоружения и оцените по достоинству все те блага, которые оно принесет, или, скажем, скорее ту сумму зла, которую оно устранил, вы не откажетесь, конечно, пожертвовать той или иной статьей статута. Те, которые говорят, что наш проект противоречит статуту Лиги настолько, что, уничтожая вооруженные силы, он лишает Лигу возможности применения военных санкций, забывают при этом, что санкции эти предусмотрены в случае военных нападений одного государства на другое, которые станут невозможными с уничтожением вооруженных сил, т. е. сама статья о санкциях станет анахронизмом. Я уже не говорю о том, что обязательность для отдельных членов Лиги участвовать в военных санкциях оспаривается самими членами Лиги. Советская делегация не считает себя связанной статутами или какими-либо постановлениями Лиги и поэтому не считала нужным принимать их в расчет в своем проекте конвенции. Если же я позволяю себе комментировать статут Лиги, делая те или иные ссылки на ее решения, то я делаю это потому, что пытаюсь

понять вашу позицию и показать приемлемость нашего проекта конвенции даже с точки зрения членов Лиги. Что же касается компетенции подготовительной комиссии по разоружению, то мы ведь здесь являемся не техническими экспертами и не только членами комиссии, но также членами и ответственными представителями наших правительств. Если комиссии поручено отыскать пути к частичному разоружению и если члены ее явятся перед своими доверителями и скажут, что они нашли пути к полному разоружению, то вряд ли кто-либо будет их за это осуждать, тем более что решения комиссии являются лишь рекомендациями для правительств.

Мои оппоненты, за исключением, может быть, почтенного представителя Великобритании, критиковали наш проект разоружения не столько за то, что в нем есть, сколько за то, что в нем отсутствует. Говорилось, что наш проект не дает ни экономической, ни социальной безопасности; он не обеспечивает справедливого мира, не уничтожает недоверия между народами, не указывает путей к разрешению международных споров, словом, не является панацеей. Эти упреки были бы справедливыми, если бы нам поручили или если бы мы задавались целью рекомендовать вам универсальное средство против всех зол и отрицательных сторон человеческого общества и для превращения сей юдоли плача в рай земной. Таких средств мы вам рекомендовать не можем, так как знаем, что вы их не примете даже к обсуждению. Мы пытаемся найти средства против одного из зол, правда, одного из крупнейших, — против Молоха войны. Мы стараемся найти с вами общий язык, поскольку вы говорите, что и вы стремитесь к избавлению человечества от этого зла. В этих довольно широких, но все же ограниченных, пределах наши предложения по нашему убеждению отвечают своему назначению. Сущность повторявшихся здесь аргументов против общей идеи нашего проекта заключается в том, что либо народы будут «драться между собой и без оружия или примитивным оружием, или же что наиболее индустриально развитые страны смогут в краткий срок создать себе взамен уничтоженного вооружения новое и в нарушении конвенции поработят более слабые страны». Впрочем, от первого аргумента, мне кажется, наши оппоненты уже отказались. Я хотел бы напомнить, что представляемая мною страна имеет на своих границах численно наиболее сильные государства, как Китай и Индия, с их сотнями миллионов населения. Тем не менее она не опасается быть навожденной организованными массами этих стран. Тем менее оснований опасаться этого имеют другие народы. Второй аргумент также не выдерживает критики, ибо более слабые государства и сейчас, когда они вынуждены содержать вооруженные силы и противодействовать возможному нападению на них со стороны более сильных, находятся в то же время

в полной зависимости от последних в отношении материальной части вооружения, будучи к тому же слабыми как в техническом отношении, так и в отношении ресурсов живой силы. Статьи 30—36 советского проекта конвенции предлагают уничтожить военную промышленность и все элементы военного производства. Практика мировой войны показывает, что даже в странах с такой мощной промышленностью, как Соединенные штаты Америки, потребовалось от 12 до 20 месяцев, чтобы наладить производство военных материалов (декларация делегации Северных штатов Америки в подготовительной комиссии по разоружению). Новые вооружения для армий не могут быть созданы в краткий срок. При большой же продолжительности это не может проходить незаметно, в особенности если будет хорошо налажен предусмотренный нашим проектом конвенции международный и местный контроль. Мы знаем например, что ограничение военного производства было произведено в результате Версальского договора и довольно основательно даже в такой высоко развитой промышленной стране, как Германия, когда этим имелось в виду обезвредить побежденную страну. Тем легче будет контролировать военное производство при полном уничтожении соответствующих оружий производства.

Упомянутое выше возражение имеет, повидимому, своим источником глубокое международное недоверие, недоверие к взаимной готовности соблюдать международные конвенции. Этот аргумент может быть приведен, и еще с большей силой, и против сокращения вооружений, ибо какая польза в том, что международная комиссия по разоружению, даже идя по пути выработанного подготовительной комиссией проекта конвенции, установит предел для вооруженных сил и военных материалов каждой страны, если мы подозреваем, что эта конвенция соблюдаться не будет и установленное равновесие будет произвольно нарушаться. Вот где действительно уместны высказывавшиеся здесь опасения уменьшения безопасности отдельных стран.

Почтенный представитель Италии говорил, между прочим, о необходимости не только мира, но и мира справедливого. Я, признаться, не уверен в том, что я вполне понял, что он под этим понимает. Хотел ли он сказать, что нынешний мир является несправедливым и нуждающимся в изменении? Но изменение мира возможно лишь двояким путем: путем войны или путем пересмотра существующих мирных и других международных договоров. Так как я не вправе думать, что он имел в виду необходимость насильственного изменения нынешнего мира, то я позволю себе ему сказать, что пересмотр мирных договоров нашим проектом отнюдь не исключается и что он этот вопрос может поднимать в Лиге наций, членом которой Италия состоит, или на другой международной кон-

ференции также и после осуществления нашего проекта. Если он не имеет в виду насильственного изменения мира, то, очевидно, сохранение вооруженных сил ему, для пересмотра договоров не потребуется.

Я перейду теперь к замечаниям по поводу отдельных статей нашего проекта конвенции и вернусь на время к речи почтенного представителя Великобритании. Он нашел множество технических и иных дефектов в нашем проекте конвенции; он нашел, что некоторые статьи не соответствуют даже целям авторов проекта, что он не написан языком, пригодным для законодательного акта, что многие из статей, которые он охотно перечислил, доступны серьезной критике. Он с недоумением спрашивал, каким образом я мог пытаться навязать такой несовершенный проект комиссии по разоружению, предлагая либо принять его целиком без всякого обсуждения, либо же отклонить. Лорд Кашендун сэкономил бы себе много времени и труда и значительно сократил бы свою речь, если бы он не исходил из ложных предпосылок. Не знаю, почему он решил, что советская делегация решила представить комиссии нечто вроде ультиматума. Советское правительство получало ультиматумы, но никогда никому их еще не посылало, и нам не приходило в голову делать это здесь. Лорд Кашендун сам совершенно справедливо указывал на мое сопроводительное письмо в секретариат Лиги наций, где я предлагал принять наш проект конвенции как базу для обсуждения. В моей речи при представлении проекта конвенции я не меньше трех раз упомянул о тех условиях, при которых я считал бы целесообразным изучение и обсуждение нашего проекта. Стало быть, я ни на одну минуту обсуждения проекта в целом и в деталях не исключал. Я настаивал лишь на одном, чтобы к рассмотрению проекта конвенции перешли лишь после того и в том лишь случае, если комиссия примет основные принципы, лежащие в основу проекта. В самом деле, какая польза была бы от того, что мы обсудили бы вопрос о том, какой тип судов должен быть оставлен для морской охраны, если бы мы не решили вопроса об уничтожении прочих военных судов. Зачем мы стали бы обсуждать вопрос о международной охране морских зон, если бы мы заранее не условились, что индивидуальные морские силы стран уничтожаются. Рассматривание и обсуждение проекта без каких бы то ни было руководящих принципов было бы поистине совершенно бесцельной тратой нашего времени. Ценив время комиссии и желая ограждать ее от дискредитации вследствие бесплодной и никуда не ведущей работы, я предостерегал ее против того, чтобы заниматься проектом, прежде чем мы не условимся относительно его базы. Далее, как правильно заметил почтенный представитель Италии, все статьи нами приурочены к одной основной идее —

о полном уничтожении вооруженных сил. Отнимите эту основную идею, и отдельные статьи проекта потеряют для нас всякую ценность. В этом смысле я называю проект единым целым, не допускающим раздробления. Конечно, мы не заявляем авторского права на проект, и те или иные статьи из него могут быть кем угодно позаимствованы для любых планов разоружения, но тогда это не будет советским проектом, и советская делегация и советское правительство не могли бы принять на себя ответственности за него. В проекте могут оказаться статьи, отвечающие интересам того или другого государства. Великобритания может, например, считать, что пункт об уничтожении подводных лодок совпадает с ее интересами, другие государства могут найти другие подходящие для себя статьи, и в результате могут возникнуть такие споры, которые вам, господа, уже знакомы из истории первого чтения вашего собственного проекта конвенции. Другое дело, когда мы все согласимся положить в основу в качестве основного принципа полное разоружение, тогда споры по отдельным пунктам серьезного значения иметь не могут. Я вполне допускаю, что наш проект конвенции несовершенен и что, преследуя единую цель полного разоружения, мы могли бы совместно исправить и улучшить его. Все те статьи, которые вызывали недоумение и критику или, не надо ли сказать, насмешки почтенного представителя Великобритании, не являются основными и допускают споры и компромиссы.

Лорд Кашендун направил свою критику главным образом на главу III проекта, озаглавленную «Организация охраны». Могу вас заверить, господин председатель, что при составлении этой главы мы меньше всего руководились какими-либо специальными интересами нашей собственной страны. Наоборот, мы предпочли бы о полицейской охране совершенно умолчать. Но недаром я уже второй раз участвую в сессии подготовительной комиссии по разоружению и уже в достаточной мере проникся вашим практицизмом и тем, что вы называете чувством реальности. Я знал, какое огромное значение представляемые вами страны придают вопросу о внутренней безопасности, об охране собственности и т. д., и поэтому, принимая во внимание интересы ваших стран и возможные пожелания, я распорядился составить специальную статью об охране. Я совершенно не сомневаюсь, что, если бы я упустил это сделать, я подвергся бы еще более резким упрекам со стороны, может быть, того же почтенного представителя Великобритании за то, что я забыл о таком важном институте, как полиция. Интерес лорда Кашендуна был особенно прикован к вопросу о вооружении полиции. Он пытался сделать вывод, что наш проект приурочен к условиям жизни в СССР, где якобы полиция луч-

ше вооружена, чем в других странах. В действительности советская милиция вооружена револьверами так же, как полиция большинства европейских стран. Если не ошибаюсь, полиция страны, в которой мы с вами сейчас находимся, также вооружена огнестрельным оружием. Как лорд Кашендун нас уверяет, и я не сомневаюсь в его словах, в его стране полиция вооружена лишь палками, но несомненно, что в нужных случаях на подмогу ей могут быть вызваны войска. Впрочем в «Манчестер Гардиан» от 19-го сего месяца я читаю, например, следующее сообщение из Бельфаства: «В связи с демонстрацией в Мой значительные полицейские силы были сосредоточены в округе для предупреждения повторения насилий, совершенных в минувшем августе... На главных улицах была выстроена полиция, в то время как броневик «Кроссле», полный вооруженных констеблей, находился в постоянном движении». Как видите, в Ульстере, составляющем часть Британской империи, констебли вооружены. Далее, 3 февраля с. г. агентство «Рейтер» сообщило из Бомбея: «Вооруженная полиция подверглась нападению демонстрантов и вынуждена была открыть огонь»; передо мною другая телеграмма из Мадраса, в которой говорится: «В результате стрельбы полиции по мятежникам...» и т. д. Лорд Кашендун, вероятно, теперь убедился, что вооруженная полиция бывает не только в СССР и что по крайней мере в частях представляемой им империи полиции приходится не только носить, но даже пускать в ход огнестрельное оружие. Я надеюсь, что он согласится, что моя предусмотрительность относительно полиции не была излишней с его собственной точки зрения. Лорда Кашендуна также забавлял вопрос, почему требуется охрана путей сообщения. В необходимости охраны морских путей сообщения и необходимости даже контроля его правительства над странами, лежащими на морских путях, британский делегат, конечно, не сомневается. Я позволю себе, однако, сообщить ему, что если не требуется охраны путей сообщения при густоте железнодорожной сети, то в таких странах, где на расстоянии сотен верст не бывает никаких городов и даже значительных деревень, присутствие на железнодорожных станциях хотя бы одного полицейского, хотя бы на случай преступления в поезде, навряд ли было бы сочтено им излишним. Под объектами, требующими охраны, проект подразумевает такие учреждения, как государственные банки, казначейства, монетные дворы, которые нуждаются, конечно, в специальной охране. Если при рассмотрении нашего проекта почтенный представитель Великобритании захочет предложить более значительное сокращение вооруженных сил для охраны и для полиции, советская делегация максимально пойдет ему навстречу.

В связи с этим весьма законный вопрос поставлен был

почтенным представителем Нидерландов, который высказал опасение, что при вооружении полиции пропорционально населению наиболее крупные страны могут получить большую вооруженную силу, чем более малые страны, каковая может быть использована и для военных целей. Интересы слабых государств советское правительство намерено защищать самым энергичным образом, и поэтому советская делегация готова изменить пропорцию в пользу слабейших государств. Если бы советская делегация вносила какой-нибудь проект частичного разоружения, то она предлагала бы тот же принцип разоружения больших стран, в том числе и СССР, в большей пропорции, чем слабых стран. Должен еще добавить, что предусмотренные нашим проектом виды охраны не должны иметь характера военных организаций; что касается полиции, то она должна быть подчинена местным общинам и не объединена одним общим управлением, а тем более командованием. Что касается рода оружия для охранных сил, то это вопрос технический, который может быть разрешен экспертами, ибо в одних случаях, как например для борьбы с контрабандистами, могут потребоваться ружья, в других пистолеты, а иногда, как указал почтенный представитель Кубы, даже холодное оружие. Почтенный представитель Великобритании не оставил без внимания также вопрос о самозащите граждан и пытался намекать, что в такой защите могут нуждаться лишь граждане моей страны, где государство недостаточно обеспечивает их жизнь. Смеем заверить, что в Советском Союзе граждане оружия при себе не носят и в нем не нуждаются, ибо статистика преступлений там не выше, если не ниже, чем в других странах. Но лорду Кашендуну должно быть прекрасно известно, что во всех странах имеются магазины, торгующие оружием, что это оружие покупается для каких-то надобностей и частными гражданами. Представитель Японии нам рассказывал, что в некоторых тропических странах опасно выходить без оружия. В других странах существуют иные опасности. Представители советского правительства подвергались нападению и убивались в крайне цивилизованных странах. Советским курьерам приходилось с оружием в руках защищать дипломатическую почту вне пределов нашего Союза в европейских странах, некоторые из которых являются членами Лиги наций. Впрочем, если представитель Великобритании предложит полное запрещение ношения оружия частным гражданам, включая даже охотничьи ружья, советская делегация не будет в этом с ним спорить.

Наш проект предусматривает принятие целого ряда законодательных мер со стороны каждого государства. Лорд Кашендун спрашивал, каким образом можно заставить сво-

бодное законодательное собрание подчиниться постановлениям конвенции. Теперь наступила моя очередь выразить недоумение. Не может же почтенный представитель Великобритании не знать, что международная конвенция, ратифицированная соответственным законодательным собранием, является для данной страны законом и что законодательное собрание, ратифицировавшее конвенцию, тем самым берет на себя обязательство провести предусмотренные такой конвенцией необходимые законодательные акты.

Все эти вопросы можно было бы спокойно и всесторонне обсудить, и наша делегация, естественно, будет готова давать все необходимые разъяснения, но раз лорд Кашендун теперь уже затронул все эти вопросы и высказал критические замечания, я не мог их оставить без ответа.

Упомяну еще о том, что вопрос о типах судов, предусмотренных статьями 43 и 44, не представит никаких затруднений для соглашения. Попутно скажу, основываясь на справках, данных мне моими морскими экспертами, что суда указанного в проекте конвенции тоннажа вполне справляются со своими задачами в различных странах. Например, я имею список некоторых судов, принадлежащих Великобритании: типа «Мерси» — траулер 665 тонн, 11 узлов, отнесенный к числу канонерок для рыболовной охраны; «Арлекс», «Аррас» «Гивенши», 136 тонн нетто, 10 узлов — рыболовная охрана Атлантического и Тихоокеанского побережья, канадского правительства; в Соединенных штатах Америки имеются суда типа «Игль» («Eagle») 500 тонн 18 узлов — часть которых передана пограничной охране; мореходный таможенный крейсер I класса (вновь строящийся) — 2075 тонн, 16 узлов; таможенные крейсера («Гайда», «Медок» и др.) — 1780 тонн, 16 узлов; 25 эскадренных миноносцев пограничной охраны — 1090—1110 тонн, 29,5 узла; бывшие противоподлодочные катеры по 75 тонн и 11 узлов.

Все эти суда используются тем же самым образом, как это предусмотрено в нашем проекте конвенции.

Не могу не указать на одно замечание почтенного представителя Великобритании относительно статьи 10-й, несправедливость которого он, конечно, признает. Говоря о предполагаемом запрещении научных исследований и теоретических трактатов, он не счел нужным упомянуть, что речь идет о специальных военных публикациях, а не вообще научных. Он находил очень смешной статью, касающуюся военных учебников. Не знаю, отнесся ли он так же насмешливо к предложению, внесенному в собрание Лиги 16 сентября 1925 г., которое гласило: «Лига наций в целях морального разоружения предлагает своим членам принять меры к пересмотру учебников истории таким образом, чтобы постепенно уменьшить количество страниц, посвященных военным событиям,

и более специально тех именно страниц, где восхваляются завоевания и т. д.».

Вряд ли вызовут большие разногласия другие статьи, остановившие внимание почтенного представителя Великобритании, например касательно количества экземпляров ратификационных актов, места их хранения, места собрания международной контрольной комиссии и т. д. При детальном обсуждении нашего проекта лорд Кашендун сможет также высказать другие пожелания и делать свои предложения, как например в том вопросе, как поступать с так называемыми беспокройными соседями, о которых он говорил с таким чувством. Однако ранее, чем обсуждать эти сравнительно мелкие статьи, я желал бы знать, принимает ли он в принципе первые 36 статей, в которых воплощен принцип всеобщего разоружения. На этот счет, к сожалению, он был немного уклончив. Он говорил о полном разоружении как об идеале, к которому стремится человечество и к которому оно стремилось уже на заре своей истории. Но мы здесь ведь собрались не для того, чтобы обсуждать наши отдаленные идеалы, а для того чтобы решить, какие из этих идеалов, к которым человечество будто бы стремится уже несколько тысяч лет, могут быть теперь претворены в жизнь и каким должна быть дана дальнейшая отсрочка еще на тысячу лет.

Почтенный представитель Нидерландов спрашивал, считаю ли я полезной дальнейшую дискуссию нашего предложения. Конечно, если большинство или значительная часть присутствующих здесь делегаций считает принцип полного разоружения для их правительств неприемлемым, то всякая дальнейшая дискуссия, разумеется, излишня. К сожалению, не все ораторы дали совершенно ясный ответ на этот вопрос. Резко критикуя наш проект разоружения, многие ораторы, однако, делали оговорки относительно полезности дальнейшего обсуждения этого проекта. Наша делегация придает такое огромное значение идее всеобщего разоружения, что она всегда готова давать дальнейшие разъяснения и участвовать в дальнейшем обсуждении наших предложений, но, повторяю, такое обсуждение желательно и целесообразно лишь в том случае, если комиссия скажет, что она приемлет принцип всеобщего разоружения. В таком случае я предложу перейти к постатейному чтению нашего проекта. При отклонении же основного принципа я не только не буду настаивать на обсуждении, но сам выскажусь против него как против совершенно излишней траты времени. Слово за комиссией.

Господин председатель, я сознаю, что это чисто формальный вопрос, который может быть необходим, но насчет исхода я не питаю никаких иллюзий. Речи, которые здесь раздавались по поводу разоружения, отнюдь не повысили нашего оптимизма. Мы на этот раз все-таки начали работать

В комиссии при некоторой доле надежды. Мы знали, что одно из крупнейших государств выступило с предложением о запрещении войн, и мы, имея свое представление о логике и последовательности, считали, что вправе рассчитывать на поддержку этим правительством нашего предложения, но представитель этого государства не счел нужным пояснить нам свою точку зрения, если не считать таким убедительным объяснением его сделанное здесь заявление, что он в один план верит, а в другой не верит. С одной стороны, критика нашего проекта основывалась на глубоком международном недоверии, на предположении, что торжественно принятая международная конвенция неизбежно будет нарушаться, с другой стороны, нам заявляю, что когда два соседа, стоя вооруженными до зубов, дают торжественное обещание не нападать друг на друга, то для сохранения мира можно надеяться только на это. Но когда эти же соседи в дополнение к своему торжественному обещанию обязуются разоружиться и разоружаются, нам говорят, что это не только не увеличивает для них обоих, но, наоборот, уменьшает существующую безопасность. Таким образом, мы узнаем, что вооруженные народы безопаснее друг другу, чем безоружные.

В такое положение можно, конечно, верить, ибо верить можно во все, но понять это немножко трудно.

Меня несколько удивила речь почтенного представителя Польши, заявившего, что наша идея может показаться соблазнительной лишь для средних людей, для человека улицы. Но тяжесть бремени милитаризма несет и жертвы Молоху войны приносит именно этот средний человек, человек улицы, о котором так пренебрежительно отозвался почтенный польский представитель. Мы, советская делегация, не претендуем на представительство так называемых «высших слоев общества», мы представляем здесь рабочих и крестьян, интересы которых нам понятны и дороги. Что их интересы требуют радикальнейшего разрешения вопроса о разоружении и о войнах, для нашего правительства не подлежит ни малейшему сомнению. В одном я могу успокоить почтенного представителя Польши — что выраженные им опасения, чтобы данная сессия подготовительной комиссии по разоружению не вызвала слишком больших надежд у сторонников мира, эти опасения, можно сказать, по крайней мере преувеличены.

Какова бы ни была участь нашего проекта в данной сессии подготовительной комиссии по разоружению, мы продолжаем верить, что всеобщее и немедленное разоружение является единственной эффективной гарантией мира, отвечающей не только отдаленным идеалам, но и насущным современным требованиям человечества.

Если здесь в данный момент еще оспаривают тот непреложный факт, что сочувствие широких народных масс

целиком и полностью находится на стороне идеи полного разоружения, мы тем не менее глубоко убеждены в том, что недалеко то время, когда это дойдет до сознания всех правительств, здесь представленных, и побудит их иначе отнестись к нашим предложениям.

(«В борьбе за мир», изд. НКВД, 1928 г.)

РЕЧЬ О СОВЕТСКОМ ПРОЕКТЕ КОНВЕНЦИИ О ЧАСТИЧНОМ СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ НА ЗАСЕДАНИИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ 23 МАРТА 1928 г.

Как я понимаю, дискуссия ведется вокруг обеих резолюций — проекта резолюции, который был предложен сегодня утром, и второй резолюции. То, что я хочу сказать, касается первого проекта предложенной сегодня резолюции, хотя оно также касается последней части второй резолюции в отношении срока следующей сессии подготовительной комиссии.

В своей вчерашней речи я отметил, что мнения, выраженные здесь большинством из делегатов по поводу нашего проекта конвенции, не оставляют места для сомнений относительно судьбы, которая его ожидает в среде подготовительной комиссии. Если могли еще оставаться малейшие сомнения, они были тотчас рассеяны текстом резолюции, вынесенной сегодня, ясность которой не оставляет желать ничего лучшего.

Советская делегация отмечает с глубоким сожалением, которое, я уверен, будет разделено широкими массами населения во всех странах, надежды которых были так мало понятны многим из высказавшихся здесь ораторов, что подготовительная комиссия и большинство представленных здесь делегатов безоговорочно, полностью и решительно отвергли от имени своих правительств не только наш проект конвенции о всеобщем и полном разоружении, но даже самую идею всеобщего и полного разоружения. Я говорю идею, так как вынесенная сегодня резолюция отвергает принцип всеобщего и полного разоружения даже в качестве основы для дальнейшей работы подготовительной комиссии. Резолюция не только даже не говорит о передаче наших предложений правительствам и конференции по разоружению, как почтенный представитель Турции сегодня предложил, но лишь упоминает о возможном извлечении из нашего проекта конвенции отдельных статей, которые могут служить материалом для других проектов, совершенно чуждых духу нашего предложения. Как я вчера уже заметил, мы не претендуем на ав-

торское право на наш проект конвенции, и всякий волен делать то или иное употребление из его статей для любых целей.

Тем не менее я считаю необходимым настаивать на том, что советское правительство не может ни дать своего имени, ни нести никакой ответственности за какое-либо частное использование его проектов. Более того, советская делегация и советское правительство не будут рассматривать себя связанными ни формально, ни политически отдельными статьями, выхваченными из контекста, поскольку это не будет служить той единственной цели, ради которой проект был выработан, — полному и всеобщему разоружению. Советская делегация тем самым оставляет за собой право выступить или голосовать против отдельных статей, взятых из ее собственного проекта конвенции, если они будут включены в какие-либо другие проекты, чуждые его духу и конечной цели.

В своей ноте от 16 января 1926 г., в ответ на приглашение Совета Лиги наций послать делегацию в подготовительную комиссию по разоружению, Народный комиссариат по иностранным делам констатировал, что советское правительство придает важное значение всякого рода усилиям сократить опасности войны и облегчить бремя милитаризма, лежащего на плечах народных масс. В своей декларации от 30 ноября прошлого года в подготовительной комиссии по разоружению я заявил, что, всячески отстаивая необходимость полного разоружения, «советская делегация готова принять участие во всяком обсуждении вопроса о сокращении вооружений постольку, поскольку будут обсуждаться практические меры, реально направленные к всеобщему разоружению». В соответствии с этим заявлением советская делегация перед лицом совершившегося факта отклонения подготовительной комиссией по разоружению проекта конвенции о полном разоружении вынуждена теперь поставить перед собой вопрос о том, какие дальнейшие шаги она может делать к достижению намеченной ею самой цели, которой все же продолжает оставаться и будет всегда оставаться всеобщее и полное разоружение.

Так как большинство делегатов противопоставило здесь нашим предложениям о всеобщем и полном разоружении идею частичного постепенного разоружения, т. е. постепенного сокращения существующих вооружений путем нескольких этапов, советская делегация решила попытаться найти общую с другими делегациями почву хотя бы только в области проведения такого частичного разоружения. Пусть другие делегаты рассматривают такое разоружение как самоцель, дальше чего они считают невозможным или бесполезным идти, — советская делегация будет это рассматривать как первый этап на пути к полному разоружению. Отсутствие един-

ства между нами и другими делегациями в отношении этой конечной цели не должно препятствовать нам работать совместно для достижения непосредственной цели — сокращения вооружений, если мы только можем найти общий язык, хотя бы в этой ограниченной области.

Советская делегация считает, что замена принципа полного разоружения частичным не может привести к уничтожению вооруженных конфликтов, хотя она готова допустить, что, возможно, такая замена может привести к уменьшению возможности их возникновения, так как рост вооружений является сам по себе одной из причин возникновения войн.

Кроме того сокращение вооружений может иметь чрезвычайно благоприятные результаты в смысле облегчения бремени милитаризма и ослабления налогового пресса, давящего народы всех стран, так же как и для освобождения живой человеческой силы для более производительного труда и бюджетных средств для более полезных целей. Сокращение вооружения, если оно пойдет по пути, предлагаемому советской делегацией, может иметь своим последствием уменьшение ужасов войны.

Советская делегация констатирует, что подготовительная комиссия по разоружению не имеет в своем распоряжении какого-либо проекта частичного разоружения, который мог бы составить предмет немедленного обсуждения.

Воздерживаясь от критики таких проектов, которые прошли первое чтение, а сказать по поводу этих проектов советская делегация могла бы при случае очень многое, мы считаем установленным, что они возбудили в среде самой комиссии такие разногласия, которые до сегодняшнего дня невозможно примирить, несмотря на то обстоятельство, что со времени их первого чтения прошло 12 месяцев. Подготовительная комиссия по разоружению дважды собиралась в течение этих месяцев, но из-за указанных разногласий была лишена возможности даже заниматься этими проектами. Возможно, что я предвосхищаю ваше решение по третьему пункту, порядка дня, сейчас нами обсуждаемому, однако уже из предложенной резолюции совершенно ясно, что едва ли имеется какая-либо надежда приступить к второму чтению этих проектов в продолжение настоящей сессии. Кроме того некоторые делегаты, включая члена бюро нашей комиссии г. Политиса, основываясь на знании дела и на предложениях своих правительств, предлагали закончить настоящую сессию подготовительной комиссии по разоружению без установления срока созыва следующей сессии. Это показывает, что они имеют слабую надежду устранить существующие разногласия в течение определенного установленного периода времени. Если эти разногласия не могут быть устранены в течение 12 месяцев, а мы не получили информации о примирении хотя бы одного расхождения за этот период времени, то какую гаран-

тию мы имеем, что они будут устранены в течение ближайших 12 месяцев или какого-либо другого времени? Реально это означает, что мы стоим лицом к лицу либо с временной, либо с окончательной ликвидацией работы подготовительной комиссии по разоружению, ибо ее дальнейший созыв, несомненно, зависит не от ее собственного желания или желания ее председателя, которому ее созыв принадлежит, но от внешних факторов, над которыми ни подготовительная комиссия по разоружению, ни ее председатель не имеют никакого контроля. Тем более уместным и своевременным делается внесение нового проекта конвенции. Поэтому я имею честь сообщить подготовительной комиссии по разоружению, что такой проект будет представлен советской делегацией и роздан делегатам через секретариат Лиги наций завтра утром или, если это возможно, даже сегодня. После того как это будет сделано, я позволю себе дать некоторые разъяснения по поводу принципов, положенных в основу построения его отдельных частей. Советская делегация будет просить подготовительную комиссию по разоружению приступить на настоящей сессии к его первому чтению, высказавшись предварительно о его основных принципах. Во избежание недоразумений я сейчас же заявляю, что я предлагаю этот проект конвенции в качестве основы для обсуждения, придавая чрезвычайную важность принятию его основных принципов и оставляя открытыми его второстепенные статьи для возможных исправлений, изменений и дополнений или замены другими.

В заключение я считаю необходимым лишней раз заявить, что мы рассматриваем наше предложение только как первый шаг к осуществлению полного разоружения и что советская делегация сохраняет за собой право не позже как через 2 года после принятия этого нового проекта конвенции сделать новые предложения о дальнейшем сокращении вооружений. Делегация также оставляет за собой право, независимо от принятия или непринятия ее проекта конвенции, вернуться к своему первоначальному проекту конвенции о всеобщем и полном разоружении на предстоящей международной конференции по разоружению.

(«В борьбе за мир», изд. НКВД, 1928 г.)

ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД О V СЕССИИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ НА СЕССИИ ЦИК СССР 21 АПРЕЛЯ 1928 г.

Товарищи, отчитываясь перед вами в деятельности советской делегации на V сессии подготовительной комиссии по разоружению и подводя итоги работам последних двух

сессий подготовительной комиссии, в которых принимала участие советская делегация, я считаю нелишним остановиться вкратце на истории проблемы разоружения за последние 10—12 лет.

Мне нет надобности углубляться в историческую даль времен и удаляться к заре человечества, когда, по совершенно ошибочному представлению некоторых делегатов подготовительной комиссии, будто бы уже существовало стремление к всеобщему разоружению. Мне достаточно отметить, что в период, предшествовавший последней мировой войне, проблема разоружения никогда не становилась актуальной задачей международной политики. Серьезно о призывах к миру, царского правительства, конечно, говорить не приходится, ибо его лицемерие было ясно и тогда уже всем и каждому. Лишь незадолго до последней войны между Великобританией и Германией стали вестись переговоры о так называемых морских каникулах, которые состояли бы в том, что оба государства отказались бы на несколько лет от дальнейшего увеличения своих морских сил или, скорее, дальнейшей постройки морских судов известных типов. Но эта попытка ни в малейшей мере не удалась по той простой причине, что когда говорят о войне и к войне готовятся, то абсурдны всякие разговоры и переговоры хотя бы даже о частичном сокращении вооружений, а, как нам известно, в то время приготовления к войне шли уже с обеих сторон лихорадочным темпом.

Настоящие оды всеобщему миру, стали слагать во время самой войны. Чем звонче ревели пушки, разрывались гранаты, взрывались бомбы, тем громче были песнопения во славу всеобщего мира и разоружения в тех самых кругах, которые тогда руководили войной. Для ободрения людей, посылавшихся на верную смерть в окопы, на подводные лодки, на аэропланы, творилась легенда о последней войне, доказывалось, что мировая война ведется с исключительной целью разрушить милитаризм и положить раз навсегда конец войнам между народами. Крики о войне, о необходимости войны до победного конца тогда неизменно сливались со славословием пацифизма.

Наиболее яркую формулировку, этот своеобразный пацифизм, который воспевался творцами и апологетами мировой войны, получил в известных 14 пунктах американского президента Вильсона, положенных потом в основу перемирия между союзниками и Германией. Один из этих пунктов говорил также о всеобщем разоружении. Слова и заявления к чему-нибудь обязывают — по крайней мере к новым словам и заявлениям. И вот в Версальский договор как-то вкралось упоминание об обязательности всеобщего разоружения, причем начало, и весьма солидное начало, должна была сде-

лать побежденная Германия, за которой обещали последовать и страны-победительницы.

Для осуществления того пацифизма, который сопутствовал ведению мировой войны и заключению Версальского и других мирных договоров того времени, был создан, по предложению того же Вильсона, специальный международный орган, который нам известен как Лига наций.

Эта Лига наций должна, по замыслу ее творцов, служить прообразом мирной семьи народов.

После многих колебаний и значительных промедлений Лига наций занялась также вопросом о разоружении. Я взял на себя труд в Женеве подсчитать и порассказать, сколько заседаний, комиссий, подкомиссий и резолюций было посвящено в недрах Лиги наций вопросу о разоружении. Оказалось, что на это дело было потрачено колоссальное количество труда, правда, словесного и письменного, которое, однако, ни в малейшей мере не соответствовало достигнутым материальным результатам. Я призывал комиссию призадуматься над этим несоответствием результатов количеству заседательского труда. Если бы все эти заседания происходили при участии советской делегации, то не было бы ничего легче, как объяснить их безуспешность «разрушительной деятельностью и саботажем» советской делегации. Но нас в первые 5—6 лет работы Лиги по разоружению там не было, и комиссия должна была бы поэтому отыскать другие причины бесплодия ее работ и, найдя их, устранить и повести свою работу по новым путям, к чему в общем и призывала комиссия советская делегация на IV и V сессиях комиссии.

При первых же шагах разоружительной деятельности Лиги наций буржуазная пресса стала высказывать опасения, как бы разоружительная энергия Лиги не была парализована тем обстоятельством, что вне Лиги находится такое могучее государство, имеющее большую армию, как советское, которое якобы разоружаться не желает. Читая тогдашнюю печать, наивные люди могли думать, что члены Лиги и другие буржуазные государства промеж себя не находят никаких препятствий к разоружению, что дело лишь в присоединении Советского Союза к идее разоружения и что никаких других военных опасностей, кроме существования якобы империалистически настроенной Красной армии, не имеется. Но эти утверждения нельзя было бесконечно повторять, не делая попытки пригласить советское государство к принятию участия в работе Лиги по разоружению. И вот, соответственное приглашение было советскому правительству послано. Мне незачем рассказывать вам, товарищи, о тех обстоятельствах, которые вначале придавали этому приглашению полуиздательский характер. Это приглашение напоминало отчасти то приглашение, которое, как вам вероятно уже известно из газет,

наша Академия наук недавно получила от голландских ученых для участия в Тихоокеанском конгрессе. Голландские ученые, не лишённые, повидимому, юмора, приглашая нашу Академию на конгресс, предупреждали ее, что ее делегаты вряд ли будут допущены на ту территорию, где конгресс будет иметь место. Таким же образом нас приглашали на первые сессии подготовительной комиссии в такую страну, в которую, как это известно было Лиге наций, советское правительство по тогдашним условиям делегатов посылать не могло. По существу советское правительство сразу приняло приглашение и, как только внешние препятствия были устранены, фактически послало делегацию для активного участия в работах подкомиссии.

Да и могло ли советское правительство поступить иначе? Оно само же с самого начала своего существования обращалось ко всем народам с призывом о разоружении.

Получив встречное предложение от буржуазных правительств, оно не могло его отклонить только потому, что оно имело свой собственный взгляд на капиталистический строй и связанный с ним неразрывно империализм, свое собственное мнение об искренности этого предложения, о характере пацифизма руководителей Лиги наций и т. д. Искренность и неискренность лучше всего проверить на деле. Отклонив приглашение, мы дали бы возможность Лиге наций взвалить ответственность за свои неудачи на отсутствующее советское правительство. Наконец, если буржуазные правительства, вынужденные общественным мнением своих стран и давлением народных масс, публично выступают хотя бы на словах за разоружение, за мир, так отчего же нам не ловить их на словах и не требовать публично претворения этих слов в дело? Создавая комиссии или конференции по разоружению, Лига наций, хочет она этого или нет, создает и легализует международную трибуну для пропаганды идей мира и разоружения. Нам ли отказаться от использования такой возможности?

При своем выступлении в комиссии на ноябрьской сессии я сейчас же честно и открыто заявил, что считаю эту комиссию наиболее подходящей трибуной для пропаганды мира и разоружения и что советская делегация намерена эту возможность использовать во-всю. Советское правительство и его официальных агентов часто облыжно подозревают и обвиняют в пропаганде там, где они сами считают пропаганду недопустимой и несовместимой с принципом невмешательства во внутренние дела других государств. Но там, где мы действительно эту пропаганду ведем, без нарушения международных норм и обычаев и даже в осуществление международных задач, по приглашению буржуазной международной организации, то у нас нет оснований не признаваться пуб-

лично в этой пропаганде, конечно, пропаганде мира. То, что мы видели и слышали в Женеве на двух сессиях, нас особенно убедило в том, что без широчайшей, энергичнейшей и интенсивнейшей пропаганды дело мира, дело разоружения вперед не подвинется. Пропаганду мы ведем, конечно, большевистски: когда проповедуем мир, то мир не постольку. — поскольку, а мир подлинный, полный, безоговорочный и скорейший, разоружение — то разоружение полностью, до конца и немедленно. Если же это отклоняется, то пусть нам разъяснят, какие имеются к этому препятствия, и тогда мы обсудим, каким образом эти препятствия устранить. Если же другие государства наличия таких непреодолимых препятствий не докажут, а наше предложение все же отвергнут, то этим подтвердят, что они разоружаться не хотят и не стремятся потому, что разоружение не соответствует их политике, а в таком случае пусть не кивают на советское правительство, на Красную армию, на мнимый красный империализм как якобы единственное препятствие к осуществлению мира на земле.

Вот, товарищи, в чем был смысл нашего предложения полного всеобщего разоружения еще на ноябрьской сессии подготовительной комиссии. Мы добивались тогда лишь принципиального обсуждения самой идеи разоружения. Комиссия тогда не находила еще в себе достаточно мужества, чтобы окончательно отвергнуть наше предложение формально или по существу. В ноябре делегации буржуазных стран еще недостаточно твердо знали устав Лиги наций и поэтому тогда не указывали нам на несоответствие полного разоружения с законами Лиги наций.

По существу также не приводилось тогда почти никаких аргументов против осуществимости полного разоружения. Указывалось, правда, на утопичность нашего предложения, но утопичность — вещь спорная. Ведь мы же с вами, товарищи, тоже существуем благодаря осуществлению того, что многие и многие считали утопией. Не успев заготовить в своем арсенале ни формальных, ни других возражений против нашего предложения, IV сессия подготовительной комиссии ограничилась тем, что перенесла обсуждение его на V сессию, когда комиссия рассчитывала быть уже в состоянии провозгласить нашему «радикальному» предложению полного разоружения свою эволюционную концепцию частичного разоружения. Добившись от комиссии формального согласия на постановку в порядок дня V сессии предложения о полном разоружении, советская делегация разработала и составила проект международной конвенции, разосланный ею на рассмотрение всех правительств за месяц до начала V сессии. Таким образом съехавшиеся в Женеве делегации имели возможность не только заблаговременно детально ознакомиться

с нашим проектом, но и получить инструкции от своих правительств. Зная теперь исход прений, мы легко можем догадаться о характере этих инструкций.

Громадное большинство представленных в комиссии правительств решило отклонить полностью наше предложение всеобщего и полного разоружения. Но отклонить просто потому, что полное разоружение считается правительствами нежелательным и неприемлемым, было, конечно, неудобно, политически неудобно, и поэтому им пришлось согласиться на предварительное обсуждение нашего проекта, с тем чтобы, если возможно, раскритиковать, опорочить или высмеять его. Не все делегации были уверены в политической целесообразности, с их собственной точки зрения, публичного обсуждения нашего проекта, и поэтому делались робкие попытки загнать наш проект в какую-нибудь подкомиссию. Этим достигалась бы и другая цель — дальнейшее затягивание работ подготовительной комиссии, которая, как всем теперь известно, зашла в тупик, в котором она беспомощно бьется, ища какого-нибудь выхода. Таким временным выходом было бы, несомненно, создание новой подкомиссии и тем самым видимости продолжающейся деятельности по разоружению. Подкомиссия для «серьезного и глубокого изучения» нашего предложения потребовала бы немало времени, и такая процедура вполне соответствовала бы темпу и методам прежних работ Лиги наций в деле разоружения. Приходилось, однако, считаться, с хозяином, а хозяином в данном деле была, несомненно, советская делегация, которая заявила, что может согласиться лишь на совершенно публичное и гласное обсуждение ее проекта в самой комиссии, на чем она и настояла.

Товарищи, независимо от результатов прений, необходимо признать огромным достижением, историческим фактом первостепенной важности, что советской власти удалось добиться, несмотря на серьезные препятствия, — и это первый случай в международной истории — постановки и обсуждения по существу на международной арене идеи полного и всеобщего разоружения.

Пусть эта идея пока отклонена, но весь мир может теперь знать все то, что можно сказать против всеобщего разоружения, и каждый может составить себе собственное суждение об убедительности или неубедительности той критики, на которую предложение о всеобщем разоружении наталкивается.

Мне кажется, что всякий беспристрастный человек должен будет признать, ознакомившись с дебатами V сессии, что идея всеобщего разоружения выдержала испытание многосторонней критики и вышла из дебатов непопороченной и неуцербленной.

В прениях принимали участие 19 делегаций. Из них, если не ошибаюсь, 17 приводили аргументы против всеоб-

щего разоружения, причем один делегат — представитель Великобритании — произнес двухчасовую речь. Он даже вышел несколько за пределы темы, но мы низколько не в обиде на него за это (смея). Мы готовы и впредь, если будем еще в подготовительной комиссии, дискутировать с ним на любые темы международной политики. Так вот, что же эти 17 делегаций нашли неприемлемого в нашем предложении, в идее всеобщего разоружения? Какие они привели доказательства неосуществимости этой идеи? Вам, вероятно, известны все доводы, приведенные в комиссии, из моей речи в ответ критикам, опубликованной в советской печати почти полностью. Я остановлюсь только на некоторых из приведенных доводов. Не каждый оратор, конечно, приводил новые оригинальные аргументы. Ораторы часто повторяли друг друга, и не все доводы имели одинаковую ценность. Некоторые ораторы, например, тоном упрека указывали, что подготовительная комиссия на своих первых трех сессиях выработала уже свои методы разрешения вопроса о разоружении, частичном, конечно, разоружении, разработала уже проект мероприятий, а мы своим новым проектом сводим на-нет всю эту начатую работу, уничтожаем затраченный уже труд. Даже председатель комиссии в своем заключительном слове считал возможным характеризовать работу советской делегации как разрушительную на том основании, что она предлагает похерить ранее сделанную работу, внося новые проекты, вместо того чтобы продолжать строить начатое. Это, конечно, невозможно признать доводом по существу или доводом, заслуживающим серьезного ответа. Если под начатой постройкой обнаружен гнилой фундамент или негодный материал, то созидательная работа состоит не в продолжении постройки, а в скорейшем подведении нового фундамента или в замене негодного материала новым. А что с начатой на V сессии подготовительной комиссии работой не все обстоит благополучно, доказывается уже тем, что ни IV, ни V сессии не могли заниматься достройкой и что не мог быть даже назначен срок созыва VI сессии комиссии. К тому же комиссия до нашего появления занималась лишь вопросом о частичном разоружении; мы же предложили нечто другое — полное разоружение.

Другие нам возражали, что вооружение не является единственной причиной войны и что, следовательно, и после разоружения останутся другие причины, порождающие войны. Совершенно верно. Но столь же верно и то, что вооружение является единственным средством войны, что без вооружения войн вести нельзя. Впрочем, в комиссии оспаривалось и это положение, причем договаривались и до того, что и после разоружения, после уничтожения всех вооруженных сил, роспуска всех армий и флота войны будут все-таки возможны, а именно, они будут вестись при помощи поли-

цейских, милиционеров, ночных сторожей, тюремных надзирателей, лесничих и т. д. Видите ли, в один прекрасный день капиталистические правительства обнажат все полицейские посты, предадут все города и села на поток и разграбление преступным элементам, оставят без защиты даже столь дорогую им частную собственность, забудут даже свой страх перед внутренними беспорядками и восстаниями и погонят всех блюстителей порядка на театр военных действий. Когда мы указывали, что полицейские силы, по нашему проекту, не будут носить характера военной организации, что они не будут объединены общегосударственным командованием, что они будут подчинены местным властям, муниципалитетам, то от нас требовали гарантий в том, что, пользуясь своей полицией, общины и города не пойдут друг на друга войной в пределах одного и того же государства. Хорошо еще, что нам не указывали на возможность ведения войны при помощи пожарных команд и дружин. Это было бы в уровень с приведенной аргументацией.

Более серьезным, если даже не самым серьезным с виду надо считать указание, что в случае полного разоружения наиболее богатые и промышленно развитые страны смогут легче и быстрее вновь вооружиться, чем малые и бедные страны. Дополняя эту мысль, некоторые ораторы напоминали, что точно так же, как имеются в человеческом обществе нарушающие законы преступные личности, против которых необходима полиция, имеются и преступные нации, способные на нарушение международных конвенций, а следовательно, и международной конвенции о всеобщем разоружении, а так как наш проект конвенции не допускает никаких военных санкций (принудительных мер), то опасности подвергнутся наименее развитые в промышленном отношении, наименее состоятельные государства. Так как Союз ССР не может пока похвастать большими богатствами и слишком большим развитием своей промышленности, то это недоверие, высказанное ораторами, очевидно, к нашему Союзу не относится. Сознательно или бессознательно ораторы недвусмысленно намекали, очевидно, что преступными нациями могут оказаться великие державы, которые нарушат конвенцию и используют свою промышленность и финансовое превосходство для нападения на бедные сельскохозяйственные страны. Как видите, Лиге наций за ее девятилетнее существование, несмотря на почти непрекращающиеся совместные заседания представителей буржуазных стран и на постоянные встречи министров, не удалось хотя бы настолько рассеять недоверие между ними, чтобы даже такой торжественный публичный акт, как конвенция о всеобщем разоружении, мог почитаться ненарушимым. После этого не приходится удивляться, что в Лиге наций больше всего говорят о моральном

разоружении, об укреплении международной морали. Мораль капиталистических государств, очевидно, нуждается в весьма основательном укреплении.

Но искренность упомянутого мною довода против полного разоружения может вызвать некоторые сомнения, если вспомнить, что этот довод приводился не делегатами мелких аграрных стран, а представителями таких крупных государств, как Великобритания и Италия. Великобритания по праву может отнести себя к числу самых богатых, самых промышленных стран света, и если тут не имелось в виду определенного намека на возможность нарушения конвенции со стороны еще более богатых Соединенных штатов Америки, то лорд Кашендун, очевидно, выступал здесь в роли бескорыстного адвоката обделенных стран, беря их под защиту от своей собственной страны. В переводе на простой язык его довод сводился к тому, что, если в силу международной конвенции все страны разоружатся, Англия как наиболее богатая и промышленно развитая страна не сможет устоять против соблазна спешно и тайно от всех вновь вооружиться и напасть на безоружные страны.

О фактической невозможности такого тайного воссоздания армий и флотов и совершенно тайной подготовки к войне я говорил в Женеве и поэтому своей контраргументации здесь повторять не буду. Хочу лишь упомянуть, что наибольшее основание для недоверия к соучастникам предполагаемой конвенции имел бы в силу установившихся отношений и имеющегося опыта наш Советский Союз. Я вспоминаю точные слова, сказанные мне Лениным при обсуждении предложений, переданных нами в 1919 г. Вильсону через известного Буллита. Вы помните, вероятно, что мы в то время получили предложение об установлении перемирия на всех фронтах гражданской войны на основе прекращения военных действий, прекращения всякого передвижения и подвоза военных материалов и людей и т. д. Ленин мне тогда говорил полувопросительно: «Мы-то все эти условия соблюдать будем, но есть ли уверенность в том, что эти условия будут соблюдаться нашими противниками?» Мы имели тогда дело с одной из преступнейших международных авантюр, военной интервенцией, с белыми бандитами, и недоверие Ленина было более чем законно. Тем не менее стремление к скорейшему прекращению кровопролития было настолько велико, что это недоверие не удержало его от формулирования перечисленных мною условий и передачи их Буллиту. Точно так же, как бы ни было велико и законно наше недоверие к ненавидящим нас буржуазным странам и как бы ни была велика для нас опасность нарушения ими международной конвенции, мы все же не откажемся от дальнейших стремлений и от усиления этих стремлений к осуществлению великой идеи полного разо-

ружения и прекращения войн путем международных соглашений.

Чувствуя слабость своей аргументации, делегации были вынуждены становиться все откровеннее. Если лорд Кашендун как искушенный политик говорил лишь в завуалированной, вопросительной форме о соотношении между сокращением нынешних армий и возможностью гражданских войн, то другие делегаты ставили точку над «и». Так например, голландский делегат прямо говорил, что разоружаться невозможно, потому что «имеется весьма серьезная опасность внутренних беспорядков, мятежей, восстаний и революций». Эти движения подготавливаются, говорил он, сейчас систематически и научно.

Я не мог, конечно, отрицать, что в капиталистических странах войска могут иметь своим назначением и подавление революционных восстаний, и мне осталось лишь напомнить о той роли, какую сыграла царская армия во время Февральской и Великой Октябрьской революций. Во всяком случае мы можем записать, что одним из доводов против полного разоружения выставляется необходимость подавления внутренних восстаний и что для этой цели необходимо сохранение нынешних могущественнейших армий с их сверхдредноутами, аэропланами, цеппелинами, бомбометами, танками и т. д.

Делегаты, вероятно, сами испытывали неловкость подобной аргументации, и поэтому они на ней долго не задерживались. Больше всего они цеплялись за доводы формального порядка. Устав Лиги, видите ли, не позволяет ее членам разоружаться полностью, ибо статья 8-я устава говорит, что члены Лиги обязуются разоружиться лишь в меру своей безопасности, а другие статьи подразумевают военные санкции против страны, нападающей на какого-либо из членов Лиги, для военных же санкций необходимы войска. Напрасно мы им указывали, что, во-первых, обязуя государства разоружаться частично, статья 8-я нисколько как-будто не запрещает осуществить и полное разоружение; во-вторых, что народам было бы дешевле и выгоднее изменить ту или иную статью устава Лиги наций, чем платить миллиарды на содержание армий и флотов; а в-третьих, что при полном разоружении невозможно будет нападение друг на друга и что поэтому не потребуются военных санкций против нападающих. Делегации, однако, упорно стояли на своем, что устав Лиги есть предел, «его не перейдешь» и что полное разоружение несовместимо с членством в Лиге наций. Им и книги в руки. Если бы кто-либо из нас когда-либо говорил, что Лига наций, призванная якобы для водворения мира на земле, которая, по выражению, кажется, польской делегации, есть единственный хранитель мира, является препятствием к разоружению народов, то это было бы провозгла-

шено клеветой на Лигу. Но вот сами члены Лиги громко заявили, что их свобода действий в отношении разоружения стеснена именно тем обстоятельством, что они вступили в Лигу наций.

К чему таким образом привела их аргументация против нашего проекта конвенции? Я уже говорил вам, что делегации избегали вначале говорить прямо, что наш проект конвенции отвергается потому лишь, что полное разоружение большинству капиталистических стран нежелательно, и поэтому они пытались привести объективные аргументы против наших предложений. Когда же эти аргументы один за другим оказались уничтоженными и сами ораторы почувствовали недостаточную убедительность их, то делегации вынуждены были прибегнуть в конце концов к ссылке на нежелание их правительств разоружиться. Ибо что такое статья 8-я устава Лиги, как не формально зафиксированное и точно сформулированное нежелание авторов — членов Лиги — отказаться от полного разоружения и от прекращения войн?

Мы можем с удовлетворением констатировать, что первая междугосударственная дискуссия на международной арене о полном разоружении доказала отсутствие каких бы то ни было действительно объективных препятствий к осуществлению этой идеи и что соответствующие предложения советского правительства натолкнулись лишь на одно препятствие, вытекающее из нынешней политики капиталистических стран, продолжающих считать ведение войн неотъемлемым элементом этой политики и кроме того нуждающихся в сохранении своих армий для защиты капиталистического режима.

Недаром один из наиболее циничных делегатов, представитель Бельгии, заявил, что наше предложение полного разоружения «проникнуто духом вражды к цивилизации и ко всему, что дорого» капиталистическим государствам. Эта мысль допускает лишь одну расшифровку, а именно, что, предлагая уничтожить вооруженные силы, мы-де стремимся лишить единственной опоры и поддержки капиталистический режим и все то, что ему угодно считать цивилизацией.

Говоря о делегациях и комиссиях, мы должны отметить особое место германской делегации, которая от начала до конца сессии действовала параллельно с советской делегацией, открыто поддержав ее проект полного разоружения в качестве базы работ комиссии, а также немедленное рассмотрение нашего второго проекта разоружения.

Можно с удовлетворением также отметить, что на этот раз советская делегация имела значительную поддержку со стороны впервые появившейся в комиссии турецкой делегации, которая вместе с нами и с германской делегацией последовательно выступала против попыток скрыть наш проект в каких-

нибудь подкомиссиях, замолчать его или тайно похоронить. Турецкая делегация высказалась за передачу нашего проекта конвенции о полном разоружении будущей международной конференции даже в том случае, если наш проект не получит одобрения подготовительной комиссии.

Как и следовало ожидать, после прений, занявших несколько заседаний, была внесена резолюция об отклонении нашего проекта конвенции и самой идеи всеобщего разоружения. Платя известную дань очевидной популярности нашего проекта в широких массах, авторы резолюции пытались сперва обсахарить ее, сказав, что идея всеобщего разоружения, хотя и отвечает идеалам человечества, не может при настоящих условиях быть осуществлена.

Нашелся, однако, более прямодушный делегат, который нашел неуместным упоминание об идеалах человечества в этой резолюции и который считал, очевидно, что полное разоружение невозможно и нежелательно не только при настоящих, но и при любых условиях. Эта заслуга принадлежит представителю Польской республики, который предложил краткое и немотивированное постановление, что комиссия не считает наш проект приемлемым. Не желаем. Коротко и ясно. Такая формулировка, конечно, больше соответствовала тому отсутствию доводов, которое выявилось в ходе прений. К польскому предложению многозначительно поспешила присоединиться делегация Финляндской республики в лице ее бывшего министра иностранных дел г. Холсти, который в свое время пытался присоединить свою страну к союзу с Польшей, но натолкнулся на сопротивление своего правительства и своей собственной партии.

Выделяя германскую и турецкую делегации, необходимо признать, что в единодушных решениях комиссии известную роль сыграло то обстоятельство, что предложения исходили от советской делегации и что желание демонстрировать единый фронт против нее брало часто верх над другими соображениями. Иначе трудно было понять, почему, против идеи всеобщего разоружения выступали и представители малых государств, которым об империализме мечтать не приходится, и даже представитель такой страны, как Болгария, которая, будучи разоружена в силу мирного договора, так же как и Германия, могла бы только выиграть от разоружения других стран.

Как видите, советская делегация в Женеве была поставлена в положение, далекое от равноправия, и это дает вам некоторое представление о тех условиях, в которых советским делегациям приходится работать на международных конференциях. Впрочем, это своеобразное равноправие было продемонстрировано более ярко несколько позднее, но об этом я еще скажу.

С отклонением нашего проекта конвенции об общем разоружении комиссия перешла к третьему пункту порядка дня, который значился как «состояние работы подготовительной комиссии по разоружению». Это состояние было весьма плачевно, и председатель докладывал о нем самым заумным тоном. На вопрос германской делегации председатель еще в начале сессии разъяснил, что при обсуждении этого пункта порядка дня можно будет вносить любые предложения, имеющие какое-либо отношение к разоружению. Воспользовавшись этим, германская делегация внесла весьма скромное предложение об обязательной публикации в «Ежегоднике» Лиги наций всеми государствами полных сведений о состоянии их вооруженных сил. Комиссия, однако, решила, что это предложение следует обсудить при втором чтении проекта комиссии о сокращении вооружений, который прошел первое чтение на III сессии комиссии. Когда же германская делегация предложила приступить к этому второму чтению, то оказалось, что это тоже невозможно, ибо наметившиеся при первом чтении разногласия между великими державами до сих пор не устранены. Казалось бы, что подготовительная комиссия для того и создана, чтобы в ней совместно обсуждать предложения и совместно разрешать возникающие там разногласия. Не слышали ли мы часто, что главной заслугой Лиги наций является предоставляемая ею возможность частых встреч представителей государств для разрешения всех существующих между ними конфликтов и разногласий? Оказывается, однако, что эта заслуга имеет весьма условное и ограниченное значение и что разногласия, возникающие в процессе работ самой Лиги и ее органов, должны разрешаться на стороне путем тайных дипломатических переговоров. В утешение комиссии французский делегат сообщил, что наметившиеся в комиссии разногласия уже где-то обсуждаются и что есть надежда, что когда-нибудь будет достигнуто какое-то соглашение. К этому делегат Великобритании, член английского кабинета, добавил, что он тоже что-то слышал о подобных переговорах, хотя ему о них ничего неизвестно. Итальянский делегат поспешил сообщить, что он и его правительство не только ничего не знают об этих переговорах, но даже о них ничего не слышали, и предупредил, что разногласия с комиссией имеются также и у итальянского правительства, которое не будет ни в какой мере связано с тем соглашением, которое будет достигнуто где-то на стороне между другими государствами без его участия. На основании всего этого комиссия решила, что второе чтение ее собственного проекта должно быть отложено до следующей сессии, срок созыва которой не может быть определен, так как никому неизвестно, когда ожидаемое соглашение между названными государствами состоится. Такое решение означало, собственно, признание прекращения дея-

тельности подготовительной комиссии, по крайней мере на неопределенное время. Германская делегация поэтому предложила комиссии признать свое бессилие справиться с возникающими затруднениями и рекомендовать Совету Лиги наций немедленно созвать международную конференцию по разоружению, которая благодаря своей большой авторитетности, быть может, справится с теми трудностями, из которых не может выйти подготовительная комиссия.

Конечно, это предложение не имело никаких шансов на успех и было провалено.

В это время советская делегация заявила, что так как проект полного разоружения отклонен при заявлении большинства делегаций от имени правительств, что они могут обсуждать лишь проекты частичных разоружений, то она выносит на немедленное рассмотрение комиссии совершенно разработанный новый проект частичного разоружения. Советская делегация наивно полагала, что она этим предложением выводит комиссию из чрезвычайно затруднительного положения, в которое она попала, и что она в значительной мере спасает ее от дискредитации. К нашему удивлению, большая часть делегаций ополчилась против нашего нового предложения чуть ли не с еще большим ожесточением, чем против нашего первого проекта, настаивая на этот раз на немедленном закрытии сессии. Нас стали обвинять опять в том, что, предлагая подкомиссии немедленно заняться обсуждением проекта разоружения, мы требуем от нее, чтобы она сделала шаг назад, причем такому нашему предложению противопоставлялось более «прогрессивное» предложение французской делегации закрыть сессию и разъехаться по домам.

Волнение, вызванное нашим вторым проектом, достигло весьма значительных размеров, и председатель подкомиссии счел даже нужным немедленно успокоить собрание весьма решительным заявлением, что ни в коем случае наш новый проект не будет подвергнут обсуждению на настоящей сессии. Тщетно я трижды предлагал председателю мотивировать это заявление, но никаких удовлетворительных ответов и объяснений я от него не получил. Указывалось только, что делегаты, мол, не подготовлены к нашему проекту, не изучили его, не имеют инструкций от своих правительств. Мне пришлось напомнить председателю в самой комиссии, что когда вносились проекты конвенции по разоружению другими делегациями, то к обсуждению их приступали немедленно, причем американская делегация испрашивала инструкции от своего правительства по телеграфу, а комиссия отложила заседание на несколько дней до получения из Америки ответа. Я требовал равноправия для советской делегации и ее предложений, и опять-таки удовлетворительного ответа добиться не удалось. В комиссии в то время наступило такое состояние

умов, когда разумных, логических и обоснованных рассуждений ожидать уже не приходилось. В самом спешном порядке комиссия приняла общую резолюцию об отклонении нашего первого проекта о полном разоружении и о перенесении обсуждения нашего второго проекта, предложения германской делегации и второго чтения проекта, выработанного комиссией, на следующую сессию, созыв которой предоставляется усмотрению председателя.

Если в первоначальном проекте резолюции имелась еще оговорка об обязанности председателя созвать комиссию во всяком случае не позже следующего общего собрания, т. е. не позже сентября этого года, то по предложению американской делегации эта оговорка была удалена или скорее заменена контрпоправкой, чтобы сессия была созвана, «если возможно, не позже следующего общего собрания Лиги».

Вы спросите меня, товарищи, каковы же дальнейшие перспективы работы Лиги наций по разоружению? Совершенно очевидно, что у большинства делегатов уже созрело решение если не совершенно игнорировать наш второй проект конвенции частичного разоружения, то отдельно его не обсуждать, а лишь обсуждать параллельно со вторым чтением их собственного проекта. Это второе чтение станет возможным, однако, лишь тогда, когда и если происходящие в настоящее время в недрах дипломатии переговоры приведут к устранению наметившихся разногласий. Если это соглашение не будет достигнуто, то подкомиссия никогда, вероятно, совсем не будет созвана.

В свое время в нашей прессе был опубликован мой доклад XV съезду ВКП(б) о IV сессии подкомиссии. Там я дал подробную характеристику так называемых проектов конвенции самой комиссии, о втором чтении которых мы только что говорили. В этих проектах, я напому вам, нет ни единой цифры, ни одной формулы сокращения вооружений. В них только перечисляются роды оружия, боевых припасов, различные категории военных материалов, морских вооружений, авиационных и т. д., подлежащих сокращению. Но насколько все это должно быть сокращено, об этом в проекте конвенции не говорится ни слова. Разногласия между великими державами, которые они пытаются сейчас дипломатическим путем разрешить, вызваны одной лишь этой номенклатурой, перечислением того, что подлежит сокращению. Тем не менее, эти разногласия не поддаются устранению вот уже в течение 12 месяцев. Когда, наконец, соглашение по номенклатуре, которое заставляет себя так долго ждать, будет достигнуто и к этому соглашению присоединятся другие государства, в тайных переговорах не участвующие, и если при втором чтении номенклатуры не возникнет новых разногласий, то тогда только будет приступлено к численному, определению

уровня вооруженных сил, отдельно по каждому предмету номенклатуры и отдельно для каждой страны. Нужно будет тогда точно установить, сколько каждая страна может иметь ружей, пушек, самолетов и т. д. Но предусмотрены ли этим проектом какие-нибудь общие коэффициенты или объективные признаки для производства этой в высшей степени сложной, деликатной и спорной работы? Отнюдь нет. Комиссия, видите ли, или конференция должна исходить из статьи 8-й устава Лиги наций, предоставляющей каждому государству сокращать свои вооружения в меру своей собственной безопасности, географического положения и т. д. Имеются ли какие-нибудь объективные бесспорные выражения этой безопасности? Конечно, нет. И вот если спор о номенклатуре между несколькими государствами не поддается разрешению в течение 12 месяцев, то спрашивается, сколько лет или десятилетий потребуется для того, чтобы, скажем, 50 или 60 государств могли сговориться между собой относительно степени безопасности каждого из них и относительно того количества вооружения, которое должно соответствовать этой спорной степени безопасности.

Некоторое представление о тех спорах, которые подобный метод работы неизбежно вызовет на конференции по разоружению, дает речь японского представителя в комиссии, который буквально сказал, что каждое государство должно раньше всего индивидуально чувствовать себя безопасным, чтобы сложить оружие. Безопасность государства — это дело индивидуального ощущения государства, индивидуального решения. Никто не вправе указывать, в какой мере каждое государство действительно обладает безопасностью. Только государство само может знать, в безопасности оно или нет, а так как установление количества вооружения зависит от степени безопасности, то в конечном счете само государство должно решать, какое количество вооружений ему полагается. Причем же, спрашивается, международные соглашения, конвенции, конференции?

Не думаете ли вы, товарищи, что когда по истечении стольких-то лет или десятилетий полное соглашение о сокращении вооружений будет достигнуто, то это сокращение будет немедленно же осуществлено? Ошибаетесь, товарищи. Некоторое представление о темпе этой работы дает следующая речь профессора Политиса, члена президиума комиссии, человека весьма влиятельного и весьма осведомленного о настроениях Лиги наций.

Вот что он буквально сказал: «Осуществление программы, предусмотренной статьей 8-й устава Лиги, требует предварительного исполнения целого ряда условий: расширения мирных процедур, усиления моральных и материальных гарантий безопасности, развития хорошего взаимопонимания и

взаимного доверия между народами, экономической стабилизации, разрешения тех серьезных проблем, на которые намекал генерал де Маринис (это — итальянский делегат, который отвергал наш проект всеобщего разоружения потому, что он не обеспечивает справедливости мира, отсутствующего в настоящее время), но которые в настоящее время окажутся неразрешимыми благодаря несовершенствам и недочетам международного права. Опять-таки это еще не весь список, есть еще условие, которое должно быть осуществлено: необходимо, чтобы внутри каждой страны наступило успокоение мнений, тот домашний мир, то прекращение систематической классовой войны, о которой говорил лорд Кашендун. Только когда все эти условия будут осуществлены, сможет быть реализована полностью и эффективно программа статьи 8-й».

Нужно ли еще что-нибудь добавить к этому, не ясно ли вам, каких результатов можно было ожидать в деле разоружения от тех методов работы, на которых упорно настаивает подготовительная комиссия и во имя которых отвергнуто ясное и четкое предложение советской делегации, дающее объективные общие коэффициенты пропорционального разоружения с некоторым нарушением пропорциональности в пользу малых государств?

Вот те методы, в разрушении которых обвиняла советскую делегацию комиссия, а вслед за ней и сам председатель комиссии в своей заключительной речи. Я спрашиваю, найдется ли в мире мало-мальски беспристрастный человек, который затруднился бы ответить на вопрос, кто в комиссии действительно стремится двигать вперед и эффективно дело разоружения и кто это дело саботирует.

Товарищи, если бы целью советской делегации в Женеве было лишь дискредитировать Лигу наций, разоблачить капиталистические государства, в ней представленные, и, как выразился лорд Кашендун, снять с них пацифистскую маску, то мы могли бы быть в высшей степени довольны результатами V сессии. Нам не нужно было бы говорить или писать об этом, так как с этим справляется сама буржуазная пресса, открыто пишущая о провале Лиги наций, о дискредитации Лиги и муть ли не о катастрофе.

Поскольку мы стремимся, однако, толкать все народы к действительному, скорейшему и максимальному разоружению, мы должны выразить искреннее разочарование и чрезвычайное сожаление по поводу исхода работ комиссии и того безутешного состояния дела разоружения, которое нам сессия открыла.

Тот пацифизм, который я вам вкратце охарактеризовал в начале своей речи, пытается проложить себе новую дорогу и найти себе новое выражение. Почти одновременно с V сессией подготовительной комиссии мы узнали о предложении

правительства США, обращенном к ряду избранных государств, о воспрещении войны как средства национальной политики. Большинство делегаций, как я вам уже докладывал, отвергло идею всеобщего разоружения, потому что, по их мнению, для обеспечения безопасности отдельных государств, для устранения существующей в настоящее время международной несправедливости войны могут оказаться еще неизбежными и необходимыми. Как выразился голландский представитель, «люди, нации и правительства несовершенны, делают ошибки, заблуждаются, жадны и завистливы, и поэтому, не пришло время сложить оружие». Но вот является государство, которое предлагает отказаться в будущем на вечные времена от ведения войн и от разрешения международных конфликтов путем вооруженных столкновений. Казалось бы, что хоть это государство должно было поддержать наше предложение о всеобщем разоружении, ибо армии и флоты являются лишь орудием войн или угрозой войн. Если же мы вести войну, или угрожать войной не собираемся, то к чему тратить сотни миллионов народных денег на содержание этих армий и флотов? С этим вопросом я обращался к американскому делегату, в Женеве, но, увы, убедительного ответа не получил. Он говорил, что «одно разоружение не создаст того доверия, которое необходимо для осуществления нашей задачи». Мне неясно было, собственно, о какой такой «нашей» задаче он говорил. Если он имел в виду дело мира, то нам казалось бы, что можно больше доверять соседнему государству, которое доказывает свое миролюбие уничтожением всех орудий нападения, чем если оно, стоя перед нами в полном вооружении и увеличивая это вооружение, ограничивается лишь обещанием не нападать на нас. Если бы в дополнение к материальному разоружению Соединенные штаты требовали также и морального запрещения войн, то мы первыми поддержали бы такое предложение. Но можно ли понять логику наших противников, когда они, с одной стороны, отвергают полное разоружение на том основании, что, разоружившись и обязавшись международной конвенцией впредь не вооружаться, т. е. дав то же моральное обещание не нападать или не вести войны, все же будут тайно вооружаться и нападать на своих соседей, а с другой стороны, утверждают, что можно вполне доверять другим государствам, если, оставаясь при полном вооружении, они лишь подпишут бумагу о неведении войны? Или, может быть, взаимное обязательство о неведении войны никакого доверия не предполагает, поскольку никто не разоружится и сможет в случае нарушения обязательства защищаться испытанным военным способом? Но в таком случае велика ли польза от этого международного обязательства, почувствуют ли народы какое-либо облегчение от этого обязательства, если попрежнему должны будут платить в прежних или увеличенных

объемах налоги на сохранение и развитие вооруженных сил и притом же будут попрежнему, оставаться под угрозой войны? Поскольку американская делегация в Женеве не считала нужным разъяснить нам нелогичность своего поведения, нам самим приходится искать ответов на наши недомыслимые вопросы. И вот в порядке догадки я прошу, обратить ваше внимание на формулировку, американского предложения. Там не говорится о запрещении войны вообще, а лишь о запрещении войны «в качестве средств национальной политики». Поскольку вводится такое ограничение, надо думать, что некоторые виды войн сохраняют свою законность. Если бы мы сделали такое предложение, то наши догадливые противники наверно поспешили бы сделать вывод, что мы оставляем лазейку для гражданских войн. Но никто не посмеет высказать такого предположения в отношении правительства Соединенных штатов, а между тем очевидно, что какой-то вид войны остается легализованным. Какой же это вид войны? Не имеется ли в виду сохранить войну для разрешения международной справедливости, как эту справедливость понимают руководящие государства, или для бескорыстного, конечно, разрешения чужих конфликтов, или войну во имя гуманности, как эту гуманность понимают капиталистические государства, или, наконец, войну для защиты этой цивилизации, за которую ратовал упомянутый мною представитель Бельгии, против тех варваров, которых он тогда имел в виду?

Если наша догадка правильна, то становится понятным, почему американская делегация отвергает всеобщее разоружение.

Мне кажется, что очертания и размеры того пацифизма капиталистических правительств, который ведет свое начало от жюкобутистов мировой войны, т. е. сторонников войны до победного конца, уже достаточно обозначились, чтобы отличить его от того миролюбия, которое последовательно проводится советским правительством. Я думаю, что нам нет надобности взывать к беспристрастному историку и что среди современников найдется немало людей, может быть тысяч и миллионов людей, которые смогут сделать это различие и это различие уже делают.

И вот, чтобы замазать это различие, чтобы опорочить миролюбивые выступления советской делегации, характер которых особенно стал понятен широким массам после V сессии подготовительной комиссии, наши противники не нашли иного средства, как снова пустить нелепые слухи через услужливую конечно французскую печать о готовящемся нападении Советского Союза на его ближайших соседей — на Латвию, Эстонию, Румынию и, конечно, «безобидную» Польшу. Советская власть, видите ли, переживает такие затруднения, такие кризисы, из которых нет выхода вне какой-нибудь военной авантюры. Мы знаем некоторые источники этих слухов, мы знаем дипломатов

и военных атташе, которые особенно усердствуют в распространении этих слухов, которым они сами, конечно, не верят. Но именно потому, что мы знаем источники этих слухов, у нас возникает опасение: не преследуют ли эти слухи и побочных целей и не служат ли они той дымовой завесой, под прикрытием которой совершаются приготовления к прямому или косвенному нападению на Советский Союз. Но во всяком случае, что значат эти нелепые слухи, которые, кстати, больше всего высмеиваются в соседних прибалтийских странах, по сравнению с фактическим и систематическим проявлением нашей мирной политики, которая у всех на глазах? Могут ли эти слухи уничтожить такие факты, как наши многократные обращения в первую очередь к нашим ближайшим соседям и затем ко всем народам с предложением о разоружении, как наше громогласное, на международной арене заявленное обязательство распустить нашу Красную армию, флот и все наши вооруженные силы при условии проведения таких же мер другими государствами? И разве не мы первые задолго до инициативы Соединенных штатов выступили с предложением всем государствам о заключении с ними пактов о ненападении и нейтралитете? Обязательство не нападать и соблюдать нейтралитет, т. е. не участвовать в войнах между собой третьих государств, и есть отказ от ведения войны и есть запрещение войны, причем этот отказ с нашей стороны был безусловный, без всяких оговорок и без всяких лазеек. Может ли кто-нибудь назвать хотя бы один поступок из области внешней политики советского правительства, который можно было бы считать покушением на интересы другого народа? Таких фактов не назовут, потому что их нет. С другой стороны, мы могли бы перечислить целую серию фактов из внешней политики других стран, которые самый искушенный софист не мог бы отнести к проявлениям миролюбия. Достаточно отметить последнее заявление господина Келлога о Советском Союзе, которое отнюдь не идет по линии установления мирного существования народов. Проводимая им политика в отношении Союза ССР отнюдь не подходит под понятие мирного разрешения международных споров.

Можно ли отнести к миролюбию известную акцию Банка де Франс, активно поддержанную французским правительством? Я имею в виду нашу шумевшую на весь мир и, пожалуй, насмешившую весь мир погоню Французского банка за советским золотом для удовлетворения какой-то мифической претензии, даже нашему правительству неизвестной. Меня лично эта акция поразила больше, чем кого бы то ни было, вот почему. В 1921 г. я состоял главным уполномоченным СНК по валютным операциям и по реализации нашего золота за границей. Я находился в Ревеле, и через мои руки прошло несколько сот миллионов нашего золота, продан-

ного мною за границу. Большая часть этого золота была продана мною непосредственно или через разных посредников крупным французским фирмам, которые это золото переплавляли не то во Франции, не то в Швейцарии, откуда это золото находило свое последнее убежище в кладовых американского резервного банка. Это отнюдь не было тайной, об этом были информированы и Банк де Франс и другие банки. Это было в момент напряженнейших отношений между нами и Францией, когда Франция еще активно участвовала, прямо или косвенно, в военных нападениях на нас, когда никаких отношений между нами и Францией еще не было. Тогда Французскому банку не приходило в голову наложить руку на попадавшее во Францию наше золото, а решилось оно на этот враждебный акт спустя семь лет, после того, как были установлены нормальные отношения между нами и Францией, после того, как была созвана конференция для урегулирования взаимных претензий правительств и граждан обеих стран. Разве эта акция не имела целью сорвать длительную и упорную работу советской и французской делегаций, выработавших соглашение, являющееся единственной возможной базой урегулирования взаимных претензий? Разве срыв этой работы может в малейшей доле содействовать мирному разрешению международных споров, а не, наоборот, усилить рознь и вражду между нами?

Если даже отвлечься от непрекращающихся со стороны других стран враждебных выходов по нашему адресу, мы должны отметить во всем мире усиление за последнее время тех самых дипломатических и милитаристических тенденций, которые привели в 1914 г. к мировой войне. То, что произошло на V сессии подготовительной комиссии, является не чем иным, как торжеством того самого милитаризма, который предшествовал этой войне и сопутствовал ей. Под прикрытием пацифистской фразеологии о гарантиях безопасности, о пактах о ненападении опять совершаются такого же рода политические комбинации, какие являлись плодом упражнений довоенной дипломатии. Над выработкой невинных с виду договоров о ненападении, об арбитраже или, скорее, о дополнительных к ним тайных соглашениях в настоящее время не только работают канцелярии министерств иностранных дел, но в некоторых странах и военные и морские штабы. Это не моя догадка, это — факт, о котором Наркоминдел имеет самые достоверные сведения. Единственное пока в мире советское государство слишком слабо, чтобы влиять на намечающийся грозный ход международных событий. Оно может лишь предостерегать народы против надвигающейся на них опасности, но чем громче будет звучать его предостерегающий голос, его призыв к миру и разоружению, тем интенсивнее будут усилия других стран заглушить этот голос во что бы

то ни стало, опорочить инсинуациями, злостной клеветой, провокационными слухами, сплетнями и т. д. Наше выступление на IV сессии подготовительной комиссии вызвало к жизни известную подложную статью товарища Сталина. Немедленно после наших выступлений на V сессии были пущены слухи о наших мнимых агрессивных намерениях в отношении Прибалтики, а на-днях и злостная инсинуация английского министра внутренних дел сэра Джойсона Хикса, зачинщика налета на Аркос и разрыва англо-советских отношений. Я убежден, что доверие к подобным слухам и сообщениям, в особенности когда они исходят из источников, близких к фабрике «зиновьевского письма», будет падать, а употребляемое против нас оружие все более притупляться.

Мирной политики советского правительства такого рода средства борьбы изменить не могут. Пока другие государства занимают столь непримиримую позицию в вопросе о разоружении, мы, конечно, не будем ослаблять обороноспособности нашего государства, будем зорко следить за всеми движениями наших многочисленных врагов. В то же время мы заявляем, как заявляли и раньше, что основной целью советской политики, советской дипломатии является стремление обеспечить мирные условия нашей созидательной внутренней работе, не задевая национальных интересов никаких других государств. Советское правительство не даст себя совлечь с пути той мирной политики, ярким проявлением которой явилось его предложение всем народам о полном, немедленном, всеобщем разоружении. Пусть подготовительная комиссия сняла с порядка дня этот вопрос, пусть Лига наций считает полное разоружение недостижимым идеалом или таким, к которому человечество должно стремиться черепашиным шагом в течение столетий или тысячелетий, пусть другие делегаты подобно представителю Польши пытаются вычеркнуть разоружение даже из списка идеалов человечества, но советское правительство будет попрежнему стремиться к включению этого идеала в порядок наших дней, в порядок текущей политики и к скорейшему осуществлению этого идеала так же, как оно стремится осуществить и осуществляет другие идеалы трудящихся всего мира (бурные аплодисменты).

(«В борьбе за мир», изд. НКВД, 1928 г.)

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ VI СЕССИИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ 16 АПРЕЛЯ 1929 г.¹

Г-н Председатель!

1. При всем моем желании считаться с высказанным вами вчера желанием о наивозможном сокращении речей по порядку дня я вынужден заранее просить у вас извинения, если я не в полной мере удовлетворю этому желанию.

2. Вопрос, который мы сейчас обсуждаем, является не просто вопросом о порядке дня, техническим вопросом, вопросом об удобстве перестановки одного пункта порядка дня на место другого, — а вопросом, имеющим глубокое принципиальное значение. Решая этот вопрос, комиссия покажет, готова ли она приступить на настоящей VI сессии к действительному разрешению проблемы разоружения, будет ли эта сессия шагом вперед или же она будет похожа на своих предшественниц в смысле бесплодности ее работ и ее движение придется вновь охарактеризовать как топтание на месте.

3. Эти мои замечания были бы излишни, если бы я был убежден в том, что, предлагая нам поставить первым пунктом порядка дня обсуждение советского проекта конвенции о сокращении вооружений, наш председатель действительно

¹ Эта речь была произнесена т. Литвиновым в связи с тем, что в порядок дня, предложенный председателем 15 апреля, был включен рядом с советским проектом конвенции о сокращении вооружений также и проект, составленный комиссией по разоружению в 1927 г. Кроме того председатель имел в виду вести обсуждение советского проекта в плоскости определения его соответствия путям, намеченным комиссией. Выступая по указанному вопросу, т. Литвинов дал обзор событий, предшествовавших VI сессии, критику методов работы комиссии и изложение основных черт и преимуществ советского проекта.

имеет в виду положить этот проект в основу всех дальнейших работ комиссии по разоружению. Я думаю, что я вряд ли был бы справедлив к нему, если бы приписывал ему подобную — с его точки зрения, вероятно, совершенно еретическую — мысль. Такому предположению противоречат многочисленные указания г-на председателя в его речах здесь в комиссии, а также в его ответном письме на мое имя от 29 декабря п. г. на необходимость продолжения комиссией работ «по ранее проложенным ею путям». По принятой комиссией и всем теперь вполне понятной терминологии это значит фактическое исключение всяких новых проектов конвенций, в том числе и представленного советской делегацией проекта, в пользу проекта, разработанного комиссией и прошедшего уже первое или, правильнее сказать, первую половину своего первого чтения. Неудивительно поэтому, что в своей вчерашней речи г-н председатель предлагал раньше всего рассмотреть вопрос, укладывается ли советский проект в рамки проекта 1927 г. или нет. Продолжая эту мысль, приходится сказать, что в случае отрицательного ответа на этот вопрос г-н председатель сочтет неизбежным отклонение советского проекта целиком без его обсуждения по существу. Я считаю себя поэтом вправе предположить, что целью предлагаемого порядка дня является не обсуждение советского проекта по существу, а чисто формальное рассмотрение вопроса, может ли комиссия вообще заниматься этим вопросом или она должна отбросить его в сторону с целью перехода к менее существенным пунктам проекта 1927 г., второе чтение которого, как г-н председатель вчера нам подтвердил, является в настоящее время еще невыполнимым. Я буду только рад оказаться плохим пророком, если члены комиссии опровергнут мои предположения. Но если бы мои предположения были ошибочны, то г-н председатель не включил бы, и притом не в условной, а в вполне положительной форме, некоторые другие пункты порядка дня, которые содержатся целиком и в советском проекте. Попутно я позволю себе упомянуть, что почти все перечисленные в меморандуме графа Бернсдорфа от 8 апреля вопросы могут быть разрешены и советским проектом, и притом в духе самого меморандума. Равным образом могут быть уложены в рамки советского проекта и одновременно с ним обсуждены всякие другие предложения делегаций, ранее внесенные или имеющие быть внесенными, так как советский проект является в смысле разоружения всеобъемлющим и во всяком случае имеющим более широкие рамки, чем проект 1927 г.

4. Я уверен, что гг. делегатам вполне понятно, что проект 1927 г. и советский являются взаимно исключаящими и не могут обсуждаться одновременно. К этому надо добавить, что, в то время как в основу советского проекта положены

вполне определенные принципы, дающие возможность решать уже теперь вопросы о разоружении и его размерах, другой проект дает возможность лишь дискуссии по техническим вопросам и, в случае даже своего окончательного принятия, не открывает никаких перспектив для разрешения основного вопроса о разоружении и о степени этого разоружения. Всего важнее устранение советским проектом тех препятствий, на которые натолкнулся два года тому назад проект 1927 г. и которых он до настоящего времени не мог преодолеть.

5. Позвольте мне, м. г., напомнить вам, что проект 1927 г. сохраняет свое нынешнее зачаточное состояние уже в течение нескольких сессий. На III сессии окончание его первого чтения было отложено вследствие обнаружившихся разногласий. На IV сессии было найдено, что продолжать работу по этому проекту невозможно вследствие неустранения этих разногласий. На V сессии было сообщено делегатом Франции и подтверждено делегатом Великобритании, что вне лона комиссии намечается возможность соглашения по этим разногласиям, и в ожидании этого столь желанного события комиссия решила вновь отложить свои занятия по проекту. С тех пор прошло больше года, и председатель все еще не может нам сообщить ничего утешительного о нынешнем состоянии разногласий, вызванных проектом комиссии. Насколько нам позволено знать, эти разногласия в общем не только не смягчились, но в настоящее время еще больше обострились, осложнившись новыми вопросами. Если Франция и Великобритания и нашли путем переговоров удовлетворяющие их собственные интересы решения, то вместо прежних разногласий выявились новые противоречия, на этот раз — между англо-французским компромиссным соглашением и точками зрения США и Италии. Насколько нам позволено знать, переговоры для улажения этих противоречий даже еще не начаты.

6. На отмеченные мною только что факты я указывал в своих письмах на имя председателя комиссии от 20 августа и 6 декабря прошлого года. Я был немало изумлен, когда в своем ответном письме г-н председатель комиссии высказал мнение, что комиссия может продолжать свою работу с успехом, лишь идя по ранее проложенным ею путям. Мне остается лишь позавидовать оптимизму г-на председателя, если он находит работу комиссии до настоящего времени успешной. Если комиссия будет работать с таким же успехом и дальше, то в разоружение, как в творение подготовительной комиссии Лиги наций, мне кажется, перестанут верить самые яростные оптимисты.

7. В самом деле, допустим, что в ближайшие месяцы наступят такие «счастливые» обстоятельства, которые позволят Великобритании и Франции вступить в переговоры с США

и рано или поздно довести их до благополучного конца. Где гарантия, что достигнутое таким путем соглашение окажется приемлемым для других государств, в переговорах не участвовавших? Я вспоминаю, что на последней сессии при сообщении о начатых тогда между Великобританией и Францией переговорах почтенный представитель Италии заявил, что его правительство ни в какой мере не будет связано соглашением, достигнутым без его участия, а ведь свое суждение об этом соглашении вправе иметь и остальные представленные в комиссии государства. Кроме того речь идет пока о разногласиях по одному лишь, правда, весьма важному, пункту, но разногласий имеется еще немало, о чем красноречиво свидетельствуют варианты, поступившие после первого чтения проекта. Если все эти разногласия придется разрешать с помощью такой же длительной процедуры, как и первое разногласие, то для нумерации сессий подготовительной комиссии потребуются трехзначные числа, и проложенный комиссией путь приведет куда угодно, только не к успешному концу.

8. Теперь совершенно очевидно, господа, что виной неустранимой безуспешности работ комиссии является именно тот путь, которым комиссия шла до сих пор, тот метод, который положен в основу работ комиссии. А основной порок этого метода заключается в том, что он вместо установления общего, справедливого и обязательного для всех стран коэффициента сокращения вооружений предусматривает индивидуальную фиксацию вооружений применительно к каждой отдельной стране, во всем ее особенностям — политическим, географическим, стратегическим, экономическим и иным, при очевидной необходимости общего международного признания субъективных оценок потребностей каждого государства.

9. В этом смысле весьма поучительными являются результаты вопросника, разосланного Лигой наций в 1921/22 гг. о потребностях национальной безопасности; почти каждое государство сообщило, что его национальные потребности препятствуют ему сократить его военные силы. Все страны оказались в особом положении, причем некоторые указывали даже на существование у них особых обязательств, заставляю ими самими себе «навязанных». При таком положении вещей, когда все страны оказываются в особом положении то в том, то в другом отношении в силу индивидуальных причин, становится ясной необходимость отыскания такого критерия, который не зависел бы от субъективных факторов, который не наносил бы ущерба ни одному государству и не пытался бы разрешить неразрешимой задачи получения всеобщего согласия на изменение существующего соотношения сил. Такой критерий можно найти только в советском проекте, а именно в предложении о пропорциональном сокра-

щении всех вооруженных сил, с отступлениями лишь в пользу малых государств.

10. Принятие советского предложения о пропорциональном сокращении всех родов и категорий оружия, как уже раньше мною упомянуто, устранило бы те разногласия между морскими державами, которые в настоящее время задерживают работы подготовительной комиссии, и предотвратило бы такие же, если не более резкие, разногласия, которые иначе неизбежно возникнут в связи с разрешением проблемы сухопутных и воздушных военных сил.

11. С другой стороны, для советской делегации не является доказанным, что работы комиссии, произведенные путем, которому нам предлагают следовать и дальше, непременно должны привести к какому бы то ни было сокращению существующих вооружений. В связи с этим советская делегация считала бы вполне своевременным внесение ясности в вопрос о том, какие цели вообще ставит себе подготовительная комиссия по разоружению. Сомнения на этот счет создают как некоторые недавние заявления выдающихся государственных деятелей, так и упорное употребление подготовительной комиссией двойного и двусмысленного термина «ограничение вооружений» и предполагаемое резервирование до конференции конкретных цифр разоружения. Термин «ограничение вооружений» не означает обязательного установления таких пределов, которые были бы ниже существующих вооружений, а допускает и такие, которые в общем не будут отличаться от существующих сейчас вооружений или, даже будучи выше их, оставят место для увеличения армий, флотов и военных бюджетов. Такое нормирование означало бы не уменьшение вооружений, а сохранение или даже увеличение вооружений и ничем не отличалось бы от попыток соглашения, которые делались еще до войны, как например предполагавшееся одно время установление между Великобританией и Германией морских вакаций и т. п. Конечно, подобные соглашения ничего общего не имеют с задачей, которую желала бы видеть перед подготовительной комиссией советская делегация, и ни в малейшей мере не отвечали бы стремлениям народов всех стран к устранению или по крайней мере к уменьшению угрозы войны. Если авторы и защитники проекта комиссии ограничивают свою задачу такого рода соглашениями, то вполне понятна оппозиция, которую встречает советский проект конвенции, отличающийся от проекта комиссии главным образом тем, что он прежде всего предусматривает немедленное обсуждение коэффициентов сокращения вооружений, т. е. действительную подготовку значительного разоружения уже в ближайшее время.

12. Вот те главные соображения, которые побуждают

советскую делегацию еще раз обратиться к комиссии с призывом пересмотреть методы своей работы, недостатки которых не могут больше подлежать никакому сомнению, и стать на рекомендуемый советской делегацией путь. Против этого пути в комиссии пока не делалось никаких возражений кроме того, что этот путь новый. Советская делегация не рассчитывает, однако, встретиться здесь в комиссии с таким консерватизмом идей, при котором все новое непременно должно быть дисквалифицировано как не заслуживающее внимания. Я заранее предвижу от кого-нибудь из делегатов формальную ссылку на резолюцию V сессии с ее сакраментальной фразой о необходимости следовать старым, проложенным путям. Вы, однако, не станете, господа, отрицать за любой делегацией права возбуждения вопроса о пересмотре ранее принятой комиссией решений, в особенности когда это делается через год и в свете новых фактов и обстоятельств. Мы еще на IV сессии, полтора года тому назад, считали возможным охарактеризовать так называемый «проложенный путь» комиссии тупиком. Между IV и V сессиями не произошло ничего, что позволило бы нам переменить это мнение. На V сессии, однако, некоторым делегатам померещился где-то свет, и комиссия решила, что из тупика может быть найден выход. Прошел год, померещившийся свет оказался миражем, и тьма в тупике еще более сгустилась. Позволительно поэтому спросить, нужно ли и дальше упорствовать и не изменять направления пути, хотя бы приходилось затрачивать излишний труд и время в попытках пробить выход из тупика, и не разумнее и не экономнее ли попытаться изучить новый указываемый нами путь, свободный по крайней мере от тех препятствий, которые в течение двух лет заграждали нам путь. Вы вправе сказать, что советская делегация также не может гарантировать беспрепятственного движения по указываемому ею пути. В ответ на это я могу сказать, что единственным препятствием в данном случае может оказаться лишь нежелание со стороны других правительств осуществлять разоружение, но при наличии такого нежелания какая бы то ни была работа комиссии обречена на неудачу. Советский проект, однако, имеет то преимущество, что, предлагая одинаковое разоружение почти всем государствам, он затрудняет или даже делает невозможным отказ от разоружения со стороны того или иного правительства со ссылкой на ущерб, наносимый разоружением специальным интересам его страны.

13. Г-н председатель комиссии вчера, в подтверждение необходимости ускорения работ комиссии, ссылаясь на усиливающееся нетерпение рабочих организаций, требующих скорейшего осуществления разоружения. Если г-н председатель полагает, что это движение является могущественным фак-

тором в деле разоружения, то советская делегация первая с ним согласится в этом. Но это движение, несомненно, выигрывает в своей силе, если комиссией будут приняты такие методы работы, которые помогут вскрыть лицемерие и неосновательность (ссылок того или иного правительства на мнимые национальные интересы, якобы препятствующие его стране разоружиться в такой мере, в какой согласны это сделать другие государства.

14. Наконец, требование советской делегации о пересмотре методов работы комиссии и о переходе к обсуждению действительных вопросов разоружения находят дополнительное и новое оправдание в тех событиях, которые имели место за последний год, т. е. за промежуток времени, отделяющий нас от V сессии. Я имею в виду, с одной стороны, усиление угрозы войны. Мы на эту угрозу указывали еще на IV сессии комиссии, но тогда очертания этой угрозы, может быть, не обозначались еще с такой резкостью и не отличались такой видимостью для всех, какими юни являются сейчас. Эта угроза отнюдь не является выдумкой советской делегации. Я не хотел бы удлинять свою речь и утомлять ваше внимание, но, если бы вы пожелали, я мог бы вам привести бесконечное количество недавних цитат и изречений ответственных государственных деятелей не советских стран, членов парламентов, сенатов и многочисленные отзывы печати, свидетельствующие о возросшей за последний год тревоге. Уже одного этого обстоятельства было бы достаточно для стимулирования наших усилий к скорейшему осуществлению разоружения. С другой стороны, для разоружения создалась за этот год новая благоприятная конъюнктура с точки зрения усиления той безопасности, которой Лига наций и подготовительная комиссия придавали всегда совершенно исключительное значение. Пакт Келлога об отказе от войны в качестве орудия национальной политики стал фактом. Благодаря инициативе и особым усилиям советского правительства этот пакт уже вступил в силу во взаимоотношениях между восемью государствами, и именно на том участке Европы, который считался наиболее угрожаемым. Правда, пакт Келлога еще не получил обязательной силы между всеми его участниками за отсутствием ратификации со стороны одного государства, но надо рассчитывать, что это препятствие в недалеком будущем исчезнет или будет так или иначе преодолено. Я отнюдь не склонен преувеличивать в качестве гарантии мира значение международных соглашений вообще и пакта Келлога в частности. Мне не безызвестны, конечно, многочисленные нарушения международных договоров в прошлом, но, с другой стороны, я не могу солидаризироваться с часто повторяющимися со стороны некоторых государственных деятелей попытками умаления

значения пакта Келлога по сравнению с аналогичными международными соглашениями, тем более что эти попытки делаются с целями, ничего общего с сохранением мира и со стремлением к разоружению не имеющими. Можно даже опасаться, что эти попытки делаются с целью создания оправдывающих или смягчающих обстоятельств на случай нарушения пакта об отказе от войны или для ослабления его значения в качестве отправного пункта в требовании о разоружении. В глазах советского правительства пакт Келлога о запрещении войны имеет для всех его участников не меньшую обязательную силу и представляет собой не меньшую гарантию безопасности, чем, скажем, локальные соглашения или так называемые гарантийные договоры, рекомендуемые Лигой наций, или иные международные соглашения. Из этого должна сделать соответствующие выводы подготовительная комиссия по разоружению, которая считает гарантии безопасности существеннейшими для осуществления разоружения. Что касается советской делегации, то она считала и продолжает считать в настоящих условиях наиболее действительной гарантией мира всеобщее и полное разоружение. Проект конвенции такого полного разоружения подготовительной комиссией, к сожалению, был отклонен, и советская делегация сможет его вновь выдвинуть лишь на международной конференции по разоружению, если она когда-либо будет созвана. Тем временем делегация вносит проект конвенции о пропорционально-прогрессивном сокращении всех вооружений, которое в значительной степени уже теперь уменьшит угрозу войны и сможет послужить этапом для дальнейшего разоружения. Этот проект я и рекомендую вниманию VI сессии подготовительной комиссии и прошу о его постановке в первый пункт порядка дня, но не для отклонения его по формальным соображениям, или из страха перед его новизной, или из-за приверженности к старым, хотя и ошибочным путям, а для детального его изучения и обсуждения по существу. Я глубоко убежден, что только принятие этого предложения выведет комиссию из ее затруднений, вознаградит за напрасно потерянное время и работу и заставит признать, что подготовительная комиссия наконец действительно занялась вопросом о разоружении.

(«Делегация СССР на VI сессии комиссии по разоружению», изд. НКВД, 1929 г.)

РЕЧЬ ОБ ОЦЕНКЕ РАБОТ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ЗАСЕДАНИИ КОМИССИИ 6 МАЯ 1929 г.¹

Советская делегация не присутствовала на заседаниях комиссии, когда обсуждались главы III и V. Поэтому я вынужден сделать ряд оговорок в отношении означенных глав, но, так как мы сейчас не занимаемся обсуждением этих глав, я оставляю эти оговорки на будущее. Насколько мне известно, глава III связывается с вопросом о порядке назначения времени, до какого должно быть отложено обсуждение глав III и V, и мы сейчас обсудим этот вопрос.

Я хочу сделать несколько оговорок по вопросу о порядке, ибо я сомневаюсь в целесообразности откладывания обсуждения глав III и V до следующей сессии подготовительной комиссии, более того, я сомневаюсь в целесообразности созыва новой сессии. Я считаю более целесообразным созвать еще одно или два заседания настоящей сессии, с тем чтобы внести окончательные технические поправки в этот проект конвенции и затем передать его конференции по разоружению, не созывая еще одной сессии.

Для того чтобы внести полную ясность в этот вопрос, я подведу кратко итоги работ этой комиссии, как они мне представляются, обрисовав перспективы работ новой сессии.

1. В своей декларации от 19 апреля сего года, разосланной всем делегациям, советская делегация, подводя итог предыдущих работ подготовительной комиссии, позволила себе и некоторые предсказания насчет дальнейших работ комиссии. Я был бы очень рад, если бы я мог сегодня, при подведении итогов VI сессии, признать предсказания советской делегации не сбывшимися. Я должен, однако, к своему великому сожалению, констатировать, что результаты VI сессии оправдали самые мрачные предсказания, какие только могли бы быть

¹ На последнем заседании, 6 мая, комиссия по разоружению приняла в целом ту часть своего проекта 1927 г., который был ею рассмотрен, а именно главу I — о личном составе вооруженных сил, отказавшись при этом от ограничения обученных резервов; главу II — о военном материале, из которой часть 1-я о вооружении сухопутных войск была вовсе исключена, часть 2-я, о воздушных силах, была ослаблена и часть 3-я, о морских силах, отложена, и, наконец, главу IV — о химической и бактериологической войне, из которой было исключено указание на воспреещение подготовки к этим видам войны в мирное время.

Остались нерассмотренными глава III — о военных расходах, относительно которых, однако, уже было решено, что они останутся неограниченными, и глава V — об исполнении конвенции (международная комиссия, опубликование военных сведений, контроль, отступление и протокольные статьи), а также введение к конвенции. Эти вопросы были тоже отложены комиссией.

Помещаемая здесь речь г. Литвинова была произнесена по поводу этого решения комиссии и содержала кроме того оценку работ последней.

заране высказаны. В одном только мы ошиблись. Нам казалось, что, пойдя по пути, усеянному множеством неизбежных препятствий, комиссия либо не сможет преодолеть эти препятствия и будет долго топтаться на одном месте, либо же, преодолев эти препятствия, натолкнется на новые. Верно то, что ни одно из существовавших на этом пути препятствий не преодолено, но тем не менее было бы несправедливо утверждать, что комиссия и в течение VI сессии топталась на одном месте. Мы не предвидели третьего выхода из положения, а именно, возможности того попятного движения, которое характеризует работу VI сессии. Если предыдущие сессии, оставаясь на одном месте, давали нулевые результаты, то настоящая сессия, сделав наконец движение, но движение встыть, может записать на свой кредит результаты отрицательные.

2. В самом деле, все существенные статьи проекта конвенции, которые раньше вызывали разногласия между делегациями, комиссия, пойдя по линии наименьшего сопротивления, просто устранила из конвенции. Если составить список отвергнутых и взятых обратно предложений касательно разоружения, то он, несомненно, окажется длиннее списка тех положительных решений, которые VI сессия приняла. Чтобы не быть голословным, перечислю главнейшие предложения, отвергнутые комиссией, причем я совершенно не буду касаться самого серьезного момента в жизни сессии, а именно, отклонения советского проекта конвенции со всеми преимуществами, которые он, несомненно, имеет перед проектом конвенции, обсужденным комиссией. Но и в пределах этой конвенции комиссия отвергла одну за другой поправки советской делегации о воспрещении подготовки к химической войне и о воспрещении воздушной бомбардировки. Комиссия исключила из конвенции статьи об ограничении военных резервов, об ограничении запасов военных материалов как сухопутных армий, так и воздушных сил. Она отказалась детализировать списки орудий войны, подлежащих ограничению, и таким образом затруднила решения о совершенном устранении из обихода армий тех из них, которые являются особенно агрессивными и представляющими особую опасность для гражданского населения. Комиссия отказалась детализировать списки отдельных чинов армий и воздушных специалистов, без чего крайне затрудняется действительное ограничение способности военных сил к широкому развертыванию. Комиссия отклонила предложение об обязательности ограничения сухопутных и воздушных сил отдельно по метрополиям и колониям. Комиссия не приняла советского предложения о запрещении новых усовершенствованных орудий истребления. Наконец, комиссия не сочла нужным подвергнуть серьезному обсуждению предложение китайской делегации об уничтожении обязательной воинской

повинности. Этим, конечно, список отрицательных решений комиссии далеко не исчерпывается. Однако самым решающим моментом в истории не только VI сессии, но и всей подготовительной комиссии я считаю отказ в окончательном принятии принципа сокращения каких бы то ни было элементов военных сил, т. е. принципа разоружения.

3. Позвольте мне еще раз напомнить вам, что, когда делегация в начале VI сессии поставила на обсуждение известные три основных вопроса, комиссия ответила резолюцией, в которой признала своей задачей установление схемы сокращения, и даже существенного сокращения, вооружений. Значение этого решения однако было окончательно уничтожено, когда при обсуждении отдельных глав конвенции комиссия отклонила советское предложение о применении к этим главам понятия сокращения вместо понятия ограничения. Более того, когда советская делегация в духе уступчивости и примирения согласилась на употребление обоих слов — «ограничение» и «сокращение», комиссия все же решила остаться на прежней терминологии конвенции, знающей лишь слово «ограничение», тем самым подчеркнув, что она стремится свести задачу конференции лишь к ограничению вооружений. Если бы я был приверженцем статута Лиги наций, то я имел бы право обвинить комиссию в вопиющем отступлении от 7-й статьи статута, к авторитету которой делегации так часто апеллировали и которая говорит о сокращении вооружений, между тем как комиссия совершенно изгнала из употребления слово «сокращение».

Двухкратное отклонение советского предложения о подготовке схемы сокращения, а не ограничения вооружений, является самой выдающейся чертой Женевской сессии, которая не может остаться незамеченной искренними сторонниками и друзьями разоружения.

4. Каков же положительный баланс работ сессии? От второго чтения уцелели кое-какие статьи, перечисляющие личный состав сухопутных армий, причем некоторые из этих статей и сами таблицы претерпели значительное ухудшение в своей новой редакции. Но имеет ли комиссия в виду сокращение хотя бы перечисленных в этих статьях элементов вооруженных сил? Я думаю, что недвусмысленным ответом на этот вопрос является вышеотмеченный упорный отказ комиссии от употребления слов «сокращение вооружений». Более того, некоторые делегаты дали нам понять на этой же сессии, что представляемые ими страны не смогут подвергнуть сокращению свои армии, одни — вследствие того, что они сами якобы уже добровольно сократили свои армии, другие — потому, что находятся в исключительных обстоятельствах, а третьи — потому, что считают справедливым увеличение своих армий.

5. При этих обстоятельствах позволительно спросить, с какой целью подготовительная комиссия должна собраться еще раз до конференции. Какими вопросами смогут заниматься дальнейшие сессии подготовительной комиссии? Морскими вооружениями? Но уже на III, IV и V сессиях было признано, а на нынешней сессии подтверждено, что подготовительная комиссия ни в какой мере не сможет содействовать разрешению этой проблемы, которая до сих пор представлялась и вновь представляется на усмотрение нескольких морских держав, причем работа эта будет протекать, как и до сих пор протекала, вне подготовительной комиссии. Если эти дипломатические переговоры между державами и дадут какие-нибудь результаты, то подготовительная комиссия сведет свою роль к тому, чтобы лишь зарегистрировать их. Но не может ли эта регистрация с одинаковым успехом быть сделана самой конференцией? Ограничением военных бюджетов? Но не заявляли ли нам здесь некоторые делегаты, что такое ограничение для них неприемлемо? Вопросом о гласности? Но он занимает лишь соподчиненное положение и имеет значение лишь в случае действительного сокращения вооружений, каковое еще не решено. Но может быть комиссия займется пересмотром глав об организации контроля? Но не заявил ли нам здесь ряд делегаций о неприемлемости для них принципа международного контроля? Остаются вопросы о сроке конвенции, ратификации ее, месте хранения ратификационных грамот и т. п. Но стоит ли собираться для обсуждения столь второстепенных вопросов, когда ничего еще не достигнуто по основным вопросам? Если конференции удастся добиться сколько-нибудь существенных результатов по основным вопросам, то легче будет разрешить вопрос о ратификации и т. п.

6. По всем этим соображениям я полагаю, что нам нет надобности вновь созывать комиссию и что мы можем перейти непосредственно к созыву конференции по разоружению, передав ей в качестве материала в настоящем его виде тот документ, который здесь называется проектом конвенции о разоружении.

7. Мы должны, конечно, спросить себя, в состоянии ли будет конференция оправдать те надежды, которые неосновательно возлагались до сих пор на подготовительную комиссию. Я далек от мысли обвинять в безуспешности работ комиссии моих коллег. Я готов допустить, что они неохотно, против воли, а иногда и против своих личных убеждений выступали против предложений в пользу разоружения. Они поступали так, выполняя инструкции своих правительств. Они наверное сами были бы рады выполнять инструкции противоположного характера. Спрашивается, можно ли ожидать, что они или другие представители тех же самых прави-

тельств займут на конференции позицию по сокращению вооружений, отличную от той, которую они занимали в подготовительной комиссии? Безусловно, нет. Но если мы тем не менее настаиваем на скорейшем созыве конференции, то делаем это по следующим соображениям. Мы надеемся, что, узнав о безуспешности работ подготовительной комиссии, народные массы всех стран, являющиеся главной движущей силой международной кампании за разоружение и за мир, в такой мере усилят свое давление на свои правительства, что последние вынуждены будут на самой конференции занять позицию, более отвечающую желаниям и требованиям этих масс. В таком случае конференция будет вынуждена, отвергнув работы подготовительной комиссии, начать дело заново и, может быть, создать новую комиссию, дав ей определенные руководящие указания, совершенно отличные от тех, на которых базировалась наша подготовительная комиссия. Если же этого не случится и делегаты конференции приедут с такими же инструкциями, какими руководствовалась подготовительная комиссия, то конференция потерпит, конечно, окончательный крах. Даже такой результат будет иметь ту выгоду, что заставит народное движение за мир и разоружение пробовать себе новые пути, проложить новые русла, вернее ведущие к намеченным этим движением целям. В том и другом случае дело мира и дело разоружения от ускорения созыва конференции только выиграют.

8. Мне не приходится вслед за графом Бернсдорфом заявлять теперь, что советская делегация не может делить ответственности с большинством комиссии за результаты или, точнее, за безрезультатность ее работ. Советская делегация это заявляла уже не раз и значительно раньше. Германская делегация долгое время возлагала некоторые надежды на второе чтение проекта конвенции комиссии, которого она энергично добивалась. Советская делегация этой надежды никогда не питала и поэтому всегда высказывалась против второго чтения этого проекта конвенции, предлагая свой проект, основанный на других принципах, которые правительствам было бы гораздо труднее отвергнуть, чем те предложения, которые вытекали из прежних работ комиссии. Советская делегация не испытывает поэтому никакого разочарования. Она не жалеет о своем участии в комиссии и о как будто бы даром потраченном ею времени. Она своим присутствием в комиссии, своими предложениями в сторону максимального разоружения уничтожила в зародыше легенду, которую пытались здесь сотворить о Советском Союзе как о препятствии по пути к всеобщему разоружению. Советский Союз является наиболее угрожаемым государством из всех здесь представленных. Советский Союз является объектом вражды и недружелюбия всего буржуазного мира. Совет-

ский Союз имеет множество врагов и мало друзей. Советский Союз в случае нападения на него может рассчитывать только на свои собственные вооруженные силы, на свою Красную армию и на свой Красный флот. Тем не менее советская делегация не сочла нужным говорить здесь о недостаточной безопасности, об особых условиях положения своей страны, не требовала для себя никаких изъятий, а соглашалась на самые радикальные формы разоружения, и не только соглашалась, но и сама их предлагала. Мы вынуждены констатировать, что этот пример не нашел себе подражателей даже со стороны таких государств, которые в смысле своей национальной безопасности находятся в несравненно более благоприятном положении. При голосовании отдельных предложений о наиболее эффективных средствах разоружения, о наибольшем сужении размаха будущих войн, о наибольшем смягчении ужасов этих войн советская делегация была всегда в меньшинстве, а чаще всего — в одиночестве. Советскую делегацию нисколько не смущает это одиночество, она, наоборот, гордится им. В таком же духе готовности к жертвам и действительным уступкам в пользу разоружения, в духе такого же миролюбия советская делегация готова предстать на конференции по разоружению, скорейший созыв которой я ныне предлагаю.

(«Делегация СССР на VI сессии комиссии по разоружению», изд. НКВД, 1929 г.)

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ VI СЕССИИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ 6 НОЯБРЯ 1930 г.

Почтенный делегат Великобритании заявил, что согласен с предложением председателя. Я согласен с лордом Сесилем, но не согласен с председателем потому, что предложение лорда Сесилия отличается от того, что предлагал председатель. Вы, господин председатель, предлагаете начать оттуда, где мы остановились восемнадцать месяцев тому назад, тогда как представитель Великобритании предлагает начать рассмотрение проекта конвенции с начала. Это означает пройти заново пункты, которые уже были обсуждены и в большинстве случаев приняты.

Я не буду заходить так далеко, как представитель Великобритании. Я попрошу много меньше. И это по тем соображениям, что я заседал здесь в течение нескольких последних сессий, тогда как лорд Сесиль здесь не был, и поэтому он более оптимистично настроен. Я готов поддержать предложение лорда Сесилия, но я не имею желаний затягивать эту сессию бесплодными дебатами. Я вынужден ясно изложить свою позицию перед комиссией.

Подготовительная комиссия склонна рассматривать сегодняшнее заседание как продолжение VI сессии, начавшейся и прерванной восемнадцать месяцев тому назад, а не как начало новой сессии. В своем безграничном оптимизме, который, кажется, скорее возрастает, чем уменьшается, прямо пропорционально неуспеху подготовительной комиссии, — большинство делегатов полагало, что кратковременного перерыва VI сессии будет достаточно для преодоления трудностей, которые встретились в области морского разоружения. Этот оптимизм не подтвердился еще раз, как он не подтвердился, когда комиссия пошла по намеченному ею пути, пути, который советская делегация всегда считала и до сих пор считает роковым для дела разоружения. Советская делегация никогда не верила, что метод разрешения вопроса морского разоружения, на который большинство подготовительной комиссии возлагало такие надежды, способен хотя бы в самой незначительной степени разрешить проблему морского разоружения в международном масштабе, независимо от того, ограничивается ли соглашение тремя морскими державами или двумя и большим числом государств, к нему присоединившихся. Я не буду останавливаться на этом специальном вопросе и сделаю это, когда он будет стоять перед комиссией. Я не думаю однако, чтобы оптимисты из подготовительной комиссии имели какие-либо основания поздравлять себя с результатами, только что достигнутыми в переговорах и соглашениях о морском разоружении. Перед таким положением вещей мы можем констатировать только тот единственный факт, не имеющий прецедентов в истории международных сношений, что между двумя заседаниями одной сессии международной комиссии имелся перерыв в восемнадцать месяцев.

Можем ли мы действительно оставить без внимания это обстоятельство и вести себя так, как будто мы только что разошлись после 21-го заседания VI сессии и собрались сейчас на 22-е заседание, чтобы продолжать работу, которую мы оставили? Можем ли мы оставить без внимания все, что случилось за этот промежуток времени? В нормальное время восемнадцать месяцев могут считаться относительно долгим периодом в истории международных сношений; а насколько он больше в бурное и тем самым ненормальное и исключительное время, в которое мы живем! Катастрофическое потрясение, вызванное мировой войной, только еще начинает давать себя знать во всей своей неумолимости и непреклонно предъявляет свой счет человечеству. Защищая советские проекты конвенции о разоружении на сессиях подготовительной комиссии 1927 и 1929 гг., я указывал на все возрастающую опасность новых войн, но комиссия сочла тогда это слишком пессимистическим взглядом на международное положение, не

оправдываемым обстоятельствами. Если бы подготовительная комиссия в настоящее время продолжала придерживаться того же мнения, она бы разошлась с заявлениями государственных деятелей и прессой капиталистических стран, дающих самую мрачную оценку нынешнего международного положения, отмечающих всеобщую тревогу и беспокойство насчет неизбежного усугубления этого положения и даже проводящих определенную аналогию между временем, непосредственно предшествовавшим мировой войне, и настоящим моментом. Так, г. Мунк, датский министр иностранных дел, заявил на XI собрании Лиги наций: «Решение великих экономических и политических проблем не принесло ожидаемого успеха, и положение в Европе представляется в настоящий момент более тревожным, чем когда-либо после 1924 г.». Г-н Гиманс, бельгийский министр иностранных дел, на том же собрании высказал аналогичную мысль следующими словами: «...по многим причинам, на которых я не буду в настоящее время останавливаться, атмосфера становится сгущенной, даже лихорадочной, и временами напоминает прежние тревожные времена. В некоторых кругах царит беспокойство. Кое-где слухи о войне распространяются, как газовое облако; а уж один факт возможности говорить о войне и о возможности войны и разговоров об этом сам по себе представляет опасность». А как о положении в Европе судит чуждый софистики «человек улицы», об этом говорит нам корреспондент одной берлинской газеты от 4-го числа этого месяца, цитирую текстуально: «Почти все американцы, вернувшиеся в прошлом месяце и даже ранее из летней поездки по Европе, вынесли впечатление, что Европа идет к новой войне. Вполне безобидные люди, предвкушавшие до поездки все, что им придется посмотреть в Европе, вернулись с этой веселенькой новостью, вне себя и возмущенные, что эта дружественная поездка с хорошими чувствами была омрачена опасным беспокойством».

Действительно, разве мы не видим все время перед собой необыкновенное усиление политического и экономического антагонизма, который находит новую и обильную почву в переживаемом общем экономическом кризисе, кризисе, не могущем быть рассеянным никакими антисоветскими заклинаниями? Разве на международное положение не оказывает влияние существование в одной Европе около 50 миллионов человек, принадлежащих к национальным меньшинствам и в некоторых странах составляющих от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всего населения и все более упорно добывающих своих прав? Разве мы можем действительно игнорировать значительное усиление влияния на судьбы известных государств самых безответственных, самых безрассудных и самых агрессивных групп и партий, что, в свою очередь, является результатом усиления международного и междуклассового антагонизма в самом капиталисти-

ческом обществе, составляющих, как это имеет место, особую опасность для мира в странах, которые более всего вооружены? Разве решительность, с которой различные государства упорно сопротивляются малейшим попыткам разоружения, и энергия, с которой они производят дальнейшее увеличение вооружений, не говорят об опасности войны? Разве военные бюджеты пяти крупнейших государств не увеличились на полмиллиарда долларов (т. е. на 27%) с 1926 г., т. е. за время существования подготовительной комиссии?

Мы не должны обманываться никакими разговорами насчет сокращения вооруженных сил в национальном масштабе какой-либо страны. Цифры только тогда убедительны, когда они были осторожно и беспристрастно проверены и проанализированы. Например, численность личного состава может быть сокращена, срок действительной военной службы ограничен, и в то же время могут быть увеличены резервы, облегчена их мобилизация, увеличено число аэропланов и военных запасов на складах, так что в результате явится не уменьшение, но увеличение разрушительных сил соответственной армии. Если мы стремимся к разоружению, то мы имеем в виду сокращение общего потенциала разрушения, а не частичную перестановку параграфов в рамках определенного военного бюджета.

Противники разоружения в течение многих лет воспевали гимн «безопасности», которая в их глазах, очевидно, является достаточной и исключительной гарантией мира. Им удалось создать в подготовительной комиссии специальный «комитет арбитража и безопасности». Этот комитет успешно закончил свои работы и составил проекты договоров о безопасности; между многими странами уже были подписаны договоры и были заключены арбитражные соглашения; более того, существует Парижский пакт об отказе от войны, в котором большинство европейских и внеевропейских государств являются сторонами. А появилось ли международное спокойствие? Стала ли меньше опасность войны? Уменьшилось ли сопротивление разоружению? Увы, на все эти вопросы можно дать отрицательный ответ. Государство, которое я представляю, может по собственному опыту прошлого года засвидетельствовать, что Парижский пакт не оградил его от набегов из соседней страны, участвующей в пакте Келлога, вооруженных банд и отрядов со всеми вытекающими отсюда последствиями¹.

Я буду настолько краток, насколько возможно. Я подхожу к вопросу.

Совершенно ясно, что одно заключение арбитражных, региональных или каких-либо других договоров и даже тор-

¹ В этом месте председатель комиссии перебил г. Литвинова и просил не возбуждать общей дискуссии.

жественное подписание общего договора об отказе от войны не способны создать то международное доверие, которое дало бы возможность государствам забыть об опасности войны и прекратить интенсивную к ней подготовку. К этому нужно прибавить, что при системе «безопасности», как она мыслится ее авторами и защитниками, относительная безопасность создается только для одной группы стран в ущерб «безопасности» других стран. Иными словами, преследуются определенные национальные или групповые цели, а ни в коей мере не обеспечение условий всеобщего мира, так что шансы общего разоружения еще более падают. Поэтому теория «сперва безопасность, а затем разоружение» должна быть прямо отброшена. Должен быть признан тот факт, что тезис «безопасности» в настоящее время и в форме, защищаемой его сторонниками, направлен против разоружения и что защитники этой доктрины в настоящее время работают против разоружения и даже против сокращения вооружений. Поэтому нечего удивляться, что среди стран, наиболее рьяно просивших гарантий «безопасности» и заблаговременно требовавших от Лиги наций финансовой помощи в случае нападения на них, оказываются те страны, в которых начальники военных штабов, как это теперь всем известно, одновременно составляли и выполняли планы для провоцирования войны с их соседями.

Какие выводы надо сделать из всего этого? Как должны мы оградить себя против неминуемой опасности войны? Для нас, представителей Советского Союза и защитников определенных социально-экономических теорий, совершенно ясна невозможность устранения политико-экономических противоречий в капиталистическом обществе и отсюда совершенная неизбежность войны. Мы верим, однако, — иначе мы не были бы здесь, — что опасность войны может быть значительно уменьшена или относительно отодвинута посредством известных мер реального разоружения. Чем больше степень сокращения вооружений, тем меньше будет опасность попыток разрешать существующие противоречия путем вооруженных конфликтов. В соответствии с этим советская делегация явилась в подготовительную комиссию с предложением полного и всеобщего разоружения как максимальной гарантии мира. Встретившись с решительным сопротивлением большинства подготовительной комиссии, советская делегация внесла предложение о сокращении всех родов вооружений, сухопутных, морских и воздушных, на 50%. Принципы пропорциональности и справедливости, из которых исходило это предложение, устраняли все препятствия, на которые в Лондоне, Париже, Риме, Женеве¹ и других местах наталкивались переговоры

¹ Римская морская конференция 1924 г., Женевская тройственная морская конференция 1927 г., Парижский морской компромисс 1928 г. как

о разоружении, которые велись вне рамок советского проекта. К сожалению, этот проект конвенции был также отвергнут подготовительной комиссией. При втором чтении проекта конвенции, составленного самой подготовительной комиссией, советская делегация предложила установить по крайней мере в этом проекте некоторые коэффициенты сокращения вооружений, выраженных в цифрах. Но это предложение было также отвергнуто комиссией.

Я охотно предложил бы вернуться ко всем этим вопросам и пересмотреть их в свете новой фазы международного положения, только что мною обрисованной, если бы я имел хотя бы малейшую надежду на то, что большинство комиссии будет склонно к этому. Но я не питаю такой надежды и поэтому не буду снова возбуждать здесь наших старых предложений, оставив их до конференции по разоружению.

Ограничиваясь, однако, рамками второго чтения проекта конвенции, ныне рассматриваемого, и некоторых твердых принципов отрицательного характера, уже принятых комиссией, я все же хотел предложить пересмотреть некоторые вопросы в надежде, что комиссия примет во внимание теперешнее международное положение и новые обстоятельства, появившиеся за восемнадцатимесячный интервал, разделяющий 21-е заседание VI сессии подготовительной комиссии от ее 22-го заседания.

В прошлом году, подводя итоги первой части VI сессии, я отмечал, что, в то время как можно было считать, что прежние сессии только занимали время и не давали никаких результатов, настоящая (VI) сессия сделала по крайней мере шаг, но шаг назад и может занести в свой счет отрицательные результаты. Оставаясь в рамках своей собственной конвенции, VI сессия комиссии отклонила одно за другим предложения советской делегации относительно воспрещения подготовки к химической войне и воспрещения воздушной бомбардировки. Комиссия исключила из конвенции статьи об ограничении обученных резервов и военных запасов как сухопутных, так и воздушных войск; она отказалась составить перечень военного оружия, подлежащего ограничению, тем самым затрудняя изъятие из употребления войск того оружия, которое является особенно агрессивным и представляет особую опасность для гражданского населения. Комиссия отказалась составить список различных чинов армий и воздушных специалистов, без чего действительное ограничение возможностей развертывания военных сил делается крайне затруднительным. Комиссия отвергла

основа пятерного соглашения потерпели неудачу из-за недостижения соглашения о соотношении флотов различных держав, так же как — и по той же причине — на Лондонской морской конференции не удалось достигнуть соглашения с Францией и Италией.

предложение об обязательном ограничении сухопутных и воздушных сил в метрополии и в колониях по отдельности. Комиссия не приняла советского предложения о воспрещении новых усовершенствованных орудий истребления.

Хотя советская делегация и придает крайне важное значение всем этим вопросам, она тем не менее не рассчитывает на согласие большинства комиссии вернуться к ним. Не желая затягивать сессию бесплодными дискуссиями, советская делегация была бы склонна остановить внимание комиссии по крайней мере на наиболее важных из этих вопросов, без положительного разрешения которых весь проект конвенции будет не более чем пустой шелухой, не содержащей ни в малейшей мере чего-либо направленного на разоружение. Во-первых, и особенно, мы еще раз приглашаем комиссию заменить во всем проекте конвенции выражение «ограничение вооружений» словами «сокращение и ограничение вооружений». Таким образом этим можно несколько изменить создавшееся во время первой половины работ VI сессии впечатление, что подготовительная комиссия имеет в виду вместо сокращения предложить только ограничение вооружений, оставив их на их теперешнем уровне и даже увеличивая их далее до известных пределов. Затем советская делегация предлагает пересмотреть первоначально решенный отрицательно вопрос о включении в конвенцию обученных резервов в качестве одного из главных элементов боевой силы современных армий, опасных как сотнями тысяч людей, содержащихся под ружьем, так и миллионами, которые будут посланы на фронт во время войны. Далее, советская делегация стоит за включение в конвенцию запасов военных материалов, дающих возможность снабдить армию для войны. Кажущееся уменьшение вооруженных сил в виде численного сокращения войск в настоящее время с лихвой компенсируется насыщением армий военно-техническими средствами; то же самое относится конечно и к аэропланам, находящимся в резерве.

Приглашая подготовительную комиссию вернуться по крайней мере к трем вопросам, которые я только что перечислил, советская делегация имеет при этом также в виду известные изменения, которые произошли в составе самой подготовительной комиссии отчасти вследствие прихода новых правительств к власти в некоторых странах, а также изменения взглядов на вопросы, обсуждавшиеся в комиссии со стороны некоторых других правительств, ранее в ней представленных. Недавно мы слышали от представителей правительств некоторых больших государств официальные речи по вопросу о разоружении, далеко не совпадающие с взглядами, выраженными представителями этих же государств в подготовительной комиссии. Мы должны дать этим правительствам случай привести речи и голосования их представителей в под-

готовительной комиссии в соответствии с общим направлением публичных и официальных заявлений этих правительств.

Советская делегация ограничивается предложением пересмотреть минимальное число вопросов. Однако вторичное отрицательное решение этих вопросов лишит советскую делегацию всякого интереса к большинству прочих вопросов повестки дня, совершенно не связанных с вопросами о разоружении или о сокращении вооружений.

(«Делегация СССР на последней сессии комиссии по разоружению», изд. НКВД, 1931 г.)

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ НА ПЛЕНУМЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ 11 ФЕВРАЛЯ 1932 г.

Наш председатель и предыдущие ораторы говорили нам, что настоящая конференция не имеет прецедентов, и я не думаю, чтобы кто-либо мог не соглашаться с этим. Конференция не имеет прецедентов не только по количеству представленных в ней государств, но и главным образом по огромности тех запросов, которые предъявляет к ней человечество, и по важности последствий, которые может иметь тот или иной ее исход.

Созыв данной конференции является результатом — по нашему мнению, чрезмерно длительной — подготовительной работы. Но эта подготовительная стадия исчерпана. Мы стоим перед проблемой разоружения, которая должна получить практическое решение без дальнейших отсрочек и проволочек, без уклонения в сторону изучения новых и новых предварительных условий.

Основы нынешней конференции были заложены во время мировой войны, также не имевшей прецедентов в истории как по своим размерам, так и по последствиям. Впервые в истории на поля сражений были выставлены миллионы народа, а в некоторых странах чуть ли не поголовно все мужское население, и это при резко изменившемся соотношении классовых сил и социально-политических факторов.

Уже во время самой войны раздавались громкие протесты против нее, возник лозунг «война войне». Сама война могла продолжаться и миллионы жертв могли быть вовлечены в нее только благодаря лозунгу «последней войны».

Однако вся история международных отношений после этой так называемой «последней войны» характеризуется непрерывным и систематическим ростом вооруженных сил всех государств и гигантским увеличением общего бремени милитаризма.

Само возникновение Лиги наций и 8-й статьи ее статута, на которую только что ссылались многие ораторы, являлось не чем иным, как слабой данью народным требованиям о выполнении данных правительствами обещаний относительно того, что мировая война действительно явится последней войной, требованиям просветившихся и принявших непосредственное участие в политической жизни широких масс трудящихся. Последовавшие за войной годы всеобщего обнищания, годы залечивания ран, нанесенных всем участникам войны, как победителям, так и побежденным, усилили требования отмены войны. Эти требования, по мнению советской делегации, не могут быть удовлетворены стабилизацией или незначительными сокращениями вооружений или военных бюджетов. То, что требуется, — это изыскание средств положить конец войне.

Советское правительство участвует в этой конференции не в силу каких-либо формальных обязательств и не в силу чего-либо навязанного ему извне. С первых дней своего существования оно как на словах, так и на деле осудило войну в качестве орудия национальной политики, высказалось против всяких контрибуций и территориальных аннексий, против угнетения одних народов другими и провозгласило лозунг самоопределения народов. С тех пор оно в своей собственной политике строго и последовательно проводило линию мирного и лояльного сотрудничества с другими государствами. Исключив войну как орудие национальной политики, оно не видит надобности в содержании армии, флота и других вооруженных сил и, явившись впервые на международной конференции — в Генуе 10 лет тому назад, — оно предложило полное всеобщее разоружение как единственное средство уничтожения войны. Это предложение оно повторило, как только оно было приглашено к участию в работах подготовительной комиссии по разоружению. Делая это предложение, мое правительство учитывало требования и призывы народов всего мира, так же как и настроение своих народов.

В подготовительной комиссии советская делегация настаивала на скорейшем осуществлении своих предложений. Делегация указывала при этом на надвигающиеся опасности новых войн и на то, что единственным средством предотвращения этой опасности, при существующем в большинстве стран экономическом строе, являлось бы полное разоружение, что никакие договоры, пакты, протоколы и международные организации не могут создать действительную безопасность для всех наций. Наша точка зрения оспаривалась в комиссии. Наши указания на возможность новых войн высмеивались. Нас обвиняли в пессимизме и преувеличении опасностей. Нам говорили, что нужна «безопасность» и что эта безопасность может быть достигнута системой договоров, протоколов и

других международных обязательств, предлагаемых Лигой наций, и что нет необходимости спешить с разоружением.

Прошло всего несколько лет со времени этого спора, и что же мы видим? Конференция по разоружению должна была открыться под грохот пушек и взрывающихся авиационных бомб. Два государства, связанных между собою пактом Лиги наций и Парижским договором 1928 г., находятся уже пять месяцев в состоянии войны де-факто, если не де-юре. Война еще не зарегистрирована и не засвидетельствована у нотариуса, но огромные территории одного из этих государств оккупированы вооруженными силами другого государства, а между регулярными войсками обеих стран происходят сражения с участием всех родов оружия, с тысячами убитых и раненых.

Правда, это происходит вдали от Женевы, вдали от Европы, но где тот оптимист, который может добросовестно утверждать, что начатые военные действия ограничатся только двумя странами или одним только материком? Где тот оптимист, который осмелится доверчиво уверять нас, что события на Дальнем Востоке не являются началом новой войны, которая по своему распространению, по своему охвату и благодаря новым техническим усовершенствованиям своими ужасами не затмит печальной славы последней войны?

Разъединенных политически и экономически материков в наше время нет. Есть страны, расположенные на нескольких материках. В Европе вряд ли найдется много пар соседей, которые не имели бы между собой серьезнейших территориальных счетов. Можем ли мы быть уверены, что все эти счета не будут брошены в общий кипящий котел, если хотя бы одно из европейских государств будет втянуто в войну?

Допустим, что всего этого не случится, что пожар на Дальнем Востоке будет локализован, но может ли быть у нас уверенность в том, что такие же пожары не возникнут в других частях земного шара? Что может этому помешать? Международные организации и пакты? Но мы видим, что они не смогли ни предотвратить, ни приостановить военных действий на Дальнем Востоке со всеми вытекающими отсюда последствиями. Общественное мнение? Но оно еще более бессильно. Да и что такое общественное мнение? Когда и где оно было едино и служило единой цели? Общественное мнение, находящее свое выражение в печати или через посредство общественных организаций, служит разным интересам, многообразным интересам разных стран и капиталистических групп, отдельных предприятий и даже отдельных лиц в этих странах.

Разве происходящие на наших глазах на Дальнем Востоке насильственные действия не находят в прессе, даже вне непосредственно заинтересованных стран, своих защитников и своих подстрекателей? Разве мы не читали за последнее время

в европейской и американской прессе статей, указывавших на необходимость и выгодность дальнейшего распространения дальневосточного пожара, указывавших на войну как на выход из нынешнего кризиса, из того самого кризиса, остроту которого надо объяснить последней войной и ее последствиями?

Нельзя считать, что ограничение вооружений может воспрепятствовать возникновению новых войн. Все государства в настоящее время достаточно снабжены оружием — и оружием, достаточно отточенным и достаточно разрушительным, — чтобы вести войну, по сравнению с которой мировая война должна будет считаться детской игрушкой. Так же мало гарантирует нас от войны и сокращение вооружений, в особенности, если это сокращение будет не очень существенно и не будет произведено сознательно, с таким расчетом чтобы затруднить войну.

Советская делегация, исходящая из потребностей текущего момента и требований народных масс, тех требований, которыми была обусловлена вся подготовительная работа конференции и которыми она сама вызвана к жизни, суммировала бы проблему, стоящую перед нами, словами: «безопасность от войны». Этим, может быть, наша концепция безопасности отличается от концепции других делегаций, многие из которых, говоря здесь о безопасности, имеют в виду обеспечить тому или иному государству, подвергнутому нападению, максимальные шансы победы. Советская же делегация полагает, что мы должны стремиться к тому, чтобы сделать самую войну невозможной, ибо от нее страдают народные массы как победивших, так и побежденных стран, и, более того, народные массы всего мира, как мы в этом убедились на примере последней войны. Советская делегация раньше всего под этим углом зрения расценивает все предложения, которые делались в подготовительной комиссии и которые будут делаться здесь на конференции, включая французские предложения, заслуживающие большего, чем случайных ссылок на них. Действительно, в знак уважения я откликаюсь на приглашение г. Тардьё от (имени) французской делегации о критике и обсуждении ее предложений.

Необходимо отметить раньше всего, что с точки зрения сокращения вооружений французские предложения вряд ли приблизят нас к нашей цели, поскольку они являются предварительными условиями какого бы то ни было сокращения вооружений со стороны Франции. Обсуждение этих условий фактически превратило бы настоящую конференцию в подготовительную конференцию к будущей конференции по разоружению, которая потребовала бы, может быть, не меньше времени, чем подготовительная комиссия. Необходимо помнить, что предложения эти являются дальнейшим развитием и конкретизацией идеи так называемого женевского прото-

кола, стоявшего перед Лигой наций 7 лет назад и вызвавшего много споров и до сих пор не принятого. У нас нет оснований полагать, что этот протокол, доведенный до своего логического конца, будет встречен с большим единодушием, чем до сих пор. Встает вопрос о создании новой международной организации со значительными правами, следовательно, о создании нового статута с правилами для распоряжения международной армией, для определения нападения, словом, о разворачивании множества вопросов, безрезультатно дебатировавшихся в течение десятилетия в Лиге наций, с добавлением лишь новых, еще более сложных, вопросов, которые возникнут. Достаточно напомнить, что до сих пор отсутствует, насколько мне известно, точное и признанное всеми членами Лиги толкование 16-й и других статей статута и правил их применения, изданных в 1921 г. Тратить время на эти вопросы при нынешнем обострении международных политических и экономических противоречий означало бы — поскольку дело касается разоружения — отойти назад на многие годы, если не на десятилетия.

Но меня, однако, французские предложения, как я уже сказал, больше всего интересуют с точки зрения их способности создать безопасность против войны, и я позволю себе остановиться на этом вопросе несколько подробнее.

В чем суть предложений французской делегации? Она предлагает создать новую армию, которая будет состоять из некоторого количества военных бомбовозов, разбросанных по разным странам или собранных в одном месте, а также некоторого количества войск, стоящих в резерве в разных странах для особого назначения. Иначе говоря, будет создана некоторая армия, скажем в несколько сот тысяч человек, надлежаще экипированная, которая должна будет присоединиться к силам того государства, которое будет признано подвергшимся нападению. Государство, собирающееся напасть на другое, должно будет заранее считаться не только с силами непосредственного противника, но и с силами, так сказать, союзной с ним армии. Значит ли это, что нападающая сторона обязательно откажется от нападения? Разве из опыта прошлого мы недостаточно знаем о союзах и союзных армиях, а разве они сколько-нибудь гарантировали от войны? Многие государства в прошлом, подготавливая войну, должны были заранее считаться, что им может быть придется иметь дело более чем с одним государством, и это соображение отнюдь не удерживало их от осуществления их воинственных замыслов. Они либо заранее обеспечивали себя союзниками, либо заранее составляли программы своих вооружений, с таким расчетом чтобы противостоять всем возможным силам противной стороны. В данном случае агрессивной стороне придется только учитывать заранее еще и силу международной армии.

Далее ясно, что эта международная армия по необходимости не может быть слишком велика. Мы не можем предположить, что стороны по соседству с театром войны смогут или захотят (исключая специальные случаи) посылать большие силы для участия в войне, их непосредственно не касающейся, в особенности, когда они сами имеют споры со страной, которой они призваны помогать. Допустим, что сильное государство, могущее развернуть в военное время многомиллионную армию, нападает на государство, в несколько раз уступающее его силам. Совершенно очевидно, что несколько сот тысяч добавочных войск на стороне обороняющегося государства решающего значения иметь не смогут, и таким образом международная армия не только не предотвратит самого нападения, но даже не всегда обеспечит победу атакованной стороне.

Но это не все. Каковы гарантии, что эта международная армия действительно будет пущена в ход и притом своевременно, прежде чем слабейший участник конфликта не будет окончательно сокрушен? Какие гарантии, что нападающая сторона будет действительно найдена и найдена там, где она действительно находится? Эти вопросы отнюдь не праздные, отнюдь не теоретические, а подсказываются той реальной международной жизнью, которая нам прекрасно знакома. Допустим, где-либо происходит вооруженный конфликт, безразлично имеет ли он официальный штамп войны или нет. Необходимо раньше всего определить, где нападающая сторона и где обороняющаяся и были ли нарушены международные договоры и обязательства, которыми обе стороны связаны. Задача эта в большинстве случаев отнюдь не сложна. Не мудрствующий лукаво человек улицы не затруднится дать ответ на эти вопросы и ответит, без сомнения, совершенно безошибочно. Но когда ответы приходится давать международным организациям и отдельным правительствам, то они не всегда на это готовы и им остается обращаться с призывами, увещеваниями и угрозами иногда одновременно к обеим сторонам. Я беру этот пример только в целях аргументации.

Но я хотел бы спросить — если подобный конфликт в будущем случится, каковы будут гарантии того, что существующая или какая-либо новая международная организация, в распоряжении которой будет находиться международная армия, сможет или захочет определить виновную сторону? В конечном итоге вряд ли она сможет бомбардировать одновременно обе стороны, чтобы таким путем ударить по агрессору. Какие, я спрашиваю, имеются гарантии, что новая или существующая международная организация с увеличенной реальной силой действительно сможет и захочет использовать эту силу для защиты слабейшего, для защиты обороняющейся стороны от нападающей?

Здесь говорилось о национальном эгоизме, препятствующем международному действию. Ясно, этот эгоизм проявляется не только в решениях отдельных правительств, а пробивает себе путь также через предложения и решения представителей этих правительств в международных организациях, парализуя их деятельность или давая ей нежелательное направление. Если такие случаи были в прошлом, то какие гарантии, что их не будет и дальше? Более того, каковы гарантии, что при наличии такого эгоизма международная армия не будет использована в интересах какого-либо государства, которое обеспечит себе руководящее положение в международной организации сепаратными союзами, антантами и соглашениями? Во французских предложениях о запрещении таких союзов ничего не говорится.

Мне скажут, что чем сильнее и реальнее средства давления, имеющиеся в распоряжении международной организации, тем решительнее она будет действовать. Я позволю себе в этом усомниться. Если представленные в такой организации государства, не желая портить свои отношения с нападающими, либо по другим национально-эгоистическим соображениям, не всегда решаются пускать в ход для претовращения и приостановления конфликтов даже слабые средства давления, то тем более они будут колебаться в применении таких сильных средств, как посылка собственных армий. А если это так, то можно ли ожидать, что государства проникнутся необходимым доверием к международной организации и к ее беспристрастию, чтобы доверить ей свою безопасность и предоставить в ее распоряжение свои национальные войска?

Вопрос о международной армии возникал и обсуждался 13 лет назад, если не ошибаюсь, при выработке статута Лиги наций, и решен был тогда отрицательно. А тогда ведь вера в международные организации была сильнее, чем теперь. Пять месяцев назад в международные организации верили много сильнее, чем теперь. А что касается международных противоречий и национального эгоизма, то они как будто не убавились за 13 лет. Чтобы убедиться в этом, достаточно обозреть все то, что происходит в области международных экономических отношений.

Я оставляю в стороне вопрос о том, насколько можно ожидать от советского государства, чтобы оно доверило свою безопасность и часть своих собственных войск международной организации, состоящей в подавляющем большинстве из государств, явно враждебных ему, и до такой степени, что отказываются поддерживать с ним нормальные отношения. В этих условиях можно скорее ожидать, что рабочие и крестьяне Советского Союза усмотрят в создании международной армии угрозу своей стране.

Я должен поэтому открыто и прямо сказать, что с точки

зрения безопасности от войны, а следовательно безопасности государств, французские предложения вызывают у нас большие сомнения. Советская делегация только укрепляется этим в своем убеждении, что единственным безошибочным путем к разрешению проблемы организации мира, проблемы предотвращения войны, проблемы обеспечения безопасности для всех народов, является путь, рекомендуемый ею, — путь всеобщего полного разоружения.

Из того, что я сказал, однако, неправильно заключить, что советская делегация отрицает всякое значение и пользу всех прочих средств укрепления мира, кроме полного разоружения. Свою готовность к международному сотрудничеству советское правительство доказало своим участием в ряде международных конгрессов и организаций и предложениями, которые оно там вносило.

Мы также не недооценивали значения международных мирных соглашений и обязательств. Мое правительство в свое время присоединилось к Парижскому договору 1928 г. и даже ввело его в действие с соседними государствами раньше самих инициаторов договора. Мое правительство само практикует заключение двусторонних пактов о ненападении, которые оно считает имеющими гораздо большее значение, чем многосторонние или всеобщие договоры. Оно всегда предлагало пакты о ненападении всем государствам. Эти пакты являются своего рода отличным средством выявления мирных или противоположных настроений других государств. Когда пакт, предложенный другому государству, немедленно принимается и вводится в действие, то можно констатировать известное спокойствие во взаимоотношении этих двух государств. Когда это предложение не сразу принимается, а рассматривается годами и после постановки над пактом первой буквы подписи наступает длительное раздумье и конец подписи откладывается, то чувство спокойствия естественно меньше. Но еще более серьезные сомнения в их мирных настроениях вызывают те государства, которые предложения о заключении пакта о ненападении под тем или иным предлогом или без всякого объяснения совершенно отклоняют. Таким образом в деле обнаружения мирных или враждебных намерений других государств роль международных пактов не может быть отрицаема. Необходимо также признать, что заключенные пакты о ненападении усиливают вину нападающего в случае нарушения мира, но все же они не могут считаться действительной гарантией против войны. Единственной действительной гарантией против войны и ее опустошительных последствий является только полное и всеобщее разоружение.

Советская делегация внесла в подготовительную комиссию к конференции по разоружению проект конвенции о полном

разоружении, осуществляемом в течение четырех лет. Это было четыре года тому назад, и вряд ли кто может отрицать, что если бы наше предложение было принято тогда, дальневосточные события не могли бы произойти, не было бы угрозы новой войны и переживаемый ныне миром экономический кризис наверное был бы менее острым.

Идея полного всеобщего разоружения отличается от других схем своей простотой, легкой осуществимостью и легкостью контроля его осуществления. План полного разоружения устраняет все те трудные и тернистые вопросы, которые обуславливали затяжной характер работ подготовительной комиссии, оспаривали на бесплодность неисчислимое множество международных конференций, созывавшихся за последние годы в разных столицах в связи с разоружением, и вызывали те мрачные предсказания, с которыми встречена нынешняя конференция. !

Только при полном разоружении могут быть достигнуты одинаковая безопасность и равенство условий для всех стран. Что же касается контроля, то совершенно очевидно, что легче уличить государство, строящее танки, пушки, пулеметы, бомбовозы вопреки международной конвенции, чем только увеличившее количество этих видов оружия свыше некоторого процента, установленного в международном порядке. Легче уличить государство, вопреки международным запрещениям обучающее население стрельбе из пулеметов или бомбометанию, чем когда оно увеличит состав своей армии сверх установленного процента.

Однако я должен опять-таки напомнить, что советская делегация приехала сюда отнюдь не для того, чтобы только сделать вам еще раз предложение о полном и всеобщем разоружении или чтобы заявить наше решение — либо полное разоружение, либо никакого. Мы не питаем никаких иллюзий относительно судьбы нашего предложения. Наша делегация готова вместе с вами обсуждать любые предложения, направленные к сокращению вооружений, и чем дальше это сокращение будет идти, тем охотнее советская делегация примет участие в работах конференции. Считая проект конвенции, выработанный подготовительной комиссией, совершенно недостаточным, советская делегация будет защищать здесь свой собственный проект частичного сокращения вооружений, который она рассматривает лишь как первый этап к полному разоружению.

Я позволю себе напомнить, что советская делегация в своем втором проекте конвенции, представленном в подготовительную комиссию, предлагала полное уничтожение наиболее агрессивных типов вооружений, в том числе:

- 1) танков и сверхдальней артиллерии большой мощности;
- 2) кораблей выше 10 000 тонн водоизмещения;

- 3) судовой артиллерии более 12 дюймов;
- 4) авианосцев;
- 5) военных дирижаблей;
- 6) тяжелых бомбардировочных самолетов, всех запасов авиационных бомб и других истребительных средств, употребляемых самолетами;
- 7) всех средств и приспособлений химической, огневой и бактериологической войны.

Советская делегация предложила абсолютное воспрещение воздушных бомбардировок, а не только за пределами определенной зоны. Она также предлагала отказ не только от химической войны, но и от подготовки к ней в мирное время. !

Все эти предложения сохраняют свою полную силу и для конференции.

Советская делегация будет рекомендовать прогрессивно-пропорциональный метод как наиболее беспристрастный и справедливый метод сокращения вооружений со льготами и изъятиями в пользу слабейших стран, подверженных нападению. Она будет горячо поддерживать всякие предложения, наиболее приближающиеся к ее собственным или идущие дальше. Она будет поддерживать равноправие всех участников конференции и одинаковую безопасность для всех государств. !

В смысле безопасности представляемое мною государство находится в менее благоприятном положении, чем другие. Всего 14 лет тому назад оно подвергалось вооруженному нападению на всех своих границах, блокаде, политическому и экономическому бойкоту. В течение 14 лет оно является предметом неслыханной клеветы и враждебных кампаний. Даже теперь многие государства, в том числе одна из сильнейших морских держав, не скрывают своей враждебности к нему вплоть до того, что отказываются от установления мирных нормальных отношений, а многие из государств, имеющие с ним нормальные отношения, отказываются от заключения или утверждения пактов о ненападении.

Нынешние события на Дальнем Востоке, внушающие всеобщую тревогу, вызывают особенное беспокойство в Советском Союзе вследствие географической близости к театру этих событий, где оперируют огромные армии, где антисоветские эмигранты мобилизуют свои силы. Несмотря на все это, я уполномочен заявить здесь о готовности представляемой мной страны разоружиться в такой же мере и с такой же быстротой, с какой согласятся на это другие державы, в первую очередь непосредственно с нами граничащие.

Но я должен еще раз заявить: никакие меры для сокращения вооружений не могут отвечать требованиям настоящего момента.

Существующие между различными государствами политические и экономические противоречия, особенно усилившиеся после мировой войны и вследствие кризиса, ведут неизбежно и быстро к новому вооруженному конфликту между народами. Этот конфликт благодаря новым усовершенствованным орудиям уничтожения грозит человечеству неслыханными бедствиями, беспрецедентными опустошениями. Надвигающаяся опасность войны вызывает всеобщую тревогу, всеобщее подозрение. Эти тревога и подозрения вместе с налоговым бременем народа, вызываемым содержанием государствами огромных вооруженных сил, питают и усиливают нынешний экономический кризис, ощущаемый всей своей тяжестью прежде всего и главным образом рабочим классом. При этих обстоятельствах задачей момента является не повторение каких-либо попыток добиться некоего сокращения вооружений или сокращения военных бюджетов, наталкивающегося к тому же при своем осуществлении на невероятные трудности, а действительная организация мира путем создания безопасности против войны. Эта задача может быть осуществима не иначе как через скорейшее, полное и всеобщее разоружение. {

Советская делегация внесет резолюцию в этом смысле, убежденная в том, что никаких внешних препятствий к осуществлению всеобщего разоружения не будет, если к этому изъявят свою готовность представленные здесь правительства. Единственной задачей советского правительства является построение социализма на территории Советского Союза. Перед лицом успешного завершения первого пятилетнего плана и крупнейших достижений во всех областях хозяйственного строительства советской делегации представляется то, что было ясно с самого начала и должно быть теперь абсолютно доказанным и абсолютно ясным всем и каждому, а именно, что для осуществления своих задач СССР не требуется совершенно ни увеличения территории, ни вмешательства в дела других государств и он не нуждается ни в армии, ни во флоте, ни в военной авиации, ни в каких других вооруженных силах. Ему необходима, однако, уверенность в том, что и на территорию Советского Союза никто не будет покушаться и что в его внутренние дела другие государства вмешиваться не будут и что мирное хозяйственное строительство не будет нарушено извне. Эту уверенность он получит только тогда, когда и другие государства откажутся от своих вооруженных сил.

В обстановке переживаемого теперь всем миром невиданного экономического кризиса, который потрясает все здание капиталистической системы, народные массы, страдающие в неизвестной ранее степени от безработицы, от повсеместного снижения заработной платы, стоящие перед угрозой

дальнейших экономических потрясений, бремя которых господствующие классы охотно перелажают прежде всего на них, должны быть избавлены, насколько это возможно, от угрозы военной катастрофы, которая в ходе экономического кризиса становится все более и более неизбежной. Нужно создать безопасность от войны. Эта безопасность не может быть достигнута обходными путями, а исключительно прямым путем всеобщего и полного отказа от вооружения.

Это не является коммунистическим лозунгом. Советская делегация знает, что единственной абсолютной гарантией мира явится только полное торжество социалистических принципов, устраняющее причины, порождающие вооруженные конфликты. Но пока эти принципы торжествуют лишь на одной шестой части земного шара, есть только одно средство организации безопасности от войны — полное всеобщее разоружение. Доказательством его осуществимости является уже то, что оно предлагается государством, населенным свыше 100 миллионов человек. Сама по себе эта идея не является утопией, но она может быть превращена в утопию лишь отклонением ее остальными представленными здесь государствами. Мы надеемся, что присутствующие здесь ответственные представители государств отнесутся к высказанным нами мыслям со всей той серьезностью, какой заслуживает проблема обеспечения народам действительной безопасности от войны, действительного мира.

(Сборник документов по международной политике и международному праву, изд. НКВД, 1933 г.)

РЕЧЬ В ГЕНЕРАЛЬНОЙ КОМИССИИ КОНФЕРЕНЦИИ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ 21 ИЮЛЯ 1932 г.¹

Председатель высказывал вчера опасения относительно возможной длины наших речей. Не знаю, будет ли рассеяно его опасение тем, что моя речь будет весьма коротка по сравнению с временем, которое нас заставили ждать до появления сегодняшней резолюции. Если Венский конгресс принято называть теперь «веселящимся конгрессом», то нынешняя конференция, вероятно, войдет в историю под названием «конференция в ожидании». Я рад был бы не упоминать этого обстоятельства, если бы мы были вознаграждены за наше долготерпение результатами ожидания, но, к сожалению, это не так.

Предлагаемая нам резолюция, которая вырабатывалась

¹ Речь была произнесена при обсуждении резолюции о разоружении, внесенной Бенешем в генеральную комиссию по разоружению.

и ожидалась членами делегации в течение нескольких недель, если не месяцев, должна представлять собой, очевидно, итог всех достижений конференции за 6 месяцев ее существования и предшествовавшей подготовительной работы и в то же время максимальную программу работ следующего этапа конференции. Мне кажется, что мы все не можем не сознаться, что эта резолюция принесет горькое разочарование всем тем людям и организациям, которые возлагали все свои надежды в области мира на конференцию, и оправдает мрачные предсказания и предчувствия тех, которые этих надежд и иллюзий с самого начала не разделяли.

Хотя резолюция начинается с утверждения, что время настало для принятия всеми народами мира существенных и обширных мероприятий по разоружению для консолидации всеобщего мира, все дальнейшее содержание этой резолюции является полным отрицанием этого утверждения и, наоборот, признанием того, что представленные на конференции государства не нашли момент созревшим для окончательного принятия хотя бы одной решительной меры по разоружению.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ — РЕШИТЕЛЬНЫЙ ШАГ НАЗАД

Я позволю себе проанализировать резолюцию пункт за пунктом. Я не буду останавливаться на общих декларациях и неопределенных обещаниях относительно возможных будущих решений. Этих деклараций было на конференции более чем достаточно. Более того, уже 18 апреля генеральная комиссия постановила, что настоящая конференция должна завершить решительный этап в сокращении вооружений до наиболее низкого уровня. Резолюция, предлагаемая нам, повторяет лишь это постановление о первом решительном шаге, не указывая ни одной цифрой уровня сокращаемых вооружений. Я буду касаться поэтому лишь тех конкретных положительных решений, относительно которых будто бы имеется уже общее соглашение.

Таких конкретных решений имеется в резолюции, к сожалению, лишь одно, а именно, относительно химической, бактериологической и огневой войны. Но это решение в своих основных частях заключается в конвенции о химической и бактериологической войне, принятой под названием женевского протокола еще в 1925 г. Этот протокол ратифицирован уже 34 государствами, в том числе Советским Союзом, Великобританией, Францией, Италией и Германией. Этот договор уже вступил в силу между государствами, формально его принявшими. Если остальные государства, не подписавшие или не ратифицировавшие протокола, согласны с ним, им остается лишь об этом заявить формально, и договор получит все-

общее применение. Если вместо этого нам теперь предлагают неопределенную резолюцию, составленную в общих выражениях, об одобрении рекомендаций технических комиссий, по поводу которых, вероятно, возможны еще дальнейшие прения и которые могут принять форму обязательства лишь через отдаленное время, то мы в данном случае вправе говорить о решительном шаге назад, а не вперед. Ни в коем случае поэтому пункт резолюции о химической и бактериологической войне нельзя выдавать за достижение нынешней конференции. Я не говорю о том, что этот вопрос, как и другие вопросы о гуманизации войны, относится скорее к компетенции союза Красного креста, чем к конференции по разоружению. В рекомендациях технической комиссии советская делегация не находит серьезных улучшений по сравнению с Женевским протоколом 1925 г., а если в них есть что-либо дополнительное, то это должно было бы составить предмет дополнительного протокола и не должно давать нам повода поставить под вопрос уже существующие в этой области международные обязательства и давать правительствам повод не присоединяться к этим обязательствам и не ратифицировать их.

Пункт о запрещении бомбардировки гражданского населения можно приветствовать, но и он относится скорее к предметам гуманизации, т. е. к области Красного креста, чем к вопросам разоружения, ибо этот пункт сам по себе не означает сокращения военной авиации хотя бы на одну единицу. В теории право бомбардировки гражданского населения вряд ли когда-либо признавалось и защищалось кем бы то ни было. Если в минувшую войну гражданское население и страдало от воздушной бомбардировки, то последняя обыкновенно направлялась против военных объектов, вызываясь военно-стратегическими соображениями, и, поскольку военная авиация или хотя бы бомбардировочная в абсолютной форме не будет запрещена, не может быть никакой гарантии для гражданского населения. Таким образом, этот пункт не может иметь серьезного значения и во всяком случае не может рассматриваться как серьезный результат шестимесячных работ конференции.

К сожалению, основной вопрос о запрещении бомбардировочной авиации поставлен в резолюции в зависимости от условий, которые еще подлежат обсуждению и согласованию.

Хотя мы и не посвящены в детали длительных, мучительных и частых переговоров по этому вопросу, не составляет секрета, что относительно этих условий существует серьезное расхождение. Мне таким образом кажется преждевременным включение этого вопроса в число пунктов, по которым якобы достигнуто соглашение. В резолюции ничего

не говорится об уничтожении военной или хотя бы бомбардировочной авиации, а между тем такая мера является единственным эффективным методом обеспечения прекращения воздушной бомбардировки. Нетрудно проконтролировать уничтожение того или иного вида оружия или обнаружить нарушителей запрещения в этой области, но вряд ли можно быть гарантированным от его использования во время войны вопреки конвенции, если запрещенное оружие будет фактически сохранено. Советская делегация, высказывавшаяся за полное уничтожение всей военной авиации, предлагает теперь в качестве компромисса предусмотреть в резолюции в числе прочих мер уничтожение по крайней мере бомбардировочной авиации.

В отношении танков и тяжелой артиллерии говорится лишь об ограничении тоннажа и калибра вообще. Но опять-таки против ограничения вообще никто никогда не возражал ни на конференции, ни в комиссиях. Однако, как только речь заходила о цифрах, появлялись разногласия. В комиссиях например предлагали ограничить тоннаж танков и калибр пушек такими пределами, которые техникой либо еще не достигнуты, либо достигнуты лишь в стадии эксперимента. Если соглашение возможно только в таких пределах, то было бы смешно подводить это под сокращение существующих вооружений.

ВОПРОС О КОЛИЧЕСТВЕННОМ РАЗОРУЖЕНИИ НА КОНФЕРЕНЦИИ ФАКТИЧЕСКИ НЕ СТАВИЛСЯ

Все эти вопросы касаются так называемого качественного разоружения. Я уже имел случай указывать в этой комиссии, что качественное разоружение само по себе означает не сокращение вооружений, не уменьшение возможности войны, а следовательно, не означает консолидацию мира, а регламентацию войны, новую разработку права войны. Чем больше мы будем уделять внимания качественному разоружению в ущерб количественному, тем больше мы будем отходить от основной задачи конференции, названной конференцией по разоружению, и будем приближаться к темам, которыми занимались гаагские конференции и «Красные кресты». Нас, делегатов конференции по разоружению, должно интересовать качественное разоружение постольку, поскольку качество может переходить в количество или поскольку качественное разоружение является дополнением к количественному. Ограничение тоннажа, калибра или других характеристик того или иного оружия не может давать значительных результатов в смысле количества. Я позволю себе напомнить вам, что все постановления и приглашения, связанные с созывом конференции по разоружению, всегда принимались под углом зрения количественного разоружения,

а не качественного. В подготовительной комиссии по разоружению, например, вопрос о качественном разоружении даже не поднимался и никаких подготовительных действий в этом направлении не предпринималось. Советская делегация поэтому считает основным дефектом резолюции отсутствие каких бы то ни было конкретных решений о количественном сокращении вооружений.

Конференция была созвана и собралась для сокращения вооружений, но на естественный вопрос, который будет поставлен нам, — на какую часть решено сократить вооружения, — мы, делегаты, на основе предлагаемой резолюции ответа дать не сможем, ибо не только нет решения, но и сам вопрос на конференции почти поставлен не был. Впрочем, вопрос-то был поставлен самым названием конференции, он был поставлен хотя бы тем проектом конвенции подготовительной комиссии, в котором имеется таблица с перечислением элементов вооружений, против которых конференция должна была поставить только коэффициенты сокращения.

Последние заседания генеральной комиссии могут создать впечатление, что количественным сокращением вооружений не занимались потому, что долгое время не было соответственных конкретных предложений, и что лишь в самое последнее время поступило одно такое предложение, а именно от американской делегации, которое пришло, однако, слишком поздно, мол, для того чтобы конференция могла обсудить его и принять какие-либо решения, ввиду необходимости разъехаться на каникулы. Дело, однако, отнюдь не обстоит так. Советская делегация внесла альтернативно к предложению о полном всеобщем разоружении совершенно конкретный проект сокращения всех видов вооружений на 50%. Советская делегация выставляла эту цифру не ультимативно, а как выражение существенного сокращения вооружений.

Если бы советское предложение было поставлено тогда на обсуждение, то другими делегациями могли бы предлагаться и другие цифры — в 33 $\frac{1}{3}$ %, большие или несколько меньшие цифры, и если действительно верно утверждение предлагаемой ныне резолюции, что конференция полна решимости осуществить существенные и обширные меры разоружения и что она приветствует предложения американского правительства, включающие сокращение вооружений до одной трети, то нетрудно было бы договориться о цифрах, и тогда действительно можно было бы говорить о решительном шаге вперед.

САБОТАЖ ПОСРЕДСТВОМ «ЧАСТНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ»

Наконец, со времени представления американского предложения прошел уже почти месяц, и, если бы генеральная

комиссия занялась сразу вплотную этим предложением, у нас могли бы быть серьезные результаты. Опять-таки при условии, что заключающиеся в предлагаемой резолюции декларации и обещания действительно соответствуют намерениям представленных здесь правительств.

Вместо этого, к сожалению, конференция и генеральная комиссия фактически перестали функционировать еще месяц назад. Делегации были обречены на полное бездействие в ожидании результатов каких-то частных переговоров. Результаты эти нам теперь известны: это — резолюция, которую я сейчас разбираю и которая лишена серьезной ценности и является лишь повторением такой же резолюции, принятой еще три месяца назад, о том, что решено осуществить решительный этап по сокращению вооружений. Тогда предполагалось, что конференция немедленно займется конкретизацией этой резолюции, но этого не произошло, и весь смысл предлагаемой ныне резолюции заключается в том, что нам предлагают отложить конкретизацию на дальнейшие шесть месяцев.

Какие гарантии в том, что эта задача нам лучше удастся тогда, чем за истекшие три месяца? Что изменится к этому времени? Какие будут устранены препятствия, которые мешали конкретизации до настоящего времени? В резолюции прямо не говорится, но подразумеваются, очевидно, новые частные переговоры, кроме того имеется ссылка на специальные конференции для соглашения по группам государств. Можно ли связывать с этим какие-либо надежды? Вся история проблемы разоружения есть непрерывная серия этих откладываний и отсылок к частным переговорам, частным конференциям. Если проследить историю подготовительной комиссии, то мы увидим, что она обыкновенно прекращала свои сессии и прерывала свои работы неизменно со ссылкой на частные переговоры, частные совещания и конференции, где-то происходящие и которые якобы должны подготовить решения по вопросам, разделявшим комиссию.

Комиссия неизменно вновь собиралась, чтобы констатировать безрезультатность этих частных совещаний.

Но все эти благотворные результаты частных переговоров и совещаний неизменно оказывались миражем, блуждающими огнями, как и миражем оказались результаты частных переговоров, воплощенные в предлагаемой нам резолюции.

В этой резолюции, как мною только что отмечено, имеются либо решения, поставленные в зависимость от условий, составляющих предмет глубоких разногласий, либо общие указания на достигнутые соглашения, но мы по опыту уже знаем, как часто мы расходимся по вопросу о том, на чем же мы собственно согласились?

ПРЕДЛАГАЕМАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ — НЕ ОТВЕТ, А СОКРЫТИЕ ОТВЕТА

Проблема разоружения стоит перед государствами во всех ее конкретных аспектах уже в течение десяти лет. Вопрос изучен экспертами каждой страны в комиссиях и подкомиссиях во всех его деталях.

Правительства всех государств имеют совершенно определенные ответы на этот вопрос, и советская делегация полагает, что настал момент, когда эти ответы должны быть даны во всеуслышание и не где-либо, а на конференции по разоружению. Разоружение должно перестать играть роль теннисного мяча, перебрасываемого из одной комиссии или подкомиссии в другую, с одной конференции на другую, с одной сессии на другую. Через 6 месяцев ответ правительств будет тот же, что и теперь, и нам незачем его откладывать. Предлагаемая резолюция не есть ответ, а сокрытие ответа, и поэтому в настоящем виде должна быть отвергнута.

Советская делегация считается с очевидным намерением конференции разъехаться в ближайшие же дни. Она не предлагает поэтому вносить новую резолюцию и, наоборот, в духе сотрудничества готова принять за основу нынешнюю резолюцию, если в ней даны будут конкретные цифровые ответы хотя по намеченным в ней пунктам.

ЧТО ПРЕДЛАГАЕТ СОВЕТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ

Советская делегация предлагает по общему пункту о сокращении вооружений, главным образом по основному вопросу о количественном сокращении, не ограничиваться неопределенными декларациями, а совершенно точно сказать, что конференция решает сократить все виды вооружений не меньше, чем на одну треть. Советская делегация в свое время предлагала то же сокращение по прогрессивно-пропорциональному принципу, считая справедливым и политически целесообразным, чтобы наиболее могущественные государства сокращали свои вооружения в большей мере, чем другие государства, а именно до 50 процентов.

Не встречая, однако, благоприятного отклика на это предложение и констатируя, что другое государство, пойдя навстречу советскому проекту, предложило сокращение всех видов вооружений на одну треть и что о присоединении к этому предложению было сделано заявление Италией и несколькими десятками других государств, советская делегация в порядке практического компромисса готова для первого этапа сокращения удовольствоваться предложением об одной трети. Советская делегация не может, однако, согласиться на изъятие из сокращения отдельных частей вооруженных сил, предназначенных для полицейской и колониальной службы, ибо

этим путем создано было бы привилегированное положение для наиболее могущественных государств, имеющих колонии, государств, которые таким образом подверглись бы сокращению в меньшей пропорции, чем более слабые государства. Советское государство к тому же не могло бы присоединиться к документу, в котором формально санкционировались бы методы осуществления империалистической и колониальной политики. Далее, советская делегация считала бы справедливым и надеется, что против этого не встретится серьезных возражений, чтобы наиболее слабые государства, имеющие не более 30 тысяч войск и 100 тысяч тонн морских вооружений, не представляющие никакой угрозы нападения, были освобождены от сокращения вооружений. Мы рассчитываем также, что не будет возражений против того, чтобы от дальнейшего сокращения были освобождены государства, которые подверглись разоружению в силу международных обязательств, причем такая мера отнюдь не должна наносить ущерба принципу равенства наций, а, наоборот, считаться первым шагом к этому равенству.

Только в случае принятия этой советской поправки резолюция могла бы быть рассматриваема как некоторый шаг вперед в деле разоружения и дать минимальное удовлетворение народам, требующим этого разоружения. Предлагаемая мера разоружения могла бы быть усилена полным упразднением и запрещением военной авиации, запрещением танков и тяжелой артиллерии калибра, превышающего 100 миллиметров, как это предложено в других советских поправках.

Повторяю, советская делегация отнюдь не намерена ограничить программу всей конференции этими мероприятиями, которые она рассматривает лишь как действительно первый этап. Следующая сессия конференции, по мнению советской делегации, должна будет заняться как дальнейшей конкретизацией этих мероприятий, так и обсуждением и подготовкой дальнейших мероприятий в том же направлении.

Таковы главные поправки, вносимые советской делегацией к проекту резолюции. Пока не приняты эти поправки, я не считаю нужным занимать внимание комиссии указаниями на менее существенные пункты резолюции, которые не совсем приемлемы для советской делегации, как, например, на ссылки на 8-ю статью устава Лиги наций, отношение к которой со стороны советской делегации известно из других моих выступлений, или на пункт о постоянной комиссии, который совершенно не обсуждался.

СОВЕТСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА СТРАЖЕ МИРА

Советская делегация отдает себе полный отчет в том, что ее поправки вряд ли будут приняты единогласно или хотя бы даже большинством голосов. Если она тем не менее

настаивает на голосовании, то она исходит из глубокого убеждения в том, что и безуспешные международные конференции имеют глубокое значение и дают много поучительного и полезного материала для понимания развития международной жизни, а также для облегчения соглашений на последующих конференциях.

Но для того чтобы народы могли извлекать эти полезные уроки из международных конференций, абсолютно необходимо, чтобы эти конференции происходили совершенно гласно, чтобы все спорные вопросы обсуждались и голосовались гласно, чтобы ясны были не только пункты соглашения, но и пункты расхождения между народами. Только этим путем мы можем привлекать все народы к соучастию в международной жизни, а это соучастие особенно необходимо для разрешения проблемы разоружения. Мы не можем говорить о гласности нашей конференции, когда в течение трех месяцев общая комиссия собиралась пять раз и вся работа сосредоточена была в частных переговорах нескольких делегаций. Советская делегация высказывает надежды, что на конференции не будут повторены эти методы, задевающие достоинство делегатов и множество стран, к тому же не оправданные результатами.

Советская делегация, естественно, в первую очередь озабочена тем, чтобы совершенно ясна была народам Советского Союза и другим народам позиция советского правительства в деле разоружения и чтобы с нее снята была всякая ответственность за отрицательные или недостаточные результаты конференции. Она надеется, что она этой цели достигла, ибо она никогда не упускала случая заявить и на всякий случай заявляет теперь вновь, что она согласна на самые далеко идущие меры разоружения вплоть до полного всеобщего разоружения. Если ей приходилось по практическим соображениям предлагать меры или соглашаться с мерами частичного разоружения, то она никогда не отходила от своего основного предложения о полном всеобщем разоружении, которое она продолжает считать наилучшим средством против войны и максимальной гарантией всеобщего мира.

Требование этой гарантии повелительно диктуется нынешними особенностями международной жизни, над которой продолжает тяготеть угроза международных вооруженных столкновений. Конференция собралась в феврале, когда почти все виды вооружений были в действии и совершали свой разрушительный эффект. Если грохот пушек и падающих бомб сейчас затих, то это не значит, что обозначенная ими опасность устранена. То упорное сопротивление, на которое на нашей конференции наталкиваются даже предложения о минимальных мерах разоружения, указывает на то, что правительства, несмотря на пацифистский договор об отказе от войны, несмотря

на обилие международных конференций, продолжают верить в войну как средство национальной политики, что они предпочитают говорить друг с другом даже о мире и о международной солидарности в полном вооружении. Политика заключения пактов о ненападении между государствами, которую проводит советское правительство, продолжает встречать препятствия со стороны других правительств. При этих обстоятельствах говорить о действительном политическом разрядке не приходится, и советское правительство не видит основания ослаблять свою пропаганду всеобщего мира через полное всеобщее разоружение.

Советское предложение о полном разоружении было отклонено, между прочим, как весьма «непрактичное», несмотря на то, что этим предложением конференция не занималась. Десять лет подготовительных работ и шесть месяцев конференции достаточно убедительно доказали, однако, непрактичность других предложений, выдвигавшихся в противовес советскому. Внимательное изучение работ конференции и ее технических комиссий должно убедить всякого беспристрастного человека в большей осуществимости одного упразднения того или иного вида оружия, чем установления его характеристики и ограничения его размеров.

Соображения о сравнительной безопасности, о нарушении установленной относительности и нарушении интересов отдельных стран выступают тем ярче, чем больше отклоняемся от полного упразднения того или иного оружия. Рекомендованный советской делегацией подготовительной комиссией и нынешней конференции метод объективного пропорционального сокращения не нашел поддержки ни с какой стороны. Этот метод мы находим в предложениях американского правительства, к которому присоединились и пять других делегаций.

Из множества писем и резолюций различных национальных и международных организаций советская делегация с удовлетворением узнает, что ее позиции находят все большее и большее признание. Она рассчитывает, однако, не только на признание, но и на активную поддержку. Советская делегация будет в дальнейших стадиях работ конференции цепко держаться своих позиций и проявлять в соответствующих случаях нужную непримиримость в интересах движения против войны, в интересах действительного и всеобщего мира.

(«Известия» от 23 июля 1932 г.)

ЗАЯВЛЕНИЕ НА ПЛЕНУМЕ ЛИГИ НАЦИЙ 27 СЕНТЯБРЯ 1934 г.¹

В мои намерения не входило ни сопровождать мое письмо какими-либо речами, ни поднимать спорные вопросы, влекущие за собой дискуссию. Однако ввиду заявления председателя я чувствую себя обязанным сказать несколько слов, для того чтобы разъяснить, какие цели преследует мое письмо или, вернее, каких целей оно не ставит. Я далек от мысли пытаться толкнуть ассамблею или Совет на вмешательство в нормальную процедуру конференции по разоружению или ее остальных органов, еще меньше того — на ликвидацию конференции вообще. Предоставим председателю конференции по разоружению или ее бюро всеми способами проводить в жизнь решения, принятые конференцией или генеральной комиссией.

Предоставим им предпринимать в нужный момент необходимые шаги, которые они сочтут подходящими и своевременными. Но вместе с тем я думаю, что ассамблея и Совет Лиги не могут оставаться безучастными к вопросам разоружения. В конце концов конференция по разоружению является, как мне уже не раз напоминали, порождением Лиги, и председатель ее получил свой мандат от Совета Лиги. Мне кажется вполне естественным, что после почти двух с половиной лет существования конференции по разоружению если не ассамблея, то по крайней мере Совет в целом должны проявить некоторый интерес к работе конференции, подвести

¹ Накануне заседания пленума, на котором имело место настоящее выступление, т. Литвинов обратился с письмом к председателю пленума Сандлеру, в котором ставил вопрос о том, что Лига наций должна проявить интерес к работе конференции по разоружению, определить ее направление. Сандлер предложил принять письмо т. Литвинова к сведению, не подвергая его дискуссии. В этой связи т. Литвинов и сделал приведенное выше выступление.

итог тому, что ею сделано и что не сделано, и затем, в свою очередь, принять некоторые меры, которые могли бы помочь конференции или дать ей какое-нибудь направление. Я не делаю секрета из предложения, которое я собираюсь внести, как только подобная возможность представится хотя бы лишь в отношении процедуры. Я, вероятно, доведу до сведения Совета о внесенном советской делегацией в генеральную комиссию предложении создать специальный перманентный орган Лиги, который занимался бы всеми вопросами борьбы за мир, включая сюда и вопросы разоружения. Я не отказался от идеи перманентной конференции мира. Наоборот, я больше, чем когда-либо, убежден в ее необходимости. И если я не заблуждаюсь, эта идея завоевывает себе признание в кругах Лиги. Я помню, что за пределами Лиги остается еще великая страна, сотрудничество которой в вопросах мира и разоружения мы все высоко ценим, что здесь должно быть на длительный срок создана общая почва для подобного сотрудничества. Однако сейчас не время останавливаться на этом вопросе.

Единственной целью моего письма было напомнить ассамблее о проблеме разоружения и доказать всем находящимся за пределами этого собрания, что Лига наций и отдельные ее члены не забывают об этой проблеме. Мне кажется, что негативного решения — не создавать третьей комиссии и не касаться вопросов разоружения — недостаточно для этого. Необходимо было какое-то позитивное предложение или решение. Эта цель была достигнута опубликованием моего письма. Если по техническим причинам ассамблее неудобно принимать формальную резолюцию, потому что это шло бы вразрез с прежним решением, принятым еще до появления советской делегации в ассамблее, я не стану настаивать на формальном голосовании и удовлетворюсь тем, что последую совету председателя поднять этот вопрос на самом Совете Лиги.

(«Известия» от 28 сентября 1934 г.)

МИРОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС
И
С С С Р

РЕЧЬ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ
И ЭКОНОМИЧЕСКОМ НЕНАПАДЕНИИ НА ЗАСЕДАНИИ
ЕВРОПЕЙСКОЙ КОМИССИИ ЛИГИ НАЦИЙ
18 МАЯ 1931 г.¹

Господин председатель! Позвольте мне сначала выразить вам свою благодарность за благожелательные слова, с которыми вы обратились к вновь прибывшим в Европу. Факт моего присутствия здесь, я уверен, обрадует сердца географов всего мира, так как они увидят, что их гипотеза о нахождении старой русской империи в Европе подтверждается хотя бы частично данной комиссией.

Я нахожусь здесь на особом положении, хотя бы уже потому, что страна, представляемая мною, сама по себе не только не испытывает кризиса, но переживает, наоборот, период неслыханного подъема всей ее хозяйственной жизни. Из этого, однако, не вытекает, что мировой кризис нас совершенно не касается и что он не оказывает никакого влияния на интересы СССР. СССР в настоящее время втянут в товарооборот с огромным большинством европейских и внеевропейских стран, и уже по одному этому для него далеко не безразличны хозяйственные пертурбации в этих странах. Дви-

¹ Европейская комиссия Лиги наций была образована в 1930 г. для изучения вопроса об «Европейском союзе» и для обсуждения возможностей сотрудничества между собой стран Европы. Предложение о приглашении на европейскую комиссию Советского Союза встретило первоначально резкое сопротивление ряда стран, в том числе и Франции, стремившихся исключить СССР из системы европейского сотрудничества. Приглашение СССР, последовавшее, несмотря на это, в 1931 г., было в значительной степени результатом настояний со стороны Германии и Италии, отражавших стремление обеих стран ограничить господство в Европе французской системы военных союзов. По вопросу об европейской комиссии см. также речь т. Литвинова на XVI собрании Лиги наций по отчету генерального секретаря Лиги 14/IX 1935 г. (стр. 132).

жение цен может служить примером происходящих у вас пертурбаций. Для выполнения намеченных весьма обширных планов индустриализации — и притом весьма быстрыми темпами — нам приходится и в дальнейшем придется увеличивать из года в год ввоз промышленных изделий из других стран. Для оплаты этого ввоза моя страна может рассчитывать только на вывоз сырья. Происходящее в последние годы падение цен на сырье при сохранении почти на прежнем уровне цен на промышленные товары, естественно, ударяет по экономике СССР. С другой стороны, интересы СССР еще страдают косвенным образом от направленных против него планов, которые намечаются и отчасти проводятся некоторыми государствами, будь то в ложных поисках выхода из кризиса, будь то в других целях под прикрытием кризиса. Наконец, последний, но не менее важный момент заключается в том, что на развитии кризиса не могут не отразиться те или иные взаимоотношения, которые будут установлены между СССР и прочими европейскими странами.

Я думаю, что того, что я сказал, достаточно, чтобы показать участие, которое мы принимаем в изучении всемирного кризиса, начатом комиссией.

Я не знаю, есть ли у кого-либо из делегатов действительные средства для полного исцеления мира от переживаемого кризиса. На мой взгляд, таких средств нет и быть не может. Меньше всего вы можете ожидать предложения подобного рода от представителя СССР. Всем, конечно, известно, что согласно нашему мировоззрению экономические кризисы перепроизводства присущи капиталистической системе как таковой и от нее неотделимы. Основанные на глубоких противоречиях в самой системе, они возникают периодически через более или менее определенные сроки.

Но нынешний экономический кризис является — что вряд ли будет кем-либо оспариваться — наиболее глубоким экономическим кризисом из числа когда-либо переживавшихся капиталистическим строем. Мы имеем на этот раз не только совпадение, но и переплетение промышленного кризиса с сельскохозяйственным. Взаимодействие их неизбежно углубляет и затягивает кризис в целом.

Тяжесть кризиса углубляется политикой монополистических объединений, стремящихся к поддержанию высоких цен на внутренних рынках отдельных стран. Никто не может отрицать, что подобная политика значительно затрудняет рассасывание запасов, создавая почти непреодолимые трудности в продвижении товаров до потребителей, и таким образом еще более способствует сохранению нынешним экономическим кризисом затяжного характера.

Общепризнано, что тяжесть и глубина кризиса, особенно в Европе, обязаны в значительной мере своим происхож-

дением специальным послевоенным условиям, порожденным расстройством мирового хозяйства за время войны и системой послевоенных договоров, международных долгов, новых военных блоков вооруженных держав и т. д.

Поэтому мне кажется, что комиссия должна обратить особенное внимание на изучение специфических причин, придающих такую остроту настоящему кризису, и на изучение мер, способных устранить эти причины во избежание дальнейшего углубления кризиса и по крайней мере для его смягчения.

Причины, которые я имею в виду, следует искать, конечно, не только в экономической, но и в политической плоскости, они коренятся в общей обстановке, создавшейся в результате войны и послевоенной политики. Я перечислю бегло. Прямая связь между ростом налогового бремени и кризисом слишком очевидна и не нуждается в подчеркивании. Столь же очевидно, что этот рост вызывается главным образом неумирающим милитаризмом и непрерывным ростом вооружений. Можно констатировать, что, несмотря на Локарнский договор, на пакт Келлога и множество других пактов, на которые некоторые пацифистские круги возлагали столько надежд, рост вооружений не обнаруживает никаких тенденций к регрессии или к замедлению. Результаты сессий подготовительной комиссии конференции по разоружению также дают мало основания для надежды на какие-либо улучшения в этой области. Мы видим продолжение политики создания военно-политических блоков, делящих Европу и весь мир на вооруженные лагеря, готовящих новые кровавые столкновения. Существование этих блоков, естественно, интенсифицирует соревнование в вооружениях, ибо каждому приходится оглядываться уже не на отдельных соседей, причем в прессе и на собраниях открыто обсуждаются планы и условия этого нападения.

Как я уже отметил, нет недостатка в попытках сделать мировой кризис исходным пунктом для этих кампаний. Те капиталистические круги, которые особенно заинтересованы в отвлечении внимания от действительных причин, которые породили, питали и углубили кризис, с особенным усердием стремятся направить исследователей на ложный след, смехотворно указывая на существование СССР как на чуть ли не единственную причину кризиса. Чтобы доказать очевидную нелепость этого аргумента, достаточно обратить внимание на скромное место, которое СССР занимает в мировой торговле.

Это утверждение смехотворно и потому, что кризисом охвачены далеко не только те товарные рынки, где СССР выступает экспортером, но и те, где он выступает потребителем. Это достаточно ярко иллюстрируют цифры, указанные

в отчете экономического комитета Лиги наций. С сентября 1929 г. по март 1930 г. цены на кофе, олово, каучук упали соответственно на 40—20—40%. В течение того же периода цены на рис, оливковое масло и шелк упали соответственно на 40,2—23,8—48,1%. Кризисы существовали до появления СССР на свет, и в этих условиях мы имеем право утверждать, что настоящий кризис оказался бы еще более острым и более широким при существовании царской буржуазной России, т. е. политической и экономической организации наподобие остального мира, вместо нынешнего СССР, так как Россия была бы вовлечена в общий кризис и давила бы на него всей своей тяжестью. Государственные деятели, особенно озабоченные предупреждением социальных потрясений в других странах, были бы теперь обременены еще одной заботой и, может быть, должны были бы созывать специальные международные конференции для изыскания мер к предупреждению социальных потрясений в результате кризиса в России.

Теперь я хотел бы поставить следующий вопрос: углубляет или, наоборот, смягчает мировой кризис то обстоятельство, что одна шестая мира, или почти половина Европы, не задета кризисом? Что в мире есть страна, не только не понижающая, но увеличивающая из года в год ввоз промышленных товаров, загружая своими заказами заводы других стран, понижая безработицу и снабжая иностранный тоннаж грузами? Что эта страна не знает безработицы, что ее население не бежит в другие страны в поисках заработка сотнями тысяч и миллионами, как это происходило при царском режиме? Углублению или смягчению кризиса способствовал тот факт, что Советский Союз поглощает от 20 до 50% общего экспорта некоторых отраслей машинного производства в Германии, в Австрии, в Англии, в Польше? Совершенно неоспоримо, что заказы Советов, становящиеся с каждым годом все более значительными, помогают смягчению кризиса. Если напомнить, что в 1930 г. 53% общего экспорта тракторов из Америки, 12% английского экспорта текстильных машин, 23% германского экспорта сельскохозяйственных машин, 21% экспорта станков и 11% экспорта других машин, наконец из общего производства польских литейных заводов, достигающего 71,1 миллиона тонн, и общего экспорта в 30,8 миллиона тонн до 30 миллионов тонн было вывезено в СССР, — то станет ясным, что на вопрос, увеличивает или смягчает кризис советская внешняя торговля, может быть лишь один ответ.

Всем должно быть ясно, что советский импорт содействует смягчению кризиса, особенно в Европе, ввиду того что советские заказы преимущественно размещаются в европейских странах. Бесплезно подчеркивать, что, признавая поло-

жительное значение советского импорта, трудно бороться против советского экспорта, который должен уравновесить импорт.

Во время некоторых антисоветских кампаний последнего времени в первую очередь делались ссылки на то, будто бы экспорт советского сырья оказывает неблагоприятное влияние на цены на мировом рынке. Никто не станет отрицать, что выбрасывание на рынок крупных масс товаров влечет за собой понижение цен. Однако такое же влияние оказывают массы товаров, экспортируемые из других стран. Почему приписывать падение цен советским экспортным товарам скорее, чем товарам, экспортируемым из других стран? Почему экспорт из некоторых стран считается законным, в то время как экспорт других стран является преступлением против мировой экономики? Какие основания для ограничения экспорта одних в пользу других? Прежде чем продолжать мое изложение, я хотел бы вам напомнить о том, что в большинстве случаев советский экспорт далеко не достиг довоенного уровня.

Так например, в отношении пшеницы царская Россия поставляла 25% мирового экспорта, а СССР в 1930 г. поставил не более 12%. В отношении марганца, льна соответственное соотношение составляет 51 к 35 и 53 к 48. В отношении масла — 78 тысяч тонн против 10 тысяч тонн. Здесь каждый спросит: почему не вызывал возражений царский экспорт, не будь которого, цены на рынке значительно поднялись бы вверх, к выгоде конкурентов. СССР только начинает отвоевывать в отношении экспорта позиции, которые страна была вынуждена оставить вследствие войны, интервенции и блокады. Почему же не вызывает возражений такой рост экспорта, как вывоз пшеницы из Канады, поднявшийся с 2350 тысяч тонн в 1913 г. до 10900 тысяч тонн в 1929 г., или рост вывоза масла из Аргентины на 810%?

Некоторое время тому назад делались попытки оправдать кампанию против советского экспорта обвинением СССР в применении демпинга. Это обвинение не только не было никем доказано, а, наоборот, было многократно публично опровергнуто не только официальными представителями СССР, но также объективными исследователями и экономистами даже капиталистических стран.

Конечно, мы не отрицаем, что специальные условия сельского хозяйства и внешней торговли СССР позволяют продавать сельскохозяйственные продукты по более дешевым ценам, чем другие страны. Этими условиями является в результате национализации земли отсутствие тяжелых повинностей, которыми облагается крестьянское население в других странах (арендная плата, арендные договоры, ипотеки) и которые поглощают средства и составляют даже до 70%

себестоимости; к этому надо прибавить отсутствие в СССР погони за индивидуальной прибылью, отсутствие биржевой спекуляции и устранение посредников. Однако я должен сказать, что мировые рынки в конце концов регулируются законом предложения и спроса.

Мы, конечно, не заинтересованы в таком понижении мировых цен, которое понизило бы нашу выручку от экспорта, необходимую нам для покрытия ввоза машин, требуемых для реконструкции нашей промышленности; понижение цен замедлило бы также исполнение пятилетнего плана. Однако мы не желаем играть на повышение или на понижение цен в ущерб потребителей хлеба. В соответствии с этим мы согласились принять участие в открывающейся сегодня в Лондоне конференции экспортеров хлеба.

Совершенно очевидно, что нельзя определять демпинг по признаку низких цен. Если, однако, понимать под демпингом политику высоких монопольных цен на внутренних рынках при бросовых ценах на экспорт, то в нем повинны именно капиталистические страны, о чем имеется весьма авторитетное и чистосердечное признание. В докладе Международного бюро труда приводятся интересные данные о разрыве между внутренними и внешними ценами, который, как говорят, характеризует демпинг и который именно является связанным с политикой монопольных цен на внутренних рынках. Я мог бы бесконечно расширить число таких примеров, основываясь исключительно на сообщениях капиталистической печати. Так например, в Чехословакии сахар в прошлом году продавался примерно по 555 крон за 100 килограммов в оптовой торговле и по 600 — в розничной торговле, экспортная цена составляла 80 крон за те же 100 килограммов; в Польше экспортная цена — 300 злотых, внутренняя цена — 400 злотых; в Германии внутренняя цена — 23—24 марки за 50 килограммов, а экспортная цена — 6,7—5,8 за те же 50 килограммов. Существуют также другие, хорошо известные примеры сельскохозяйственного демпинга. Мне не нужно останавливаться на этих вопросах, так как они, я думаю, вам всем известны из разных отчетов, розданных членам комиссии.

Несколько недель тому назад г. Готовец, бывший одно время министром торговли Чехословакии, заявил, что обвинение СССР в демпинге явилось бы фарисейством, так как ни Чехословакия, ни какая-либо другая страна не поступают лучше. Он ссылаясь в особенности на некоторые экспортные товары, как сахар и железо.

Я долго останавливался на вопросе о демпинге не только потому, что обвинения в демпинге были выдвинуты против нашего экспорта. Я уделил этому вопросу внимание потому, что политика демпинга, состоящая в установлении монопольных цен на внутреннем рынке, является, как указано

выше, одним из факторов осложнения и углубления экономического кризиса.

Высокие цены затрудняют рассасывание запасов. Они порождаются, с одной стороны, демпингом монопольных организаций, которые экспортируют некоторые продукты, и, с другой стороны, высоким тарифом в странах, импортирующих соответственные продукты.

В докладе экономической организации Лиги вопрос о разрыве между экспортной и внутренней ценой нашел отражение, правда, без объяснения причин и выводов. Однако если при понижении цен на пшеницу с марта 1929 г. по март 1930 г. на лондонском открытом рынке на 48% мы видим одновременно во время глубочайшего аграрного кризиса повышение цен на пшеницу в Берлине на 28,5%, в Париже — на 12,9%, то совершенно очевидно, что такая политика цен может лишь сократить и без того очень ограниченную покупательную способность широких масс, обостряя кризис.

Таким образом, смягчение кризиса возможно лишь путем создания условий, хоть сколько-нибудь способствующих расширению покупательных способностей широких масс, способствующих рассасыванию накопившихся запасов. Между тем предложения, которые пришлось услышать в этой комиссии, клонятся именно к тому, чтобы углубить характерные условия сегодняшнего дня. Эти предложения должны привести к дальнейшему развитию политики высоких цен, являющейся тяжким злом современного положения. В самом деле, что означает предложение, сделанное французским делегатом Франсуа Понсе, о расширении существующей практики международных объединений по отдельным отраслям промышленности? Наличие стального треста, медного треста не предотвратило кризиса, но наличие подобных картелей, удерживающих цены, несмотря на перепроизводство, способствовало тому, что запасы никак не могут рассосаться. Кризис угрожает продлиться далеко за обычные пределы. При таких условиях явствует, что предложение французского делегата имеет задачей расширение и распространение на новые области существующей политики капиталистических объединений для установления цен, обеспечивающих сверхприбыли владельцам монополий. Казалось бы, что для смягчения кризиса нужны противоположные предложения.

Ввиду важности вопроса и необоснованных обвинений в демпинге, брошенных советскому правительству, я позволяю себе предложить, чтобы собравшиеся здесь государства приняли совместную декларацию, с возможным последующим превращением ее в международную конвенцию, о принудительном уничтожении разрыва между этими ценами и об обязательной продаже на внутреннем рынке по ценам не выше внешнего. Хотя мы решительно отрицаем существова-

ние советского демпинга, мы не уклонимся от участия в такого рода международном акте, который, несомненно, благоприятно отразился бы на положении широких масс населения путем увеличения их покупательной способности для облегчения сбыта перепроизводства и таким образом для смягчения кризиса.

Я пытался указать те направления, по которым должны идти поиски средств для смягчения кризиса. Но раньше всего необходимо отказаться от поисков по ложным следам. Таким ложным следом являются постоянные кивки некоторых заинтересованных кругов в сторону СССР, борьба с которым объявляется единственным радикальным средством для исцеления мира от кризисов ныне и веками веков. Эта борьба может оказаться на время выгодной отдельным заинтересованным кругам или даже отдельным странам (не обязательно европейским), конкурирующим с СССР в поставке сырья на мировые рынки, но она не может иметь ничего общего с интересами Европы в целом или с мировым кризисом, поскольку последний отражается на европейских государствах в целом.

Не требуется много здравого смысла, чтобы понять, что при лишении Европы такого значительного рынка, как советский рынок, обнаруживающий тенденцию к дальнейшему росту, при лишении заказов целых отраслей промышленности и увеличении безработицы кризис не будет смягчен, а, наоборот, усугублен.

К сожалению, до сих пор еще достаточно распространены неправильные представления о перспективах и о развитии экономических взаимоотношений между СССР и окружающими его странами. Производящееся в стране строительство, осуществляющийся пятилетний план не приводят и не приведут к сокращению торговли с СССР. По мере роста и укрепления нашего хозяйства будет расти его спрос, обладающий почти безграничными возможностями. Кроме того, действительность показала тщетность этой антисоветской борьбы. Это доказывается, между прочим, и тем, что в самом разгаре антисоветской кампании СССР заключает сделки в Германии и Италии, расширяет торговлю с Англией и другими промышленными странами Европы и вступает в переговоры со странами, до сих пор колебавшимися по отношению к нему.

Разве это не достаточно доказывает, что деловые соображения и хозяйственные интересы (именно в обстановке нынешнего экономического кризиса) требуют не борьбы с СССР, а расширения и укрепления связи с Советским Союзом и что антисоветские кампании являются совсем посторонними кризису и служат только либо политическим целям, либо удовлетворению узко эгоистических состязаний?

Говоря о положительном значении внешней торговли с

СССР при экономическом кризисе, который свирепствует в настоящее время во всем мире, я отнюдь не хочу создавать впечатления о гармонии интересов двух существующих в Европе систем — советской и капиталистической. Противоречия между этими двумя системами существуют и будут существовать. Самым фактом своего существования и развития они ведут и будут вести между собой борьбу. Речь идет о том, будут ли эта борьба и развитие предоставлены естественному процессу или же обе системы будут прибегать изо дня в день к взаимным враждебным мерам, которые на конечный исход борьбы влияния оказывать не могут, являясь в то же время палкой о двух концах.

Имеются люди и органы печати — не знаю, насколько они серьезны, — которые приписывают советскому правительству «дьявольский» план продажи экспортных товаров ниже себестоимости с целью дезорганизовать капиталистическое хозяйство. Ничего глупее этого нельзя себе представить, ибо такой план, не решая судьбы капитализма — и в то же время снижением выручки от экспорта, а следовательно уменьшением импорта СССР, — замедлил бы социалистическое строительство, которое является гораздо более важным фактором в борьбе двух систем.

Равным образом абсурдны планы борьбы против советской внешней торговли, ибо этим не решается судьба советской системы и в то же время наносится гораздо больший ущерб капиталистическим государствам, в которых кризис только увеличится в силу осуществления этого плана.

С другой стороны, наивно было бы ожидать, чтобы капиталистические государства сознательно и бескорыстно помогли строительству социализма в СССР или чтобы СССР сознательно стремился к укреплению капиталистической системы в других странах. Речь может идти лишь о хозяйственных соглашениях и сделках между капиталистическими странами и СССР, взаимно выгодных для всех контрагентов и имеющих перед собой широкие перспективы. Я сейчас совершенно не касаюсь возможности военного нападения на Советский Союз и я имею только в виду мирный период известной продолжительности.

Пора признать, что СССР есть фактор, с которым надо считаться, что Советский Союз не исчезнет от заклинаний, брани и резолюций отдельных групп и лиц, не желающих отказаться от своей мечты о чудесном избавлении от него. Если на мировой конференции, состоявшейся в Женеве ровно четыре года тому назад, представленные страны решили принять резолюцию о возможности плодотворного осуществления сосуществования двух систем на данном историческом этапе, то тем разумнее признать эту резолюцию и лояльно проводить ее в жизнь теперь, когда СССР еще больше окреп,

при виде того размаха, который в эти годы обнаружил СССР во всех отраслях экономического строительства, — размаха, которому отдают должное не только друзья, но и враги советской системы и который вызвал могучий народный энтузиазм, без которого этот размах был бы абсолютно невозможен.

Комиссия изучения вопроса об европейском союзе не может строить своей работы на борьбе или разжигании борьбы против отдельных стран или групп стран, не становясь в противоречие с ею самой провозглашенными принципами и задачами.

Я уже говорил в самом начале моего изложения, что я не буду предлагать средств для устранения противоречий капиталистической системы, лежащих в основе экономического кризиса. Но можно кое-что сделать для устранения явлений, без надобности обостряющих эти противоречия, усиливающих и затягивающих кризис. Необходимо в первую очередь избегать всего, что способствует дальнейшему увеличению недоверия, неуверенности и недовольства, которые делают тщетным всякий проект мирного экономического сотрудничества между нациями. Мне пока неизвестно, чтобы в этой комиссии делались действительные предложения в указанном мной направлении. Я знаю только, что много писалось и говорилось об установлении преференциальной системы. Мне не совсем ясно, что это означает. Имеется ли в виду установление каждой европейской страной специальных преференциальных тарифов для продуктов других европейских стран? Мне кажется, однако, что эти слова имеют другое значение и что здесь имеется в виду нечто иное, а именно: предоставление таких тарифов и льгот для определенных стран или групп стран. Если это так, то не будет ли это означать перенесение в экономическую область тех методов, которые и до войны и после нее применялись с весьма печальными результатами в политической области, и вместо провозглашенного данной комиссией принципа объединенной Европы не получится ли деление Европы на экономические группы и лагеря, призванные не сотрудничать, а бороться с другими такими же группировками, причем стимулом борьбы будут не столько экономические, сколько политические побуждения? Мы знаем, что, когда в Париже шла речь о помощи так называемым дунайским странам, г. Фотич, представитель, если не ошибаюсь, Югославии, заявил, что помощь имеет не столько экономический, сколько социальный характер. Как мы видим, этот вопрос ставится определенно в политическую плоскость, причем совершенно оставляется без внимания экономический аспект или кризис. Я полагаю, что создание новых блоков и группировок или укрепление существующих, а также искусственная экономическая поддержка

одних стран в ущерб другим могут лишь вести к обострению происходящей экономической и политической борьбы, увеличению существующей сумятицы и хаоса и приведут к результатам, противоположным тем целям, для осуществления которых настоящая комиссия была призвана к жизни.

Я полагаю, что этим целям гораздо более будет соответствовать установление одинаковых отношений ко всем государствам. Поскольку сейчас мы говорим об Европе, необходимо чтобы каждое европейское государство согласилось установить одинаковые отношения ко всем прочим государствам с устранением элементов какой бы то ни было дискриминации.

Я должен оговориться, что в своих предложениях отнюдь не имею в виду умалить суверенные права государств, которые через свое историческое прошлое и через своеобразные экономические условия предрасполагаются к особым формам тесных взаимоотношений. Принцип свободного самоопределения народов, включающий право каждого государства на вхождение в любые союзы и объединения, поскольку это делается свободно и не для временных комбинаций, направленных против других стран, должен оставаться нерушимым. То, что я предлагаю, я назвал бы «экономическим пактом ненападения». Я попытался изложить идею такого пакта в своем протоколе, который позволяю себе предложить вашему вниманию. Не знаю, какое отношение протокол встретит с вашей стороны. Но он во всяком случае свидетельствует о том, что Советский Союз, уверенный в своих силах и всецело поглощенный выполнением поставленных перед собой огромных задач внутренней перестройки и строительства, готов попрежнему держаться принципа мирного сосуществования двух систем на данном отрезке истории, не питая никаких агрессивных замыслов против других стран ни в политическом, ни в экономическом отношениях.

(«Известия» от 20 мая 1931 г.)

РЕЧЬ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 14 ИЮНЯ 1933 г.¹

На протяжении последних шести лет советское правительство в третий раз принимает приглашение участвовать на мировой конференции, посвященной экономическим проблемам, несмотря на то, что мое правительство имеет свои осо-

¹ Мировая экономическая конференция была создана Лигой наций с целью координации усилий отдельных стран найти выход из мирового кризиса и в первую очередь с целью облегчить восстановление международной торговли путем ограничения протекционистских мероприятий и ста-

бые взгляды на законы экономического развития в условиях капиталистического строя и на причины, порождающие острые кризисы, свойственные этой системе.

СССР НЕ ЗНАЕТ КРИЗИСА

Благодаря особенностям экономической структуры моей страны мировой кризис ни в коей мере не может влиять и не влияет на непрерывный подъем ее экономической жизни, что подтверждается отсутствием таких явлений, как перепроизводство товаров, накопление запасов, не находящихся сбыта, безработица, увеличение внешней задолженности, банкротство, падение заработной платы. Тем не менее кризис оказывает известное неблагоприятное влияние на развитие нашей внешней торговли. Имея полную возможность благодаря успешному выполнению первого пятилетнего плана развивать свое строительство, не завися от импорта с иностранных рынков, мое правительство тем не менее не имеет намерения отгородиться от внешнего мира экономическими барьерами и заключить себя в собственную экономическую скорлупу. В отличие от других стран, при огромном повышении собственного производства, мы не стремимся к автаркии и не отказываемся от выгодного ввоза иностранных товаров.

Наш председатель¹ в своей вступительной речи нарисовал достаточно мрачную картину сегодняшнего экономического положения. Он упомянул о 30 миллионах безработных. Если прибавить к этой цифре частично безработных, членов семей безработных и других лиц, от них зависящих, то вряд ли будет преувеличением сказать, что в настоящее время свыше 60 миллионов человек влачат полуголодное существование в странах, охваченных кризисом.

В то же самое время налицо катастрофическое сокращение заработка тех, кто пока еще работает, и соответствующее падение покупательной способности и потребления, приводящее к огромному накоплению запасов, несмотря на резкое

биллизации валют. Выявившиеся на конференции противоречия национальных интересов капиталистических государств, и прежде всего противоречия экономических интересов Америки и Англии, осудили конференцию на полную бесплодность. Пребывание на конференции в Лондоне советской делегации во главе с т. Литвиновым ознаменовалось, однако, соглашением с Англией о ликвидации англо-советского конфликта (связанного с делом московских представителей компании Метро-Виккерс), снятием Англией эмбарго на советские товары и заключением конвенции об определении агрессии с рядом представленных на конференции государств на основе ранее предложенного т. Литвиновым на конференции по разоружению в Женеве определения агрессии. В двух конвенциях, подписанных в Лондоне 3 и 4 июля 1933 г., кроме СССР приняли участие Польша, Югославия, Румыния, Чехословакия, Латвия, Эстония, Турция, Иран и Афганистан.

¹ Речь идет о Макдональде, председательствовавшем на Лондонской экономической конференции.

понижение продукции, и к беспрецедентному сжатию внешне-торговых оборотов.

Я уже отмечал, что признаки кризиса отсутствуют в Советском Союзе, которому удалось при прогрессивном развитии кризиса в других странах успешно развивать свое хозяйство невиданными темпами. В то время как в остальном мире промышленная продукция упала в 1932 г. по сравнению с 1928 г. на 33%, она поднялась за тот же период в СССР на 219%. В то время как в большинстве стран число работающих катастрофически сократилось, в СССР число рабочих и служащих поднялось за годы первой пятилетки с 11,6 до 22,8 миллиона человек.

Если бы я имел место для приведения данных по каждой отдельной стране, мне нетрудно было бы показать, что мировой кризис является суммой экономических кризисов отдельных стран и результатом упадка экономической жизни в этих странах. Оказывая воздействие друг на друга, каждое государство вносит свою лепту в образование того явления, которое мы называем мировым кризисом. Единственным исключением является советское государство, в котором за все годы кризиса не только не было никаких явлений, которые можно было бы считать симптомами упадка хозяйственной жизни, но, наоборот, эта жизнь бурно развивалась. Таким образом, советское государство ни в какой мере не содействовало образованию мирового кризиса, ни в какой мере не может считаться ответственным за сокращение международной торговли. Наоборот, в то время как импорт всех других стран с самого начала кризиса стал проявлять тенденцию к непрерывному падению и уже в 1931 г. показывал сокращение более чем на 40% по сравнению с 1929 г., импорт Советского Союза в течение первых лет кризиса неизменно возрастал, достигнув в 1931 г. своей высшей точки — 1135 миллионов рублей. Только вызванные кризисом и принятые в ряде стран мероприятия, которые привели к сокращению советского экспорта, побудили советское правительство в 1932 г. пересмотреть свои импортные планы. Однако и здесь сокращение составляет в 1932 г. только 20,2% по сравнению с 1929 г., в то время как соответствующее сокращение мировой торговли равняется 58,8%. Таким образом, можно констатировать, что Советский Союз, ни в какой мере не участвуя в создании условий, вызвавших мировой кризис, сам, однако, испытал неблагоприятное его влияние на своей внешней торговле.

СССР ЗА РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ

Собравшаяся ныне мировая экономическая конференция ставит себе задачей изыскание мероприятий, направленных если не к изжитию, то к смягчению кризиса. Насколько

можно судить по работам экспертов, подготовивших порядок дня для конференции, предполагается обратить внимание главным образом на вопросы ограничения производства, тарифов, методов кредитной политики, повышения цен. Не вдаваясь в теоретическую дискуссию по этим вопросам, советская делегация все-таки позволяет себе выразить сомнение в том, чтобы намеченные методы могли сыграть серьезную роль в деле смягчения кризиса. По мнению советской делегации, большое значение следует придавать возможностям рассасывания мировых запасов, давящих на рынок, и повышению загрузки предприятий, производящих средства производства. С этой точки зрения советская делегация полагает, что конференция оказалась бы более плодотворной, если бы она могла услышать из уст всех делегаций, какие возможности оживления хозяйственной жизни и расширения импорта имеются в их странах, и предпринять соответствующие действия. Со своей стороны советская делегация готова дать ответ на эти вопросы в отношении представляемого ею государства.

Советское правительство составляет, как правило, свои импортные планы в точном соответствии с экспортными возможностями и кредитными условиями. Советская делегация мыслит себе условия вроде длительности кредитов, нормальных условий для советского экспорта и других благоприятных факторов, которые позволили бы расширить эти планы до пределов, которые могли бы оказать немалое влияние на смягчение существующего кризиса. По подсчетам советской делегации, советское правительство при наличии упомянутых условий могло бы разместить в ближайшее время за границей заказов на сумму примерно в 1 миллиард долларов. Чтобы быть конкретнее, скажу, что Советский Союз мог бы поглотить в ближайшее время приблизительно на 100 миллионов долларов цветных металлов, 200 миллионов долларов черных металлов, примерно 100 миллионов долларов текстильного, кожевенного сырья и каучука, примерно на 400 миллионов оборудования, включая ж.-д. оборудование на 100 миллионов долларов, примерно на 35 миллионов долларов с.-х. товаров, включая и племенной скот, 50 миллионов долларов таких потребительских товаров, как чай, какао, кофе и сельди, 50 миллионов долларов новых судов, преимущественно для промышленных целей, как-то: рыболовные, землечерпалки и т. д.

Значение этих цифр станет более очевидным, если я скажу, что в случае реализации этих заказов они составят для таких металлов, как алюминий и никель, медь и свинец, от 25 до 66%, а для некоторых из упомянутых потребительских товаров — до 100% существующих мировых запасов, для машинного оборудования примерно — одну, треть годового миро-

вого экспорта, а для судов — 100% всего мирового производства прошлого года.

Мне остается еще лишь добавить, что в сбыте перечисленных мной товаров заинтересовано огромное большинство стран, здесь представленных.

Я должен подчеркнуть, что приведенные цифры выходят за рамки планов, выработанных уже советским правительством, и не относятся к товарам, в которых оно сильно нуждается и подлежащим заказу при настоящих условиях. Мы хотели лишь показать конференции путь, на котором, по нашему мнению, можно было бы достичь эффективных результатов в деле смягчения кризиса и показать пример другим делегациям.

Нам думается, что если и другие делегации с такой же откровенностью и определенностью наметят, если они могут, импортные возможности их стран и условия, при которых этот импорт может быть осуществлен, то существующий в международных экономических отношениях хаос будет в известной мере уменьшен и будет найден путь, который вернее всех других может привести конференцию к намеченной ею цели.

ПРОТИВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Высказывая такие мысли, мы не приглашаем конференцию оставить без внимания такие стороны проблемы, как например, искусственные препятствия и барьеры, существующие в области внешнехозяйственных отношений. Мы отнюдь не отрицаем, что применение государствами в их внешнехозяйственных связях методов экономической войны способствует ухудшению и без того достаточно напряженного международного экономического положения. Сюда относятся всевозможные методы дискриминации отдельных стран, таможенные войны, которые ведутся открыто или в замаскированной форме, валютные войны, запрет ввоза или вывоза в применении к отдельным странам и всяческие виды официального бойкота.

Я имел уже случай в качестве делегата в комиссии по изучению вопроса об европейском союзе рекомендовать экономическое разоружение, предложив заключение пакта об экономическом ненападении. К сожалению, этот проект сам подвергся нападению и был заточен в одну из темниц — в комиссии Лиги наций. Я напоминаю конференции об этом проекте, который, по моему мнению, окажется еще более своевременным и нужным теперь, чем в то время, когда он был представлен мною, так как меры экономической агрессии с того времени не только не сократились, но шире развились и стали принимать все новые и новые формы.

Сказанного мною достаточно, кажется, чтобы вы поняли, что, выступая против всех видов экономической агрессии, советская делегация не может возражать против внесенного на конференции предложения о таможенном перемирии. Хотя при существующей в моей стране государственной монополии внешней торговли таможенные пошлины не играют той роли, что в других странах, так как та или иная высота пошлины не может прямо влиять на общую сумму советского импорта, однако другие страны отнюдь не могут относиться безразлично к таможенным ставкам, установленным для них в Советском Союзе. Так например, государственные и кооперативные хозяйственные объединения, имеющие установленные для них твердые пределы капитальных вложений и оборотных средств и свободно маневрирующие ими в этих пределах, выписывая оборудование и товары из-за границы, заинтересованы в том, чтобы тот или иной размещаемый за границей заказ поглощал возможно меньшую часть их капитальных вложений или оборотных средств. Имея выбор для размещения заказов между несколькими странами, они, естественно, при прочих равных условиях отдадут предпочтение той стране, которая пользуется в силу торговых соглашений наиболее низкими таможенными тарифами СССР. Таким образом, согласие советского правительства на таможенное перемирие имеет немалое значение для других стран.

Советская делегация полагает, что экономическое перемирие может быть действительно эффективным и несколько оздоровит существующую экономическую атмосферу только в том случае, если государства не только откажутся от введения новых мер экономической войны, но и от применения существующих. Когда говорят о перемирии, этим признают существование состояния войны. Перемирие после войны означает прекращение всех форм борьбы и нападения, а не только бездействие отдельных видов оружия. То же самое должно иметь место и в области экономической войны, и перемирие должно означать прекращение всякой борьбы. Поэтому советская делегация, присоединяясь к резолюции об экономическом перемирии, предлагает дополнить ее обязательством одновременного приостановления действия введенных всеми странами в законодательном или административном порядке всех и всяких мер экономической борьбы и вносит соответствующую резолюцию.

Советская делегация хочет надеяться, что конференция не ограничится принятием этих временных мер и позаботится о превращении перемирия в длительный мир. Одним из средств для этого может послужить освобождение из заточения советского проекта об экономическом ненападении, который перед лицом усилившейся за последние годы экономической войны может быть еще углублен и расширен.

Я уверен, что вы все отдаете себе отчет в том, что экономический мир возможен только в рамках всеобщего мира во всех областях международной жизни. Какие бы хорошие резолюции ни принимала экономическая конференция, они не окажут никакого влияния на экономический кризис в смысле его смягчения, если будет продолжаться нынешнее состояние всеобщего политического беспокойства и тревоги, неуверенности в завтрашнем дне и опасений возможного возникновения в любой момент страшнейшего проявления экономической борьбы — войны. Это чувство всеобщей тревоги за последнее время не только не улеглось, но скорее усилилось, несмотря на международные совещания и заключенные пакты, тем более что сейчас нам известны международные совещания и международные пакты, которые сами по себе явились добавочным источником политического беспокойства. Ослабить это беспокойство и создать необходимую атмосферу для мирных экономических взаимоотношений смогут только радикальные меры в области разоружения и усиление гарантий безопасности путем подписания двусторонних и общих пактов о ненападении.

Одним и далеко не маловажным фактором в создании чувства политического беспокойства является отношение капиталистического мира к 170-миллионному народу, который ввел в своем государстве советский строй и строит социализм, т. е. осуществляет идею, исключаящую возможность всяких международных войн и экономических кризисов. Хотя международная экономическая конференция 1927 г. в резолюции признала принцип мирного сосуществования на данном отрезке истории двух систем — капиталистической и социалистической, этот принцип до сих пор не всеми государствами претворен в дело. Даже в области экономики до сих пор сохранились специальные барьеры, препятствующие свободному развитию экономического сотрудничества между некоторыми странами и Страной Советов. Некоторые страны, устранившие было эти барьеры, время от времени воздвигают их вновь. Со своей стороны советское правительство твердо и последовательно держалось принципа мирного сосуществования и воздерживалось от всяких мер агрессии во всех областях международной жизни, за исключением случаев, когда оно вынуждалось к ответным репрессиям. В духе миролюбивой политики своего правительства и представляемых им народов советские делегации действовали на всех международных конференциях, в которых они участвовали. В этом же духе советская делегация будет работать и на нынешней конференции.

(«Известия» от 15 июня 1933 г.)

РЕЧЬ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КОМИССИИ ЛИГИ НАЦИЙ 1 ОКТЯБРЯ 1932 г.¹

Если я выступаю в этой дискуссии, то отчасти ввиду того что СССР не имел возможности высказаться по поводу решений Стреза в самой Стреза. Конференция, как предполагалось, должна была состоять из делегатов стран экспортирующих и импортирующих, в особенности из делегатов стран Восточной и Средней Европы.

Очевидно полагали, что СССР ничего не экспортирует и не импортирует. Что касается восточного положения Советского Союза, то, повидимому, компасы международных конференций склонны показывать скорее политическое, чем географическое направление. Быть может, скоро организаторы конференции найдут удобным открыть, что мир вовсе не включает всех обозначенных на карте стран. Однако пока что я оставляю в стороне этот аспект. Для краткости я не задержусь на разнообразных предложениях и рекомендациях доклада конференции в Стреза, особенно потому, что они скорее благочестивые пожелания, чем планы, поддающиеся реализации. О них можно лишь сказать, что как бы они ни были хороши сами по себе, они противоречат практике последнего времени, применяемой теми самыми странами, которые были представлены в Стреза. Возможно, что для правительств небесполезно помнить рекомендации Стреза как напоминание о том, что в своей повседневной экономической и законодательной практике они делают как раз обратное тому, что признают правильным на международных конференциях. Невозможность проведения в жизнь этих рекомендаций подчеркнет тот факт, что противоречия интересов как между государствами, так и внутри государств не могут быть сейчас преодолены одним обращением к международной солидарности.

Однако среди предложений есть одно, которое, если ему не суждено разделить судьбу различных благих пожеланий, требует известных замечаний и вызывает известные опасения ввиду принципа, на котором оно основано. Я имею в виду то, что именуется «ревалоризацией зерна». Эта мера была, очевидно, вызвана тем соображением, что в силу падения цен на зерно экспортирующие страны испытывают затруднения

¹ Речь была произнесена при обсуждении в европейской комиссии Лиги наций результатов конференции в Стреза, на которой в качестве лекарства от кризиса был выработан проект конвенции о создании 75-миллионного (ежегодно в течение трех лет) фонда для ревалоризации хлебного экспорта стран Центральной и Восточной Европы. Предполагалась выдача дунайским экспортерам премий в размере 2 золотых франков за квинтал пшеницы и 1,5 золотого франка за квинтал прочих злаков. Попытка «лечить» кризис за счет СССР, за счет его экспорта была провалена.

в покрытии своих платежей за границей — за свой импорт прошлый и нынешний.

Отсюда сокращение импорта, отражающееся в промышленных странах и обостряющее общий кризис. Падение цен на зерно приводит к обеднению сельскохозяйственного населения, снижает его покупательную способность, приводя к тем же результатам, т. е. к сокращению промышленного производства со всеми его последствиями. Поэтому предлагается создать фонд для выдачи премий странам-экспортерам зерна в виде компенсации за падение цен. Несомненно, аграрные страны получают выгоду от этого плана, и с этой точки зрения не может быть возражений, если не считать возражений со стороны тех, кто должен вносить деньги в этот фонд. Однако если спросим себя, может ли это привести к оживлению индустрии и смягчению кризиса, то у нас возникнет множество сомнений. Прежде всего, какие гарантии в том, что страны-экспортеры зерна при конкуренции друг с другом и с внеевропейскими странами не будут и в дальнейшем снижать цены, рассчитывая на премии? Далее, как отразятся привилегии для нескольких сельскохозяйственных стран на остальных европейских странах — экспортерах зерна? В конце концов ведь создание премий равносильно преференциальному режиму и обходу принципа наибольшего благоприятствования. Сам докладчик признал это. Поэтому все возражения, выдвигаемые здесь или в иных местах против режима преференций и нарушения принципа наибольшего благоприятствования, более или менее относятся и к данному плану. Я, разумеется, озабочен эффектом, который данный план может оказать на внешнюю торговлю моей страны, экспортирующей некоторые виды зерна в количестве большем, чем все упомянутые в докладе страны вместе взятые.

Я поднимаю этот вопрос не с точки зрения справедливости или равноправия, но с точки зрения экономического кризиса и интересов промышленных стран Европы.

Я уже имел случай в этой же комиссии указать на экономическую взаимозависимость СССР и остального мира. Сейчас не время для демонстрирования статистических данных; достаточно сказать, что СССР занимает первое место по ввозу машин, поглощая четверть мирового экспорта машин. Известные отрасли индустрии в таких странах, как Германия, Польша, Англия, Швеция и другие, в значительной степени работают благодаря советским заказам. Я читал например, что в Германии не менее 300 тысяч промышленных рабочих занято выполнением советских заказов. В нормальных условиях эта взаимозависимость не рискует быть ослабленной. Термин «автаркия», столь популярный в некоторых странах, не имеет хождения в СССР. Однако импорт СССР, как и других, и больше, чем других, стран, целиком зависит от экспорта,

и всякое сокращение выручки от экспорта, благодаря ли количественному сжатию или падению цен, с необходимостью должно вызвать соответствующее сокращение импорта. Поэтому ясно, что если бы реализация данного плана дала подобные результаты в отношении СССР, то европейская индустрия в целом проиграла бы больше, чем выиграла от увеличения покупательной способности некоторых стран, на 75 миллионов франков, которые к тому же она заплатит из своего кармана. Таковы соображения, которые, я надеюсь, разные органы, которые будут заниматься планом ревалоризации, будут иметь в виду.

Я искренне верю, что нынешний кризис не может быть устранен или смягчен мерами, равносильными дискриминации и обострению экономической борьбы между народами. Я пользуюсь этим случаем, чтобы напомнить комиссии, что почти год прошел, с тех пор как я внес предложение о заключении экономического пакта ненападения. Пройдя ряд комиссий, предложение почило в их недрах. Я не думаю, чтобы нынешние экономические отношения оправдывали подобную линию поведения к нашему предложению. Если год назад не было ясно, то должно быть ясно сейчас, что международная экономическая война существует, расширяется и что дискриминация въедается в международную экономическую жизнь. Я хочу выразить надежду, что комиссия поймет, что пришло время извлечь из-под спуда советский проект пакта экономического ненападения.

(«Известия» от 3 октября 1932 г.)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
С ОТДЕЛЬНЫМИ СТРАНАМИ

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ПЕЧАТИ О СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 4 ФЕВРАЛЯ 1927 г.¹

Настоятельно выдвигаемые известными консервативными кругами Англии обвинения против советского правительства в связи с неудачей английской дипломатии в Китае заставляют меня в интересах всеобщего мира и сохранения дружественных отношений между обеими странами сделать следующее заявление.

Нынешнее положение, создавшееся в Китае, характеризуется крушением переговоров советника английского посольства О'Малли с кантонским правительством в результате отказа английского правительства отозвать свои вооруженные силы. Советское правительство, которое во всей своей политике как на Западе, так и на Востоке дало многочисленные доказательства миролюбия, не может не сожалеть о создавшемся положении и уверено, что это чувство разделяется и самим английским народом, так же как и китайским народом, который нисколько не может быть заинтересован в продлении конфликта. Молодое кантонское правительство, имеющее перед собой огромные задачи консолидации нацио-

¹ Заявление г. Литвинова сделано в связи с развивавшейся в Англии кампанией за разрыв отношений с СССР, отражавшей как страх перед нараставшим антиимпериалистическим движением на Востоке, так и страх перед нарастанием социальных противоречий в самой Англии. Стремясь возложить на СССР ответственность и за то и за другое, эта кампания подготавливала разрыв отношений с СССР, который и последовал 26 мая 1927 г. вслед за провокационным налетом английской полиции на помещение Аркоса и торгпредства в Лондоне 12 мая 1927 г. Разрыв, однако, не достиг той цели ослабления и изоляции СССР, которую он преследовал, и пришедшее на смену консерваторам в 1929 г. лейбористское правительство восстановило прерванные отношения. Восстановление отношений произошло в декабре 1929 г.

нальных сил и государственного строительства, не может не стремиться к обеспечению мирных условий развития своей работы и к устранению внешних осложнений. Следовательно, все друзья китайского народа не могут не употребить всего своего влияния для мирного разрешения его внешнеполитических проблем и должны использовать все средства, которые могут вести к этой цели.

Последние предложения О'Малли, казалось, создают приемлемую для китайского правительства базу для разрешения теперешних спорных с Англией вопросов. Можно лишь пожалеть, что комбинация этих мирных переговоров с угрозами и запугиванием вооруженной интервенцией сорвала, судя по заявлению г. Чена, успех этого начинания. Никакие разумные советы умеренности не помогут там, где действия непосредственно заинтересованной стороны диктуются не соображениями целесообразности и правильным учетом как обстановки, так и психологии контрагента, а стремлением к манифестации физической силы со стороны питающихся старыми, не изжитыми традициями консервативных кругов. Эти же английские консервативные круги свою собственную ошибку сейчас стараются свалить на советское правительство, пытаясь сделать его козлом отпущения на основании смехотворных легенд, объясняющих величайшее в истории освободительное движение многомиллионного Китая «махинациями» советских «агентов», легенд, в которые не верит и не может верить ни один культурный человек. Советское правительство никогда не скрывало своего сочувствия к освободительному движению китайского народа, но отсюда ни в коем случае не следует, что оно должно рекомендовать или действительно рекомендовало кантонскому правительству обострение отношений с Англией или чтобы оно мешало мирному соглашению с ней. Советское правительство никогда не забывает обязательств, взятых на себя перед Великобританией на основании договора 1921 г., коим и Великобритания взяла на себя ряд обязательств по отношению к Союзу ССР, и впредь не намерено о них забывать, будучи озабочено сохранением мира и обоюдных экономических и политических отношений. Мы находим вполне правильную позицию, занятую генеральным советом тред-юнионов, поскольку он работает на пользу мирного улаживания конфликта с Кантоном, а также теми прогрессивными кругами английского общества, которые отмечают, что обострение англо-советских отношений не принесет пользы ни одной стороне и ударит по интересам не только Великобритании в целом, но и тех самых финансово-промышленных групп, которые теперь громче всех требуют разрыва отношений. Мне думается, что и позиция Англии на Востоке, как правильно отмечено теми же прогрессивными кругами, не укрепитя в результате усиления вражды Англии к Союзу ССР. Молодое

кантонское правительство отказывается подписать договор с Англией в обстановке угрозы и интервенции. Следовало бы вдуматься в смысл этого отказа. К чему в свое время привела интервенция против Союза ССР, это испытали английские кредиторы-агитаторы. Едва ли можно сомневаться, что интервенция в Союзе ССР создала для Англии минусы, а не плюсы.

Надеюсь, что благоразумные элементы английской общности и английского правительства возьмут верх над сторонниками политики бронированного кулака, которая никогда ничего другого, кроме несчастья, не приносила народам и вообще делу мира.

(Сб. «Международная политика нового времени», ч. III, вып. 1-й, изд. НКВД, 1928 г.)

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ПЕЧАТИ О СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 16 СЕНТЯБРЯ 1927 г.¹

Когда я возвращался недавно из-за границы, я склонен был думать, что высказываемые у нас опасения близости и неизбежности войны в некоторой мере преувеличены и преждевременны. Антисоветская кампания, поднятая теперь во Франции и напоминающая как по своим размерам, так и по приемам антисоветскую кампанию в Англии, предшествовавшую разрыву советско-английских отношений, заставляет думать, что эти опасения, может быть, скорее страдают в сторону преуменьшения и что подготовка войны имеет под собой базу, которая не ограничивается пределами одной Англии.

Только наивные люди или сознательные политические обманщики могут говорить, что антисоветская кампания во Франции направлена лично против нашего нынешнего полномочного представителя т. Раковского и вызвана его подписью под известным заявлением оппозиции. Тов. Раковский своею деятельностью в качестве полномочного представителя в течение двух лет ни разу не вызвал ни малейшего неудовольствия французского правительства. Его личные симпатии к Франции всем известны. Мы имеем основания также думать, что и французское правительство до сих пор весьма ценило его дружеское расположение к Франции, его лояльность и его неутомимые усилия установить прочную дружбу между народами Союза ССР и Французской республики.

¹ Заявление сделано в момент кампании реакционных французских кругов, задавших целью сорвать наметившееся советско-французское соглашение о долгах. Поводом для кампании была избрана подпись полпреда СССР во Франции под одним из документов внутривластной оппозиции.

Его лояльность еще на днях была подтверждена публично г. де Монзи, который в качестве председателя французской делегации на советско-французской конференции чаще всех встречался с т. Раковским и имел возможность наблюдать его деятельность. Если этой конференции удалось разрешить самый сложный вопрос в переговорах, а именно о компенсации по государственным долгам, и тем расчистить путь для улажения дальнейших разногласий, то она в первую очередь обязана этим лично т. Раковскому. Я считаю совершенно лишним останавливаться на инциденте с подписью т. Раковского под заявлением оппозиции, ибо он исчерпан разъяснениями, сделанными т. Чичериным и самим т. Раковским. Г-н Эрбетт официально заявил т. Чичерину, что удовлетворенный этими разъяснениями г. Бриан также считает инцидент улаженным. Кроме того французскому правительству известна наша готовность подписать в любой момент особый пакт о взаимном невмешательстве во внутренние дела, хотя я должен категорически заявить, что деятельность советских агентов во Франции никаких поводов для требования такого документа не давала. Совершенно ясно, что этот инцидент является лишь предлогом и придиркой для тех реакционных кругов Франции, которые ставят себе в поднятой ими кампании определенную цель срыва советско-французских отношений и переговоров о соглашении по долгам.

Нами неоднократно указывалось, и это вполне признают серьезные политические деятели во Франции, что никаких объективных причин для недоразумений между Союзом ССР и Францией не существует. Нас с французской стороны уверяли в свое время, что единственным камнем преткновения для дальнейшего сближения между обоими государствами является вопрос о долгах. Но как раз этот вопрос удалось в самое последнее время разрешить удовлетворительно для французской и советской делегаций, выработавших схему ежегодных платежей Союза ССР в 60 миллионов зол. франков, которыми воспользовались бы миллионы держателей ныне совершенно обесцененных русских бумаг. Эта же схема предусматривает кредиты для финансирования советских заказов французским заводам, что послужило бы к расширению рынков сбыта французской же промышленности. Это же соглашение открывает дальнейшие возможности для хозяйственного и политического сближения обоих государств. Не случайностью, стало быть, является то обстоятельство, что антисоветская кампания начата как раз на второй день после достигнутого соглашения, ибо эта кампания в первую очередь стремится сорвать наметившееся соглашение и затем осуществить антисоветскую политику Великобритании во Франции. Недаром часть французской прессы, называя имена, указывала, что антисоветская кампания инспирируется и на-

чата теми самыми крутами, которые несколько месяцев назад осуществили англо-советский разрыв. Конечно, как в Англии, так теперь во Франции в антисоветской кампании не последнюю роль играет и внутренняя междупартийная борьба, но рассуждать на эту тему — значит, пожалуй, быть обвиненным во вмешательстве во внутренние дела.

Пусть не говорят нам, что речь идет якобы лишь о смене «провинившегося» полномочного представителя. Сейчас решается судьба советско-французской конференции, судьба уже достигнутого соглашения, судьба всего комплекса советско-французских отношений. Не знаю, отдают ли себе враждебные нам круги и послушная им пресса отчет в том, что, как это доказано историей англо-советских отношений, ни о каких соглашениях по претензиям или о платежах не может быть речи в случае ухудшения, а тем более прекращения нормальных дипломатических отношений. Эти круги таким образом берут на себя тяжелую ответственность также и перед своими соотечественниками, многочисленными держателями русских ценностей. Если даже отвлечься от сознательной воли авторов кампании, мы должны отдавать себе отчет в том, что события имеют свою логику. И в Западной Европе теперь всем ясно, что англо-советский разрыв создал неумолимую угрозу всеобщему миру, отяготил и без того напряженное международное положение новыми опасностями войны. Франко-советский разрыв в еще большей степени увеличит размеры этих опасностей. Вот почему мы можем без обиняков квалифицировать застрельщиков антисоветской кампании во Франции как поджигателей войны, зачинщиков мирового пожара. Мы не теряем, однако, надежды на то, что французское правительство в целом и миролюбивое общественное мнение Франции видят эти опасности и сумеют их избежать.

(Сб. «Международная политика нового времени», ч. III, вып. 1-й, изд. НКВД, 1928 г.)

ОТВЕТ НА ЗАПРОС МОСКОВСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА «ASSOCIATED PRESS» 2 МАРТА 1929 г.¹

Вы спрашиваете меня об отношении союзного правительства к предполагаемому приезду в Москву делегации от английских промышленников и финансистов. Я могу под-

¹ Делегация английских промышленников, о предстоящем приезде которой говорится в ответе т. Литвинова, прибыла в Москву в апреле 1929 г. в составе 84 человек, представлявших свыше тысячи фирм из важнейших отраслей английской промышленности. Приезд делегации был одним из симптомов роста недовольства английского делового мира экономическими последствиями политики разрыва.

твердить, что, когда влиятельная группа английских консерваторов из делового мира выдвинула перед советским посольством в Париже идею отправки делегации, представители посольства ответили, что со стороны органов советской власти не будет никаких возражений против приезда делегации, что ей будет оказано всяческое содействие по изучению интересующих ее вопросов и что соответственные представители советского правительства не откажутся обсудить возможные предложения делегации о наиболее целесообразных средствах оживления торговых отношений между обеими странами и рассмотрения всех вопросов, связанных так или иначе с этим делом. Когда затем выяснилось, что идея отправки делегации принимает более конкретные формы, то соответственные хозяйственные органы в Москве занялись подготовкой материалов, которые могут понадобиться при разрешении поставленных себе делегацией задач. На основании предварительных переговоров организаторов делегации с представителями советского посольства в Париже учитывается при этом, что делегацию интересует главным образом проблема такого рода экономического сотрудничества английского делового мира с Советским Союзом, при котором были бы обеспечены максимально возможный вывоз в Союз ССР английских машин заводского и сельскохозяйственного оборудования, а также иные формы участия английского капитала в индустриальном и сельскохозяйственном строительстве Союза. Ввиду планового характера советского хозяйства и в особенности при наличии пятилетнего плана нашим хозяйственным органам нетрудно было разработать общую схему такого возможного соглашения, при котором: 1) была бы достигнута основная цель делегации — увеличение английского экспорта в Союз ССР; 2) была бы обеспечена возможность для Союза ССР реализации такого повышенного импорта, и 3) повысились бы экспортные возможности Союза. Этой же схемой предусматривается разрешение и других вопросов, которые могут интересовать английскую делегацию.

Отношение союзного правительства к приезду делегации в общем определяется основными положениями его внешней политики, требующими поддержания нормальных отношений со всеми государствами. Отсутствие нормальных отношений между такими крупными странами, как Союз ССР и Великобритания, и неизбежно связанное с этим падение из года в год торговли между ними являются очевидной и ничем не оправдываемой аномалией, политическим и экономическим нонсенсом. Если нашлась группа деловых людей, пользующихся к тому же немалым весом и влиянием в своей стране, которые берут на себя инициативу устранения этой аномалии к выгоде обеих стран, то эту инициативу можно только приветствовать. Мы не знаем еще, когда приедет делегация, а если она приедет,

то удастся ли ей осуществить свои намерения. Мы даже не знаем, придет ли она вообще, так как в Англии, повидимому, еще достаточно сильны предрассудки, противодействующие усилиям организаторов делегации. Заслуживает, однако, внимания уже то обстоятельство, что у значительной части крупных английских промышленников и финансистов созревает или уже созрела мысль о полной непригодности политики активной враждебности или пассивного доктринерского выжидания как средства разрешения старых или новых проблем экономических и всяких иных взаимоотношений обеих стран.

(Сб. «Международная политика за 1929 г.», изд. НКВД, 1931 г.

БЕСЕДА С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ТАСС О СОВЕТСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 4 ОКТЯБРЯ 1929 г.

Советское правительство неизменно держалось и держится той точки зрения, что абсолютно необходимой предпосылкой разрешения каких-либо спорных между Советским Союзом и другими государствами вопросов является предварительное восстановление между ними нормальных отношений. Советский Союз не имел и в данный момент каких-либо оснований отказаться от этой своей точки зрения. Союзное правительство идет на обсуждение таких вопросов, исходя из своего твердого стремления к миру и установлению нормальных политических и экономических отношений с другими странами. Для подобного разрешения вопросов требуется, однако, полное равноправие сторон, а этого равноправия не может быть там, где одна сторона пытается навязывать другой предварительные условия или предлагает вести переговоры в обстановке ненормальных или даже враждебных отношений.

Последовательно отстаивая эту точку зрения, союзное правительство добилось начиная с 1924 г. юридического признания со стороны значительного числа как мелких, так и крупных стран, в том числе со стороны Англии, Франции и Италии, причем все эти государства согласились на обсуждение всех спорных вопросов после восстановления нормальных отношений.

Внезапный разрыв отношений между Великобританией и Советским Союзом не был вызван и не может быть оправдан какими-либо действиями союзного правительства и его органов. Этот разрыв и сопровождавшие его обстоятельства создали претензии для Союза ССР, а не для страны, по инициативе которой этот разрыв произошел.

Союзное правительство считало себя вправе ожидать, что пришедшее к власти в июне новое правительство Великобритании, заявлявшее публично о своем стремлении к восстановлению прерванных в 1927 г. консервативным правительством отношений с Союзом ССР, осуществит это стремление единым актом, без каких бы то ни было предварительных переговоров между обоими правительствами. Тем не менее союзное правительство, идя навстречу пожеланиям английского министра иностранных дел г. Гендерсона, приняло предложение последнего, изложенное в его ноте от 17 июля, о посылке в Лондон представителя для согласования процедуры того обсуждения спорных вопросов, которое будет иметь место после восстановления нормальных отношений. В своей ответной ноте от 23 июля союзное правительство подчеркнуло, что речь может идти при предварительных переговорах исключительно о вопросах процедуры, а отнюдь не по существу спорных вопросов.

Когда г. Довгалецкий в первый раз встретился в Лондоне с г. Гендерсоном, он, к сожалению, неожиданно столкнулся с такими предложениями, которые отнюдь не были предусмотрены в упомянутом мною обмене нот, а более того, были заранее отклонены в ноте союзного правительства. Принятие этих предложений шло бы вразрез с позицией, на которой союзное правительство стояло в течение ряда лет. Народный комиссариат по иностранным делам, конечно, не мог согласиться даже на обсуждение этих предложений и заявил, что не может менять принципиальную позицию союзного правительства, многократно одобренную Съездом советов, и что он вынужден будет весь вопрос о восстановлении отношений с Великобританией передать на усмотрение президиума ЦИК Союза ССР. Народный комиссариат по иностранным делам при этом ни на минуту не сомневается в том, что ЦИК подтвердит прежнюю позицию союзного правительства, решительно отвергнув какое-либо обсуждение вопросов по существу до восстановления нормальных дипломатических отношений.

Когда, однако, г. Гендерсон в своем женеvском интервью заявил и потом повторил в своем официальном приглашении на имя союзного правительства, что он желал бы вновь встретиться с нашим представителем для обсуждения процедуры, то мы это приглашение приняли, указав при этом еще раз, что согласование процедуры ни в коем случае не может быть превращено в обсуждение вопросов по существу. Тов. Довгалеvскому были даны соответственные директивы, которых он строго держался во все время лондонских переговоров с г. Гендерсоном. Выработанный и подписанный в Лондоне протокол является изложением процедуры, которой обе стороны обязываются следовать при том обсуждении спорных

вопросов, которое последует за полным восстановлением нормальных отношений и обменом послами.

Установленный список вопросов, подлежащих в дальнейшем обсуждению, не включает в себе ничего нового, ибо те же вопросы были предметом обсуждения между обоими правительствами в 1924 г. и нашли известное разрешение в подписанном тогда г. Макдональдом договоре, который, однако, был затем отвергнут сменившим кабинет Макдональда консервативным правительством. Мы сочли целесообразным предложить начать обсуждение всех вопросов с выяснения отношений обоих правительств к договору 1924 г. в целом или к отдельным его частям и поэтому поставили этот вопрос на первое место списка.

Согласно протоколу г. Гендерсон обязался внести в самом начале сессии парламента, открывающейся 29 сего месяца, предложение английского правительства о немедленном восстановлении нормальных отношений и об обмене послами. Мы максимально шли навстречу предложениям великобританского правительства, поскольку они не затрагивают нашей принципиальной позиции. Нам остается теперь лишь спокойно выжидать дальнейших шагов английского правительства в духе его многократных публичных заявлений и в соответствии с только что подписанным представителями Союза ССР и Англии протоколом.

(Сб. «Международная политика за 1929 г.», изд. НКВД, 1931 г.)

БЕСЕДА С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ПЕЧАТИ О РАЗРЫВЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СОЮЗОМ ССР И МЕКСИКОЙ 1 ФЕВРАЛЯ 1930 г.¹

Отозвание мексиканского поверенного в делах из Москвы, которому предшествовало соответствующее заявление товарища министра иностранных дел Мексики г. Эстрады, ни в какой мере не соответствовало сложившимся на практике отношениям обоих государств. Отношения между обеими странами и правительствами за все время не оставляли желать ничего лучшего. Я уверен, что мексиканский народ и его прежнее правительство весьма ценили сочувствие, с которым народы Союза относились к борьбе Мексики против ее подчинения интересам империалистических держав и за укрепление ее независимости. Мексиканские посланники в Москве в свою

¹ Интервью было дано М. М. Литвиновым в качестве временно исполняющего обязанности народного комиссара вслед за разрывом отношений, состоявшимся по инициативе мексиканского правительства 27/1 1930 г.

очередь постоянно заверяли нас в глубоких симпатиях мексиканского народа к нашему Союзу, и это были далеко не пустые дипломатические фразы. Само собою разумеется, никаких конфликтов, ни политических, ни экономических, между Советским Союзом и дальней Мексикой не возникало и возникать не могло. Не было также никаких проявлений недовольства ни с одной, ни с другой стороны. Совершенно неверно высказанное кем-то предположение о политическом характере отъезда из Москвы несколько недель назад мексиканского посланника г. Герцога. Прощаясь со мной, г. Герцог объяснял свой отъезд отчасти личными причинами, отчасти данным ему правительством поручением об изучении каких-то вопросов в центральной Европе.

Никаких протестов ни г. Герцог, ни его предшественники, а также мексиканское правительство нашему полпреду в Мексике не заявляли.

При существовавших между нами и Мексикой дружеских отношениях получение от мексиканского правительства известной телеграммы в связи с советско-китайским конфликтом было уже явным показателем нового усиления в Мексике давления внешних влияний.

Мексиканский поверенный в делах ничем иным не мог официально объяснить мне разрыв отношений, как явно притянутыми за волосы «ссылками на мнимые «коммунистические интриги», якобы ведущиеся в разных странах против Мексики «по указанию Москвы». Никаких конкретных фактов он не привел, ибо в распоряжении его правительства не было таких фактов, которыми оно могло оправдать хотя бы в глазах самого мексиканского народа не только разрыв, но и какое бы то ни было ухудшение отношений с Советским Союзом.

Мексиканское правительство не осмелилось, конечно, обвинить нас во вмешательстве во внутренние дела Мексики, ибо это было бы чудовищной неправдой, а указывало поэтому лишь на какие-то интриги в третьих странах, якобы предписанные Москвой. Повод слишком смешной, чтобы на нем долго останавливаться, но так как никаких других причин для разрыва отношений не существует и мексиканским правительством не приведено, то остается предположить, что мексиканское правительство в данном случае действовало под давлением внешних сил и что в Мексике не существует больше тех предпосылок, которые в свое время сделали возможным установление нормальных и даже вполне дружественных отношений с Советским Союзом. Мы можем по этому поводу лишь выразить сочувствие мексиканскому народу.

(«Известия» от 2 февраля 1930 г.)

РЕЧЬ ПРИ ПРИЕМЕ ТУРЕЦКОГО МИНИСТРА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ г. ТЕВФИК РЮШТЮ-БЕЯ
24 СЕНТЯБРЯ 1930 г.

Господин министр!

Я счастлив приветствовать вас, дорогой Тевфик Рюштю-Бей, как министра иностранных дел дружественной нам Турции, вас, имя которого тесно связано с развитием советско-турецкой дружбы за последнее десятилетие. Мы с вами хорошо помним то время, когда и советские республики и Турция героически выдерживали военный натиск мирового империализма, обрушившегося на народы наших стран только за то, что они приняли решение строить свою жизнь свободно, самостоятельно и без какого бы то ни было внешнего вмешательства.

Именно в этот период тяжелой и самоотверженной борьбы зародилась та дружба, которая в дальнейшем, развиваясь и укрепляясь, приняла характер действительно тесного дружественного сотрудничества.

Это сотрудничество вышло за пределы непосредственно советско-турецких взаимоотношений и является в настоящее время важным фактором мировой политики.

Парижский договор 1925 г. о нейтралитете и ненападении, подписанный и вами, г. министр, войдет в историю как новая форма сближения дружественных государств и укрепления мира. Подписанный в минувшем декабре ангорский протокол, имеющий также вашу подпись, служит новым доказательством роста взаимного доверия СССР и Турецкой республики и новым проявлением мирных намерений наших стран.

Борьба наших стран за право действительно самостоятельного существования и мирного строительства не кончилась после краха тщетных попыток империалистов задушить военной интервенцией советскую и национальную турецкую революцию. Борьба эта продолжается в новых формах и новыми средствами и все еще требует от наших стран самой напряженной и непрерывной бдительности и особого внимания к тем новым явлениям международной жизни, которые под мирной внешностью могут угрожать интересам как СССР, так и Турецкой республики. Сотрудничество советской и турецкой дипломатии в деле борьбы за мир является в настоящей обстановке весьма ответственной исторической задачей.

Ваш приезд сюда, в СССР, г. министр, даст вам возможность ознакомиться с тем грандиозным строительством, которое напряженно осуществляется народами Союза и которое само по себе свидетельствует об их неуклонном стремлении к сохранению мира. Равным образом и Турция

нуждается в мире для осуществления задач внутреннего строительства. Народы СССР с величайшим вниманием и восторгом следят за успехами Турецкой республики на хозяйственном и культурном фронте, ибо рост ее мощи является необходимым фактором всеобщего мира.

Я выражаю еще раз свою радость по случаю встречи с вами, г. министр, в Москве, уверенный в том, что такой непосредственный контакт между руководителями внешней политики наших дружественных стран будет способствовать успешному осуществлению нашей задачи — дальнейшего укрепления советско-турецкой дружбы, могущественного фактора в деле борьбы за мир.

Я поднимаю свой бокал за советско-турецкую дружбу, за процветание турецкого народа, за главу турецкого государства Гази Мустафа Кемаля, за председателя совета министров — Исмет-пашу, за энергичного поборника советско-турецкой дружбы, нашего старого друга — Тевфик Рюштюбея.

(«Известия» от 25 сентября 1930 г.)

БЕСЕДА С ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ТАСС О КВЖД 11 МАЯ 1933 г.

Верно то, что во время моей беседы с послан г. Ота 2 мая нами обсуждалось создавшееся за последнее время благодаря действиям манчжурских властей серьезное положение на КВЖД, грозящее осложнить наши отношения как с Манчжурией, так и с Японией. В этой беседе были подвергнуты обсуждению возможные способы разрешения возникших конфликтов, причем мною в качестве одного из радикальных способов упоминался также вопрос о выкупе КВЖД Манчжуро, т. е. о продаже нами КВЖД манчжурским властям.

Верно также и то, что нанкинское правительство обратилось по этому поводу с запросом к советскому правительству, оспаривая право продажи КВЖД кому бы то ни было кроме нанкинского правительства, и что посол г. Иен представил нам соответственный меморандум.

Аргументы, приведенные нанкинским правительством, не соответствуют ни формальным обязательствам советского правительства, ни фактическому положению дел. Ни Пекинское, ни Мукденское соглашения, предоставляющие Китаю право досрочного выкупа КВЖД, не ограничивают права СССР на продажу дороги кому бы то ни было, а тем более той власти, которая существует в Манчжурии и фактически осуще-

ствяет там права и обязанности, вытекающие для китайской стороны из Пекинского и Мукденского соглашений.

Гораздо существование, однако, то, что нанкинское правительство или подконтрольные ему власти перестали быть фактическими партнерами СССР на КВЖД уже свыше восемнадцати месяцев. Они лишились возможности, по причинам от СССР независимым, осуществлять свои права и выполнять свои обязанности по выполнению Пекинского и Мукденского соглашений. В силу этих соглашений правительство Китая должно посылать своих представителей в правление дороги, но этих представителей уже восемнадцать месяцев в правлении нет. Не имеет также возможности нанкинское правительство расследовать жалобы на нарушение манчжурскими властями прав и интересов КВЖД на дороге или принимать меры обеспечения нормального функционирования дороги. Невыполнение нанкинским правительством возлагаемых на него Пекинским и Мукденским соглашениями обязанностей в продолжение восемнадцати месяцев лишает его как формального, так и морального права ссылаться на эти соглашения.

При переговорах со мной в Женеве о восстановлении дипломатических отношений д-р Иен, нынешний посол Китая в Москве, предлагал нам обменяться нотами, подтверждающими нерушимость Пекинского и Мукденского соглашений. Я изъявлял согласие на это, но со следующей оговоркой: «поскольку изменившаяся обстановка в Манчжурии не делает невозможным для нанкинского правительства выполнение этих договоров». Эта оговорка была отклонена Нанкином, очевидно, в сознании невыполнимости в настоящее время принятых им на себя по Пекинскому и Мукденскому соглашениям обязательств.

Мне кажется, что сказанного достаточно для доказательства совершенной необоснованности возможных претензий нанкинского правительства в случае продажи дороги кому бы то ни было, а тем более манчжурским властям. Что касается мотивов, побуждающих нас согласиться на продажу КВЖД, то они заключаются в следующем. Постройкой дороги в Манчжурии на чужой территории царское правительство, несомненно, преследовало империалистические цели. Таких целей у советского правительства нет и быть не может. После Октябрьской революции КВЖД утратила для народов бывшей Российской империи свое завоевательное значение. Дорога, однако, была построена на трудовые деньги народов, населяющих Советский Союз, и поэтому советское правительство сочло и считает себя обязанным охранять имущественные интересы дороги. Оно всегда готово было продать дорогу Китаю, но у последнего не было возможности купить ее. Полностью сохраняя свои имущественные права на дорогу, советское правительство превратило ее в чисто коммер-

ческое предприятие и, учитывая прохождение ее по чужой территории, признало справедливым предоставить хозяевам этой территории паритетное право управления дорогой и половину прибылей. Тем не менее КВЖД становилась источником трений между СССР, Китаем и Манчжурией. Всем памятен конфликт на КВЖД, возникший в 1929 г. не по вине СССР. Для устранения источников конфликтов советское правительство повело в 1930 г. переговоры о продаже КВЖД с Мо Де-гуем, представлявшим мукденское и нанкинское правительства. Эти переговоры были прерваны вследствие манчжурских событий осенью 1931 г. Теперь вновь назрел вопрос о продаже КВЖД. Исходя из этих соображений, мы и сделали предложение о продаже дороги. Наше предложение является еще одним проявлением советского миролюбия. Я уверен, что возражать против этого предложения могут только те, кто почему-либо заинтересован в обострении советско-японских и советско-манчжурских отношений.

(«Известия» от 12 мая 1933 г.)

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ФРАНЦУЗСКОЙ ПЕЧАТИ 7 ИЮЛЯ 1933 г.

Чтобы понимать внешнюю политику Советского Союза, необходимо знать, что ее осью всегда был и есть мир. Не имея никаких империалистических целей, не имея решительно никаких воцелений на новые территории вне своих установленных границ, считая нежелательным и противоречащим своим основным принципам подчинение себе других народов и твердо стоя на базе их полной независимости, Советский Союз не может ничего выиграть от войны, и этого одного достаточно, для того чтобы он войны избегал. К этому надо прибавить, что наибольшие жертвы в войне приходится приносить трудящимся, и, оберегая мир, Советский Союз остается на страже интересов всех трудящихся.

Вряд ли можно сомневаться в том, что при нынешних международных отношениях никакая война, на каком бы континенте она ни возникала, не сможет быть локализована и что почти никакая страна не может быть уверена в том, что она не будет вовлечена в войну, ею не начатую. Советский Союз поэтому заинтересован не только в том, чтобы сохранить свои собственные мирные отношения с другими государствами, но и в сохранении всеобщего мира.

Для тех, кто усвоил себе эти основные положения советской политики, не должно быть поэтому ничего удивительного

тельного и неожиданного в тех или иных дипломатических шагах советского правительства, продиктованных этими положениями.

Мы всегда приветствовали и поддерживали любые начинания других государств, совпадавшие со стремлением Советского Союза к миру. Более того, мы считали международное положение в последние годы столь осложненным, запутанным и чреватым опасностями, что при возникновении таких начинаний мы руководствовались принципом «что делаешь, делай скорее». Так, в свое время мы не только присоединились немедленно к пакту Бриана — Келлога, но и ввели его в действие между нами и ближайшими соседями задолго до его вступления в силу между другими государствами. Таким же образом, убедившись в медлительности и трудности прохождения нашего предложения об определении агрессии в Женеве, мы поспешили сделать это определение предметом соглашения между нами и теми странами, которые этого пожелали. Мы рассчитываем на дальнейшее присоединение других государств к заключенным нами конвенциям.

Мы рады констатировать, что мирная политика Советского Союза находит все большее и большее понимание во Франции. Внешним проявлением этого понимания явились подписание, а затем ратификация француско-советского пакта о ненападении. Мы также рады отметить, что успешно закончившиеся наши дальнейшие шаги к укреплению мира между СССР и ближайшими странами встречены сочувственно французским правительством и политическими кругами, как они, вероятно, будут встречены всеми сторонниками мира. Это обстоятельство послужит дальнейшему росту взаимного понимания между нашими странами.

От действующих или полупотухших международных конференций можно ожидать, повидимому, весьма проблематичных результатов.

А чем меньше надежд можно возлагать на них, тем больше усилий должно быть направлено к общению между государствами, заинтересованными в сохранении мира и политического спокойствия и в избежании международных авантюр.

Мы не являемся сторонниками политических группировок в смысле противопоставления агрессивности одних группировок агрессивности других. Мы хотим поддерживать наилучшие отношения со всеми государствами, которые ничего не замышляют против интересов нашего государства и мирная политика которых совпадает с нашей собственной политикой.

Ни наши политические, ни наши экономические интересы не сталкиваются с интересами Франции ни в одном пункте земного шара, и нет поэтому, на наш взгляд, никаких препятствий к дальнейшему сближению как политическому, так и экономическому. Я рад был представившемуся мне слу-

чаю лишний раз изложить эти взгляды выдающимся руководителям французской внешней политики, с которыми я уже имел удовольствие встречаться раньше. Мне доставило большое удовольствие посещение Франции, страны, о которой я сам и мои товарищи по эмиграции всегда вспоминают с большой любовью и симпатией.

(«Известия» от 9 июля 1933 г.)

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ АМЕРИКАНСКОЙ ПЕЧАТИ 7 НОЯБРЯ 1933 г.¹

Я вступаю сегодня на территорию великой Американской республики, сознавая выпавшую на мою долю честь первым принести привет американскому народу от народов Советского Союза в качестве их официального представителя, сознавая, что я в известном смысле пробиваю первую брешь в той искусственной преграде, которая в течение 16 лет мешала нормальному общению между народами наших двух государств. Цель моего приезда известна из опубликованного обмена посланиями между г. Рузвельтом и т. Калининым. Отныне ненормальность положения, существующая в течение 16 лет, признана обеими сторонами, которые встали на путь практического устранения этого положения. Мы все знаем, что это положение не приносило пользы ни той, ни другой стороне, и чем скорее оно отойдет в область прошлого, тем лучше для всех.

Я подчеркиваю искусственный характер существовавшего до сих пор отчуждения, ибо на самом деле народы наших республик никогда не переставали следить с величайшими симпатиями и искренним расположением за их взаимным развитием.

Получив тяжелое наследство от мрачной эпохи русского царизма, сознательно державшего страну в состоянии отсталости и невежества, и поставив себе задачу на развалинах семилетней войны построить новое государство на новых общественно-экономических принципах, народы нашего Союза не могли не вдохновляться примерами и методами подчинения сил природы нуждам человека, которые позволили американскому народу в сравнительно короткий срок создать самое мощное, технически прогрессивнейшее государство, обогнав более старые континенты. В моей стране особенно популярны такие выражения, как «американская техника», «американские темпы», «американский размах» и «американская

¹ Заявление сделано т. Литвиновым при прибытии его в Нью-Йорк на пути в Вашингтон для переговоров с президентом США Рузвельтом о восстановлении дипломатических отношений.

практичность». Немало ваших соотечественников помогало нам в осуществлении наших строительных задач, принесло нам свой ценный американский опыт, а некоторые достижения этого строительства связаны с именами представителей американской техники и промышленности.

О большом интересе Америки к нашей стране свидетельствуют также многочисленные посещения нашей страны виднейшими представителями американской науки, техники и искусства и большое количество книг, посвященных Советскому Союзу в Соединенных штатах Америки. Все это указывает на наличие прочной базы для научного, культурного и экономического сотрудничества в интересах обеих стран.

Вопреки отсутствию между нами официального контакта наши страны чувствовали и чувствуют, что их объединяет общее стремление к миру. Параллельными линиями шли усилия обоих государств по охранению этого мира, но отсутствие обычных способов нормальных сношений мешало объединению этих усилий и выростанию из них того мощного фактора, который мог бы стать одной из прочнейших гарантий мира. Отклики с разных концов света со времени обнародования посланий наших президентов доказали, какие надежды связывают друзья мира и какие разочарования испытывают его враги при мысли об установлении прочных дружественных отношений между народами двух величайших республик мира.

Перечисленные мною обстоятельства позволяют мне питать наилучшие надежды в отношении возложенной на меня миссии и будущего советско-американских отношений. Ведь в сущности речь теперь идет лишь о том, чтобы, так сказать, легализовать и дать официальное выражение тому естественному взаимному тяготению двух наций, не знавших споров между собою в прошлом и не имеющих никаких поводов к ним в будущем, о признаках которого я только что говорил. Моя задача облегчается также теми обстоятельствами, что предстоящему моему обсуждению с вашим президентом некоторых вопросов предшествуют многочисленные примеры установления нормальных отношений мирного сотрудничества между Советским Союзом и другими странами и что позиция советского правительства в этих вопросах заранее хорошо известна.

Тот сочувственный отклик, которым встречена была инициатива президента Рузвельта американской печатью и американской общественностью, позволяет мне рассчитывать, что американская печать в вашем лице не откажет в своем сочувствии и своем содействии дальнейшим шагам по завершению установления советско-американских официальных отношений, которые могут явиться результатом моих совещаний с вашим президентом. Я заранее благодарю вас.

(«Известия» от 10 ноября 1933 г.)

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ПЕЧАТИ В ВАШИНГТОНЕ 17 НОЯБРЯ 1933 г.

Народы Советского Союза примут известие о восстановлении нормальных отношений с самым искренним удовлетворением и с теми же дружественными чувствами по отношению к американскому народу, какие я имел удовольствие наблюдать здесь по отношению к СССР с первого момента моего прибытия. Вчерашний обмен нотами не только создает необходимые условия для быстрого и успешного урегулирования неразрешенных проблем, относящихся к прошлому, но, что важнее, открывает новую страницу в развитии подлинно дружественных отношений и мирного сотрудничества двух крупнейших республик.

Многие возможности экономического сотрудничества будут полностью использованы. Вчерашнее мероприятие окажет самое благоприятное влияние на дело мира. Все честные, миролюбивые люди, все, кто против культивирования недоброжелательства, недоверия, враждебных действий и других аномалий в отношениях между народами, будут обрадованы этим мероприятием. Нормальные отношения существуют в настоящий момент между всеми странами, но во многих случаях под прикрытием нормальных отношений выращаются недоверие и недоброжелательство, иногда находящие свое завершение в самых ненормальных действиях. Такого рода условные технические нормальные отношения нежелательны с Соединенными штатами. Мы хотим и будем стремиться к подлинно нормальным отношениям, к подлинно дружественным отношениям.

Это, несомненно, проистекает из того факта, что у нас не было реальных конфликтов в прошлом и мы не ожидаем их в будущем и что уже существуют точки соприкосновения и они будут увеличиваться и будет расширяться общая почва для экономического и культурного сотрудничества и для борьбы в пользу мира.

Мне часто напоминали, с тех пор как я здесь, что я намного превзошел те полчаса времени, необходимые, как я упомянул в Берлине, для выполнения моей миссии. Фактический обмен нотами, устанавливающий отношения, потребовал еще меньше времени, и это я имел в виду, потому что не предполагал ничего другого. Здесь, однако, по инициативе другой стороны, состоялось некоторое предварительное обсуждение, объем которого я не был в состоянии предвидеть. Отсутствие отношений в течение 16 лет содействовало накоплению в Соединенных штатах неправильных и ложных представлений о положении в СССР. Отсутствие официальных представителей в Москве лишало американского президента возможности получать аутентичную информацию из первоисточника. Многие люди забавлялись распространением самых

диких басен о Советском Союзе. Поэтому я не был удивлен, когда президент пожелал прежде всего получить самую полную информацию о политике советского правительства по отношению к гражданам других стран и пожелал ознакомиться с условиями во всех областях жизни для американцев, которые будут приезжать в Советский Союз в возрастающем количестве после восстановления отношений. Я дал эту информацию в наивозможно полном виде, выражаясь самым убедительным образом и тщательно выбирая слова, для того чтобы избежать недоразумений и неправильного истолкования. Сделать это было нетрудно. Президент и я отлично понимали друг друга, понимали положение каждой стороны, но, естественно, потребовалось некоторое время, для того чтобы сформулировать то, что мы обсуждали.

Президент специально пожелал узнать, пользуются ли американцы свободой богослужения в Советском Союзе и могут ли они отправлять религиозные обряды — крещение, свадьбу, похороны и т. д. В ответ я написал президенту письмо, в котором изложил существующие законы о религии. Президент также запросил относительно правового положения иностранцев в СССР. В ходе переговоров я объяснил, что иностранцы в Советском Союзе должны подчиняться во всех отношениях советским законам и что специальный статут для иностранцев не может быть допущен. Я ссылался на существующие законы и соответствующие статьи советско-германской консульской конвенции относительно прав иностранцев. Я согласился с тем, чтобы подобные же права были распространены на американцев на основе принципа наибольшего благоприятствования, и это будет включено в консульскую конвенцию. Кроме того — неизбежный вопрос о пропаганде. В другом письме я заверил президента, что отношения советского правительства и правительств других стран основаны на принципе взаимного невмешательства во внутренние дела. Я изложил взаимные обязательства, принятые советским правительством и другими правительствами, с которыми установлены нормальные отношения. Эти обязательства будут распространены на Соединенные штаты.

Один вопрос более сложный, чем остальные, — взаимные материальные претензии — не мог быть урегулирован в короткое время, потому что установленная политика советского правительства не допускает урегулирования подобных вопросов до установления отношений. Обмен мнений по этому вопросу обнаружил добрую волю обеих сторон и желание урегулировать этот вопрос в наивозможно короткий срок. Точки зрения обеих сторон на методы урегулирования этого вопроса отстоят друг от друга не слишком далеко. Президент вновь убедился в том, что был прав, когда заявил в послании к Калинину, что для урегулирования всех основных вопросов

не существует непреодолимых препятствий. Единственным подлинно непреодолимым препятствием до сих пор было отсутствие каких бы то ни было отношений и какой бы то ни было возможности вести переговоры.

В доказательство нашей доброй воли мы решили, не дожидаясь окончательного урегулирования взаимных претензий, отказаться от одной из наших претензий к Соединенным штатам, относящейся к американской экспедиции в Сибири, и это мы сделали, учитывая некоторые действия Соединенных штатов в то время, с которыми я ознакомился во время посещения государственного департамента (министерство иностранных дел).

Я убежден, что восстановление отношений между двумя великими странами поднимет только один большой вопрос — почему это не было сделано раньше. У всех будет сознание, что устранена одна из важнейших политических и экономических аномалий.

(«Известия» от 20 ноября 1933 г.)

РЕЧЬ НА БАНКЕТЕ, ОРГАНИЗОВАННОМ АМЕРИКАНО-РУССКОЙ ТОРГОВОЙ ПАЛАТОЙ В НЬЮ-ЙОРКЕ В ЧЕСТЬ г. ЛИТВИНОВА 24 НОЯБРЯ 1933 г.

Счастлирое событие, ожидавшееся в течение шестнадцати лет, состоялось при самых легких и нормальных условиях, без длительных усилий, без тревог. Мои переговоры с президентом закончились в течение одной недели.

На всем своем протяжении они были исключительно приятны. Мы оба как будто не торопились с окончанием. Я думаю, что мы оба, чувствуя приближение момента, когда будут приняты взаимные обязательства, пытались использовать остающийся период свободы, чтобы повести между собою немного пропаганды. Президент обратился ко мне со своего рода религиозной пропагандой. Хотя нам едва ли удалось убедить друг друга, мне понравились методы президента при обсуждении вопросов. Я никогда не сомневался в результатах. С тех пор как президент характеризовал отсутствие взаимоотношений как ненормальное положение, я был уверен, что он сделает все от него зависящее, чтобы устранить эту ненормальность.

Потрясения, вызванные мировой войной в политическом, экономическом и социальном строе капиталистического мира, не прекратились, а продолжают расширять свое разрушительное действие. Мы наблюдаем, как растет процесс отчуждения между странами. За немногими исключениями, яр-

кий пример которых представляют взаимоотношения между Турцией и СССР, не имеющие прецедента в истории, и к которым, я надеюсь, вскоре будут причислены взаимоотношения между США и СССР, за последние годы редко бывали случаи, когда между государствами устанавливалась и сохранялась дружба, хотя бы лишь самым условным образом. Со времени войны антагонизм между государствами возростал как количественно, так и качественно. Подготовка к новым войнам ведется совершенно открыто. Не только возобновилась и усилилась враждебная гонка вооружений, но — и это, быть может, еще более серьезно — подрастающее поколение воспитывается на идеализации войны.

Характерным для такого милитаристского воспитания является провозглашение средневековых лженаучных теорий относительно превосходства одних народов над другими и права некоторых народов господствовать над другими и даже истреблять их. Песни, музыка, литература, наука — все это подчиняется интересам милитаристского воспитания молодежи. Иные страны даже не пытаются приукрасить подготовку к войне комплексом идеологических и научных теорий. Эти страны утверждают, что если согласно мнению некоторых война должна быть объявлена вне закона и акты мира закреплены, то это все же не касается тех частей земного шара, в которых эти страны сами заинтересованы. Наивное идеологическое обоснование такой точки зрения выражается в ссылках на «специальные условия», хотя при этом не разъясняется, в чем заключаются эти «специальные условия». Вы должны принять их заверения, ибо если вы выражаете недоумение, то вас обвиняют «в неискренности». «Искренность» в таких случаях означает согласие на насильственные агрессивные действия и их поощрение, хотя бы объектом этих действий являлось ваше имущество.

Поскольку в некоторых странах существуют такие настроения, неудивительно, что конференция по разоружению агонизирует. Женева — мертвец, и если не составлен акт о смерти, то лишь потому, что врачи боятся выслушать сердце, переставшее биться. Сейчас вопрос заключается не в том, принимают ли все страны британские, французские или другие методы разоружения.

Поставьте на Женевской конференции два простых вопроса — согласны ли они на какое-либо серьезное сокращение вооружений и готовы ли они допустить какой-либо контроль? Со стороны по крайней мере одной большой воинственной страны вы услышите отрицательный ответ на оба вопроса с неизбежной ссылкой на «специальные условия». Такой ответ прозвучал бы, как погребальный колокол над конференцией, и поэтому Женева постарается его избежать.

Провал Лондонской конференции, продолжающееся свер-

тывание международной торговли, десятки миллионов безработных, переоценка ценностей, вызываемая кризисом, — все это не позволяет питать розовые надежды на улучшение экономического положения. На этом мрачном фоне моя страна выделяется, как луч света.

(Тов. Литвинов указал затем на промышленный, технический, научный и культурный прогресс СССР, на улучшение здравоохранения, рост численности населения, на сокращение числа неграмотных и т. д. При этом т. Литвинов отметил возможности советского рынка. Он указал на успехи национальной политики советского правительства. Тов. Литвинов заявил далее, что в течение шестнадцати лет СССР неуклонно проводил принципы мира, провозглашенные в Октябре, отметил заключенные советским правительством мирные договоры и пакты о ненападении и его предложение о всеобщем разоружении.)

— Провал Женевской конференции укрепил наше убеждение, что единственным возможным методом эффективного разоружения является полное разоружение, и на этом методе мы будем продолжать настаивать при каждом удобном случае.

Остановливаясь на советско-американских отношениях, т. Литвинов заявил:

— Польза, которую восстановление экономического сотрудничества принесет обеим странам, неоспорима. Несомненно, культурное сотрудничество деятелей науки и искусства принесет богатые плоды. Еще важнее тот неоспоримый факт, что США и СССР извлекут пользу из объединения своих усилий в целях сохранения мира. Кто может усомниться, чтобы объединенные голоса двух гигантов не заставили считаться с собой и чтобы совместные усилия не оказали давления на чашу весов в пользу мира¹.

(«Известия» от 26 ноября 1933 г.)

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ПЕЧАТИ В РИМЕ 5 ДЕКАБРЯ 1933 г.

Цель моего посещения Рима и содержание моих бесед с главой итальянского правительства были в печати предметом всякого рода догадок, предположений и спеку-

¹ В заключение т. Литвинов назвал некоторых «пionеров» советско-американского сближения — сенатора Бора, Купера, Робинса. Наконец он выразил свое убеждение, что дружба и сотрудничество между США и СССР смогут в будущем укрепляться и развиваться на новых путях, принося великую пользу для обоих народов и содействуя консолидации международного мира.

ляций. Как это часто бывает, искали самых сложных объяснений моего посещения, упуская однако из виду, наиболее простые.

За последнее время официальные встречи представителей государств вне международных конференций имели обыкновенно целью изменение существующих между этими странами отношений, создание новых отношений либо улаживание споров и конфликтов и подыскание новых, зачастую рискованных, форм сотрудничества или даже сделки за счет третьих стран.

В случае моей встречи с главой итальянского правительства надо исключить все такие цели. Мой приезд сюда является в первую очередь выражением удовлетворенности существующими между СССР и Италией отношениями, которые мы не стремимся ни изменять, ни заменять новыми.

Я счастлив отметить, что за тринадцать лет наших фактических отношений и за десять лет дипломатических отношений между Советским Союзом и Италией никаких конфликтов, почти никаких споров не возникло. Ничего кроме пользы для себя обе страны из своего экономического и политического сотрудничества не извлекали. Мы хотели бы поэтому лишь продления и укрепления существующих отношений и форм сотрудничества, а так как этому будет неизменно содействовать мой приезд, цель его будет достигнута.

Независимо, однако, от интересов, непосредственно касающихся Советского Союза и Италии, существует множество проблем международного характера, к которым обе страны не могут относиться безучастно. Эти проблемы не только множатся, но и усложняются. Мы наблюдаем, как иногда одни попытки разрешения той или иной международной проблемы сами по себе создают новые, еще более опасные проблемы. Совершенно естественно было желание руководителей внешней политики моей страны и Италии путем личного общения обследовать эти проблемы и обменяться мнениями об отношении к ним обоих правительств. Это именно имело место при моей встрече с Муссолини.

Исходя из стремления обеих стран к сохранению всеобщего мира и необходимости международного сотрудничества для устранения или по крайней мере смягчения тех причин, которые этому миру могут угрожать, мы в результате собеседования смогли вновь констатировать множество точек соприкосновения в политике обеих стран.

Ко всем явлениям международной жизни советское правительство подходит главным образом под углом зрения возможного осуществления его основного стремления — к обеспечению мира. Рассматривая те или иные формы международного сотрудничества или те или иные методы разрешения международных проблем, мое правительство задается прежде всего вопросом, как отразится то или иное разрешение на деле мира,

и ответ на этот вопрос определяет его позиции. Все, что является функцией или гарантией мира, оно одобряет или принимает, отбрасывая все сомнительные комбинации, все то, что не служит увеличению безопасности мира.

Выступая на международной арене, мне уже приходилось указывать, что «безопасность мира» мы ставим выше всяких других определений безопасности. Всякая страна, которая ставит себе такие же цели и занимает такую же позицию, может рассчитывать на искреннее сотрудничество советского правительства. Поэтому у сторонников и друзей мира не должны вызывать никакого беспокойства те или иные дипломатические акции советского правительства, в том числе официальные поездки его представителей.

По дороге в Америку я имел обмен мнениями по всем международным вопросам с руководителем французской внешней политики Поль Бонкурром. В Вашингтоне, сейчас же по восстановлении отношений с Соединенными штатами, я имел такой же обмен мнениями с президентом Рузвельтом. То же самое я сделал в Риме, где я впервые встретился с Муссолини. Поэтому я имел с ним углубленный разговор.

Каждая из этих встреч в отдельности и все они вместе взятые укрепляют не только отношения Советского Союза с соответственными странами, но и дело всеобщего мира.

Я могу поэтому высказать свою полную удовлетворенность всей своей поездкой.

(«Известия» от 6 декабря 1933 г.)

РЕЧЬ ПРИ ПРИЕМЕ ПОЛЬСКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ г. БЕКА 13 ФЕВРАЛЯ 1934 г.

С огромным удовольствием я приветствую вас, г. министр, от имени союзного правительства и от своего собственного. Ваш приезд имеет для нас тем большее значение, что он является первым официальным посещением нашей страны членом правительства соседнего польского государства.

С глубоким удовлетворением я могу констатировать, что перелом, намечившийся во взаимоотношениях между Советским Союзом и Польской республикой, и дальнейшее успешное развитие этих отношений нашли свое выражение в актах, имеющих чрезвычайно серьезное значение не только для отношений между нашими странами, но, несомненно, и для дела укрепления всеобщего мира. Я имею в виду столь счастливо заключенные между нашими странами пакт о ненападении и конвенцию об определении агрессора. Заключение этих актов в нынешней сложной международной обстановке — обстановке растущего недоверия и отчужденности

между странами — является ценным вкладом в дело укрепления всеобщего мира.

Я не могу также не отметить несомненных успехов в области культурного сближения между нашими странами. Взаимные визиты представителей науки и искусства Советского Союза и Польской республики и устанавливающееся между ними сотрудничество также являются признаками благоприятного и всестороннего развития отношений между СССР и Польшей.

Теплый прием, оказанный нашим летчикам во время пребывания их в Польше, и пребывание в СССР эскадрильи польской военной авиации во главе с генералом Райским, оставившим у нас наилучшие воспоминания, также должны быть отнесены к факторам сближения между нашими странами.

Я должен к этому добавить, что все перечисленные мною факты, свидетельствующие о глубоком процессе сближения между нашими странами, совпали в значительной части со временем вашего руководства внешними делами Польши, г. министр, и должны быть поэтому отнесены за счет ваших личных заслуг.

Систематически преследуя политику мира, союзное правительство уделяет особое внимание установлению и поддержанию со своим крупнейшим западным соседом — Польской республикой — действительно добрососедских дружественных отношений, сознавая, в какой огромной мере от этих отношений зависит дело сохранения мира, в частности на востоке Европы, если еще можно говорить о локально ограниченных действиях мира — мира, который должны одинаково ценить народы Советского Союза и Польской республики. Мы все больше убеждаемся в том, что эта мирная политика союзного правительства встречается в Польше все большее понимание.

Помимо проблем, непосредственно касающихся СССР и Польской республики, имеются и возникают вновь различные проблемы международного порядка, в отношении которых выяснение и согласование точек зрения правительств обеих стран могут сыграть значительную роль в деле если не предотвращения, то по крайней мере серьезного ослабления действия факторов, направленных к нарушению мира.

Я выражаю твердую уверенность, что установление личного контакта с выдающимся руководителем внешней политики Польской республики и обмен мнений по всем вопросам, интересующим правительства обеих стран, будут чрезвычайно способствовать дальнейшему углублению наметившегося процесса сближения и взаимопонимания между нашими странами и расширению сотрудничества между ними в интересах мира.

Я поднимаю бокал за дальнейшее упрочение дружественных взаимоотношений между СССР и Польской республикой,

за процветание Польской республики, за здоровье г. президента Польской республики и наших дорогих гостей — г. министра и его супруги.

(«Известия» от 14 февраля 1934 г.)

РЕЧЬ ПРИ ПОДПИСАНИИ ПРОТОКОЛОВ О ПРОДЛЕНИИ ПАКТОВ О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ СССР И СТРАНАМИ ПРИБАЛТИКИ ДО КОНЦА 1945 г. 4 АПРЕЛЯ 1934 г.¹

Господа посланники!

Мы с вами сегодня позаботились о дальнейшей судьбе пактов, которым срок истекает лишь через полтора года. Досрочно выкупленный вексель свидетельствует как о доброй воле, так и о блестящем финансовом положении векселедателя. В данном случае преждевременная забота наших правительств о сроках имеющих еще продолжительное существование пактов свидетельствует об их доброй воле и обильном запасе у них миролюбия. Об этом же свидетельствует та беспримерная в истории дипломатии быстрота, с которой инициатива советского правительства была претворена в жизнь. Только 20 марта нами было сделано вашим правительствам предложение о продлении пактов; через несколько дней ваши правительства дали ответ, и ответ прямой, безусловный и положительный, а сегодня, по прошествии всего двух недель, дело оформлено. Это обстоятельство указывает также на крупнейший рост доверия и взаимопонимания между нашими государствами.

Я пользуюсь этим случаем, чтобы выразить благодарность вашим правительствам за их столь отзывчивое отношение к нашему предложению. Да иначе и не должно быть. Ответы на предложения, служащие укреплению мира, имеют свою полную ценность и демонстративную силу в том лишь случае, когда они даются быстро, без долгих размышлений, без задних мыслей, без всяких условий. Искренние сторонники мира не могут долго размышлять над подобными предложениями. Укрепление мира — это такое несомненное благо само по себе, в сравнении с которым любые условия, от которых могут быть поставлены в зависимость ответы на мирные предложения, имеют ничтожнейшее значение.

Существующие между нашими государствами пакты отныне продлены свыше чем на десять лет — срок, нигде не превзойденный для обязательств такого характера. У нас была

¹ Протоколы о продлении пактов о ненападении до конца 1945 г. были подписаны 4 апреля 1934 г. с Эстонией, Латвией и Литвой, 7 апреля с Финляндией и 5 мая с Польшей.

мысль предложить бессрочные пакты, но бессрочность — абстракция, философское понятие, и мы опасались, что подобное предложение могло бы показаться декларативным, а мы имели в виду конкретное действие. Во всяком случае всему миру должно быть видно, что наше предложение не носит временного характера и не вызвано случайными конъюнктурными обстоятельствами, а является выражением нашей постоянной, бессрочной политики мира, существенным элементом которой является сохранение независимости представляемых вами молодых государств.

Наша совместная с вами акция предпринята и завершена в обстановке обостряющегося изо дня в день международного положения. Об угрозе войны, нависшей над всеми пятью частями света, говорят и пишут изо дня в день, но о возможности и средствах предотвращения этой надвигающейся катастрофы для человечества почти не слышать. Правительства, государственные люди относятся к ней с каким-то фатализмом, как к чему-то совершенно неизбежному. Единственное, о чем они могут думать, — это лишь всеобщее довооружение, та гонка вооружений, которая и в прошлом не только не предотвращала войн, но их стимулировала. Пусть же скромный акт, подписанный нами сегодня, напомнит миру, что есть государства, которые свои международные задачи видят в укреплении мира или укреплении его хотя бы на том участке, где это в некоторой степени от них зависит.

Я сказал — в некоторой степени, ибо и вне подписанного сегодня протокола остаются еще государства, политика которых также может влиять на сохранение мира на данном участке. Политика советского государства будет и впредь направлена к тому, чтобы и эти государства приобщить к делу сохранения мира.

Политические тревоги и угрозы войны в Европе вызываются в настоящее время спорами между соседними государствами в результате перехода отдельных провинций, частей территорий от одних государств к другим вследствие политических новообразований из этих территорий, недовольством договорами, оформившими эти территориальные перемещения. Советское государство этих споров не знает, оно пересматривает существующих договоров никогда не требовало и требовать не намерено. Советское государство, которому чужды шовинизм, национализм, расовые или национальные предрасудки, видит свои государственные задачи не в завоеваниях, не в экспансии, не в расширении территории, видит честь народа не в воспитании его в духе милитаризма и в жажде крови, а лишь в осуществлении того идеала, ради которого оно возникло и в котором оно видит весь смысл своего существования, а именно в построении социалистического общества. Этой работе оно намерено, если ему не помешают,

посвятить все свои государственные силы, и это является неиссякаемым родником его политики мира. При переключке государств, заинтересованных в сохранении и укреплении мира, оно всегда отвечает: «Есть». Та готовность, с которой представляемые вами государства ответили на наше предложение, осуществленное в сегодняшнем протоколе, дает уверенность в том, что при подобных международных переключках они в унисон с советским правительством всегда также готовы будут отвечать: «Есть».

(«Известия» от 5 апреля 1934 г.)

РЕЧЬ ПРИ ПРИЕМЕ ЭСТОНСКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ г. СЕЛЬЯМАА 28 ИЮЛЯ 1934 г.

Господин министр, господин посланник, господа!

Я чрезвычайно рад приветствовать вас, г. министр, от имени союзного правительства и от своего собственного. Ваш приезд имеет тем большее значение, что является первым официальным посещением нашей страны членом правительства соседней Эстонской республики.

С глубоким удовлетворением я могу констатировать наличие четырнадцатилетних ничем не омраченных добрососедских отношений между нашими странами.

Общее у народов СССР и Эстонии стремление к миру, является прочной основой советско-эстонской дружбы. Эта общность интересов определяла развитие наших отношений и сотрудничество наших стран в деле укрепления мира на востоке Европы.

Мирный договор от 2 февраля 1920 г. положил начало дружественным отношениям. За ним последовали другие важные акты: торговый договор от 17 мая 1929 г., договор о ненападении от 4 мая 1932 г., продленный 4 апреля с. г. на десять лет. Сотрудничество Советского Союза и Эстонской республики в деле укрепления мира характеризует совместное подписание 2 февраля 1929 г. московского протокола о досрочном введении в действие так называемого пакта Бриана — Келлога и Лондонской конвенции об определении агрессии от 3 июля 1933 г. Я позволяю себе выразить надежду, что тот благожелательный отклик, который инициатива советского правительства встречала в Эстонии при заключении всех этих актов, обеспечен и дальнейшим начинаниям его в деле упрочения мира.

Политика союзного правительства, направленная на укрепление независимости прибалтийских государств, абсолютно необходимой для сохранения мира не только с точки зрения интересов самих этих государств, и углубление добрососедских

отношений с ними, неизменно встречала широкую поддержку народов Советского Союза. Симпатии народов, населяющих наш Союз, к эстонскому народу, укрепляющему свою независимость, установились еще задолго до революции 1917 г., когда наши народы совместно боролись с гнетом царского самодержавия.

Я рад отметить, что наряду с развитием политических отношений между нашими странами большие успехи за последнее время достигнуты также в деле культурного сближения.

Господин министр, отмечая сегодня с большим удовлетворением дружественный характер отношений наших стран, я должен подчеркнуть ту, значительную роль, которая принадлежит лично вам в деле развития советско-эстонской дружбы, и вашу благотворную деятельность в этом направлении сперва за время вашего пятилетнего пребывания на посту эстонского посланника в Москве, а затем в качестве руководителя внешней политики вашего государства.

Я уверен, что возобновление личного контакта с вами и обмен мнениями по всем вопросам, интересующим правительства обеих стран, будут чрезвычайно способствовать сближению наших стран в интересах мира.

Я позволю себе еще упомянуть, что и мне лично доставляет особое удовольствие приветствовать вас, г. министр, еще и потому, что я сам когда-то имел честь представлять Советский Союз в вашей стране и принимал личное участие в налаживании отношений между нашими государствами, давшим столь благотворные результаты.

Я поднимаю бокал за дальнейшее развитие дружественных взаимоотношений между СССР и Эстонской республикой, за процветание Эстонской республики, за здоровье главы эстонского государства и наших дорогих гостей — г. министра и его супруги.

(«Известия» от 29 июля 1934 г.)

РЕЧЬ ПРИ ПРИЕМЕ ЛИТОВСКОГО МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ г. ЛОЗОРАЙТИСА 1 АВГУСТА 1934 г.

Господин министр, господин посланник, господа!

С искренним удовольствием я приветствую вас, господин министр, от имени союзного правительства и от своего собственного в столице Советского Союза.

Союз Советских Социалистических Республик с Литовской республикой связывают уже четырнадцать лет узы бес-

прерывной дружбы, развившейся на незыблемой основе мирного договора 1920 г. Эта дружба питалась, между прочим, общей обоим государствам приверженностью к идее мира.

С большим удовлетворением я могу подчеркнуть, что мирная инициатива советского правительства неизменно встречала полное понимание и сочувственное отношение со стороны правительства Литовской республики. Свидетельством этому являются подписание в 1926 г. Литвой, одним из первых наших соседей, пакта о ненападении, продленного сперва в 1931 г. на пять лет, а затем в этом году еще на десять лет, и участие Литовской республики во всех остальных соглашениях, предложенных Советским Союзом его соседям в осуществление его мирной политики.

Я особенно рад отметить, что и последние шаги союзного правительства в указанном направлении немедленно встретили в Литве понимание и одобрение, и я позволю себе выразить уверенность в том, что и в дальнейшем будет продолжаться это благотворное сотрудничество обеих стран на пользу мира.

Народы Советского Союза, верные провозглашенному Великой Октябрьской социалистической революцией и последовательно проводимому советским правительством принципу самоопределения народов, с неизменной симпатией следят за укреплением независимости литовского государства и развитием его национального строительства. Вместе с тем они сознают большое значение для мира на востоке Европы мирного и справедливого разрешения непосредственно касающихся Литвы международных спорных вопросов.

На основе дружественных политических отношений между нашими странами успешно развивались и экономические отношения и крепили культурные связи, прогрессировало взаимное ознакомление друг с другом народов наших стран.

Господин министр, разрешите мне в заключение выразить убеждение в том, что установление личного контакта с вами в качестве руководителя внешней политики Литовской республики и обмен мнениями с вами по всем актуальным вопросам, интересующим наши страны, еще больше укрепят дружбу между нашими государствами и то взаимное доверие, которым всегда отличались их взаимоотношения.

Я поднимаю бокал за дальнейшее развитие дружественных взаимоотношений между СССР и Литовской республикой, за процветание литовского государства, за здоровье президента Литвы и наших дорогих гостей, г. министра Лозорайтиса и его супруги.

(«Известия» от 2 августа 1934 г.)

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ТАСС В ЖЕНЕВЕ О ФРАНКО-СОВЕТСКОМ СОГЛАШЕНИИ ОТ 5 ДЕКАБРЯ 1934 г.¹

Только что подписанное соглашение является прежде всего доказательством прочности и неизменности курса, взятого правительствами СССР и Франции на дальнейшее взаимное сближение и международное сотрудничество в интересах мира.

Оно, далее, говорит, что, впрочем, засвидетельствовано в самом тексте соглашения, о твердой решимости обоих правительств прилагать дальнейшие усилия к реализации намеченного ими Восточного пакта, который они продолжают считать существенным и незаменимым фактором стабилизации мира в Европе. На это специально указывают принятые на себя обоими правительствами обязательства не давать вовлечь себя в переговоры о заключении каких бы то ни было соглашений, которые, претендуя занять место Восточного пакта, на самом деле могли бы сорвать те цели, которые последний себе ставит, или вообще сделать невозможным этот пакт, или ослабить его значение. Это значит, что как Франция, так и СССР признают, что нет в настоящее время возможности создать более эффективные гарантии или хотя бы даже другие такие гарантии, какие предоставлял бы Восточный пакт.

Подписанное соглашение должно также показать кому следует бесплодность попыток совлечь СССР или Францию с намеченного ими пути, ведущего к Восточному пакту, попытки, которые при отсутствии данного соглашения способны были бы только сеять недоверие между обоими странами, ничего не давая по существу ни той, ни другой стороне в качестве гарантии стабильного и всеобщего мира в Европе.

Существующие в настоящее время угрозы миру не могут быть устранены субъективными заявлениями, хотя бы самого пацифистского свойства, тех или иных государственных деятелей, в особенности когда этим заявлениям противостоят устные или письменные, старые или новые, или вновь повторяемые, или вновь распространяемые заявления противоположного характера. Нужны совершенно объектив-

¹ Соглашение, подписанное т. Литвиновым и г. Лавалем 5 декабря 1934 г., закрепляло сотрудничество Франции и СССР в деле укрепления безопасности в Европе и содержало обязательство обеих сторон продолжать во взаимном контакте усилия для осуществления восточного регионального пакта. Отказ Германии и Польши от участия в пакте помешал в дальнейшем его осуществлению. Заключение, однако, в мае 1935 г. советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимной поддержке, открытых для присоединения всем заинтересованным странам, явилось в известной степени реализацией, хотя и на суженной базе, идеи восточного регионального пакта, предусмотренного соглашением от 5 декабря.

ные, осязательные, материальные гарантии, для того чтобы все народы могли спокойно существовать и продолжать свою внутреннюю созидательную работу.

Само собой разумеется, что заключенное теперь соглашение отнюдь не исключает иных соглашений между СССР и Францией теперь же или в случае, если Восточный пакт по причинам, независящим от возобновляемых ими усилий, не осуществится. Никаких ограничений для двусторонних соглашений между СССР и Францией протокол от 5 декабря не содержит.

Во всяком случае, какие бы соглашения ни были заключены между этими двумя странами, стремящимися не к чему иному, как к упрочению своей собственной безопасности и всеобщего мира, эти соглашения никогда не будут направлены против интересов других стран, если из этих интересов исключить агрессию. Я глубоко убежден, что присоединение к этим соглашениям других стран сделало бы взаимоотношения между всеми участниками этих соглашений одинаковыми — и в лучшем смысле этого слова.

В частности СССР никогда не переставал желать иметь наилучшие всесторонние отношения с Германией. Таково же, я уверен, и стремление Франции в отношении Германии. Восточный пакт сделал бы возможным создание и дальнейшее развитие таких отношений между этими тремя странами, равно как и между другими участниками пакта, и внес бы то успокоение в международное положение, которого жаждут народы Европы и Северной Америки.

Тем временем новое франко-советское соглашение будет, несомненно, противодействовать хотя бы дальнейшему усилению существующего беспокойства, ибо необходимо понять, что значение этого соглашения не исчерпывается периодом дипломатической акции, связанной с Восточным пактом.

Подписанное в Женеве соглашение вполне соответствует тем мероприятиям, которые, как например только что законченное разрешение саарского вопроса, имеют единую цель — охрану мира.

(«Правда» от 9 декабря 1934 г.)

РЕЧЬ ПРИ ПРИЕМЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ПЕЧАТИ 3 ЯНВАРЯ 1935 г.

Я хотел бы раньше всего, господа, приветствовать вас в стенах нашего комиссариата и выразить вам благодарность за визит, сделанный нашей стране. Я вижу в этом визите не только проявление интереса со стороны профессиональных журналистов, которые всегда готовы видеть все,

что возможно видеть, даже, не в обиду будь вам сказано, го, чего нет, и слышать то, что не звучит. Я вижу в этом визите интерес со стороны всего общественного мнения Чехословакии, представителями которого вы являетесь.

Взаимный интерес наших стран друг к другу существует давно уже, он никогда не отсутствовал, только он в течение значительного времени искусственно подавлялся, в чем не виноваты ни я, ни, надеюсь, вы. Этот интерес объяснить нетрудно. Я не буду говорить о расовых и филологических связях, которые существуют у наиболее крупных народностей нашего Союза с чехословацким народом. Не буду говорить об этом потому, что в прошлом эти мотивы слишком часто эксплуатировались в империалистических целях и что даже в настоящее время расовые теории иногда служат прикрытием варварской идеологии и варварских методов управления государством. Но тем не менее эта общность фактически существует. Но есть другие факторы, обуславливающие взаимный интерес, о котором я говорил. Программа партии, которая в настоящее время руководит нашей страной, всегда уделяла большое место раскрепощению всех поработенных народностей и всегда выражала симпатии борьбе этих народностей за свою самостоятельность и независимость. Получив власть, наша партия эти свои симпатии и теории претворила в жизнь, дав наиболее широкую самостоятельность всем народностям, населяющим нашу территорию, и оживив даже такие народности, которые были уже в процессе увядания. Отсюда — естественная наша симпатия к возрожденному чешскому народу. Но если все это относится скорее к области психологической, сентиментальной, то имеется и более реальное объяснение для наших взаимных интересов. Достаточно взглянуть на карту Европы, чтобы понять общность интересов наших государств.

НАША СТРАНА — НОВАЯ СТРАНА

Я, господа, не знаком с программой, составленной для вашего визита здесь, в нашем Союзе, не знаю, что вы видите и что вы еще увидите. Во всяком случае сюда очень многие ездят теперь как в новую страну, и страна наша действительно является новой. Это означает, что на месте того нового, что теперь создается и уже создано, раньше существовало старое, нечто отличное. Новое же можно всегда понять лишь по сравнению со старым. Я не знаю, многие ли из вас были раньше в России и знают, в каком состоянии страна была, но во всяком случае я думаю, что, для того чтобы понять то, что мы делаем, чтобы понять нас самих, недостаточно только видеть, потому что старого, уничтоженного не увидеть, об этом только можно почи-

тать, это надо изучить, изучить на языке цифр главным образом.

Я уверен, что, прежде чем составить себе окончательное мнение о нашей стране, вы это изучение проделаете. Вы тогда поймете, какую гигантскую работу мы выполнили за время существования нашего Союза во всех областях народной жизни. Вы может быть ознакомитесь также с нашими далеко идущими программами, и вы тогда поймете, как много нами еще не сделано, как много нам предстоит еще доделать. Мы преисполнены твердой решимости все сделать и выполнить нашу программу до конца и, как у нас принято в этих случаях выражаться, перевыполнить эту программу.

Изменить весь режим какого-либо государства, социальный, экономический и политический, установленный в течение столетий, исторически сложившийся, все это отменить и создать совершенно новый социально-экономический строй и к тому же в такой обширной стране, как наша, с ее необъятными пространствами и ее 170-миллионным населением — дело нелегкое и требующее, естественно, значительного времени.

ОБЩАЯ ЗАДАЧА — БОРЬБА ЗА МИР

Выполнение такой задачи требует раньше всего мирных внешних условий, полного внешнего спокойствия. Чего не требует выполнение этой задачи — это какого-либо расширения границ нашего государства. Мы можем все нами задуманное осуществить в пределах существующих границ, где мы имеем все то, что почва может дать. Ничего приобретать за пределами наших границ в смысле новых земель нам не нужно. Мы поэтому не хотим войны. Не хотим ее потому, во-первых, что она нам не нужна, что она дать нам не может ничего такого, что бы мы не имели, и, во-вторых, потому, что война нам вредна, ибо она может помешать нашим строительным задачам. В этом я вижу некоторое сходство с вашей страной, которая, хотя и в ином смысле, тоже является новым государством. У вас есть свои внутренние задачи, вы осуществили, если не ошибаюсь, свои национальные aspirations (устремления), не стремитесь к завоеваниям новых земель, и вам война не нужна, нежелательна по тем же причинам, что и нам, отсюда общность одной великой задачи — сохранения мира. Ваша страна обладает большими государственными умами в лице вашего президента г. Массарика, вашего министра иностранных дел г. Бенеша и других, которые слишком хорошо понимают, что в настоящее время нарушение мира в каком-либо уголке мира неизбежно повлечет всеобщую войну. Все пограничные столбы на всех границах Европы являются опорами мира, и удаление хотя бы одного

370

такого столба неизбежно повлечет за собою падение всего здания мира.

Но у нас с вами есть не только общность стремлений к миру, но в некоторой мере даже общность программы обеспечения этого мира. Обе наши страны исходят из того, что мир может быть обеспечен только коллективными усилиями, коллективным взаимным страхованием. Мы вместе с Францией, а также с Чехословакией решили, что значительным фактором обеспечения мира не только на востоке Европы, как принято думать, но и во всей Европе является осуществление так называемого Восточного гарантийного пакта. Восточный пакт, отнюдь не является в наших глазах программой-максимум, а, наоборот, минимумом того, что требуется для обеспечения мира, минимумом, не подлежащим сокращению. Общность наших стремлений также диктуется тем бесспорным обстоятельством, что между нашими странами лежат государства, «мирные намерения» которых по меньшей мере внушают значительные опасения. Имеем ли мы дело с определенно начертанной программой агрессивных действий, или с готовностью использовать какую-нибудь могущую сложиться конъюнктуру для военных авантюр, для попыток осуществления несбыточных политических мечтаний, во всяком случае мы должны с такими настроениями и возможностями серьезно считаться. И вот нашим странам предстоит большая работа по осуществлению этой общей программы. Мы не вошли в какое-либо замкнутое, исключительное общество, акции которого мы хотели бы сохранить только в наших собственных руках. Нет, мы хотим образовать общество для определенной деятельности и готовы акции этого общества давать всем, кто этого хочет. Мы уверены в активном и длительном сотрудничестве вашего правительства и в частности вашего министра иностранных дел д-ра Бенеша, энергия и последовательность которого в деле мира всем известны и с которым у меня лично издавна установились отношения взаимного понимания и уважения.

РОЛЬ ПЕЧАТИ

Правительство, конечно, ничего или очень мало может сделать без содействия и поддержки населения своей страны, и здесь выдвигается на первый план роль прессы, роль ваша, господа, как представителей этой прессы. Мы хотим с вашей страной не только совместно работать, мы хотим хорошо понимать друг друга, и это взаимное понимание в значительной мере зависит от вас, господа, от тех впечатлений, которые вы отсюда вынесете, и как вы эти впечатления передадите своим читателям. Я надеюсь, что те из моих товарищей, которые взяли на себя почин пригла-

шения вас сюда и оказания вам содействия, сделают все, что от них зависит, для того чтобы дать вам возможность понимания нашей страны, и если я смогу в течение нашей короткой беседы также этому содействовать, я к вашим услугам. Я еще раз благодарю вас за ваш визит.

(«Правда» от 4 января 1935 г.)

РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ ТАСС О СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ О ДОЛГОВЫХ ПРЕТЕНЗИЯХ И КРЕДИТАХ¹

Основные принципы соглашения о ликвидации взаимных советско-американских денежных претензий были выработаны в моих личных переговорах с президентом Рузвельтом около года назад. Эти принципы вполне соответствовали неоднократным заявлениям советского правительства о его готовности обсуждать вопрос о старых долгах лишь при условии признания его контрпретензий и предоставления ему денежного займа. Я поэтому уехал из Вашингтона в полной уверенности, что дальнейшие переговоры будут касаться лишь деталей соглашения и поэтому не представят никаких затруднений.

К сожалению, в последующих переговорах, начатых амери-

¹ 31 января 1935 г. государственный секретарь США Хелл опубликовал следующее заявление:

«Следует напомнить, что переговоры, имевшие своей целью соглашение с советским правительством по вопросу о долговых претензиях и кредитах для торговых операций, начались более года назад в Москве и продолжались в Вашингтоне. Однако к моменту отъезда Трояновского из Вашингтона в Москву, в октябре соглашение достигнуто не было.

Во время наших последних бесед с Трояновским до его отъезда в СССР мы представили на рассмотрение советского правительства предложение, дальше которого, по нашему мнению, мы не могли пойти, не принося полностью в жертву интересы американцев, имеющих претензии к СССР, и не давая слишком широких обязательств насчет предоставления нашим правительством кредитов для содействия торговле между США и Советским Союзом.

Правительство США выразило готовность принять — в погашение всех претензий США и их граждан к советскому правительству и к гражданам СССР, а также претензий советского правительства и советских граждан к Соединенным штатам и их гражданам — значительно сниженную сумму, которая должна была бы выплачиваться в течение многих лет. Правительство США указало, что оно согласно принять платежи в виде дополнительных процентов сверх обычных процентов по кредитам, предоставляемым советскому правительству при финансовой поддержке правительства США.

Для того чтобы облегчить размещение советских займов в Соединенных штатах на основе долгосрочных кредитов, правительство США было готово через посредство экспортно-импортного банка предоставить американским промышленникам и производителям, нуждающимся в финан-

канским послом г. Буллитом со мною в Москве и продолженных затем госдепартаментом с т. Трояновским, был подвергнут сомнению один из основных моментов достигнутого в Вашингтоне соглашения, а именно о займе. Советская сторона в своих предложениях держалась строго в пределах этого соглашения, доведя свои уступки до грани, за которой должен был бы начаться пересмотр всего Вашингтонского соглашения. Мы отказывались вступить на этот путь, который мог бы привести к полному аннулированию достигнутых в Вашингтоне результатов и к необходимости новых переговоров об основах соглашения.

Мы, конечно, очень сожалеем, что переговоры не дали до сих пор желательных результатов, но полагаем однако, что это обстоятельство не должно отразиться на взаимоотношениях обоих государств, в частности на торговых отношениях, развитие которых скорее тормозилось ведущимися до сих пор переговорами.

Кроме того перед СССР и США, как и перед другими миролюбивыми государствами, стоят более серьезные общие цели, над осуществлением которых можно работать, не нанося ущерба материальным претензиям того или иного государства. Затруднительность разрешения проблемы взаимных денежных претензий между государствами стала теперь общим явлением международной жизни, но она не препятствует международному сотрудничеству в деле развития торговых отношений, а равно и по обеспечению мира.

(«Правда» от 3 февраля 1935 г.)

совой помощи в связи с кредитами по этим заказам, займы, составляющие весьма значительную часть этих кредитов.

Имелось в виду, что сроки кредитов будут варьироваться в зависимости от различных категорий товаров. Советскому правительству было указано, что правительство США не будет возражать в исключительных случаях против специальных условий по усмотрению президента. Имелось в виду, что займы, предоставленные американским промышленникам и производителям, составят обрабатывающийся фонд для сохранения в будущем советских закупок в США.

Мы питали уверенность, что это предложение окажется вполне приемлемым для советского правительства, и были глубоко разочарованы его отклонением. В связи с нынешней позицией советского правительства мы не можем, по моему мнению, питать надежды, что в настоящее время возможно какое-нибудь соглашение. Я говорю об этом с сожалением, так как сочувствую стремлениям американских промышленников и землевладельцев найти рынок для своих товаров в Советском Союзе, а также сочувствую имеющим претензии американцам, имущество которых конфисковано.

Едва ли можно сомневаться в том, что переговоры, которые вначале, казалось, были столь многообещающими, в настоящее время должны рассматриваться как пришедшие к концу. Теперь правлению экспортно-импортного банка предстоит решить, целесообразно ли дальнейшее существование банка».

(Вышеприведенное заявление т. Литвинова сделано в связи с этим выступлением г. Хелла.)

ЗАЯВЛЕНИЕ ЯПОНСКИМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ О ЗНАЧЕНИИ ПАРАФИРОВАНИЯ СОГЛАШЕНИЯ О КВЖД ДЛЯ СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ 14 МАРТА 1935 г.¹

Вы просите меня дать оценку только что состоявшемуся акту парафирования соглашения о КВЖД и высказать мое мнение о возможном влиянии этого события на судьбу других вопросов, интересующих Японию, как например, рыболовная конвенция и демилитаризация пограничных зон.

Мне кажется, что не может быть двух мнений о том, что соглашение о КВЖД должно рассматриваться как разрешение одной из сложнейших дальневосточных проблем и в то же время как крупнейшее положительное событие в развитии советско-японских отношений. Если советское правительство еще свыше десяти лет назад изъявило готовность освободиться от КВЖД, предоставив Китаю по Пекинскому договору 1924 г. право досрочного выкупа дороги и начав конкретные переговоры об уступке дороги прежним фактическим властям Манчжурии, то оно, при изменившемся с 1931 г. положении в Манчжурии, не могло не прийти к убеждению, что КВЖД может стать неисчерпаемым источником конфликтов между СССР и Японией и осложнить его политику сохранения мира со всеми своими соседями. Жизнь не замедлила доказать правильность этого предположения, и действительно, с первых же месяцев появления в Манчжурии новой власти началась серия конфликтов между этой властью и советской частью администрации дороги, конфликтов, которые при всем нашем миролюбии грозили привести к весьма тяжелым для всех заинтересованных стран последствиям. Вот почему я 2 мая 1933 г. от имени своего правительства заявил японскому послу в Москве г. Ота о нашей готовности начать немедленно переговоры о продаже КВЖД Манчжуго. Это предложение, мне кажется, было одним из самых ярких проявлений миролюбия советского правительства, и такую оценку оно и получило во всем мире, не исключая и Японии.

Видя в продаже КВЖД одно из средств укрепления мира на Дальнем Востоке, советское правительство в начатых переговорах проявляло максимальную благожелательность и уступчивость, отойдя в конечном итоге на значительное расстояние от первоначально занятой им позиции. Надо отдать, однако, дань и японо-манчжурской стороне, постепенно шедшей

¹ Московские корреспонденты японских газет г. М. Маруяма («Осака Асахи» и «Токко Асахи») и г. Х. Коваяси («Токко Ници-Ници» и «Осака Майпици») обратились к народному комиссару иностранных дел г. М. М. Литвинову с просьбой высказаться по поводу состоявшегося парафирования соглашения о КВЖД.

Тов. М. М. Литвинов дал японским корреспондентам приведенный здесь ответ.

навстречу нашим уступкам. Переговоры велись около двух лет, что указывает на имевшиеся большие трудности, и их преодоление надо приписывать стремлениям обеих сторон договориться и добиться намеченных результатов. В преодолении этих трудностей немало заслуг имеет японский министр иностранных дел г. Хирота, принимавший на всех стадиях переговоров активное участие в них. Пребывание г. Хирота в СССР в качестве посла несомненно содействовало установлению взаимного понимания между советскими и японскими участниками переговоров.

Благополучный исход переговоров показывает, что при наличии доброй воли и действительного миролюбия самые сложные вопросы между соседями могут быть разрешены мирным образом ко взаимной выгоде. Этим я хочу ответить на ваш вопрос о возможном влиянии соглашения о КВЖД на разрешение других названных вами вопросов.

Рыболовная проблема, мне кажется, больших затруднений не представит, ибо существующая конвенция функционирует удовлетворительно, не вызывая неудовольствия сторон. Если у обеих сторон имеется желание изменить некоторые детали, то этого можно будет добиться нормальным дипломатическим путем.

Что же касается вопроса о так называемой демилитаризации, то должен по правде сказать, что это слово не совсем соответствует положению вещей на Дальнем Востоке. Слишком часто в истории демилитаризация следовала за окончанием военных действий. Между тем у СССР с Японией войны не было и, надеюсь, не будет. Хотя в данном случае речь идет о добровольной обоюдной демилитаризации, я все же считаю, что такой постановки вопроса надо избегать. Было бы, однако, вполне нормальным, если бы по мере уменьшения напряженности, создавшейся на Дальнем Востоке в результате событий последних четырех лет, заинтересованные стороны приступили к изучению и спокойному обсуждению вопроса об обоюдном отводе на определенное расстояние некоторой части вооруженных сил обеих сторон, в том числе и авиационных, с учетом, конечно, географического положения каждой стороны. Считая такую постановку вопроса дискуссионной, полагаю, что этот вопрос тем скорее и тем успешнее можно будет разрешить, чем больше будут укрепляться взаимное доверие и устраняться опасения всякой агрессии. Было бы, например, очень важно рассеять в Советском Союзе те неблагоприятные впечатления, которые были вызваны отрицательной позицией японского правительства в отношении сделанного ему советским правительством предложения о заключении пакта о ненападении.

Я надеюсь, что состоявшееся соглашение о КВЖД и лой-

ьяльное выполнение его будут создавать необходимую атмосферу для миролюбивого, взаимно доброжелательного разрешения всех интересующих СССР и Японию вопросов.

С этой точки зрения можно быть уверенным, что назначенное на 23-е сего месяца формальное подписание соглашения о КВЖД будет приветствоваться всеми друзьями мира как в Японии и СССР, так и в других странах.

(«Известия» от 15 марта 1935 г.)

РЕЧЬ НА ПРИЕМЕ В ЧЕСТЬ АНГЛИЙСКОГО МИНИСТРА ЛОРДА ХРАНИТЕЛЯ ПЕЧАТИ г. ИДЕНА 28 МАРТА 1935 г.¹

С большим удовлетворением я приветствую сегодня в Москве в качестве официального представителя британского правительства лорда хранителя печати г. Идена. Его приезд сюда, несомненно, является знаменательным событием в истории отношений СССР и Великобритании. Я хотел бы в связи

¹ Визит г. Идена в Москву имел место после посещения им Берлина и Варшавы и сопровождался обменом мнений с гг. Сталиным, Молотовым и Литвиновым по вопросам безопасности в Европе и англо-советских отношений. После этого обмена мнений ТАСС было опубликовано (1 апреля 1935 г.) сообщение, важнейшая часть которого гласит следующее:

«Как г. Иден, так и беседовавшие с ним гг. Сталин, Молотов и Литвинов были того мнения, что в нынешнем международном положении более, чем когда-либо, необходимо продолжать усилия в направлении к созданию системы коллективной безопасности в Европе, как это предусмотрено англо-французским коммюнике от 3 февраля и в согласии с принципами Лиги наций. В беседах с г. Иденом гг. Сталин, Молотов и Литвинов подчеркнули, что организация безопасности в Восточной Европе и намеченный пакт взаимопомощи имеют своей целью не изоляцию или окружение какого-либо из государств, а создание гарантии равной безопасности для всех участников пакта и что участие в пакте Германии и Польши приветствовалось бы как наилучшее решение вопроса.

В результате исчерпывающего и откровенного обмена мнений представители обоих правительств констатировали, что в настоящее время нет никакого противоречия интересов между обоими правительствами и ни в одном из основных вопросов международной политики и что этот факт создает прочный фундамент для развития плодотворного сотрудничества между ними в деле мира. Они уверены, что обе страны в сознании того, что целостность и преуспевание каждой из них соответствуют интересам другой, будут руководствоваться в их взаимных отношениях тем духом сотрудничества и лояльного выполнения принятых ими обязательств, который вытекает из общего участия в Лиге наций.

В свете этих соображений как г. Иден, так и беседовавшие с ним гг. Сталин, Молотов и Литвинов укрепились во мнении, что дружественное сотрудничество обеих стран в общем деле коллективной организации мира и безопасности представляет первостепенную важность для дальнейшей активизации международных усилий в этом направлении».

с этим отметить, что если за последние четырнадцать лет нормально и весьма удовлетворительно развивались как экономические, так и культурные отношения между этими нашими странами, то вашему приезду, г. Иден, непосредственно предшествовало значительное улучшение этих отношений и в политической области.

Мы здесь давно сознаем то, в чем начинают убеждаться и в вашей стране, а именно, что, согласно недавнему заявлению сэра Остина Чемберлена, «нет ничего такого, что могло бы помешать развитию самых дружественных отношений между СССР и Великобританией» и что «эти отношения существенны для сохранения мира».

Неизменное улучшение отношений, рост взаимопонимания и доверия между странами в конце концов являются основой нормальной международной жизни, основой мира.

Визит г. Идена имеет тем большее значение, что для него был выбран момент, когда на пути дальнейшего сохранения нормального мирного международного порядка появились огромные зловещие помехи. Никогда еще со времени мировой войны не было такой озабоченности и тревоги за судьбу мира, как в настоящий момент. Озабочены все друзья мира, охвачены везде тревогой широкие народные массы, которые всегда являлись и являются друзьями мира, если не подвергаются искусственному одурманиванию специфическими милитаристическими и шовинистическими средствами.

Положительной особенностью нынешнего момента можно, однако, считать то, что в отличие от других аналогичных моментов в истории народов сейчас нельзя говорить о разделении стран на группировки, которые сознательно готовились бы броситься друг на друга. Подавляющее большинство государств в настоящее время кровно заинтересовано в сохранении мира. Если же есть небольшие исключения, то очаги опасности точно локализованы и явно очерчены.

Но если локализованы очаги опасности, то это не значит, что локализована сама опасность. Нет того мудреца, который мог бы точно предсказать, какого государства или каких государств эта опасность коснется раньше всего и сильнее всего, ибо опасность обращена во все стороны. Было бы более чем наивным ожидать, что виновники этой опасности любезно укажут в точности, в каком месте надо принять предупредительные меры. Равным образом не изобретено еще такое оружие, которое могло бы стрелять только в одном направлении и, будучи повернуто в другую сторону, неизбежно давало бы осечку.

При этих обстоятельствах каждое государство должно испытывать и испытывает потребность принять зависящие от него меры к предотвращению общей опасности. Если устав Лиги наций предусматривает случаи, когда нападение на одно

государство должно считаться актом войны против всех членов Лиги, то, исходя из английской мудрой поговорки, что предупреждение лучше, чем лечение, все государства должны считать себя в опасности, когда опасность войны угрожает даже только одному государству.

Теперь считается уже аксиомой, что нависшая над Европой, а следовательно, и над всем миром, угроза войны может быть предотвращена или шансы ее могут быть максимально уменьшены только коллективными усилиями всех государств, в особенности крупнейших. Британское правительство, заключив с Францией соглашение от 3 февраля, вступило уже на путь коллективного ограждения мира; советское правительство поэтому приветствовало Лондонское соглашение и обещало свое полное сотрудничество. Я полагаю, что сотрудничество между нашими двумя государствами, замыкающими Европу с запада и востока и вливающимися также в другие континенты, может иметь решающее значение в деле сохранения мира, и в вашем визите, г. Иден, я склонен видеть не только начало, но и залог дальнейшего такого сотрудничества.

Ближайшие месяцы, а может быть даже и недели, покажут, под силу ли государственным людям Европы, не гонимым не видеть и не понимать грозных последствий возможного нарушения мира в любой части Европы и не сознавать своей огромной ответственности, организации мира теми средствами, которые повелительно диктуются международной обстановкой, и будет ли намеченное в Лондоне 3 февраля коллективное дело доведено до логического и мудрого конца. Я во всяком случае уверен в том, что откровенный обмен мнений между вами, мною и моими товарищами окажется крупной лептой в это дело.

Я позволю себе еще высказать свою личную радость видеть здесь г. Идена, с которым мы в непосредственном соседстве за столом Лиги наций участвуем в разрешении международных проблем и отличные качества которого я имел уже немало случаев высоко оценить.

(«Правда» от 29 марта 1935 г.)

РЕЧЬ НА ПРИЕМЕ В ЧЕСТЬ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФРАНЦИИ г. ПЬЕР ЛАВАЛЯ 13 МАЯ 1935 г.¹

С большой радостью я приветствую от имени советского правительства и от имени советской страны ваш приезд, г. председатель, в столицу нашего Союза. Этот визит сам по себе

¹ Визит г. Лавалья в Москву последовал вслед за подписанием в Париже 2 мая 1935 г. франко-советского договора о взаимной поддержке.

имел бы крупное значение во всякое время, но он приобретает особое значение тем, что он следует непосредственно за заключением между нашими странами важного международного акта и является как бы торжественным освящением его.

Подписание пакта о взаимной помощи образует вторую знаменательную веху в развитии советско-французских взаимоотношений. Я считаю первой вехой заключение во время руководства министерства иностранных дел вашим коллегой, уважаемым г. Эррио, договора 1932 г., укрепившего взаимное доверие между нашими странами, столь необходимое как для спокойного развития взаимоотношений, так и для международного сотрудничества. Установившееся доверие и породило те разговоры и переговоры о совместных усилиях к укреплению мира, которые привели ныне к подписанию пакта о взаимной помощи.

Считаю нужным отметить, что переговоры эти велись со стороны Франции тремя сменявшими друг друга министрами

После переговоров с гг. Сталиным, Молотовым и Литвиновым, имевших место во время пребывания г. Лавалля в Москве, ТАСС было опубликовано 16 мая сообщение, важнейшая часть которого гласит следующее:

«При обмене мнений было констатировано полное совпадение взглядов обеих сторон на те обязательства, которые при создавшемся международном положении вытекают для государств, искренне преданных делу сохранения мира и уже давших бесспорные доказательства своего миролюбия путем готовности участвовать в создании взаимных гарантий.

Именно в интересах сохранения мира эти государства обязаны прежде всего ничем не ослаблять свои средства государственной обороны. При этом в частности г. Сталин высказал полное понимание и одобрение политики государственной обороны, проводимой Францией в целях поддержания своих вооруженных сил на уровне, соответствующем нуждам ее безопасности. Представители СССР и Франции подтвердили, с другой стороны, свою решимость не оставить неиспользованным в процессе дальнейшего своего сотрудничества ни одного средства, способного при содействии всех правил, придерживающихся политики мира, создать политические условия, без которых невозможно восстановление доверия между государствами, столь необходимого с точки зрения материальных и моральных интересов народов Европы.

Представители обоих государств установили, далее, что заключение договора о взаимной помощи между СССР и Францией отнюдь не уменьшило значения безотлагательного осуществления регионального восточноевропейского пакта в составе ранее намечавшихся государств и содержащего обязательства ненападения, консультации и неоказания помощи агрессору. Оба правительства решили продолжать свои совместные усилия по изысканию наиболее соответствующих этой цели дипломатических путей.

Предавая гласности вышеуказанные совместные решения, представители СССР и Франции со всей ответственностью заявляют, что тем самым они демонстрируют объединяющую их преданность созидательному делу, которое, отнюдь не исключая ничьего участия, может найти свое полное осуществление лишь при условии искреннего сотрудничества всех заинтересованных стран».

иностранных дел при различных правительствах. Пакт таким образом подготовлялся и вырабатывался представителями различных партий, различных нюансов политической мысли, различных политических течений, и это обстоятельство повышает для нас значение пакта, указывая на глубокие и широко разветвленные корни движения во Франции к сотрудничеству с Советским Союзом в деле усиления безопасности обеих стран и укрепления всеобщего мира.

Мы можем заявить со всей твердостью, что заключенный нами пакт является инструментом мира. Особенность его заключается в том, что авторы его воодушевлены горячим, искренним желанием, чтобы никогда не было надобности приводить его в исполнение. Эта цель может быть достигнута тем, что пакт будет свидетельством твердой решимости двух могущественных государств Европы активно и материально охранять мир.

Вторая особенность пакта состоит в том, что он не только не направлен против кого бы то ни было, но не исключает присоединения к нему кого бы то ни было, заинтересованного в осуществлении преследуемой им цели.

Являясь инструментом мира, пакт в то же время укрепляет и заостряет другой существующий уже инструмент мира. Я говорю об уставе Лиги наций, необходимым дополнением к которому пакт и является. Заключив пакт, мы показали первый пример придания эффективности и дееспособности Лиге наций. Более того, мы дали ей оружие, и это не в переносном смысле слова, для отстаивания дела мира. Мы рады констатировать, что пакт встретил одобрение и симпатии и высокую оценку, со стороны всех государств, за небольшими исключениями, и всех искренних друзей мира. Мы только воздадим должную дань г. Эдуарду Эррио, г. Поль Бонкуру, памяти покойного Луи Барту и в особенности вам, г. председатель, если скажем, что все сотрудничавшие в осуществлении пакта могут гордиться той услугой, которую они оказали делу мира и безопасности наших стран. Я при этом не забываю ценного содействия, оказанного вашим ближайшим сотрудником г. послом Леже и уважаемым послом Франции в Москве г. Альфаном.

Я позволю себе выразить надежду, что подписание пакта окажется не завершением, а началом сотрудничества Советского Союза и Французской республики, притом еще более тесного и благотворного, по обеспечению всем народам спокойного развития в условиях ненарушимого мира. Этому сотрудничеству, а равно и дальнейшему сближению наших стран, я уверен, и послужит личный контакт и обмен мнений с вами, г. председатель, возможность которых дает мне и моим коллегам ваш любезный визит.

(«Правда» от 14 мая 1935 г.)

РЕЧЬ НА ПРИЕМЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ г. ЭДУАРДА БЕНЕША
8 ИЮНЯ 1935 г.¹

С чувством глубокой радости приветствую я вас от имени моего правительства и от моего собственного в столице Советского Союза. Я приветствую вас как представителя чехословацкого народа, как одного из энергичнейших борцов за независимость чехов и словаков и создателя чехословацкого государства, как выдающегося поборника международного сотрудничества и укрепления всеобщего мира и, наконец, как министра иностранных дел Чехословакии, подготовившего и осуществившего все предпосылки для ныне установившейся близости между нашими государствами.

Ваш приезд в Советский Союз совпадает с моментом, когда открывается новая, многообещающая страница истории взаимоотношений между нашими государствами, истории отнюдь не краткой. Симпатии, которые питают друг к другу народы нашего Союза и Чехословацкой республики, уходят своими корнями в глубь истории. Народы нашего Союза всегда с огромным сочувствием следили за борьбой чехословаков за свое освобождение от внешнего угнетения и горячо приветствовали создание чехословацкого государства, тем более что оно означало осуществление провозглашенного Великой Октябрьской социалистической революцией принципа свободного самоопределения народов. Несмотря на существовавшую в течение долгого времени формальную оторванность между нашими государствами, каждое из них не переставало живо интересоваться жизнью и развитием другого. Это нашло свое выражение в том, что уже в 1920 г. наши государства обменялись официальными представителями, действовавшими сперва под флагом Красного креста, а затем с 1921 г. — под торговым флагом. В 1922 г. на Генуэзской конференции, когда первая попытка нормализации отношений между Советским Союзом и Западной Европой не увенчалась успехом, мы с вами, господин министр, в течение нескольких часов без предварительной подготовки выработали первый советско-чехословацкий договор, которым временно регулировались взаимоотношения наших государств. Достойно внимания, что уже в этом договоре, заключавшем статью о взаимном нейтралитете, нашла свое первое выражение решимость наших обоих

¹ Визит г. Бенеша в Москву последовал за подписанием в Праге 16 мая 1935 г. советско-чехословацкого договора о взаимной поддержке и сопровождался, как отмечено в речи, обменом ратификационных грамот и таким образом введенным пакта в действие. Во время пребывания г. Бенеша в Москве состоялся обмен мнений между ним и гг. Сталиным, Молотовым и Литвиновым.

государств не участвовать ни в каких агрессивных действиях, направленных против одного из них.

Я вспоминаю, господин министр, как во время наших последующих встреч в Женеве с глубокой убежденностью вы говорили мне о неизбежности тесного сотрудничества между нашими странами и о тех условиях, при неизбежном осуществлении которых это станет возможным. Последующие события полностью оправдали ваш прогноз, но и вы лично не жалели усилий для ускорения осуществления этих условий.

А иначе не могло быть, ибо, при отсутствии каких бы то ни было политических противоречий между нашими государствами, налицо имелись все предпосылки также для развития хозяйственного сотрудничества, а кроме того культурное взаимное тяготение, и, что еще важнее, имелась глубокая заинтересованность наших обоих государств в сохранении ненарушимого мира.

На путях к укреплению мира наши государства всегда находили друг друга, чтобы итти нога в ногу. Чехословацкая республика вместе с другими странами Малой Антанты сразу откликнулась на советскую инициативу определения агрессии и заключила с Советским Союзом соответствующее соглашение. Полное понимание нашли в Чехословакии и призывы советского правительства к коллективной организации безопасности. Все это вместе взятое создало такую общность интересов, что в течение короткого времени были формально установлены нормальные дипломатические отношения, подписаны торговый договор, воздушная конвенция, кредитное соглашение между нашими хозяйственниками и пакт о взаимной помощи, которому мы с вами сегодня обменом ратификационных грамот дали формальную силу.

Я думаю, что мы можем не без чувства гордости поздравить себя, что мы с вами первыми полностью осуществили и довели до конца одну из тех мер коллективной безопасности, без которых в настоящее время не может быть обеспечен мир в Европе. Разговоры и переговоры о коллективной организации безопасности начались сравнительно давно. Развитие международной жизни за это время отнюдь не делало усилия в этом направлении излишними. Наоборот, все то, что мы слышали из уст государственных деятелей и читали за самое последнее время, укрепляет нас в убеждении, что мир в Европе теперь обеспечен менее, чем когда бы то ни было, и что для спасения его повелительно диктуются энергичные усилия по созданию коллективной безопасности и укреплению гарантий, вытекающих из устава Лиги наций. Продолжающаяся систематическая упорная борьба против коллективной организации безопасности требует усиленной деятельности со стороны тех государств, которые в этой организации заинте-

ресованы. Наши государства внесли свою лепту в это дело, но я уверен, что на этом не остановится их дальнейшая совместная работа за мир. Этим сотрудничеством, а равным образом дальнейшим развитием экономических и культурных отношений мы будем заполнять вновь открывшуюся страницу истории взаимоотношений наших государств. Ваш любезный визит, личный контакт с вами, я уверен, даст новый толчок, новую силу укреплению этих взаимоотношений.

Я поднимаю бокал за дальнейшие успехи сотрудничества наших стран в деле мира, за благоденствие Чехословацкой республики, за долголетие ее уважаемого президента г. Масарика и за здоровье нашего дорогого гостя д-ра Бенеша и его уважаемой супруги.

(«Известия» от 9 июня 1935 г.)

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ 23 ЯНВАРЯ 1936 г. ПО ВОПРОСУ О РАЗРЫВЕ УРУГВАЕМ ОТНОШЕНИЙ с СССР

Позвольте мне с самого начала заверить вас, господин председатель, что правительство Советского Союза не стало бы занимать внимание Совета Лиги наций стоящим сейчас в порядке дня вопросом, если бы разрыв дипломатических отношений между Уругваем и Советским Союзом затрагивал интересы только этих двух стран. Могу даже сказать, что интересы 170-миллионного населения Советского Союза нынешним отсутствием отношений с отдаленным Уругваем ни в какой мере не задеты.

Позволяя себе некоторое отступление, я считаю нужным сказать, что лично я давно считаю существующую систему дипломатических отношений, предполагающую содержание в столицах всех государств постоянных дипломатических миссий, весьма устаревшей и не отвечающей больше прогрессу техники связи. Перед моим правительством не раз ставился вопрос о ликвидации его дипломатических миссий в таких странах, где содержание их не оправдывается объемом и значением дипломатических сношений. Если мое правительство не принимало соответственных решений, то лишь потому, что оно, стремясь в своей политике избегать всякого различия между большими и малыми странами, щадило самолюбие некоторых стран. Тем не менее оно и теперь воздерживается от обмена дипломатическими миссиями в тех случаях, когда указанное мною соображение не играет роли, и действительно назначает своих представителей не во все страны, с которыми восстановлены дипломатические отношения.

Как на пример укажу, что, хотя дипломатические отношения считаются установленными с республикой Колумбия свыше

полугода тому назад, мы не спешили обменяться с нею дипломатическими миссиями, пока на этом не настаивает правительство Колумбии.

Если мы тем не менее сочли нужным обратиться в Совет Лиги наций по поводу разрыва отношений со стороны Уругвая, то исключительно ввиду общего принципиального интереса, который это дело представляет. Конечно, каждое суверенное государство вправе устанавливать или не устанавливать дипломатические отношения по собственному усмотрению, соответственно с его собственным понятием о нормальной международной жизни, о требованиях спокойствия и мира между народами. Не будет также никакой беды в том, что два государства по экономическим или другим практическим причинам соглашаются прекратить обмен дипломатическими миссиями и поддерживать между собой дипломатические отношения через другие каналы, скажем, через своих представителей в третьей стране. Такие случаи хорошо известны в международной практике. Другое дело, однако, когда одно государство внезапно рвет отношения с другим государством односторонне, в духе недружелюбия и вражды, основывая свои действия на претензиях и обвинениях. Такой разрыв отношений всегда считался одним из самых враждебных международных актов, и всякое сознающее свою ответственность государство обязано такой акт удовлетворительно объяснить мировому общественному мнению. Для подобного разрыва статья 12-я устава Лиги предусматривает некоторую предварительную процедуру.

Так как Уругвай и Советский Союз состоят в Лиге наций и связаны уставом Лиги, а разрыву не предшествовала никакая процедура, то перед нами факт вопиющего нарушения устава Лиги и притом одной из основных его статей. Мое правительство считает, что оно могло бы быть обвинено в пренебрежении к этому уставу, если бы не обратило на это внимания Совета Лиги. Пусть в данном случае нарушение устава не имело серьезных последствий, пусть он нарушен страной, которая вряд ли претендует считать свои действия образцом для других, все же нет гарантий, что индифферентизм в данном случае не будет поощрен для нарушения устава в случаях с действительно грозными последствиями. Такое поощрение особенно нежелательно в нынешней международной обстановке, о которой позволю себе сказать несколько слов дальше.

Перехожу теперь к фактической стороне дела. Дипломатические отношения между Уругваем и СССР были теоретически восстановлены обменом нот 22 августа 1926 г. по инициативе уругвайского правительства. Выяснив, что уругвайское правительство не спешит с обменом дипломатических миссий, советское правительство со своей стороны также легко мирилось с положением, когда дипломатические сно-

шения с Уругваем могли происходить при посредстве дипломатических представителей обоих государств в третьих странах. Когда, однако, летом 1933 г. правительство Уругвая по своей инициативе изъявило желание обменяться миссиями, советское правительство дало на это свое согласие, и в марте месяце 1934 г. в Москву прибыла уругвайская миссия, а в мае того же года советская миссия прибыла в Монтевидео.

За все время существования этих миссий никаких споров, конфликтов и значительных недоразумений между обоими государствами не возникало. Сношения уругвайской миссии в Москве с Народным комиссариатом иностранных дел свелись исключительно к вопросу о подыскании для миссии подходящего помещения. Что же касается советского посланника в Монтевидео, то его сношения с уругвайским правительством ограничились следующими тремя вопросами.

В Уругвае находился в заключении некий Симон Радовицкий, анархист, по обвинению в террористическом покушении. Уругвайское правительство пожелало по соображениям внутренней политики депортировать (выслать) Радовицкого в СССР на том основании, что он родился в России. Советские власти, однако, отказались принять Радовицкого ввиду того, что он не имеет советского гражданства. Неожиданно этот, казалось бы, совершенно ничтожный вопрос вызвал несоответствующую реакцию уругвайского правительства. В дело даже вмешался президент республики, который повторно добивался от советского посланника согласия на депортацию Радовицкого. Отказ советских властей президент Уругвая принял почему-то, как личную обиду, и не скрывал своего раздражения по этому поводу.

В октябре прошлого года нашему посланнику пришлось протестовать перед уругвайским министром иностранных дел против того, что одна реакционная уругвайская газета, начав кампанию против местных коммунистов, антифашистов и против санкций, применяемых к Италии, нападала попутно на Советский Союз. По этому поводу 26 октября наш посланник господин Минкин телеграфирует мне: «Министр иностранных дел Уругвая, в ответ на мой устный протест, указал, что он не может воздействовать на печать, но заверил, что правительство не разделяет взглядов, изложенных в статье. В дальнейшей беседе министр отмечал, что у президента осталось нехорошее чувство из-за Радовицкого, что он рассматривает отказ от допущения последнего в СССР, как отсутствие добрых чувств к нему. Вопрос о Радовицком, добавил министр иностранных дел, вырастает у них в политическую проблему».

Наконец, 10 декабря наш посланник телеграфирует: «Министр иностранных дел передал, что президент очень заинтересован, чтобы мы купили пару сот тонн уругвайского сыра, что смягчит обиду, нанесенную ему, отказом принять

Радовицкого. Считал бы целесообразным в целях улучшения отношений с президентом Терра купить небольшую партию». Несмотря, однако, на это ходатайство нашего посланника, советское правительство не нашло возможным покупать уругвайский сыр. В связи с этим господин Минкин телеграфировал нам 19 декабря: «Мне сказал секретарь президента, что наш отказ в удовлетворении просьбы толкуется, как новый акт невнимательности к президенту, и может ослабить его аргументы в пользу сохранения отношений между Уругваем и СССР».

Я рассказываю вам, господа, все это, чтобы вы знали, что, кроме этих двух претензий — отказа в принятии Радовицкого и в покупке сыра — уругвайское правительство никогда никаких других претензий ни в Монтевидео, ни в Москве не заявляло. Ни разу не было получено от уругвайского правительства никаких указаний на какие-либо некорректные действия советской миссии в Монтевидео или на какие-либо случаи ее вмешательства в местные дела или в дела других южноамериканских республик. Больше того, как только что вам было прочитано, 26 октября министр иностранных дел заявлял нашему посланнику, что уругвайское правительство не разделяет подобных обвинений против Советского Союза, выдвигавшихся некоторыми органами уругвайской печати. Тем более неожиданным было получение советским посланником ноты, в которой он извещается, что уругвайское правительство постановило порвать дипломатические отношения с Советским Союзом. Правда, в ноте говорится не о разрыве, а о перерыве отношений, и уругвайский министр иностранных дел в каком-то интервью подчеркивал, что речь идет о временном перерыве отношений, но эта тонкость не должна вводить нас в заблуждение, ибо и после разрыва возможно восстановление отношений. Стало быть, и разрыв носит временный характер.

Трудно сказать, объясняется ли отсутствием мужества или другими причинами введение уругвайским правительством нового, неизвестного до сих пор в международной практике понятия о перерыве отношений, когда налицо имеется по всем признакам разрыв отношений, о котором статья 12-я устава Лиги наций говорит совершенно определенно: «Все члены Лиги соглашаются, что если между ними возникнет спор, могущий повлечь за собой разрыв отношений, то они подвергнут его либо третьей стороне, либо судебному разрешению, либо решению Совета». Уругвай же позволил себе разорвать отношения с Советским Союзом, не подвергнув спору ни третьей стороне, ни рассмотрению Совета, и таким образом нарушил устав Лиги, что должно считаться установленным, независимо от характера спора, ибо цитируемая мною статья устава никаких изъятий не допускает.

Если статья 12-я упоминает также о войне, то из этого не следует, что разрывы, не ведущие к войне, изъяты из действия этой статьи. Именно потому что разрывы иногда ведут к войне, статья 12-я пытается исключить из международной практики внезапные разрывы, предписывая предварительную процедуру, которая может предотвратить как самый разрыв, так и его возможные последствия.

Вина уругвайского правительства усугубляется еще тем обстоятельством, что указанная в уругвайской ноте причина разрыва не была предметом каких-либо предварительных переговоров, переписки или объяснений с советским правительством.

Если у уругвайского правительства, как мною вам было сообщено, и были претензии, по поводу которых велись дипломатические переговоры, а именно в отношении г-на Радовицкого и покупки сыра, — если последнее вообще может считаться претензией, — то о них в ноте уругвайского правительства ничего даже не говорится.

Впрочем, напрасно стали бы мы искать каких-либо обоснованных причин разрыва даже в самой ноте. Нота эта весьма многословна и касается спорных тем, которые, однако, никакого отношения к поставленному перед Советом Лиги вопросу не имеют. Я готов в соответственном месте и в соответственный момент обсуждать любые темы, имеющие даже тот или иной академический интерес, но я в данный момент хочу держаться точно рамок поставленного перед Советом вопроса, а именно — о нарушении Уругваем устава Лиги, не пускаясь в бесплодную дискуссию проблем, которые Советом Лиги разрешены быть не могут.

Два факта можно считать бесспорно установленными: первый — Уругвай разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом; второй — свои претензии, вызвавшие разрыв, Уругвай не передал ни в арбитраж, ни на рассмотрение Совета Лиги, как того требует статья 12-я устава. Если бы даже уругвайскому правительству удалось обосновать свои претензии, то это отнюдь не могло бы уничтожить факта нарушения устава и оправдать его действия.

Я считаю, однако, нужным заявить, что претензии к советскому правительству и советской миссии в Монтевидео, о которых говорится в уругвайской ноте, являются совершенно необоснованными.

В уругвайской ноте, Впрочем, не имеется ни одного четкого обвинения, ни одного конкретного факта, который вменялся бы в вину советскому правительству или советской миссии. В ноте, собственно говоря, уругвайское правительство ничего даже не утверждает, а высказывает лишь предположения и то в большинстве случаев даже не собственные. В ноте, например, говорится, что «решительно утверждается» (кем

и когда утверждается — в ноте не указано), будто «советское правительство подстрекало и оказывало помощь коммунистическим элементам в Бразилии через посредство советской миссии при нашем правительстве». Я заявляю, что это утверждение, откуда бы оно ни исходило, совершенно ложно. Ни советское правительство, ни советская миссия в Монтевидео, ни какие-либо другие агенты советского правительства не подстрекали и не оказывали никакой помощи коммунистическим элементам ни в Уругвае, ни в каком бы то ни было соседнем с ним государстве или вообще в каком бы то ни было государстве. Советское правительство твердо и лойяльно проводит свою политику невмешательства во внутренние дела других государств. Я требую от уругвайского правительства, чтобы оно представило доказательства противного, если они у него имеются. Я утверждаю заранее, что этих доказательств у него нет и быть не может.

Мы не впервые слышим подобные обвинения по адресу советского правительства, но еще никогда, я повторяю, никогда, ни в одном случае, не было представлено никаких доказательств в обоснование подобных обвинений, если не считать поддельных документов, фабрикуемых русскими контрреволюционными эмигрантами и близкими к ним фашистскими элементами. Я не сомневаюсь, что уругвайскому или фашистскому бразильскому правительству, если оно захочет, нетрудно будет раздобыть такие документы даже в самой Женеве. Спрос на них на европейском рынке теперь значительно упал, и их, вероятно, можно получить по демпинговым ценам. Я должен, однако, предупредить, что потребую самой тщательной экспертизы подобных документов.

Ссылку на советскую миссию в ноте мы находим в том месте, где говорится, что «согласно информации, переданной посольством дружественной страны, и той, которую получило наше правительство, советская миссия в Монтевидео перевела чеками на предъявителя крупные суммы, назначение которых не может быть определено». Итак, вина советской миссии в том, что она кому-то когда-то переводила какие-то суммы, а так как назначение их не может быть определено и адресат не может быть установлен, то остается предположить, что деньги пошли на финансирование восстания в Бразилии.

Я полагаю, что не нужно быть юристом, чтобы видеть совершенную вздорность и необоснованность подобного обвинения. Если чеки переводились в Монтевидео, то разве так трудно установить в уругвайских банках точные номера, суммы и даты этих чеков? Уругвайское правительство не потрудились даже получить и проверить эти сведения, ибо проверка показала бы совершенную необоснованность этого утверждения и убедила бы уругвайское правительство в том, что советская миссия в Монтевидео за два года своего суще-

ствования получила всего на свои собственные нужды не больше 55 тысяч американских долларов, из которых она никаких денег никакуда вне Уругвая не переводила. Во всяком случае мы настаиваем на представлении уругвайским правительством Совету Лиги доказательств в обоснование единственного приведенного в ноте конкретного факта.

Но если нет в уругвайской ноте конкретных обвинений, то там имеются длинные рассуждения на ту тему, что в Бразилии недавно имело место восстание, а так как в Уругвае находилась советская миссия, то между этими двумя явлениями должна существовать связь. Если бы речь шла о какой-либо другой стране, в которой всегда царило полное спокойствие, полная гармония между различными частями ее населения и это спокойствие и гармония были бы внезапно нарушены спустя два года после появления в соседней стране советской миссии, то и тогда не было бы никаких оснований считать советскую миссию причиной возникших беспорядков. Мы не должны, однако, забывать, что речь идет о Бразилии, история которой есть не что иное, как история длинной, непрерывной цепи внутренних беспорядков, восстаний, революций, заговоров, переворотов и насильственного смещения одних правителей другими. Нет надобности углубляться в эту историю со времени установления независимости Бразилии. Достаточно нам взять хотя бы последние 50 лет. В 1879 г. имел место в Рио-де-Жанейро военный переворот, во главе которого стояли генералы Фонсека и Пейхото. В 1891 г. — восстание против президента Фонсека, причем восстал гарнизон в Рио-Гранде-до-Сул, восстал и флот. В 1893 г. — опять восстание флота во главе с адмиралами Мельо и да Гама. Начавшаяся в 1891 г. гражданская война продолжалась беспрерывно до 1894 г. В 1890 г. раскрыт заговор при участии офицеров и депутатов и даже вице-президента республики. В том же году — восстание «джагунсос», в том же году — покушение против президента Мараша. В 1904 г. опять восстание в Рио-де-Жанейро. В 1910 г. — восстание в Манаос, бунт во флоте, восстание моряков на корабле «Минас Жераес», в 1912 г. восстание под руководством священника отца Цицерона в штате Сеара. В 1922 г. — восстание в Пернамбуко в Рио-де-Жанейро. В 1923 г. — восстание в Сан-Пауло под руководством генерала Диаса. В 1924 г. — снова восстание в Сан-Пауло под руководством полковника Лопеса. В том же году — восстание в штате Рио-Гранде-до-Сул и поход так называемой колонны Престеса. В 1930 г. — восстание в южных штатах. В 1931 г. — восстание солдат и рабочих в Пернамбуко, в 1932 г. — восстание двух полков, в 1933 г. — восстание в Рио-Гранде-до-Сул.

Как видите, эти восстания имели место задолго до появления советской миссии в Монтевидео, а большинство из

них даже задолго до возникновения советской власти в России. Следует еще особо упомянуть, что нынешний президент Бразилии г-н Варгас также пришел к власти в результате восстания в 1930 г. Я полагаю, что он не станет вину и за это восстание возлагать на советское правительство. Любопытно отметить, что во время некоторых из перечисленных мной восстаний тоже, как и теперь, говорилось, что повстанцы получают поддержку и даже подготовлялись в Уругвае, где, однако, никаких советских представителей тогда не было.

В конце уругвайской ноты говорится, что «обеспечение внутреннего спокойствия в Уругвае также требовало прекращения деятельности советской миссии». Но история Уругвая так же мало являет нам картину внутреннего спокойствия, как и история Бразилии. Беря опять лишь последние 60 лет, мы имеем в 1876 г. полковника Лотарре, поднимающего восстание и низлагающего Варелу и делающего самого себя «невыборным президентом» и в 1880 г. слагающего власть, заявивши, что Уругваем управлять невозможно. В 1886 г. — восстание генералов Кастро и Арредондо. Видаль отрекается, Сантос — президент. Арредондо отступает в Бразилию. Новое восстание — Сантос бежит в Аргентину; президент — победивший генерал Такес. В 1891 г. — восстание «бланкос» в Монтевидео, в 1897 г. — новое восстание «бланкос» в Монтевидео; президент Борда убит. В 1898 г. — восстание артиллерийских частей; Куэстас делается диктатором. Новое восстание двух полков в пользу экс-президента Геррера. В 1903 г. — восстание «бланкос» против избранного президента Батль-и-Ордоньес в 6 департаментах. В 1904 г. — новое восстание генерала Сарайва («бланкос») против «колорадос» (президента Батль-и-Ордоньес), в 1906 г. — восстание «бланкос» во время президентских выборов с целью не допустить избрания «демократа» Батль-и-Ордоньеса. В 1926 г. — незначительный бунт гарнизона Сан-Педрито. В 1933 г. — государственный переворот и диктатура г-на Терра. В 1935 г. — восстание против диктатуры Терра. Генерал Муньос с тысячным отрядом вступил на территорию Уругвая из Бразилии. Я надеюсь, что уругвайское правительство не обвиняет советскую миссию во всех этих восстаниях и, в частности, в государственном перевороте 1933 г., поставившим у власти его нынешнего президента г-на Терра. Как вы видите, господа, восстания в Бразилии и Уругвае должны считаться совершенно обычным явлением и, очевидно, не могут не вызываться глубокими внутренними причинами. А если это так, то какие же основания искать причин последнего бразильского восстания в советской миссии в Монтевидео? Прочитанная мною история бразильцев и уругвайцев позволяет думать, что им не требуется указания и руководства извне для производства восстаний, и разве не ясно, что они сами в совершенстве этим искусством овладели?

Я извиняюсь, что несколько отвлекся в сторону, чтобы хотя вкратце ответить на инсинуации по адресу моего правительства, заключающиеся в уругвайской ноте, и показать их полную вздорность. Я должен, однако, еще раз напомнить Совету, что перед ним стоит вопрос лишь о разрыве отношений между Уругваем и СССР и что если бы даже для этого были какие-либо причины, то разрыв являлся бы нарушением пакта, поскольку разрыву не предшествовала указанная в уставе Лиги наций процедура.

Повторяю, вопрос этот имеет огромный общий интерес. Недоразумения, взаимные претензии, споры и конфликты между государствами — обычное явление в международной жизни. Я прошу вас подумать, на что стала бы похожа эта международная жизнь, если бы непрекращающиеся претензии не обсуждались между государствами, а вели бы непосредственно к разрыву отношений?

Такая практика была бы чревата величайшими опасностями именно в настоящее время. На самом деле, вспомните обсуждавшуюся в прошлом году в Совете претензию Югославии к Венгрии по весьма серьезному поводу. Разве мир в Европе не был бы поставлен под угрозу, если бы Югославия вместо того, чтобы потребовать сперва объяснений от Венгрии, а затем обратиться в Совет Лиги, поспешно порвала отношения с Венгрией? Или возьмем другой пример. Еще недавно в Эстонии был раскрыт готовившийся путч, в организации которого подозреваются даже два государства. Что же, разве Эстония не поставила бы нас лицом к лицу с величайшей опасностью, если бы она, действуя по уругвайскому методу, порвала отношения с этими заподозренными государствами? Совершенно очевидно, что метод уругвайской дипломатии ничего, кроме дезорганизации, ничего, кроме величайших опасностей, в международную жизнь внести не мог бы. Не может служить смягчающим вину обстоятельством тот факт, что тот же Уругвай недавно прибег к разрыву отношений с ближайшей соседкой — Аргентиной, с тем чтобы вскоре вновь их восстановить, стало быть, тоже без серьезных причин, и что перед нами, таким образом, случай рецидива.

Прежде чем кончить, я хотел бы остановиться еще на другой стороне вопроса. Позволяя себе инсинуации по адресу советского правительства, уругвайское правительство, несомненно, спекулировало на известных предрассудках, существующих в реакционных кругах многих стран против Советского Союза. Такая спекуляция свойственна, к сожалению, не одному Уругваю. Все страны, известные своей агрессивной политикой, пытаются подобной спекуляцией маскировать свою агрессию. Под прикрытием этой спекуляции имеет место нарушение независимости Китая и завоевание одной ее провинции за другой. Этой же спекуляцией пытается маскировать

свои грандиозные вооружения для завоевательских планов во многих направлениях другое государство в самой Европе.

К этой спекуляции начинает прибегать в своей прессе и другая европейская страна потому лишь, что совершенная ею агрессия не получила одобрения советского правительства. Мы должны признать поэтому, что подобного рода спекуляция, являясь орудием агрессии, представляет собою величайшую опасность всеобщему миру. Уже по одному этому нельзя отнестись безразлично к дипломатическим методам Уругвая.

Лига наций имеет своей задачей упорядочить международную жизнь, ввести неизбежные между государствами трения и споры в определенные рамки в духе примирения и международных приличий и тем самым предотвратить опасность превращения этих споров в вооруженные конфликты. Совет Лиги не может пройти мимо дипломатических методов членов Лиги, противоречащих этой задаче. Я поэтому уверен, что Совет Лиги уделит обсуждаемому вопросу должное внимание и вынесет решение в духе Лиги наций, в духе примирения и смягчения международных противоречий, отбросив предрассудки, отбросив инсинуации, необоснованные обвинения, основываясь исключительно на объективных фактах, и этим окажет огромную услугу делу международного спокойствия, делу стабилизации международных отношений, делу согласия между народами, от которого, как говорит статья 11-я устава Лиги, зависит дело мира.

(«Известия» от 24 января 1936 г.)

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ 23 ЯНВАРЯ 1936 г.

(ОТВЕТ НА ВЫСТУПЛЕНИЕ УРУГВАЙСКОГО ДЕЛЕГАТА)

Я не хотел бы затягивать обсуждение этого дела и желал бы быть возможно кратким. К сожалению, представитель Уругвая внес в свое заявление элементы, по моему мнению, никакого отношения к делу не имеющие, на которые я должен ответить.

Например, мне трудно понять, зачем ему понадобилось противопоставлять Уругвай Советскому Союзу, как старого члена Лиги молодому. Подразумевал ли он под этим, что старые члены Лиги обязаны соблюдать статут в меньшей мере, чем новые. Невольно в некоторых местах его заявления сквозила ирония; казалось, он хотел сказать: — Вы, молодой член Лиги, придаете слишком большое значение тому, что написано в статуте, и тому, что вообще говорится о духе Лиги наций. Мы, старый член, не так просты; мы знаем, что все это

означает, и не придаем этому такого значения. — Это довольно точно соответствовало бы отношению Уругвая и к другим вопросам. Представитель Уругвая, казалось, говорил: — Вы, молодой член Лиги наций, считаете себя связанным статьей 16-й устава; вы полагаете, что должны применять санкции против других членов Лиги, не считаясь с вашими собственными интересами и с серьезным желанием сохранять хорошие отношения с Италией. Мы, старый член Лиги, придерживаемся другой политики. Мы принимаем некоторые санкции, потому что они не наносят нам слишком большого ущерба, а другие, более важные санкции мы откладываем под предлогом их изучения, и мы их действительно изучаем, в то время как другие их применяют. — Если в этом состоит разница между старыми членами Лиги, как, например, Уругвай, и новыми членами, как, например, СССР, то мы можем только гордиться тем, что мы молодой член Лиги.

Переходя к существу вопроса, я могу с удовлетворением констатировать, что представитель Уругвая не опроверг ни одного из приведенных мною фактов и не представил никаких доказательств в подтверждение обвинений, выдвинутых в уругвайской ноте против советской миссии в Монтевидео. Он предпочел укрыться за дымовой завесой и пуститься в рассуждения о Коминтерне, III Интернационале и об идентичности последнего с советским правительством, — в рассуждения, которые можно в любой день прочитать в любой германской газете или в реакционных газетах других стран. Заявления представителя Уругвая на этот счет не содержат ничего нового.

Что же, все эти элементы существовали, когда Уругвай обратился к нам с просьбой о присылке дипломатической миссии в Монтевидео и когда Уругвай, в лице г-на Гуани, поддержал приглашение Советскому Союзу вступить в Лигу. Наше правительство не изменило своей политики с тех пор, так что ссылка на Коминтерн со стороны Уругвая для проведения разрыва с СССР не убедительна, принимая во внимание, что Коминтерн существовал и раньше и что в этом отношении не произошло никаких перемен.

Пытаясь привести факты в оправдание разрыва отношений между обеими странами, г-н Гуани сослался на взаимоотношения между Советским Союзом и другими странами. Верно то, что Швейцария разорвала отношения с Советским Союзом в 1918 г., вскоре после Революции, когда весь мир разорвал отношения с нашей страной. Однако с тех пор другие государства восстановили эти отношения, и, следовательно, то обстоятельство, что некоторые из них опять временно разорвали отношения или, по терминологии уругвайской ноты, «перевали» их, в данном случае ничего не доказывает.

Кроме того, если бы г-н Гуани был вполне беспристрастен, он сообщил бы, что некоторые страны восстановили отно-

шения с Союзом, несмотря на то, что советское правительство и его политика оставались такими же, какими были прежде. Позволительно поэтому спросить, представляло ли восстановление дипломатических отношений серьезную опасность. Правда, иногда отношения восстанавливались не тем правительством, которое решало разрыв, но следует ли из этого, что сменное правительство умнее нового правительства, пришедшего на смену? Возможно, что имело место обратное. Во всяком случае, это рассуждение ничего не доказывает.

В заявлениях представителя Уругвая имеются некоторые неточности. Например, он сказал, что представитель Советского Союза был когда-то изгнан из Аргентины. Этого никогда не было, так как мы никогда не имели официальных отношений с Аргентиной. В Аргентине имелось лишь коммерческое общество Южамторг, ликвидированное под давлением аргентинского правительства. Впоследствии, однако, аргентинское правительство просило это же общество вернуться; Южамторг также был радостно принят в Уругвае. Г-н Минкин, тогдашний глава Южамторга, был принят Уругваем в качестве дипломатического представителя СССР.

То обстоятельство, что некоторые правительства разрывали отношения с Советским Союзом, а сменявшие их правительства эти отношения восстанавливали, к сожалению, лишь доказывает, что иногда отношения между государствами становятся игрушкой внутренней политики некоторых государств, и, я уверен, вы согласитесь, что такое положение вещей ни в коей мере не способствует стабилизации международных отношений или международного спокойствия.

Представитель Уругвая счел нужным сообщить нам кое-что о последнем восстании в Бразилии — я употребляю слово — последнее, ввиду того что эта страна претерпела длинную цепь восстаний и революций. Если бы Совет захотел изучить характер последнего восстания в Бразилии, я готов был бы ему в этом помочь в академическом порядке, доказав моим коллегам, что это восстание не носило коммунистического характера. В подтверждение я могу привести цитаты из некоторых южноамериканских газет.

«Утверждать, — пишет аргентинская газета, — что движение в Бразилии носило коммунистический характер, значит поднять его над уровнем южноамериканских революций, в общем стремящихся заменить одну диктатуру другой».

Далее цитирую из чилийской газеты: «Речь идет о чисто народном движении, вызванном эксцессами режима. Оно не стремилось ни к введению Советов, ни к введению диктатуры пролетариата, которая, как известно, является целью коммунизма. Это движение стремилось лишь к установлению национального правительства, — сильного, способного покончить

с олигархией, с крупной спекуляцией, с политической и социальной коррупцией».

Буржуазные, а не коммунистические газеты характеризовали таким образом последнее восстание в Бразилии. Кроме того, ответственность за это восстание официально принял так называемый национально-освободительный альянс, в котором представлены многие буржуазные партии. Участие в этом восстании коммуниста г-на Престеса не делает все восстание коммунистическим. Тот же г-н Престес участвовал во многих бразильских восстаниях до того, как стал коммунистом. Он даже принимал участие в некоторых восстаниях вместе со своим другом нынешним президентом Бразилии г-ном Варгасом, который, к тому же, не очень возражал против революционной деятельности Престеса. Лишь когда Престес выступил против Варгаса, последний счел нужным объяснить деятельность Престеса влиянием извне. Почему Престес мог прежде действовать без поддержки извне и лишь в последних событиях ему понадобилась помощь из Москвы. Этого уругвайский представитель объяснить не в состоянии.

Г-н Гуани хочет убедить нас в том, что восстание в Бразилии произошло потому, что один китайский коммунист, по имени Ван Мин, в речи, произнесенной в Москве, выражал свои симпатии освободительному движению во всех странах, в том числе и в Бразилии. Уругвайский представитель хочет нас уверить в том, что революция делается при помощи речей, произносимых за десятки тысяч километров от места действия. Но он отлично понимает, что такой довод не убедителен, и поэтому счел нужным, надеюсь бессознательно, прочитать сфабрикованную речь этого китайского коммуниста, будто бы произнесенную им в Москве, в которой он, якобы, говорил и о деятельности советской миссии в Монтевидео. Впоследствии в московской газете «Правда» от 15 января было сообщено, что это заявление ложно. Оно было опровергнуто Ван Мином, сообщившим, что он в своей речи никаких ссылок на советскую миссию в Монтевидео не делал. Я очень сожалею, что уругвайский представитель был введен в заблуждение в этом вопросе. Я полагаю, что сфабрикованная речь действительно появилась в некоторых латино-американских газетах, хотя г-н Гуани не знал, что поддельность этого документа уже доказана. Я был прав, когда предупреждал вас сегодня, что если какие-либо доказательства и будут представлены, это будут лишь поддельные документы.

Какие бы симпатии ни выражали китайские, французские, английские или советские коммунисты революционному движению, какие бы товарищеские отношения ни существовали между Сталиным и Престесом, — все это ни в какой мере не касается обсужденного нами дела. Пока не будет доказано, что Советский Союз, Коминтерн или какая-либо другая орга-

низация использовали советскую миссию в Монтевидео для дачи инструкций или оказания помощи бразильскому коммунистическому движению, вопрос о советской миссии в Монтевидео обсуждаться не может. Действия китайских, японских, английских или иных коммунистов не имеют отношения к этому делу.

Наконец, за отсутствием доказательств, уругвайский представитель выдвинул некоторые юридические аргументы. Уругвай де суверенен и имеет право порвать отношения, никого не спрашиваясь. Но абсолютно суверенно и может делать все то, что захочет, лишь то государство, которое не связано никакими международными обязательствами. Как только государство принимает на себя такие обязательства, оно приносит в жертву известную долю своей суверенности, ибо международные обязательства ограничивают его свободу действий. Правительство государства, ставшего членом Лиги и принявшего статут Лиги, пожертвовало долей своей суверенности. Международные обязательства были бы никчемны, если бы правительство могло сказать: «Обязательства обязательствами, но я суверенно и могу делать, что хочу; могу нарушать обязательства по своему усмотрению». Суверенное государство может, конечно, и войну объявлять, но статут Лиги предусматривает процедуру объявления войны. То же самое относится и к разрыву. Суверенное государство может разорвать отношения, но по уставу оно обязано до разрыва применить процедуру, предусмотренную в нем.

Уругвайское правительство указывает, что в статье 12-й говорится о разрыве, но лишь в результате конфликта. Оно добавляет, что между Уругваем и правительством Советского Союза конфликта не было и что Уругвай разорвал отношения, не имея никаких споров с Советским Союзом. Налицо разрыв, но нет спора. Так ли это? Если бы уругвайское правительство заявило, что оно больше не желает иметь советскую миссию в Монтевидео, и предложило бы, без всяких объяснений, чтобы мы ее отозвали, все было бы в порядке. Но дело обстоит совершенно иначе. Разрыв отношений с Советским Союзом уругвайское правительство основывало на ряде обвинений, указывая на то, что советская миссия в Монтевидео злоупотребила своими привилегиями и иммунитетом и вмешалась во внутренние дела одного соседнего государства. Этой причиной уругвайское правительство мотивирует разрыв отношений. Следовательно, имеется спор.

Последний довод представителя Уругвая состоит в том, что действия Уругвая были вызваны законной самозащитой, ибо внутреннему спокойствию и общественному порядку Уругвая угрожала большая опасность. Что спокойствию Уругвая угрожает постоянная опасность, мы знаем из его истории, о которой я вам сегодня дал некоторое представление. Пожа-

луй, даже излишне вдаваться в историю Уругвая и вполне достаточно сослаться на такое беспристрастное произведение, как Британская энциклопедия (издание 14, стр. 909, рубрика «Уругвай»), где сказано: «После объявления независимости Уругвая его история сделалась летописью интриг, финансового разорения, политического безумия и преступлений».

Нельзя, следовательно, отрицать постоянной угрозы спокойствию Уругвая. Поскольку, однако, уругвайское правительство разорвало отношения с Советским Союзом на этом основании, оно должно доказать, что присутствие советской миссии в Монтевидео увеличивает эту угрозу. Я для того и обратился в Лигу наций. Мы желали дать уругвайскому правительству возможность представить любые доказательства злоупотребления советской миссии в Монтевидео своими привилегиями. Либо оно должно представить доказательства выдвинутых обвинений, либо Уругвай должен признать, что он оклеветал Советский Союз, и я просил бы представителя Уругвая поразмыслить над тем, соответствует ли эта клевета духу справедливости и чести, о которых он здесь сегодня говорил.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ В СОВЕТЕ ЛИГИ НАЦИЙ 23 ЯНВАРЯ 1936 г. ВОПРОСА О РАЗРЫВЕ УРУГВАЕМ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С СССР¹

Я не могу согласиться с аргументацией уругвайского представителя. Если весь вопрос является домашним делом Уругвая, я не вижу, почему мы теряем время на его рассмотрение. Если же уругвайское правительство согласилось обсуждать этот

¹ После первой речи т. Литвинова Совет Лиги наций заслушал объяснения уругвайского представителя г-на Гуани, который не рискнул повторить те смехотворные обвинения, которые содержались по адресу СССР в ноте уругвайского правительства о разрыве дипломатических отношений с СССР. Смысл выступления г-на Гуани свелся к тому, что вопрос входит в исключительную компетенцию Уругвая и неподсуден Лиге наций.

После уничтожающего ответа т. Литвинова, произведшего сильное впечатление на Совет Лиги наций, г-н Гуани пустился на следующую увертку: фактические доказательства, заявил он, обосновывающие акции уругвайского правительства, существуют, но опубликование их невозможно, ибо оно связано с раскрытием дипломатических, банковских и полицейских секретов, а это, мол, является чисто домашним делом. На это заявление последовало заключительное слово т. Литвинова, окончательно разоблачившее ухищрения г-на Гуани (речь приведена выше).

При обсуждении дальнейшей процедуры разбирательства выяснились следующие трудности: для вынесения решения по вопросу о нарушении статьи 12-й статута Лиги наций требовалось единогласное постановление Совета с участием заинтересованной стороны. По второму вопросу об обоснованности обвинений Уругвая по адресу СССР уругвайское прави-

вопрос здесь, согласилось изложить положение, вызвать дискуссию и притти к какому-нибудь суждению, оно, несомненно, должно сделать все необходимое, дабы помочь Совету пролить свет на факты и притти к какому-нибудь решению.

Совет не может сказать: «Мы верим тому, что говорит г-н Гуани, и не верим тому, что говорит г-н Литвинов», или наоборот. Я хочу суждений, основанных на фактах. Для того, чтобы судить правильно о фактах, необходимо иметь доказательства.

Нам говорят, что банки должны хранить свои тайны. Это верно. Они не имеют права раскрывать финансовые операции своих клиентов, однако я готов просить г-на Минкина написать банкам письма, дабы освободить их от обязанности хранить секрет и дабы позволить им сказать, какие суммы получил г-н Минкин в Монтевидео, кому он давал деньги, когда, при каких обстоятельствах. Поэтому мне кажется, что весь вопрос о полицейских и банковских секретах не существует.

То, чего я хочу, — это суждения, которое было бы вынесено со знанием обстоятельств дела и было бы основано на фактах. Я уже здесь ответил на все, что представитель Уругвая сказал по поводу других вопросов.

Я заинтересован в том, чтобы доказать нелепость обвинения, выдвинутого против советской миссии в Монтевидео, которую упрекали в злоупотреблении своими привилегиями.

тельство отказалось предъявить фактические доказательства, что сделало невозможным для Совета вынесение суждения.

Учитывая эти трудности, г. Литвинов при обсуждении процедуры заявил, что он готов довольствоваться констатированием факта, что уругвайское правительство не может и не хочет предъявить фактические доказательства: «Я предоставляю, — сказал т. Литвинов, — суждение об этом факте мировому общественному мнению».

На заключительном заседании Совета Лиги наций 24 января 1936 г. Совет принял следующую резолюцию:

«Ввиду того, что представитель Уругвая, ссылаясь на то, что вопрос этот является предметом внутреннего законодательства, отказывается дать требуемые советским правительством доказательства;

Ввиду того, что представитель СССР заявил, что он удовлетворен отказом Уругвая представить доказательства обвинений, выдвинутых против советской миссии в Монтевидео, что он готов поставить этот вопрос на суд международного общественного мнения, на что согласен также со своей стороны и представитель Уругвая;

Ввиду того, что перед Советом этот вопрос поставлен в порядке параграфа второго статьи одиннадцатой Устава Лиги, и, так как его миссия заключается главным образом в примирении сторон, — всякое решение, которое он может принять, должно быть принято единогласно;

Совет выражает надежду, что перерыв дипломатических отношений между Уругваем и СССР будет носить временный характер и что обе страны используют благоприятный случай для восстановления этих отношений, приглашает обе стороны воздерживаться от всяких актов, которые могли бы повредить интересам мира и восстановлению их дипломатических отношений в будущем.

Это — тяжелое обвинение. Для того, чтобы выдвигать, надо иметь доказательства. Я повторяю еще раз, что нельзя ссылаться здесь на полицейские и банковские секреты, ибо я готов принять необходимые меры для того, чтобы банки получили разрешение представить всевозможные доказательства, указать номера чеков и т. д.

Мы готовы адресовать им письмо по этому вопросу; мы готовы просить Совет представить им такое письмо. Мы готовы пролить полный свет на действия советской миссии в Монтевидео. Что касается меня, я не спешу. Если желательно, можно отложить эту дискуссию, дабы подождать ответа банков. То, чего я добиваюсь — это обнаружения истины, всей истины. Не существует права, позволяющего клеветать на частное лицо. Тем более, не существует права, позволяющего клеветать на какое-либо государство. Когда же это происходит, эта нация имеет право отвергать обвинения, посягающие на ее национальную честь, имеет право требовать проверки клеветнических утверждений, содержащихся в дипломатических и публичных документах. Всякое государство должно считаться ответственным за то, что оно выдвигает таким образом против другого государства.

(«Правда» от 25 января 1936 г.)

РЕЧЬ ПРИ ПРИЕМЕ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФИНЛЯНДИИ Г-НА ХОЛСТИ 8 ФЕВРАЛЯ 1937 г.

С чувством большого удовлетворения я приветствую Вас, господин министр, от имени Союзного правительства и от своего собственного: приветствую Вас, как первого министра иностранных дел независимой Финляндской республики, посетившего нашу столицу.

Вашему визиту, господин министр, придает особое значение история Вашей страны. В бывшей царской империи, считавшейся тюрьмой народов, в том числе и самого русского народа, свободолюбивый, отличавшийся своей культурой финский народ особенно испытывал тяжесть гнета русского царизма и его политики руссификации и, естественно, стремился к своему освобождению. Русский народ в лице его наиболее революционной большевистской партии горячо сочувствовал этому освободительному движению Финляндии. Со своей стороны и финский народ оказывал поддержку этой партии в ее борьбе против царского самодержавия. Большевистская партия боролась не только против самодержавия, но и против его руссификаторства и первая провозгласила право народов

на самоопределение. Было поэтому вполне естественно, что, когда под руководством этой партии произошел Великий Октябрьский переворот, одним из первых актов Советского правительства было признание Финляндии в качестве независимого суверенного государства, и действительно, когда финляндский сейм в декабре 1917 г. провозгласил самостоятельность Финляндии, не прошло и месяца, как этот акт был немедленно утвержден Советским правительством.

С тех пор Советское правительство неуклонно стремилось к установлению наиболее дружественных отношений с соседней Финляндией на основе полного уважения ее независимости, ее культуры, неприкосновенности общих границ и ненарушимого мира.

Это стремление нашло свое выражение в мирном договоре 1920 г., в пакте о ненападении 1932 г., в продлении его в 1934 г. на десять лет и в Лондонской конвенции об определении агрессии, во всех тех актах, под которыми имеются подписи представителей Советского и Финляндского правительств.

Вместе с тем Советское правительство делало все от него зависящее для всестороннего развития экономических, равно как и культурных отношений между Советским Союзом и Финляндской республикой.

Общая деятельность Советского правительства на международной арене по упрочению всеобщего мира, по организации системы коллективной безопасности, по укреплению уважения к международным обязательствам имела также целью усиление чувства безопасности как у больших, так и особенно у малых народов. Эта деятельность наталкивается, к сожалению, на упорное противодействие других сил, пытающихся сорвать дело мира, стремящихся увековечить институт войны, открыто заявляющих, что они не мыслят себе цивилизации без взаимного истребления народов, выступающих против равноправия между большими и малыми народами, против права каждого народа на самостоятельное существование. Эти силы тем более опасны, что они имеют свои агентуры, своих представителей во всех странах.

Я хочу верить, господин министр, что Ваш визит является манифестацией не только желания упрочить отношения между нашими государствами, но и понимания общих целей внешней политики Советского Союза и сочувствия им. А если это так, то Вашему визиту суждено стать не только важным этапом на пути дальнейшего развития советско-финляндских отношений, но и оказать услугу делу всеобщего мира.

Я хочу еще выразить свое личное удовлетворение тем, что я принимаю финляндского министра иностранных дел в лице человека, которого я издавна имею удовольствие лично знать и с которым я многократно встречался в Женеве.

Я знаю, господин министр, как глубоко Вы прониклись за время своего долголетнего пребывания в Женеве идеями Лиги наций, теми идеями, которые Советское правительство желает видеть возможно полнее реализованными. Это дает мне лишнее основание выразить уверенность в том, что под Вашим руководством, господин министр, внешняя политика Финляндии все больше будет контактировать с внешней политикой Союза в общем обоим государствам стремлении к миру.

Я подымаю бокал за прочные и дружественные отношения между нашими государствами, за процветание финского народа, за здоровье главы Финляндской республики и наших дорогих гостей, господина министра и его супруги.

(«Известия» от 9 февраля 1937 г.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н О Т Ы

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР О СОЗЫВЕ В МОСКВЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО СОКРАЩЕНИЮ ВООРУЖЕНИЙ

*Nota заместителя Народного комиссара иностранных дел РСФСР тов.
М. М. Литвинова на имя министров иностранных дел Эстонии, Финляндии,
Латвии и Польши от 12 июня 1922 г.*

«Генуэзская конференция не оправдала надежд, возлагавшихся на нее широкими народными массами Европы. Созванная под лозунгом экономического восстановления и упрочения мира Европы, Генуэзская конференция почти все внимание уделила отстаиванию материальных интересов сравнительно незначительной группы людей, потерпевших убытки в результате европейской войны, революции и интервенции в России, и уклонилась от такого разрешения стоящих перед ней задач, которое действительно могло бы в значительной мере устранить причины испытываемого во всей Европе и за ее пределами экономического кризиса и предотвратить опасности новых войн.

Инициаторы конференции не могли не отдавать себе отчета в том, что одной из причин экономического кризиса и политической неустойчивости Европы является ее чрезмерное вооруженное состояние, отрывающее сотни людей от производительного труда, налагающее на остальное население непомерные налоговые тяготы, тормозящее финансовое оздоровление большинства стран, создающее и питающее атмосферу недоверия между народами и постоянного ожидания вооруженных столкновений. Тем не менее инициаторы конференции из уважения к своекорыстным интересам и пожеланиям многих отдельных стран сочли возможным даже не включать в порядок дня конференции вопросов не только о полном разоружении, но и о частичном сокращении вооружения.

Хотя Россия лишь недавно победоносно отразила иностранное нашествие, внешние нападения и налеты контрреволюционных банд; хотя недалеко от ее границы продолжают находиться остатки вооруженных контрреволюционных армий, поддерживаемых на иностранные деньги и готовых при первом

удобном случае вновь вторгнуться в ее пределы и предаваться бессмысленному опустошению и разорению страны; хотя некоторые государства, упорно отклоняя восстановление нормальных сношений с Россией, продолжают быть объектом вражды со стороны почти всего капиталистического мира, — несмотря на все это, российская делегация в интересах всех народов на первом же заседании Генуэзской конференции обратила внимание участников конференции на необходимость включения в порядок дня вопроса о всеобщем разоружении. К сожалению, вследствие противодействия французской делегации предложение российской делегации было отклонено, и вопрос о разоружении не нашел себе места в порядке дня конференции «по упрочению мира и экономическому восстановлению Европы».

Российское правительство не видит, однако, препятствий к тому, чтобы к частному разрешению задачи, не выполненной Генуэзской конференцией, приступили государства, наиболее в ней заинтересованные, желающие жить в дружбе между собой и искренно полагающие, что возникающие между ними спорные вопросы могут разрешаться мирным путем, исключаящим необходимость содержания чрезмерных армий.

Верное своей миролюбивой политике, нашедшей свое выражение между прочим в соответственных предложениях российской делегации, зафиксированных в протоколе рижского совещания 30 марта и в вышеупомянутом ее предложении на Генуэзской конференции, и стремясь к дальнейшему укреплению дружественных отношений со своими ближайшими соседними странами, российское правительство решило обратиться к правительствам Латвийской, Польской, Финляндской и Эстонской республик с предложением делегировать своих полномочных представителей на конференцию для совместного обсуждения с представителями России вопроса о пропорциональном сокращении вооруженных сил представляемых ими стран.

Российское правительство, обращаясь с настоящим предложением к правительствам соседних стран, находящимся в нормальных дипломатических сношениях с ним, считает нужным указать, что оно готово вступить в переговоры по тому же вопросу и с теми соседними странами, с которыми у него имеются еще не урегулированные территориальные и иные вопросы, а также и с «более отдаленными странами».

Нота вр. 'и. 'о. Народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова на имя французского посла в Москве Ж. Эрбетта от 31 августа 1928 г.

«27 сего августа Вы были любезны, по поручению вашего правительства, официально довести до моего сведения, что в тот же день правительства Германской республики,

Соединенных штатов Америки, Бельгии, Франции, Великобритании и ее доминионов, Италии, Японии, Польши и Чехословакии подписали в Париже многосторонний пакт, по которому они обязались не прибегать в своих взаимных отношениях к войне в качестве орудия национальной политики, а возникающие между ними разногласия разрешать исключительно мирными средствами. Вручив мне копию означенного пакта и изложив мне вкратце его историю, вы также любезно сообщили мне: а) что ограничение числа первоначальных участников пакта по мысли правительства Соединенных штатов Америки соответствовало лишь практическим соображениям и целям облегчения скорейшего осуществления пакта, но что при этом всегда имелось в виду, при его окончательном оформлении, обеспечить немедленное сотрудничество всех народов мира на тех же условиях и с теми же преимуществами, какие предоставлены первоначальным участникам пакта; б) что в соответствии с этим правительство Соединенных штатов Америки уполномочено принимать заявления от всех государств, желающих присоединиться к пакту; в) что представители правительства Соединенных штатов Америки во всех иностранных государствах, кроме тех, представители которых уже подписали пакт, получили инструкции о сообщении правительствам, при которых они аккредитованы, текста подписанного в Париже пакта; г) что правительство Соединенных штатов Америки изъявляет готовность теперь же принимать акты о присоединении тех же государств; д) что правительство Французской республики приняло поручение довести через ваше посредство до сведения правительства Союза ССР текст вышеупомянутого пакта и запросить его о согласии присоединиться к пакту и е) что в утвердительном случае вы уполномочены принять акт о присоединении для передачи в Вашингтон.

Сообщая вам настоящей нотой ответ правительства Союза ССР на ваш запрос, я имею честь просить вас передать вашему правительству и просить последнее о передаче правительству Соединенных штатов Америки нижеследующее:

1. Положив с самого начала своего существования в основу своей внешней политики сохранение и обеспечение всеобщего мира, советское правительство всегда и всюду выступало последовательным сторонником мира и шло навстречу каждому шагу в этом направлении. При этом единственным действительным средством предотвращения вооруженных конфликтов советское правительство считало и считает проведение в жизнь плана всеобщего и полного разоружения, ибо в атмосфере всеобщего лихорадочного вооружения всякое соперничество держав неминуемо ведет к войне, тем более истребительной, чем совершеннее система вооружений. Детально разработанный проект полного разоружения был пред-

ложен делегацией Советского Союза подготовительной комиссии к конференции по разоружению при Лиге наций, но он, к сожалению, не нашел поддержки со стороны большинства упомянутой комиссии, включая и представителей тех самых держав, которые являются первоначальными участниками подписанного в Париже пакта. Проект был отклонен, несмотря на то, что его принятие и осуществление означали бы реальную гарантию мира.

2. Не желая упускать ни одной возможности способствовать уменьшению тягостного для народных масс бремени вооружений, советское правительство после отклонения его предложений о полном разоружении не только не отказалось от обсуждения вопроса о частичном сокращении вооружений, но через посредство своей делегации в подготовительной комиссии само выступило с детально разработанным проектом частичного, но весьма существенного разоружения. Однако советское правительство должно, к сожалению, констатировать, что и этот проект не встретил сочувствия подготовительной комиссии, демонстрировавшей, таким образом, еще раз полное бессилие Лиги наций в деле разоружения, являющегося самой прочной гарантией мира и самым могучим средством уничтожения войн при явном сопротивлении советским предложениям со стороны почти всех государств, давших первыми свои подписи на пакте о запрещении войн.

3. Наряду с систематической защитой дела разоружения советское правительство в осуществление своей политики мира также обращалось еще задолго до возникновения идеи ныне подписанного парижского пакта к другим державам с предложением об отказе путем заключения двусторонних пактов не только от войн, предусматриваемых парижским пактом, но и от всяких нападений друг на друга и от каких бы то ни было вооруженных конфликтов. Некоторые государства, как Германия, Турция, Афганистан, Персия и Литва, приняли означенное предложение и заключили с советским правительством соответственные пакты, другие государства это предложение обошли молчанием и уклонились от ответа, а третьи отклонили предложение с той странной мотивировкой, что безусловный отказ от нападения несовместим с их обязательствами в отношении Лиги наций. Это, впрочем, не помешало тем же державам подписать парижский пакт при полном молчании в самом тексте пакта о ненарушимости вышеупомянутых обязательств.

4. Вышеперечисленные факты являются неопровержимым доказательством того, что идея устранения в международной политике войн и вооруженных конфликтов есть основная руководящая идея советской внешней политики. Тем не менее инициаторы парижского пакта не сочли нужным привлечь советское правительство к участию в переговорах,

предшествовавших этому пакту, и к выработке самого текста пакта. Равным образом не были приглашены к этому и державы, действительно заинтересованные в обеспечении мира, в силу того что они или являлись объектами нападения (Турция, Афганистан), или являются таковыми в настоящее время (республика великого китайского народа). Переданное французским правительством приглашение присоединиться к пакту также не содержит в себе условий, которые могли бы позволить советскому правительству повлиять на самый текст подписанного в Париже документа. Советское правительство исходит, однако, из аксиоматической предпосылки, что оно не может быть при всех условиях лишено того права, которое осуществили или могли осуществить правительства, подписавшие пакт, и, основываясь на этом праве, оно должно предварительно сделать ряд замечаний о своем отношении к самому пакту.

5. Советское правительство в первую очередь не может не высказать своего глубочайшего сожаления по поводу отсутствия в парижском пакте каких бы то ни было обязательств в области разоружения. Советская делегация в подготовительной комиссии уже имела случай заявить, что лишь соединение пакта, воспрещающего войну, с проведением полного и всеобщего разоружения способно дать действительный эффект по обеспечению всеобщего мира и что, наоборот, международный договор, «воспрещающий войну» и не сопровождаемый даже такой элементарной гарантией, как ограничение непрерывно растущих вооружений, останется мертвой буквой, не имеющей никакого реального содержания. Недавние публичные заявления некоторых участников парижского пакта о неизбежности дальнейших вооружений и после его заключения являются подтверждением этого. Возникшие в это же время новые международно-политические группировки, в особенности в связи с вопросом о морских вооружениях, еще более резко подчеркнули это положение. Создавшаяся обстановка диктует поэтому в настоящее время, больше чем когда-либо, необходимость принятия решительных мер в области разоружения.

6. Обращаясь к тексту пакта, советское правительство считает необходимым указать на недостаточную определенность и ясность в первой статье самой формулировки о воспрещении войны, допускающей различные и произвольные толкования. Оно с своей стороны полагает, что должна быть воспрещена всяческая международная война как в качестве орудия так называемой «национальной политики», так и служащая другим целям (например целям подавления освободительных народных движений и т. д.). По мнению советского правительства, должны быть запрещены не только войны в формально юридическом толковании этого слова (т. е. предполагающие «объявление» войны и т. д.), но и такие военные действия, как

например, интервенция, блокада, военная оккупация чужой территории, чужих портов и т. д. История последних лет знает немало такого рода военных действий, принесших огромные бедствия народам. Советские республики сами были объектом такого нападения, а в настоящее время от подобных нападений страдает 400-миллионный китайский народ. Более того, подобные военные действия зачастую разворачиваются в крупные войны, которые уже совершенно невозможно остановить. Между тем эти важнейшие с точки зрения сохранения мира вопросы в пакте молчаливо обходятся. Далее, в той же первой статье пакта говорится о необходимости разрешения всех международных споров и конфликтов исключительно мирными средствами. Советское правительство в связи с этим считает, что к числу немирных средств, запрещаемых пактом, должны быть отнесены и такие, как отказ от восстановления мирных нормальных отношений или разрыв этих отношений между народами, каковые действия, означая устранение мирных способов разрешения споров, обостряют отношения и способствуют созданию атмосферы, благоприятствующей возникновению войн.

7. Из оговорок, сделанных в дипломатической переписке между первоначальными участниками пакта, особое внимание советского правительства останавливает оговорка британского правительства в пункте 10-м его ноты от 19 мая с. г. В силу этой оговорки британское правительство оставляет за собой свободу действий в отношении ряда областей, специально им даже не перечисленных. Если речь идет об областях, входящих в состав Британской империи или ее доминионов, то они все уже включены в пакт и случай нападения на них предусмотрен пактом, так что оговорка британского правительства в отношении их как будто должна казаться по меньшей мере излишней. Если же имеются в виду другие области, то участники пакта вправе точно знать, где начинается свобода действий британского правительства и где она кончается. Но британское правительство оставляет за собой свободу действий не только в случае военного нападения на эти области, но даже при любом «недружелюбном» акте или так называемом «вмешательстве», причем оно, очевидно, оставляет за собой право произвольного определения того, что почитается «недружелюбным» актом или «вмешательством», оправдывающим открытие военных действий со стороны британского правительства. Признание за ним такого права означало бы оправдание войны и могло бы служить заразительным примером и для других участников пакта, которые в силу равноправия присвоили бы себе то же право в отношении других областей, а в результате не осталось бы, может быть, такого места на земном шаре, в отношении которого пакт мог бы иметь применение. И действительно, ого-

ворка британского правительства включает в себе приглашение, обращенное к другому участнику пакта, изъять из действия последнего также другие области. Эту оговорку советское правительство не может не рассматривать как попытку использовать самый пакт в качестве орудия империалистической политики. Однако вышеозначенная нота британского правительства не сообщена советскому правительству в качестве составной части пакта или приложения к нему, и поэтому она не может считаться обязательной для советского правительства, как необязательны для него и другие оговорки, содержащиеся в дипломатической переписке по поводу пакта между его первоначальными участниками. Равным образом советское правительство не может также согласиться со всякими иными оговорками, могущими служить оправданием войны, в частности с оговорками, сделанными в означенной переписке, для изъятия из действия пакта решений, вытекающих из статута Лиги наций и локарнских соглашений.

8. Резюмируя вышесказанное, должно констатировать отсутствие в пакте обязательств по разоружению, являющемуся единственным существенным элементом гарантии мира, недостаточность и неопределенность самой формулировки о запрещении войны и наличие ряда оговорок, имеющих своей целью заранее устранить даже подобие обязательств по отношению к делу мира. Тем не менее, поскольку парижский пакт объективно накладывает известные обязательства на державы перед общественным мнением и дает советскому правительству новую возможность поставить перед всеми участниками пакта важнейший для дела мира вопрос — вопрос о разоружении, разрешение которого является единственной гарантией предотвращения войны, советское правительство изъясляет свое согласие на подписание парижского пакта.

В соответствии с вышеизложенным я буду иметь честь передать Вам соответственный акт моего правительства о присоединении его к пакту, как только будут закончены связанные с этим формальности».

ПРЕДЛОЖЕНИЕ СССР О ВВЕДЕНИИ В ДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ
СОЮЗОМ ССР И ПОЛЬШЕЙ ПАРИЖСКОГО ДОГОВОРА
27 АВГУСТА 1928 г.

Нота вр. и. о. Народного комиссара иностранных дел тов. М. М. Литвинова на имя польского посланника г. Патека от 29 декабря 1923 г.

«Господин министр,
24 августа 1926 г. союзное правительство через своего полномочного представителя в Варшаве вручило правительству Польской республики проект договора о ненападении. Этот шаг союзного правительства явился результатом предшествовавших переговоров, которые имели место между обоими государствами по инициативе союзного правительства, а так-

же и выражением той линии внешней политики, которой правительство СССР неизменно придерживалось в своих отношениях с другими государствами и соответственно которой оно выступало со своими предложениями о разоружении сперва на созванной им еще в 1922 г. московской конференции, а затем в подготовительной комиссии по разоружению при Лиге наций.

Считая всеобщее разоружение наиболее действительной гарантией сохранения мира, союзное правительство вместе с тем рассматривает договоры о ненападении как серьезный фактор, могущий способствовать предотвращению военных столкновений между государствами.

Союзное правительство вынуждено констатировать, что, хотя переговоры с польским правительством о заключении такого договора начаты несколько лет назад, они не продвинулись вперед, несмотря на самые серьезные попытки союзного правительства достигнуть соглашения.

Учитывая значение подписания договора о ненападении для укрепления и развития союзно-польских отношений и для упрочения всеобщего мира, союзное правительство сожалеет по поводу безрезультатности его усилий и со своей стороны еще раз заявляет о своей неизменной готовности подписать договор о ненападении с правительством Польской республики.

В то время как переговоры о заключении договора о ненападении между Польшей и Советским Союзом остались безрезультатными, польское правительство, приглашенное к участию в пакте Келлога, т. е. многостороннем договоре об отказе от войны в качестве орудия национальной политики, подписало этот договор в числе других государств 27 августа 1928 г. в Париже, к каковому договору вслед за тем присоединилось и правительство Советского Союза.

По получении приглашения о присоединении к парижскому договору (пакту Келлога) союзное правительство тотой на имя французского правительства указывало на отсутствие в пакте обязательств по разоружению, являющихся самым существенным элементом гарантий мира, на недостаточность и неопределенность самой формулировки о запрещении войны и на наличность других моментов, ослабляющих его значение. Союзное правительство продолжает считать, что этот пакт не дает тех гарантий ненарушения мира, какие вытекают из предлагавшихся им пактов о ненападении и неучастии во враждебных группировках.

Поскольку, однако, союзное правительство усмотрело, что парижский договор (пакт Келлога) налагает на его участников некоторые обязательства мирного характера, оно незамедлительно присоединилось к нему и, относясь серьезнейшим образом ко всем своим акциям в области обеспечения

мира, желало бы видеть договор возможно скорее вступившим в силу, в особенности во взаимоотношениях Советского Союза и его ближайших соседних государств.

К сожалению, вступление в силу парижского пакта обусловлено согласно его статье 3-й ратификацией договора определенными 14 государствами. В течение 4 месяцев, прошедших со дня подписания договора, ни одно из этих 14 государств ратификации не осуществило, каковое обстоятельство заставляет опасаться, что еще в течение долгого времени договор может оставаться документом, ни для кого формально не обязательным. Очевидно, более раннее введение договора в действие между отдельными государствами возможно лишь путем подписания ими особого дополнительного акта.

Учитывая, что обеспечение мира на востоке Европы является делом первостепенной важности и что из сопредельных с Советским Союзом западных государств парижский договор подписан Польшей, союзное правительство решило обратиться к польскому правительству с предложением подписать прилагаемый протокол, согласно которому парижский договор об отказе от войны вступил бы в силу между Советским Союзом и Польшей немедленно после ратификации его этими двумя государствами независимо от условия, предусмотренного статьей 3-й договора. Подписанием означенного протокола польское правительство взяло бы на себя, конечно, моральное обязательство скорейшего проведения установленным порядком одновременной ратификации как парижского договора, так и самого протокола. Что касается СССР, то его присоединение к парижскому договору уже ратифицировано президиумом Центрального исполнительного комитета советов.

Обращая Ваше внимание, г. министр, на статью 4-ю протокола, коей предоставляется возможность подписания протокола любыми другими государствами, присоединившимися к парижскому договору или по мере их присоединения к нему, союзное правительство выражает твердую уверенность в том, что осуществление его предложения в настоящее время в пределах взаимоотношений Советского Союза и Польши будет в значительной мере способствовать упрочению мира на востоке Европы.

Считаю нужным отметить, что своим настоящим предложением союзное правительство не снимает ранее сделанного польскому правительству предложения пакта о ненападении, заключение которого в дальнейшем послужило бы еще большему укреплению добрососедских отношений между СССР и Польской республикой.

Союзное правительство надеется встретить поддержку его нынешнему предложению со стороны польского прави-

тельства, имея в виду, что последнее, подписав уже многосторонний парижский договор, участником которого является и Союз советских социалистических республик, не может иметь возражений против скорейшего введения его в действие между ними.

Союзное правительство вместе с тем ставит в известность польское правительство, что аналогичное предложение им делается одновременно и Литовской республике как единственной прибалтийской стране, присоединившейся уже к парижскому договору. Оно не обращается пока со своим предложением к Финляндии, Эстонии и Латвии лишь потому, что эти государства еще не присоединились формально к парижскому договору. Союзное правительство оставляет за собой, однако, право обратиться к ним, после того как состоится их присоединение к парижскому договору.

Прошу Вас, г. министр, вышеизложенное довести до сведения Вашего правительства и принять уверение в моем совершенном почтении и уважении к Вам.

Вр. и. ю. Комиссара по иностранным делам *Литвинов*.
Москва 29 декабря 1928 г.»

Нота вр. и. о. Народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова на имя польского поверенного в делах от 11 января 1929 г.

«1. Подтверждая получение Вашей ноты от 10 января с. г., № 80—29, содержащей предварительный ответ Вашего правительства на мою ноту от 29 декабря 1928 г., имею честь просить Вас, г. поверенный в делах, довести до сведения Вашего правительства нижеследующее:

Правительство СССР с удовлетворением принимает к сведению заявление польского правительства о его принципиальной готовности принять предложение касательно ускоренного введения в действие в отношениях между СССР и Польской республикой парижского договора об отказе от войны. Союзное правительство выражает, однако, сожаление по поводу отсутствия в означенной ноте согласия польского правительства на немедленное осуществление предложения союзного правительства, которое не налагает на обе стороны никаких новых обязательств кроме тех, которые они уже приняли на себя в силу парижского договора. Это предложение казалось советскому правительству настолько ясным и простым, что оно считало себя вправе ожидать столь же ясного и простого ответа.

2. Польское правительство любезно изложило ряд обстоятельств, которые, по его мнению, препятствуют подписанию Польшей предложенного союзным правительством протокола. Для полного выяснения позиции союзного правительства я позволю себе остановиться на отдельных пунктах Вашей ноты.

3. Польское правительство выражает удивление, что в ноте союзного правительства от 29 декабря упоминаются вкратце ранее имевшие место между союзным правительством и Польшей переговоры о заключении пакта о ненападении, причем польское правительство нашло возможным отметить неточность изложения этих переговоров. В связи с этим мне достаточно напомнить, что союзное правительство предложило в свое время Польской республике и прибалтийским странам одновременное пропорциональное сокращение вооруженных сил, но это предложение было ими отклонено. Союзное правительство затем предложило тем же государствам подписания с ними пактов о ненападении и неучастии во враждебных группировках, не связывая своего предложения ни с какими условиями, ни с разрешением каких бы то ни было других вопросов, которые могли бы интересовать Советский Союз. Выставив ряд условий, польское правительство фактически отклонило предложение союзного правительства о безусловном взаимном отказе от нападения. Такова сущность вышеупомянутых переговоров, которая не может быть никем оспариваема. Нет никакой надобности входить здесь в обсуждение вопроса о причинах, побудивших польское правительство связывать ненападение с теми или иными условиями, сделавшими заключение пакта невозможным. Считаю, однако, не лишним прибавить, что польское правительство не связывало этими условиями подписания парижского договора об отказе от войны.

4. Именно последнее обстоятельство, т. е. ничем не обусловленное подписание польским правительством парижского договора, к которому присоединился и Советский Союз, и побудило союзное правительство обратиться к Польше со своим предложением от 29 декабря. Оно полагало, что если Польша нашла возможным без всяких условий принять на себя в своих взаимоотношениях с Советским Союзом обязательства об отказе от войны, то она вряд ли будет выдвигать какие-либо условия для скорейшего придания формальной силы этим обязательствам. Между тем последний абзац Вашей ноты, г. поверенный в делах, можно понять в том смысле, что польское правительство ставит подписание протокола в зависимость от участия в нем других государств. Это условие тем более непонятно, что в случае ратификации парижского договора 15 подписавшими его государствами он автоматически вступит в силу между Польшей и Советским Союзом независимо от присоединения к договору всех прибалтийских государств. Трудно понять, почему Польша не может принять без всяких условий те же обязательства отказа от войны по отношению к СССР теперь же, до ратификации пакта остальными 14 государствами.

5. Союзное правительство твердо убеждено, что подпи-

сание предлагаемого протокола хотя бы СССР и Польшей не только служило бы упрочению мирных отношений между обоими государствами, но являлось бы крупнейшим фактором мира на всем востоке Европы. Однако если польское правительство и не держится такого же мнения о значении прочного мира между СССР и Польшей и считает желательным участие в протоколе других государств Восточной Европы, то его возражения были бы основательны и понятны в том лишь случае, если бы союзное правительство ставило какие-либо препятствия участию этих стран в предлагаемом им протоколе. На самом же деле союзное правительство в своей ноте 29 декабря в совершенно ясной и не допускающей никаких спорных толкований форме заявило, что к протоколу может присоединиться любое государство, которое этого пожелает. Более того, оно в той же ноте само выразило пожелание об участии в протоколе соседних с ним государств. В той же ноте указано, что союзное правительство пока обратилось с аналогичным предложением к одной Литве, а не к остальным прибалтийским государствам лишь потому, что последние, по имеющимся у него сведениям, не оформили еще своего присоединения к парижскому договору. Польское правительство должно понять невозможность предложения об ускорении введения в действие договора, обращенного к странам, которые этого договора не подписали или не присоединились к нему.

6. Польское правительство в ноте от 10 января выражает недоумение по поводу обращения союзного правительства с предложением об участии в протоколе к Литве, которая в силу рижского договора не граничит непосредственно с Советским Союзом. Союзное правительство могло бы с большим правом выразить недоумение по поводу требования польского правительства о привлечении к протоколу Эстонии и Финляндии, которые находятся еще в большем территориальном отдалении от границ Польши. Разница, однако, в том, что между СССР, Финляндией и Эстонией не существует спорных вопросов, которые давали бы право опасаться нарушения мира между ними, чего нельзя сказать про отношения между Польшей и Литвой. Еще сравнительно недавно польско-литовские отношения вызывали серьезные опасения за судьбу европейского мира, и сама Польша добивалась в Лиге наций прекращения состояния войны между ней и Литвой, ввиду чего союзному правительству казалось, что Польша будет лишь приветствовать приглашение союзным правительством Литовской республики принять участие в протоколе.

7. Польское правительство в своей ноте само заявляет, что прибалтийские государства в той или иной форме декларировали лишь свою готовность присоединиться к парижскому договору, из чего следует, что само присоединение

еще не имело места. Как до отсылки польскому правительству ноты от 29 декабря, так и в особенности после нее союзное правительство пыталось дипломатическим путем выяснить формальное отношение прибалтийских государств к парижскому договору, но, к сожалению, эти попытки не увенчались успехом. Союзное правительство полагает, что для присоединения к какому-либо договору существует определенная формальная процедура. Когда союзному правительству было предложено присоединиться к парижскому договору, ему в ответ на его запрос было указано, в какой форме акт о присоединении должен быть подписан и совершен. После его присоединения союзное правительство при любезном посредничестве французского правительства было извещено о принятии к сведению правительством США акта о присоединении Советского Союза, в удостоверение чего союзному правительству была прислана засвидетельствованная г. Келлогом копия парижского договора. Если такая же процедура обязательна для всех присоединяющихся государств, то, казалось бы, нетрудно установить, какие из прибалтийских государств присоединились к пакту. Союзному правительству пока лишь известна официальная нотификация литовского правительства о его присоединении к договору. Впрочем, с того момента как то или иное прибалтийское государство заявит официально о своем присоединении к пакту, союзное правительство готово будет сейчас же предложить ему присоединиться к протоколу союзного правительства о скорейшем введении договора в силу. Тем временем союзное правительство продолжает свои попытки выяснения позиции прибалтийских стран в отношении парижского договора. Ему известно, что в этом же направлении делаются попытки и со стороны литовского правительства. Союзное правительство будет радо параллельным усилиям и польского правительства.

8. Равным образом если и Румыния, с которой союзное правительство не состоит в дипломатических отношениях, находится в числе государств, оформивших свое присоединение к парижскому договору, союзное правительство готово предложить ей присоединиться к предлагаемому им протоколу. Совершенно очевидно, что, присоединяясь к парижскому договору, союзное правительство учитывало, что оно принимает на себя в отношении Румынии с момента присоединения последней к договору обязательство исключения методов войны в качестве средства разрешения конфликтов, хотя этим отнюдь не ликвидируются существующие спорные вопросы. Союзное правительство не может поэтому иметь никаких возражений против ускоренного введения этого обязательства между ним и румынским правительством путем присоединения последнего к советско-поль-

скому протоколу, что и предусмотрено статьей 4-й протокола. Союзное правительство будет благодарно польскому правительству, если оно выяснит и сообщит ему скорейшим образом, состоялось ли формальное присоединение Румынии к парижскому пакту и склонна ли она участвовать в предложенном союзным правительством протоколе. Таким образом ссылка на Румынию не может считаться убедительной для объяснения отказа польского правительства от немедленного осуществления предложения союзного правительства.

9. Принимая, однако, во внимание, что целью предложения союзного правительства является скорейшее введение в действие парижского договора об отказе от войны хотя бы между несколькими государствами, союзное правительство не может не заботиться о том, чтобы уклончивая позиция или отказ со стороны того или иного государства в отношении подписания протокола не явились тормозом к введению в действие самого протокола, а следовательно, и парижского договора между теми государствами, которые ранее подпишут протокол или присоединятся к нему.

10. В качестве другого препятствия к осуществлению предложения союзного правительства в ноте польского правительства делается ссылка на якобы вытекающие из парижского договора для его первоначальных участников обязательства солидарной ратификационной процедуры. Союзное правительство такого обязательства в парижском договоре не находит, ибо в нем нигде не сказано, что ратификация государств, подписавших договор, должна произойти одновременно или следуя какой-либо определенной процедуре. Нет в договоре также никаких ограничений для его участников в смысле заключения последними между собой каких бы то ни было других договоров и соглашений, содержание которых не противоречит парижскому договору. В данном же случае союзное правительство не предлагает ничего иного, как введение в действие между двумя или группой государств того же парижского договора. Поскольку инициаторы или участники договора стремились к упрочению существующих мирных отношений и к изгнанию войны из международной практики, они вряд ли могут возражать против каких бы то ни было соглашений, служащих той же цели. Союзное правительство полагает, что интересы народов как СССР, так и Польши и их стремления к миру не могут допускать препятствий со стороны третьих государств к отказу их правительств от войны в качестве орудия их национальной политики. Можно сомневаться в том, чтобы нашлось такое третье государство, которое позволило бы себе открыто ставить подобные препятствия.

11. Подтверждая, что ни одно из 15 государств, подписавших парижский договор, до сих пор его не ратифици-

ровало, польское правительство в своей ноте выражает надежду, что отношение этих государств к договору выяснится в ближайшее время. Союзное правительство полагает, что и эта надежда не должна препятствовать принятию Польшей предложения союзного правительства. Факт подписания предлагаемого протокола сохранит свое большое моральное значение для советско-польских взаимоотношений даже в том случае, если надежда польского правительства не окажется слишком оптимистической и протокол будет скоро поглощен вступлением в силу парижского договора между всеми его участниками. Тем большее значение для мира подписание будет иметь в том случае, если по тем или иным причинам ратификация всеми 15 государствами парижского договора затянется на более продолжительное время.

12. Позволяя себе рекомендовать вышеизложенные соображения вниманию Вашего правительства, г. поверенный в делах, союзное правительство будет ожидать скорейшего выяснения окончательного отношения правительства Польской республики к предложенному протоколу и соответственного извещения о готовности польского правительства к фактическому осуществлению этого предложения.

Примите, г. поверенный в делах, уверение в моем глубоко уважении к Вам.

Вр. и. о. Народного комиссара по иностранным делам

Литвинов».

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЛИГИ НАЦИЙ ОБ УЛУЧШЕНИИ ПРИНЦИПОВ ПАКТА ЛИГИ

Господин Генеральный Секретарь.

Вследствие резолюции Собрания от 4-го минувшего июля, Вы обратились к правительству СССР с просьбой довести до Вашего сведения предложения, которые это правительство считало бы нужным представить для улучшения применения принципов Пакта.

В ответ на это приглашение и ссылаясь на замечания, которые я уже имел случай высказать при обсуждении этого вопроса в заседании Совета 26 июня и на Ассамблее 1 июля с. г., имею честь сообщить, что мысль о пересмотре Пакта не могла бы в настоящее время быть признана оправдываемой обстоятельствами и способной привести к желаемым результатам, ввиду затруднений, связанных с применением процедуры изменений Пакта, согласно его статье 26-й. Вместе с тем имею честь довести до Вашего сведения нижеследующие положения, принятие которых способствовало бы, по моему мнению правительству, более точному и эффективному применению принципов Пакта в области коллективной безопасности

и которые могли бы быть приняты, с этой целью, либо в форме резолюции Собрания, либо путем протокола, открытого для подписания членов Лиги:

1. В случае войны против какого-либо из членов Лиги наций, Совет должен быть созван не позже чем в 3-дневный срок со дня извещения об этом Генерального Секретаря.

2. В 3-дневный срок с момента своего созыва Совет обязан вынести решение по вопросу о наличии условий, дающих место применению статьи 16-й Пакта.

Это решение будет считаться принятым, когда за него будут поданы голоса не менее $\frac{3}{4}$ присутствующих членов, не считая голосов представителей государства, явившегося жертвой агрессии, и государства, на которое подана жалоба.

3. С момента констатации Советом наличия условий, дающих место применению статьи 16-й, государство, прибегнувшее к войне, тем самым считается находящимся в состоянии войны со всеми членами Лиги наций и признается подлежащим действию мер (санкций), имеющих целью обеспечить уважение к обязательствам Пакта.

4. Выполнение военных санкций осуществляется государствами — участниками договоров о взаимной помощи, призванных действовать в данном случае, а также государствами, которые желали бы сообразоваться с рекомендацией Совета, согласно п. 2, статьи 16-й Пакта, вынесенной большинством голосов, указанным выше в п. 2.

5. Невынесение Советом решения, указанного в п. 2, не наносит ущерба немедленному выполнению государствами участниками договоров о взаимной помощи их обязательств помощи на условиях, указанных в этих договорах.

6. С того момента, как Генеральный Секретарь будет извещен, с целью созыва Совета, согласно п. 1, о войне против члена Лиги наций, государства — участники договоров о взаимной помощи, призванных действовать в данном случае, имеют право принимать все подготовительные меры, необходимые для приведения их вооруженных сил в готовность к оказанию помощи согласно этим договорам.

7. Государства — члены Лиги обязуются не рассматривать, как акты агрессии, действия, осуществляемые в порядке военных санкций, как участниками договоров о взаимной помощи, так и другими членами Лиги на основании п. 4.

8. Независимо от вопроса о применении к государству-агрессору военных санкций, Совет решает большинством, указанным в п. 2, вопрос о применении мер, указанных в п.п. 1 и 3 статьи 16-й Пакта, об их содержании, объеме и сроке введения в действие, причем такое постановление обязательно для всех членов Лиги.

Совет может также, если это необходимо для успешности проведения общего плана действий или для сокращения потерь

для отдельных членов Лиги, отсрочить для отдельных государств полностью или частично приведение в исполнение мер, предусмотренных в п. 1 статьи 16-й Пакта.

9. Всякий член Лиги, уклоняющийся от участия в экономических и финансовых санкциях, может быть подвергнут мерам таможенной и торговой дискриминации со стороны прочих членов Лиги.

10. Члены Лиги обязуются провести, немедленно после вступления в силу настоящей резолюции (протокола), все законодательные постановления, необходимые по их внутреннему конституционному устройству, для того чтобы заранее обеспечить своевременное применение ими мер, могущих быть решенными в области экономических и финансовых санкций.

11. Договоры о взаимной помощи между государствами, заинтересованными в поддержании безопасности в определенных районах, признаются дополнительной гарантией безопасности в рамках Пакта. Договорами, составляющими такую дополнительную гарантию, признаются те договоры, заключенные или могущие быть заключенными между двумя или несколькими государствами, которые 1) содержат обязательство помощи любому из участников, только если он явится жертвой нападения, 2) устанавливают обязанность помощи в тех случаях, в каких право оказания помощи вытекает из Пакта Лиги наций, 3) зарегистрированы и опубликованы согласно статье 18-й Пакта.

Считаю необходимым добавить, что, по мнению правительства СССР, проведение в жизнь вышеозначенных положений было бы облегчено, если бы они были дополнены указанием, что для целей применения статьи 16-й Пакта государством, прибегнувшим к войне, должно признаваться государство, которое совершило бы один из актов, входящих в категории, указанные в докладе об определении агрессии, представленном Комитетом по вопросам безопасности Конференции по сокращению и ограничению вооружений 24 мая 1933 г.

Примите уверения и т. д.

М. Литвинов.

(«Известия» от 30 августа 1936 г.)

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абиссиния (Эфиопия) — 131, 132—133, 156—159
- Австрия — 26
 - австрийское правительство — 55
- Аваркия — 333
- Аграрные страны — 333
- Агрессия (нападение) — 131, 136, 145, 158—160, 164, 172, 182
 - агрессивность — 100
 - агрессивные группы (элементы) — 116
 - агрессивные движения — 61
 - агрессивные намерения (замыслы, стремления) — 21, 94, 154
 - агрессивные типы вооружений — 297—298
 - агрессор (нападающая сторона) — 67, 167—168, 293
 - оправдание агрессии — 67
 - определение агрессии — 72—74, 132
 - определение агрессора — 68—70
 - экономическая агрессия — 330
- Академия наук СССР — 249
- Америка (см. США)
- Англия (см. Великобритания)
 - английская промышленная делегация — 52
- Антисоветские
 - блоки — 21
 - документы — 35
 - кампании — 28, 61
 - комбинации — 52
 - политика — 66
- АРА — 23
- Арбитраж — 22, 63, 67
 - арбитражное соглашение — 88

- арбитражные суды — 22
- договор об арбитраже (см. протокол жевевский)

- Аркос — 267

Армия

- германская — 17
 - Красная — 15, 16, 17, 96, 223—224, 250
 - международная — 294
 - ОКДВА — 37, 40, 59, 186
 - французская — 16—17
 - царская — 255
- Афганистан — 25, 56, 81

Б

Банк

- американский резервный — 266
 - французский (Банк де Франс) — 265
- Безопасность — 62, 102, 139
 - внутренняя — 237
 - всеобщая — 108
 - гарантии безопасности — 67, 109, 117
 - коллективная — 135, 137, 145, 157, 165
 - комитет арбитража и безопасности Лиги наций — 63, 212, 216, 284—285
 - критерий безопасности — 99
 - национальная — 271
 - охрана безопасности — 103
 - полная — 71
 - проблема безопасности — 63, 71
 - фактор безопасности — 95
 - Бессарабия — 18, 55
 - Блоки — 165, 184—185
 - Бойкот — 329

Болгария — 257
Боливия — 118
Бюджетная публичность — 106

В

Великобритания (Англия) — 12, 254, 270—271
англо-советские отношения (см. СССР и капиталистические государства)
великобританское правительство — 111

ВКП(б) — 96
15 съезд ВКП(б) — 209

Военные
авантюры — 77
бюджеты — 201, 202, 220, 284
военно-политические блоки (группировки) — 14, 317
запасы — 33
помощь — 17
потенциал — 203, 211
провокации — 37
промышленность — 109
расходы — 220
союзы — 10

Война — 109, 116 — 117, 207 — 208, 247
валютная — 329
гражданская — 230
гуманизация войны — 302
запрещение войн — 225, 263 — 264
как орудие национальной политики — 99, 264
легализация войны — 2, 136
локализация войн — 136
международная — 230
мировая — 9, 75—76, 200
право войны — 303
причины войны — 252
таможенная — 329
экономическая — 329, 330

Война войне... — 289

Вооружения — 77
вооруженный мир — 97
индивидуальная фиксация вооружений — 271
коэффициент сокращений вооружений — 271
ограничение вооружений — 33, 98—99, 272, 302—303
ограничение и сокращение вооружений — 272
право на вооружение — 127
принцип равноправия вооружений — 128
пропорциональное и пропорцио-

нально-прогрессивное сокращение всех вооружений — 298
сокращение вооружений — 33, 62, 196

уничтожение вооружений — 33

Восток

ближний — 20

дальний — 93, 291, 298

Второй Интернационал — 76, 217

Г

Гегемония — 164

Германия — 139, 144, 178—179, 184, 257
германское правительство — 90
советско-германские отношения (см. СССР и капиталистические государства)

Греция — 26, 55, 86

греческо-советские отношения (см. СССР и капиталистические государства)

Групповые союзы — 161

Д

Дания — 26, 86

датско-советские отношения (см. СССР и капиталистические государства)

Данциг — 55

Демилитаризация пограничных зон — 374

Демократия — 174

Демпинг — 94, 320—321

Дипломатия — 75 — 78

международная — 14

советская — 59, 79, 171, 267

Довооружения — 77, 95

Договор

англо-ирландский — 230

ангорский — 347

берлинский — 23

вашингтонский — 91

версальский — 127, 220, 235, 247

локарнский гарантийный — 17, 88, 141, 317

парижский (см. пакт Келлога — Бриана)

пекинский (см. Соглашение)

портсмутский — 91

раппальский — 53

севрский — 148

сец-жерменский — 220

советско-германский — 183

советско-турецкий 1927 г. — 56

советско-чехословацкий — 381

Договоры

гарантийные — 275

мирные — 60
неравноправные — 35
торговые — 18, 42

Е

Европа — 107
Восточная — 104
Европейский союз — 324
объединенная Европа — 324

И

Иностраный легион — 178
Интервенция — 42, 49, 111
в Испании — 178
Ирако-персидский спор — 126
Испания — 178
Испанско-советские отношения
(см. СССР и капиталистические
государства)
Италия — 129—130, 158, 178—179, 184
итальянское правительство — 111
итало-советские отношения (см.
СССР и капиталистические госу-
дарства)

К

Капиталистический мир (система,
общество, строй) — 32, 34, 58,
59, 66, 202
Капиталистические государства (страи-
ны) — 104, 170
Кантонское правительство — 237 —
339
КВЖД — 37, 38, 39, 57, 91, 348—350,
374
Китай — 25, 36, 64
китайско-советские отношения
(см. СССР и капиталистические
государства)
Колумбия — 383 — 384
Комиссия изучения Европейского со-
юза — 134
Комитерн — 47, 395—396
Комитет безопасности Лиги наций
(см. безопасность)
нослов, лондонский — 180
Конвенция —
лозаннская — 148—149
о запрещении применения в воен-
ных целях химических и бак-
териологических средств (женев-
ский протокол 1925 г.) — 106 —
107, 206, 223, 230, 277, 301
об определении агрессии — 72, 326
о проливах — 166, 230
по разоружению — 63

рыболовная, Японии и СССР —
25, 374—375
советско-германская, консульская
355

Консерваторы — 20
Конституция СССР — 174, 177, 188
Конференция —
вашингтонская — 204, 229, 230
венская — 18
в Монтре — 148—155
гаагские — 303
генуэзская — 195, 201, 204, 227,
290, 381, 403—404
кенигсбергская — 26
локарнская — 10
лондонская международная эконо-
мическая — 326
лондонская морская — 286
мира — 108, 169
мира перманентная — 133
московская по разоружению
1922 г. — 14, 195
трех по морскому разоружению
(женевская морская тройствен-
ная) — 229, 285
экспортеров хлеба — 320
экономическая мировая (см.
лондонская международная)
Конференция по разоружению — 100—
103, 107
генеральная комиссия — 62, 96,
105, 110, 304
подготовительная комиссия — 12,
33, 115, 207, 208, 223, 279, 280
политическая комиссия — 102
проект подготовительной комис-
сии (см. разоружение)
техническая комиссия — 309
3-я сессия подготовительной ко-
миссии — 270, 279
4-я сессия подготовительной ко-
миссии — 62, 202, 204, 209, 222,
250, 252, 270, 273, 279
5-я сессия подготовительной ко-
миссии — 250—252, 266, 270, 273,
279
6-я сессия подготовительной ко-
миссии — 276 — 277, 286
Конфликт
англо-советский — 41—45, 232, 326
итало-абиссинский — 129—131, 137,
155—156, 162
китайско-советский — 35, 39, 49
между Боливией и Парагваем — 118
швейцарско-советский — 204
Красный крест — 302, 381
Кредиты — 20
Кризис мировой экономической — 61,
76, 175, 283, 299, 315—320

Л

- Латвия — 13
 латвийско-советские отношения
 (см. СССР и капиталистические
 государства)
 Латино-американская доктрина (см.
 право убежища)
 Лига наций — 9, 76, 79, 103, 110—113,
 124, 139, 140, 157, 161—162, 230,
 233, 248, 259
 Совет Лиги — 64
 устав (статут) Лиги — 159—160,
 255, 256
 Литва — 14
 литовско-советские отношения
 (см. СССР и капиталистические
 государства)
 Локарнские державы — 141

М

- Малая Антанта — 81, 86, 382
 Манчжурия (Манчжуго) — 91, 93
 оккупация Манчжурии — 91
 Марксисты — 120
 Марсельские события — 119
 Марокко — 178
 Международная ассоциация креди-
 торов — 23
 Международное бюро труда — 320
 сотрудничество — 81
 Международные экономические от-
 ношения — 52
 Международный
 контроль — 221
 трибунал — 67—68
 Мексика — 346
 мексиканско-советские отноше-
 ния (см. СССР и капиталистиче-
 ские государства)
 Мир — 11
 борьба за мир — 28
 всеобщий мир — 11
 гарантии мира — 172
 мирная политика СССР — 20, 28,
 31, 58, 104, 117, 187—188, 202,
 208, 267, 299, 307—309, 331, 370
 обеспечение мира — 79
 организация мира — 116
 угроза миру — 39
 укрепление мира — 162—164
 фактор мира — 32
 Мир неделим... — 125, 155
 Морские
 вакансии (каникулы) — 247, 272
 державы — 272
 «Моя борьба» — 142
 Мукден — 40

Н

- Накинское правительство — 25, 36, 38
 Невмешательство — 27, 170, 179—180
 Нейтрализация пограничной зоны —
 127
 Нейтралитет — 164
 Ненападение экономическое — 315,
 325
 Нерасоружение — 12
 Норвегия — 26, 86
 норвежско-советские отношения
 (см. СССР и капиталистические
 государства)

О

- Оккупация — 156
 Оттоманская империя — 126, 151, 153
 Охрана морских зон — 236—237

П

- Пакт
 балканский — 110
 восточный гарантийный — 110,
 367
 Келлога—Бриана (парижский пакт
 1928 г. об отказе от войны) — 13,
 14, 29, 30, 40, 54, 68, 74, 97, 109,
 274—275, 317, 347, 351
 Лиги наций — 163
 локарнский — 136
 между СССР и Италией — 81
 между СССР и странами При-
 балтики — 362—364
 польско-советский — 85
 франко-советский о взаимной по-
 мощи — 141, 351, 367
 четырех — 79
 Пакты
 международные — 291
 об определении агрессии — 104
 о взаимопомощи — 109, 367
 о нейтралитете — 205
 о ненападении — 104, 265
 о ненападении двусторонние —
 209
 региональные — 102, 108, 161, 165
 Панамериканский союз — 135
 Панамская республика — 57
 Парагвай — 118
 Парижский морской компромисс —
 285
 Пацифизм — 15, 74—76, 98, 247
 Персия (Иран) — 26, 56, 86
 персидское (иранское) прави-
 тельство — 26, 56, 86, 232
 персидско (иранско)-советские
 отношения (см. СССР и капита-
 листические государства)

Переговоры —
 англо-французские — 10
 англо-японские — 10
 антисоветские — 89
 Печать (пресса) — 176, 177, 182, 214, 283, 371
 социал-демократическая — 34
 „Письмо Зиновьева“ — 42, 232
 Плебисцит — 124
 Политика
 непризнания — 35
 равновесия — 109
 Полиция — 237—239, 253
 Польша — 13, 14, 17
 польско-советские отношения (см. СССР и капиталистические государства)

Португалия — 179
 Право убежища — 189 — 192
 Претензии — 355
 Преференциальная система (режим) — 324
 Прибалтийские страны (см. СССР и капиталистические государства)
 Признание юридическое — 24
 Принцессы острова — 227
 Пропаганда — 45—52
 Протокол
 Ангорский — 347
 Бессарабский — 49
 Женевский об обязательном арбитраже и о взаимных гарантиях — 217
 Женевский 1925 г. (см. конвенция)
 Московский о досрочном введении в действие пакта Келлога — Бриана — 13, 29

Р

Разоружение — 204
 всеобщее — 28, 199, 227
 качественное — 303
 количественное — 303
 моральное — 198, 240
 морское — 34, 201, 282
 немедленное полное — 13, 197
 полное — 134, 241
 полное и всеобщее — 11, 94
 проблема (вопрос) разоружения — 310—311
 проект подготовительной комиссии конференции по разоружению — 209
 проекты, внесенные СССР, — 14, 33, 68, 204—206, 209, 210, 212—213, 219, 220, 226—243, 257, 269, 273, 304, 306
 частичное — 13, 134, 243—244, 259

саботаж разоружения — 33, 304
 финансовое — 196
 Расовое равноправие — 113
 Расовая теория — 79
 Ревалоризация зерна — 333
 Реванш — 128
 Ревизия (пересмотр) договоров — 79
 границ — 77
 Режим проливов — 148, 151
 Рейнская зона — 142
 Российская империя — 51
 Румыния — 13, 17
 румыно-советские отношения (см. СССР и капиталистические государства)

С

Саарский
 вопрос (проблема) — 123—126
 комитет трех — 123
 плебисцит — 124
 Санкции
 военные — 161
 военные и финансовые — 421
 международные — 65, 157
 экономические — 161
 Скандинавские государства — 26
 отношения с СССР (см. СССР и капиталистические государства)
 Согласительная комиссия — 22
 Соглашение
 англо-французское — 10, 136
 вашингтонское морское — 64
 временное торговое с Англией — 85
 локарнские — 12
 мукденское — 348 — 349
 о КВЖД — 374 — 375
 пекинское — 91, 348, 374
 советско-финляндское — 197
 франко-советское 1934 г. — 367
 японо-германское — 185 — 186
 Соглашения
 арбитражные — 88
 военные — 12
 групповые — 13
 международные — 71, 147
 СССР
 внешняя политика — 11, 13, 14, 30, 59, 111, 148, 153—154, 195
 монополия внешней торговли — 49
 пятилетний план — 322
 советское (союзное) правительство — 104, 169—170
 социалистическое строительство — 22, 113, 326—327
 СССР и капиталистический мир — 27

СССР и капиталистические государства
отношения с прибалтийскими странами — 26, 55, 85
со странами Востока — 20, 25
со скандинавскими странами — 26, 86
советско-австрийские — 26, 55, 86
советско-американские — 23 — 25, 57, 81—82, 352—355, 358, 372—373
советско-английские — 20, 21, 24, 41, 45, 57, 84, 267, 337, 341—345, 376—377
советско-афганские — 25, 56, 81,
советско-германские — 22, 23, 53, 87—90
советско-греческие — 26, 55, 86
советско-датские — 26, 56
советско-испанские — 87, 181
советско-итальянские — 25, 54, 81, 84, 358—359
советско-китайские — 25, 35, 36, 39, 81, 87, 346
советско-латвийские — 26, 86
советско-литовские — 26, 86, 365—366
советско-мексиканские — 345 — 346
советско-норвежские — 26, 86
советско-персидские (иранские) — 26, 56, 86
советско-польские — 17, 85, 360—362
советско-румынские — 18, 86, 417—418
советско-турецкие — 20, 25, 56, 83, 347
советско-уругвайские — 87, 383—384
советско-финляндские — 26, 81, 86, 197, 399, 400
советско-французские — 19, 54, 81, 83, 339—341, 378—380
советско-чехословацкие — 368 — 369, 382
советско-шведские — 26, 86
советско-эстонские — 26, 55, 86, 364—365
советско-японские — 25, 56, 81, 91—94, 348, 375—376
экономические отношения — 318—319, 327—328

Стреза — 332

США (Америка) — 12, 14, 158
американо-советские отношения (см. СССР и капиталистические государства)
правительство США — 39, 190, 228, 269

Т

Таможенная война — 329
Таможенное перемирие — 330
Таможенный тариф — 330
Терроризм — 119—122
Террористическая деятельность — 177
Тихоокеанский конгресс — 249
Турция — 73, 148, 150
турецко-советские отношения (см. СССР и капиталистические государства)

У

Уругвай — 87, 383—398
уругвайско-советские отношения (см. СССР и капиталистические государства)
„Универсализм“ — 168

Ф

Фашизм — 170, 174, 176, 177, 181, 186
Финляндия — 26, 81, 86, 197
финляндско-советские отношения (см. СССР и капиталистические государства)
Франция — 12, 15, 17, 119, 270—271
французское правительство — 111
франко-советские отношения (см. СССР и капиталистические государства)
французский меморандум (план Эррио) — 64

Ц

ЦИК СССР — 42

Ч

Черное море — 148, 151, 152
Чили — 189
Чехословакия — 17, 382
чехословацко-советские отношения (см. СССР и капиталистические государства)

Ш

Швейцария — 393—394
швейцарско-советские отношения (см. СССР и капиталистические государства)
Швеция — 55
шведско-советские отношения (см. СССР и капиталистические государства)

Э

Экспансия — 99
 Эмбарго — 118, 326
 на оружие — 158
 Эмигранты (белогвардейцы) — 23, 35,
 37, 49, 89, 92, 122, 231
 Эстония — 13
 эстонско-советские отношения
 (см. СССР и капиталистические
 государства)

Ю

Югославия — 17
 югославское правительство — 119,
 122
 Южамторг — 394

Я

Япония — 64, 93—94, 184
 японское правительство — 185
 японско-советские отношения
 (см. СССР и капиталистические
 государства)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Алонзи, бароц 132
 Альфаи 380
 Аредондо, генерал 390
 Ататюрк 153, 348
 Балмасед 191
 Барту 111
 Батль-и-Ордоньес 390
 Бек 138, 360
 Бенеш 111, 220, 370, 371, 381, 383
 Бернслорф, граф 269, 280
 Блунчли 191
 Блюхер 186
 Болдуин 51
 Бонкур Поль 15, 16, 62, 213, 360, 380
 Бора 358
 Борда 390
 Борегери, полковник 190
 Бриан 15, 16, 17, 18, 19, 340
 Буллит 254, 373
 Ван-Мин 395
 Варгас 390, 395
 Варела 390
 Веллингтон 151
 Видадь 390
 Вильсон 135, 247, 248, 254
 Воровский 204
 Ворошилов 83, 188
 Гази Мустафа Кемаль (см. Ататюрк)
 Гама де, адмирал 389
 Геббельс 146
 Гендерсон 44, 45, 48, 105, 344, 345
 Геррера 390
 Герцог 346
 Гефтер 191
 Гиманс 283
 Гитлер 141, 144, 145, 146

Готовец 320
 Грибоедов 191
 Гуани 393, 395, 397, 398
 Гувер 23

Диас 389
 Джойнсон Хикс 267
 Довгалецкий 44, 45, 344

Заам 55
 Зауервейн Жюль 108

Иден 376, 377
 Иен 348, 349
 Исмет-паша 348
 Ишер, лорд 220

Калинин 88, 170, 352, 355
 Карахан 56, 86
 Кастро, генерал 390
 Кашендун, лорд 226, 228, 229, 230,
 231, 236, 237, 238, 239, 240, 241,
 242, 243, 244, 245, 262

Келлог 13, 265
 Керенский 82
 Клубер 191
 Коваяси 374
 Кот Пьер 84
 Купер 358
 Куэстас 390

Лаваль 367, 378, 379
 Леже 380
 Ленин 32, 170, 171, 254
 Лерои, генерал 19
 Ллойд Джордж 10, 51, 52
 Лозовский 213
 Лозорайтис 365
 Лоренс Перси 232

- Лопес 389
Лотарре 390
Луначарский 87
- Макдональд 217, 326
Мареш 389
Мариинс де, генерал 262
Мартеш 191
Маруяма 374
Массарик 370, 383
Мельо, адмирал 389
Минкин 386, 394, 398
Мо Де-гуй 350
Молотов 80, 87, 376, 379, 381
Монзи де 340
Мунк 283
Муньос 390
Мур 190
Муссолини 84, 177, 184, 186, 359, 360
- Надир-хан Мухаммед 57
Никитченков 190
- О'Малли 337, 338
Ота 348, 374
- Пальмерстон, лорд 151
Паскуа 181
Патек 411
Пейхото, генерал 389
Платон 155
Политис 133, 214, 233, 245, 261
Понсе Франсуа 321
Прадиер-Фодере 190, 191
Престес 389, 395
Примо де Ривера, генерал 182
Пуанкаре 15
- Радовицкий Симон 385, 386, 387
Райский, генерал 361
Рипперда, герцог 190
Робинс 352
Рузвельт 82, 83, 95, 176, 352, 353, 360, 372
- Саймон Дж. 106, 107, 108
Сандлер 105, 106, 310
Сантос 390
- Сарайва, генерал 390
Сатов 190, 191
Сельямаа 364
Сесиль, лорд 281
Сталин 80, 96, 171, 174, 188, 218, 267, 376, 379, 381, 395
Стэнхоп 190
Стимсон 40
- Тардые 64, 292
Тахес, генерал 390
Тевфик Рюштю бей 73, 83, 347, 348
Терра 386
Титулеску 148
Трояновский 372, 373
- Уитон 191
У-Чжао-Чу 40
- Филлимор 191
Фиш 190
Фонеско, генерал 389
Фонич 324
Франко, генерал 178, 179, 180, 189
- Хелл 372
Хикс (см. Джойнсон Хикс)
Хирота 375
Холсти 399
Хор Самюэль 137
- Цай 35, 38, 40, 257
- Чжан Сюэ-лян 35, 38
Чжан Цзо-лин 25
Чемберлен Дж. 51
Чемберлен Остин 21, 51, 230, 377
Чен 338
Чичерин 59, 340
- Шлибен, граф 190
Шмайли, граф 190
Шпрингер 190
Штрунк, профессор 191
- Эдварс 189
Эрбетт 340, 404
Эррио 62, 84, 379, 380
Эстрада 345
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

От издательства 3

ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР

Доклад на IV сессии ЦИК СССР четвертого созыва 10 декабря 1928 г.	9
Речь перед подписанием Московского протокола 9 февраля 1929 г.	29
Доклад на II сессии ЦИК СССР пятого созыва 4 декабря 1929 г.	31
Беседа с иностранными корреспондентами в связи с назначением на пост Народного комиссара иностранных дел СССР	59
Речь о плане Эррио и определении нападающей стороны, произнесенная в генеральной комиссии конференции по разоружению 6 февраля 1933 г.	62
Заявление представителям печати в Лондоне по поводу подписания конвенции об определении агрессии 3 июля 1933 г.	72
Речь на IV сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г.	74
Речь на заседании генеральной комиссии конференции по разоружению 29 мая 1934 г.	96
Речь в генеральной комиссии конференции по разоружению 1 июня 1934 г.	105
Беседа с французским журналистом Зауэрвейном	108
Речь на пленуме Лиги наций при вступлении СССР в Лигу 18 сентября 1934 г.	110
Речь на пленарном заседании Лиги наций при обсуждении конфликта между Боливией и Парагвасом 20 ноября 1934 г.	118
Выступление на заседании Совета Лиги наций 8 декабря 1934 г. по вопросу о терроризме	119
Речь в Совете Лиги наций по Саарскому вопросу 6 декабря 1934 г.	123
Речь по Саарскому вопросу в Совете Лиги наций 17 января 1935 г.	125
Заявление на заседании Совета Лиги наций при обсуждении иракско-персидского спора из-за реки Шат-Эль-Араб 15 января 1935 г.	126
Речь на чрезвычайной сессии Совета Лиги наций 17 апреля 1935 г. по вопросу о нарушении Германией Версальского договора	127
Речь на заседании Совета Лиги наций об итало-абиссинском конфликте 5 сентября 1935 г.	129
Выступление на XVI собрании Лиги наций 14 сентября 1935 г. по отчету генерального секретаря Лиги	132
Речь на XVI собрании Лиги наций 16 сентября 1935 г. по поводу выступления министра иностранных дел Польши г. Бека	138
Речь о создании подлинной безопасности в Европе на сессии Совета Лиги наций в Лондоне 17 марта 1936 г.	139
Речь при открытии конференции в Монтре о Проливах 22 июня 1936 г.	148
Речь на конференции в Монтре о Проливах 23 июня 1936 г.	151
Речь на заключительном заседании конференции в Монтре 21 июля 1936 г.	153
Речь на 16-м пленуме Лиги наций 1 июля 1936 г. о неделимом мире и укреплении коллективной безопасности	155
Речь на XVII пленуме Лиги наций 28 сентября 1936 г.	162
Речь на заседании президиума ЦИК СССР 10 ноября 1936 г. при вручении Ордена Ленина	170
Речь на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде советов 28 ноября 1936 г.	173
Речь на 96-й сессии Совета Лиги наций 27 января 1937 г.	189

СССР В БОРЬБЕ ЗА РАЗОРУЖЕНИЕ

1922 г.

Выступление на Московской конференции по ограничению вооружений 2 декабря 1922 г.	195
---	-----

1927 г.

Заявление представителям советской и иностранной прессы от 22 ноября 1927 г.	200
--	-----

	<i>Стр.</i>
Декларация делегации СССР, оглашенная на заседании подготовительной комиссии Лиги наций по разоружению 30 ноября 1927 г.	202
Речь на XV съезде ВКП(б) о работе советской делегации в подготовительной комиссии, по разоружению	209
<i>1928 г.</i>	
Речь о советском проекте конвенции о полном разоружении на V сессии подготовительной комиссии по разоружению 19 марта 1928 г.	219
Отвстная речь по поводу нападков на правительство СССР и советский проект конвенции о полном разоружении на заседании V сессии подготовительной комиссии по разоружению 22 марта 1928 г.	225
Речь о советском проекте конвенции о частичном сокращении вооружений на заседании подготовительной комиссии по разоружению 23 марта 1928 г.	243
Отчетный доклад о V сессии подготовительной комиссии по разоружению на сессии ЦИК СССР 21 апреля 1928 г.	246
<i>1929—1930 гг.</i>	
Речь на заседании VI сессии подготовительной комиссии по разоружению 16 апреля 1929 г.	268
Речь об оценке работ подготовительной комиссии по разоружению, произнесенная на заседании комиссии 6 мая 1929 г.	276
Речь на заседании VI сессии подготовительной комиссии по разоружению 6 ноября 1930 г.	281
<i>1932 г.</i>	
Вступительная речь на Пленуме конференции по разоружению 11 февраля 1932 г.	289
Речь в генеральной комиссии конференции по разоружению 21 июля 1932 г.	300
<i>1934 г.</i>	
Заявление на пленуме Лиги наций 27 сентября 1934 г.	310

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И СССР

Речь об экономическом кризисе и экономическом непадении на заседании европейской комиссии Лиги наций 18 мая 1931 г.	315
Речь на пленарном заседании мировой экономической конференции 14 июня 1933 г.	325
Речь в европейской комиссии Лиги наций 1 октября 1932 г.	332

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ОТДЕЛЬНЫМИ СТРАНАМИ

Заявление представителям печати о советско-британских отношениях 4 февраля 1927 г.	337
Заявление представителям печати о советско-французских отношениях 16 сентября 1927 г.	339
Ответ на запрос московского корреспондента «Associated Press» 2 марта 1929 г.	341
Беседа с представителем ТАСС о советско-британских отношениях 4 октября 1929 г.	343
Беседа с представителями печати о разрыве отношений между СССР и Мексикой 1 февраля 1930 г.	345
Речь при приеме турецкого министра иностранных дел г. Тевфик Рюшту-Бея 24 сентября 1930 г.	347
Беседа с представителем ТАСС о КВЖД 11 мая 1933 г.	348
Заявление представителям французской печати 7 июля 1933 г.	350
Заявление представителям американской печати 7 ноября 1933 г.	352
Заявление представителям печати в Вашингтоне 17 ноября 1933 г.	354
Речь на банкете, организованном американо-русской торговой палатой в Нью-Йорке в честь тов. Литвинова 24 ноября 1933 г.	356

	<i>Стр.</i>
Заявление представителям печати в Риме 5 декабря 1933 г.	358
Речь при приеме польского министра иностранных дел г. Бека 13 февраля 1934 г.	360
Речь при подписании протоколов о продлении пактов о ненападении между СССР и странами Прибалтики до конца 1945 г. 4 апреля 1934 г.	362
Речь при приеме эстонского министра иностранных дел г. Сельямаа 28 июля 1934 г.	364
Речь при приеме литовского министра иностранных дел г. Лозорайтиса 1 августа 1934 г.	365
Заявление представителю ТАСС в Женеве о франко-советском соглашении от 5 декабря 1934 г.	367
Речь при приеме представителей чехословацкой печати 3 января 1935 г.	368
Разъяснение представителю ТАСС о советско-американских переговорах о долговых претензиях и кредитах 3 февраля	372
Заявление японским корреспондентам о значении парафирования соглашения о КВЖД для советско-японских отношений 14 марта 1935 г.	374
Речь на приеме в честь английского министра лорда хранителя печати г. Идена 28 марта 1935 г.	376
Речь на приеме в честь министра иностранных дел Франции г. Пьер Лавала 13 мая 1935 г.	378
Речь на приеме министра иностранных дел Чехословацкой республики г. Эдуарда Бенеша 8 июня 1935 г.	381
Выступление на заседании Совета Лиги наций 23 января 1936 г. по вопросу о разрыве Уругваем отношений с СССР	383
Речь на заседании Совета Лиги наций 23 января 1936 г. (ответ на выступление уругвайского делегата)	392
Заключительная речь при обсуждении в Совете Лиги наций 23 января 1936 г. вопроса о разрыве Уругваем дипломатических отношений с СССР	397
Речь при приеме министра иностранных дел Финляндии г-на Холсти 8 февраля 1937 г.	399

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ноты

Предложение правительства РСФСР о созыве в Москве конференции по сокращению вооружений	405
Нота заместителя Народного комиссара иностранных дел РСФСР т. М. М. Литвинова на имя министров иностранных дел Эстонии, Финляндии, Латвии и Польши от 12 июня 1922 г.	—
Нота вр. и. о. Народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова на имя французского посла в Москве Ж. Эрбетта от 31 августа 1928 г.	406
Предложение СССР о введении в действие между Союзом ССР и Польшей Парижского договора 27 августа 1928 г.	411
Нота вр. и. о. Народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова на имя польского посланника г. Патека от 29 декабря 1928 г.	—
Нота вр. и. о. Народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова на имя польского поверенного в делах от 11 января 1929 г.	414
Письмо генеральному секретарю Лиги наций об улучшении принципов пакта Лиги	419
Предметный указатель	422
Указатель имен	428

Редактор *В. В. Морозов.*

Техред *В. С. Морозов.*

Корректора: *Б. И. Хенох* и *А. И. Листкова.*

Слано в набор 13/II 1937 г. Подписано к печати 21/V 1937 г.
 Формат 60×92/16. Печ. л. 27. Зн. в п. л. 43.000. Тираж 20.000 экз. Огыз № 1857. Зак. 833.
 Уполномоченный Главлита № Б-12972.

Цена книги 5 р. 75 к. Переплет лидериновый 1 р. 75 к., переплет коленкоровый 1 р. 25 к.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкинига“. Москва, Валовая, 28.

1874

